Лицом к Лицу с Шри Раманой Махарши

(вдохновенные воспоминания 202 человек)

Составитель и редактор профессор Лакшми Нараян
Шри Рамана Кендрам, Хайдерабад, 2009г

(перевод на русский язык: Марина Туаева, Шри Раманашрам, 2010г)

ШРИ РАМАНА МАХАРШИ – ОЧЕРК ЖИЗНИ

Рождение и ранние годы.

Венкатараман (позднее Шри Рамана Махарши) родился 30 декабря 1879г. в Тиручули, небольшой деревне, расположенной в штате Тамил Наду в тридцати милях от Мадурая и восемнадцати милях от Вирудунагара, ближайшей железнодорожной станции. Мать Венкатарамана Алагамма была набожным любящим человеком, а его отец Сундарам Айяр был адвокатом, выступавшим в местном суде. У Венкатарамана был брат на два года старше него. Другой брат и сестра были на несколько лет младше. Это была счастливая, обеспеченная семья среднего класса.

Когда Венкатараману было двенадцать лет, Сундарам Айяр умер, и семья распалась. Его со старшим братом отправили жить к дяде по линии отца Суббияру, у которого был дом в Мадурае. Здесь Венкатараман сначала ходил в среднюю школу Скотта, а затем в девятый класс школы при американской миссии. В школе одним из его ценных качеств была поразительная память, позволявшая ему повторить урок, лишь раз его услышав.

Обладая более крепким телосложением, чем большинство одноклассников, выделявшийся из ряда других учеников духом независимости Венкатараман считал школьные игры и жизнь на улице более привлекательными, чем учёба и чтение книг.

В юношеские годы Венкатараман был подвержен необычайно крепкому сну. Многие годы спустя он рассказывал: «Мальчики не смели меня трогать, пока я не спал, но если злились на меня за что-либо, они приходили, когда я спал, уносили меня куда вздумается, били, разрисовывали лицо углём, затем приносили назад, а я ничего о происходящем не знал, пока они не рассказывали мне всё на следующее утро».

Пробуждение.

В ноябре 1895г. один пожилой родственник рассказал Венкатараману о своём посещении Аруначалы, священной горы в Тируваннамалае, штат Тамил Наду. Слово «Аруначала» с детства вызывало в нём необъяснимое благоговение и любовь. Он расспросил родственника об Аруначале и с тех пор мысли о ней всегда преследовали его.

Немного позже Венкатараману в руки попал экземпляр *Перияпуранам*. В этих пуранах содержатся истории шестидесяти трёх тамильских святых, которые заслужили милость Господа Шивы исключительной преданностью. Читая книгу, Венкатараман был охвачен экстатическим изумлением, что такая вера, такая любовь и божественная страсть вообще возможны. Легенды об отречении, ведущем к Божественному единению, наполнили его

благоговением и восхищением. В книге провозглашалось, что реально и возможно нечто большее, чем все сказочные царства.

С этой поры в мальчике начало пробуждаться духовное течение осознания. Со временем оно усиливалось, а спустя несколько месяцев, в середине июля 1896г., когда ему было всего шестнадцать с половиной лет, Венкатараман осознал Атман чудесным образом. Через много лет он описал это событие следующими словами:

Примерно за шесть недель до того, как я навсегда покинул Мадурай, в моей жизни произошла большая перемена. Это случилось неожиданно. Я сидел один в комнате в доме моего дяди, когда внезапно мною овладел страх смерти. Ничто в состоянии здоровья не предвещало этого. Просто почувствовав: «я собираюсь умереть», я стал думать об этом. Страх смерти направил ум вовнутрь, и я мысленно сказал себе: «вот пришла смерть; что это значит? Что умирает? Только это тело умирает». И тут же инсценировал смерть. Задержал дыхание, плотно сомкнул губы и сказал себе: «Это тело мертво. Его отнесут на площадку для кремирования и сожгут дотла. Но со смертью тела умер ли я? Разве это тело – «Я»? Я – дух, превосходящий тело. Это значит, я – бессмертный *атман*».

То, что произошло дальше, трудно понять, хотя легко описать. Венкатараман впал в глубокий осознанный транс и погрузился в самый источник личности, самую суть Бытия. Он совершенно ясно воспринял и усвоил истину, что тело преходяще в отличие от *атмана*, который остаётся незатронутым смертью.

Венкатараман вышел из этого удивительного переживания совершенно другим человеком. Он потерял интерес к учёбе, спорту, друзьям и т.д. Все его интересы теперь сосредоточились в высшем осознании истинного Атмана, который он так неожиданно обнаружил. Он наслаждался внутренним покоем и духовной силой, *которые никогда больше не покидали его*.

Новое сознание изменило систему ценностей и привычки Венкатарамана. То, что он ценил раньше, потеряло для него привлекательность. Он рассказывал: «Ещё одной переменой было то, что у меня больше не было понятий «нравится» «не нравится» по отношению к пище. Что бы мне ни давали, вкусное или пресное, я проглатывал совершенно безразлично».

Отъезд из дома к Аруначале.

Дядя и брат Венкатарамана критиковали его новый образ жизни, казавшийся им крайне непрактичным. Затем, 29 августа 1896г. наступил заметный кризис. Венкатараман учился в десятом классе и готовился к выпускным экзаменам. Учитель задал ему трижды переписать упражнение по английской грамматике. Он уже переписал его дважды и собирался писать в третий раз, когда бесполезность этого занятия так сильно поразила его, что он отшвырнул бумаги и, скрестив ноги, предался медитации. Старший брат, который всё это наблюдал, стал ругать его за то, что он ведёт себя как йог, всё ещё находясь в семье и притворяясь, что учится. Подобные замечания отпускались регулярно в течение нескольких последних недель, но пропускались мимо ушей. Однако в этот раз они достигли цели. «Да», - подумал Венкатараман, - «что мне здесь делать?» И тут же пришла мысль об Аруначале, вызвавшая в нём такое глубокое волнение несколько месяцев назад. Здесь и сейчас он решил найти легендарную Аруначалу своей мечты.

Венкатараман знал, что придётся пойти на хитрость, иначе семья никогда бы его не отпустила. Поэтому он сказал брату, что идёт на дополнительный урок в школу. Невольно

обеспечивая его средствами на дорогу, брат сказал: «возьми в коробке пять рупий и заплати за меня в колледже». Венкатараман взял только три рупии, решив, что ему понадобится не больше, чтобы добраться до Тируваннамалая. В записке, которую он оставил (и которая, к счастью, сохранилась), он написал на тамили:

«Я отправился на поиски моего Отца по Его приказу. «Это» вступило в добродетельное предприятие, поэтому пусть никто не горюет об этом поступке и не тратит денег на поиски «этого». Твоя плата за колледж не внесена. Две рупии прилагаются». Записка заканчивалась словом «итак» и прочерком – вместо подписи.

Примечательно, что первое предложение в записке начинается словом «я», но затем Венкатараман использует по отношению к себе слово «это». Таким образом, из Мадурая в Тируваннамалай отправился не дух, который уже был поглощён Господом, а тело, которое теперь рассматривалось как отдельное от духа. Личность, начавшая с «я», погрузилась в «это», и в конце уже некому было поставить подпись; поэтому записка осталась неподписанной. Из записки было ясно, что её автор последовал приказу Божественного, которому надо повиноваться.

Достигнув Тируваннамалая ранним утром 1 сентября 1896г. после ряда тяжёлых испытаний, Венкатараман пошёл прямо в большой храм Аруначалешвары и предстал перед своим Отцом. Чаша блаженства заполнилась до краёв. Это был конец путешествия, он пришёл домой.

Годы транса и новые места обитания.

Выйдя из храма, юноша обрил голову и выбросил все свои вещи и одежду за исключением полоски ткани, которую он оторвал от *дхоти* и повязал на бёдра. Таким образом, отрёкшись от всего, он вернулся в храмовый комплекс и погрузился в Блаженство Бытия, сидя неподвижно день за днём, ночь за ночью.

Некий Сешадри Свами, учёный аскет высокого духовного достижения, взялся присматривать за Брамана Свами, как стали называть Венкатарамана. Какие-то школьники, заинтригованые тем, что кто-то немногим старше них сидит как статуя, стали бросать в него камни. Как один из них объяснял позже, они хотели узнать, настоящий ли он. Чтобы избежать ситуации, Брамана Свами укрылся в Патала Лингаме, небольшом подземном святилище Шивы на территории огромного храмового комплекса. Муравьи и другие насекомые питались его телом в течение многих недель, которые он провёл там. Но молодой Свами, погружённый в блаженство, оставался неподвижным.

Когда несколько преданных обнаружили в подвале Свами, не осознающего ужасные условия, в которых он находится, с ранами, полными червей и сочащегося гноя, они перенесли его в близлежащее святилище на территории храмового комплекса. С этого времени он переходил в другие святилища и рощицы на территории комплекса подальше от любопытных. Во всех этих местах за ним присматривали попрошайки, преданные из города, работники храма и другие. Он оставался погружённым в Атман и фактически был мёртв для мира: его приходилось трясти за плечи, прежде чем он принимал воду или еду, которую приносили ему некоторые преданные.

Много лет спустя Махарши вспоминал, как одна преданная по-матерински заставила его принять омовение впервые за четыре месяца с тех пор, как он прибыл в Тируваннамалай. Через двенадцать месяцев после этого кто-то совершил ему второе омовение. Его волосы оставались нестриженными, а лицо небритым восемнадцать месяцев. Он рассказывал Сури

Нагамме (№39): «Волосы сбились и свалялись как корзина. В них застряли маленькие камешки и грязь, и голове было тяжело. У меня были длинные ногти и устрашающая внешность. Какие-то люди настаивали, чтобы я побрился, и я уступил. Когда голову побрили наголо, я думал, есть у меня голова или нет – такую ощущал лёгкость».

В феврале 1897г. молодой Свами перешёл в Гурумуртам – место недалеко от города, где он жил около девятнадцати месяцев. Он был поглощён Атманом, и за ним ухаживали *садху* по имени Удданди Наянар и его друг Аннамалай Тамбиран. Там стали собираться паломники и путешественники, и многие простирались перед Свами, одни с мольбой о благодеяниях, другие из чистого благоговения.

Так как людей становилось всё больше и больше, вокруг сиденья Свами поставили бамбуковую ограду, чтобы удержать людей от прикосновений к нему. С едой проблем не было, так как несколько преданных пожелали регулярно приносить еду; больше хлопот доставляла толпа посетителей и зевак.

Тем временем один садху по имени Паланисвами, живший очень аскетично, посвятил свою жизнь поклонению Господу Винаяке. Однажды его друг Шриниваса Айяр сказал ему: «Зачем ты проводишь свою жизнь с этим каменным свами? В Гурумуртаме есть живой Свами из плоти и крови. Он погружён в *manac* как молодой Друва. Если ты пойдёшь туда и присоединишься к нему, твоя жизнь достигнет цели». Придя туда, лишь увидев Свами, Паланисвами был тронут до глубины души и почувствовал, что нашёл своего спасителя. Он посвятил оставшиеся 21год своей жизни служению Махарши.

Поскольку Свами совершенно забыл о теле, оно ослабло до предела. Когда ему нужно было выйти, он едва мог набраться сил, чтобы встать. Много раз случалось так, что он приподнимался на несколько дюймов, а затем опускался назад.

Некий Венкатарама Айяр, главный бухгалтер одного государственного офиса в городе, каждый день приходил повидать Свами перед работой. Однажды он положил перед ним лист бумаги и карандаш и умолял его написать своё имя и откуда он родом. Так как Свами не отвечал на мольбы, он объявил, что не станет принимать пищу и не пойдёт на работу, пока не получит нужных сведений. Тогда Шри Рамана написал по-английски: «Венкатараман, Тиручули». То, что он знает английский, оказалось сюрпризом.

Поиски пропавшего мальчика и визит матери.

Тем временем родственники Венкатарамана вели отчаянные расспросы и поиски в разных местах, но не могли обнаружить его следов. Узнав имя и место рождения молодого Свами, Аннамалай Тамбиран однажды приехал в Мадурай. Он рассказал одному из друзей семьи Венкатарамана о знаменитом молодом святом в Тируваннамалае, который был родом из Тиручули. Как только получил это известие, дядя Венкатарамана отправился в Тируваннамалай. Напрасно он умолял Свами вернуться и уехал в Мадурай ни с чем.

Через некоторое время молодой Свами поселился в храме Павалакунру на горе Аруначале, где он так же, как и раньше, сидел, погружённый в Блаженство Бытия. Именно сюда мать Алагамма пришла, чтобы вернуть сына, которого узнала, несмотря на исхудавшее тело и сбившиеся волосы. С материнской любовью и заботой она сокрушалась о его состоянии и требовала, чтобы он вернулся вместе с ней, но он сидел, незатронутый, несмотря на её настойчивые мольбы. Однажды, изливая своё горе преданным, находившимся вокруг него, она умоляла их вмешаться. Тронутый положением матери, один из них сказал Свами:

«Твоя мать плачет и молит; хотя бы ответь ей. Свами не нужно нарушать обет молчания, но он может написать, что хочет сказать».

Венкатараман взял карандаш и написал на тамили: «Предопределяющий управляет судьбой душ в соответствии с прарабдха-кармой. Чему не суждено быть, не произойдёт, как бы вы ни старались. Чему суждено быть, произойдёт, что бы вы ни делали, чтобы предотвратить это. Это определённо. Поэтому лучше всего оставаться в молчании».

Последнее предложение было адресовано матери, которая просила о том, что невозможно сделать. Оно относится к людям в общем – в том смысле, что «бесполезно бить по иголкам», противостоять судьбе, которую нельзя изменить. Однако это не означает, что не нужно предпринимать искренних усилий для достижения успеха. Человек, который говорит: «Всё предопределено, поэтому мне не нужно прилагать усилий», погружается в ошибочное и коварное предположение, что он знает, что именно предначертано. Мать вернулась домой, а Свами остался, как и раньше, погружённый в Атман.

Свами переселяется в Пещеру Вирупакша.

В начале 1899г. молодой аскет в сопровождении слуги Паланисвами переселился в Пещеру Вирупакша, названную именем похороненного в ней святого Вирупакшадэвы, жившего в тринадцатом веке. Любопытно, что форма пещеры напоминает очертания священного односложного звука ОМ, могила расположена во внутреннем помещении. Свами жил в этой пещере около семнадцати лет.

Здесь молодой Свами также соблюдал молчание в течение нескольких лет. Его сияние уже привлекло к нему группу преданных, и появился ашрам. Иногда он писал ученикам указания и разъяснения, но его молчание не препятствовало их обучению, так как самым эффективным способом передачи указаний было безмолвие. Проникновенная тишина стала отличительной чертой молодого мудреца.

Первые посетители.

Шивапракашам Пиллай (№45), служащий финансового управления, интеллектуал, услышал о молодом Свами, живущем на горе. В первый же визит в 1902г он был очарован аурой Свами и стал преданным на всю жизнь. Поскольку Свами соблюдал молчание, он написал на грифельной доске ответы на четырнадцать вопросов Пиллая. Эти ответы позднее были дополнены и оформлены в книгу *Кто Я?* Это, пожалуй, самое почитаемое изложение в прозе учения Махарши.

Ганапати Муни (№91), выдающийся знаток санскрита и поэт, был ещё одним преданным, который посещал Свами с 1903г и принял его своим Гуру в 1907г. Именно благодарный Муни назвал Свами Багаваном Шри Раманой Махарши, и воспевал его, как воплощение Субраманьи, сына Господа Шивы. Ответы Махарши на вопросы Муни и его учеников составляют широко известную книгу *Рамана Гита.* Самая известная шлока из этой книги гласит: В глубине Пещеры – Сердца (с правой стороны груди, не слева) один Браман сияет в форме *атмана*. Войди глубоко в Сердце вопрошающим умом, нырнув глубоко вовнутрь, или контролируя дыхание, и пребывай в *атмане.*

Первым европейским искателем, попавшим под влияние Свами (в 1911г), стал Ф.Х. Хамфриз (№92). Когда он спросил, как можно помочь миру, Шри Рамана ответил: «Помогите себе, и вы поможете миру. Вы не отдельны от мира, а мир не отделён от вас».

Со временем количество преданных значительно увеличилось. В данной книге приводятся свидетельства тех, кто пожелал написать или рассказать о своих переживаниях.

Забота о людях низкого происхождения.

В тексте есть много примеров заботы Шри Раманы о бедных. Один подобный случай был рассказан самим Шри Раманой Сури Нагамме спустя много лет после события: Когда мы жили на горе, в полдень несколько женщин низкой касты, несущих тяжёлые связки травы на голове, жадно искали воды, чтобы утолить жажду и немного снять усталость. Но так как им не разрешалось подходить к колодцу, я поджидал их у колодца и лил воду в их сложенные ладони, а они пили с огромным удовлетворением. Им нужно было быстро возвращаться домой к детям, и они приходили к нам с надеждой и ожиданием.

Скандашрам и Шри Раманашрам.

В 1916г, поскольку количество преданных увеличивалось, Шри Рамана перешёл в более просторный Скандашрам, названный в честь стойкого преданного Кандасвами, построившего его ценой неимоверных усилий.

После смерти матери в 1922г (она приехала и осталась со своим сыном – аскетом шестью годами ранее и обрела *нирвану* у него на руках), её тело было погребено у подножия горы Аруначалы. Современный Ашрам, который называется Шри Раманашрам, вырос вокруг *самадхи* матери, названного Матрубутешвара (Бог в форме Матери).

Ашрам, начавшись с единственного тростникового навеса над самадхи матери, вырос в довольно обширный комплекс зданий, самым значительным из которых, по словам многих садхаков, является Старый Холл, где Шри Рамана провёл большую часть жизни – более двадцати лет – на кушетке, подаренной одним из преданных. (см. фото №4) Храм над *самадхи* Шри Раманы с прилегающим к нему большим светлым и просторным медитационным залом круглый год регулярно привлекает множество преданных и посетителей.

Поселившись у подножия горы, Шри Рамана ясно дал понять, что его единственной целью жизни было давать *даршан* и общаться с людьми посредством тишины или коротких посланий освобождения. Множество искателей на разных стадиях духовного развития приходили к нему и обретали умиротворение, ясность и силу ума в его присутствии, как описано в тексте.

Некоторые характерные черты и подход Шри Раманы.

Среди качеств, внушивших тысячам людей любовь к Шри Рамане, была его *soulabhya* – доступность. Он пожертвовал всем своим личным временем и сидел в холле день за днём и даже спал в присутствии всех. Он делал всё, чтобы преданные легко получали доступ к нему. С возрастом, чтобы он мог немного отдохнуть, управление Ашрама решило закрывать двери холла на два часа после обеда. Когда Шри Рамана узнал об этом, он сел после обеда снаружи холла и сказал: «Чтобы увидеть меня, люди приезжают из разных концов света. У них могут быть другие неотложные дела. Управление может закрывать двери, а я могу встречать посетителей снаружи». Понадобилось приложить много усилий, чтобы уговорить его уступить.

Не менее чарующей была его *sahajata* – совершенно нормальное поведение. Его манеры были настолько естественны, что любой новичок сразу чувствовал себя с ним свободно. Единственный мимолётный взгляд, кивок головы или простой вопрос, и посетитель чувствовал, что Шри Рамана дорог ему и заботится о нём. Он был крайне скромным и непритязательным. В его объяснениях не было папской торжественности; напротив, его речь была оживлённой. Когда один преданный спросил, почему его молитвы не слышат, Шри Рамана со смехом сказал: «Если их услышат, ты можешь перестать молиться».

Многое можно написать о том, как Шри Рамана практиковал *samatva* – равенство. В его присутствии все были равны: высокие и низкие, богатые и бедные, мужчины и женщины, дети и взрослые, люди и животные. Он никогда бы не потерпел заботы или внимания, проявленных по отношению к нему больше, чем по отношению к кому-нибудь другому в Ашраме. Если ему подавали какого-нибудь блюда или деликатеса немного больше, чем другим, он упрекал тех, кто это сделал.

Шри Рамана испытывал сострадание ко всем живым существам. В тексте много эпизодов, иллюстрирующих его любовь к животным и растениям.

Шри Рамана обучал обитателей Ашрама больше своим примером, чем поучениями.

Шри Рамана подчёркивал, что путь к умиротворению лежит через служение, и сам был примером в повседневной жизни в Ашраме. Он старательно правил рукописи и тексты перед печатью, резал овощи, чистил зерно, орехи, шил тарелки из листьев и помогал готовить еду, так показывая достоинство труда и очарование простоты. *Карма* была для него не каким-то особым ритуалом, а повседневными задачами, составляющими наш общий жребий.

Учение Шри Раманы в совершенстве отражалось в его жизни. Он провозглашал, что пребывать в Атмане – высшее достижение, и именно в этом Трансцендентальном Состоянии все видели его в любое время. Он имел признаки *дживанмукты* – освобождённый ещё в физическом теле. По *Йога Васишта* такого человека: «Удовольствия не радуют, печали не огорчают. Он не работает, чтобы получить что-то для себя. Ему ничего не надо достигать. Он полон милосердия и великодушия. Он пребывает спокойно в Высшем Блаженстве».

Шри Рамана всегда делал акцент на тишине, которая не является отрицанием активности. Это нечто очень позитивное. Это Высший Покой, безмолвный как скала, который поддерживает всю деятельность, все движения. Отвечая своим озадаченным европейским друзьям о «бездеятельности» Шри Раманы, Элла Мэйларт пишет: Отождествив себя с телом, мы убеждены, что человек должен быть очевидно деятельным. Мы забываем, что недеяние – это фундамент деятельности; что полезное колесо не может существовать и крутиться без неподвижной оси.

Шри Рамана никогда ничего сознательно не делал, чтобы произвести впечатление или добиться надлежащего места для себя в анналах истории. Он всячески избегал публичности и создания имиджа. Он успешно держался в тени. Поль Брантон, британский журналист, несколько недель живший рядом с Шри Раманой в 1930г., пишет: «Он мне очень нравится, потому что он так прост и скромен, вокруг него столь осязаема атмосфера подлинного величия; а также потому что у него нет никаких претензий и он упорно сопротивляется любым попыткам канонизировать его при жизни».

Шри Рамана никогда не произносил речей, и гораздо меньше путешествовал с лекциями. Уехав из дома, он сорок пять лет жил рядом или на горе Аруначале. Когда люди

приходили к нему и задавали вопросы, он отвечал на них по-своему, просто, без торжественных лекций.

Шри Рамана был против чудес. Однажды он сказал: «Фокусник обманывает других с помощью своих фокусов, но сам никогда не обманывается. *Сиддха*, демонстрирующий *сиддхи*, ниже фокусника, так как он обманывает не только других, но и себя». «Чудеса», случавшиеся время от времени, казались совпадениями, и если к ним привлекали внимание Шри Раманы, он просто превращал всё в шутку. Говоря о «чудесах», Шри Рамана использовал термин «Автоматическая Божественная Деятельность» и заставлял преданных поверить, что он не имеет к делу никакого отношения.

Шри Рамана не основал нового культа или религии. Он не настаивал на подчинении какой-либо установленной религиозной традиции, ритуалу или линии поведения. Он подчёркивал единство Бытия и его достижимость с помощью собственных усилий. Он учит, что практический путь к реализации лежит через *атма-вичару*, поиски Атмана с помощью непрерывного и глубокого размышления над вопросом *Кто Я?* Этот подход не является ни религией, ни философией. Он не влечёт за собой ни верования, ни учения, ни психологической доктрины.

С точки зрения Шри Раманы все наши беды от того, что мы ошибочно ограничиваем себя телом. Постоянное самоисследование помогает нам понять и усвоить истинное знание нашей природы, которая есть наша Высшая Сущность (*атман*), обитающая в теле.

Шри Рамана разъяснил, что *Кто Я?* – это не мантра, которую необходимо повторять. Цель вопрошания – отвлечь ум он внешней активности и глубоко погрузить его в Источник. Обезьяна-ум, который является лишь связкой мыслей, в конце концов, исчезнет с помощью настойчивого и серьёзного размышления над вопросом *Кто Я?*

Шри Рамана считал, что мы становимся несчастными, потому что не можем ценить свою истинную природу, которая есть счастье, присущее Атману. Постоянное стремление к счастливой жизни – это наши неосознанные поиски Атмана.

Последние дни.

К концу 1948г над левым локтем Шри Раманы появилось небольшое уплотнение. Были проведены операции, но злокачественная опухоль появилась вновь. Болезнь не поддалась никакому лечению. Мудрец был совершенно не затронут и оставался крайне безразличным к страданиям.

Шри Рамана позволил, чтобы ему сделали операции, чтобы удовлетворить преданных. Майор Чадвик (№42) пишет: «Вечером накануне последней операции я пошёл повидать Багавана и на коленях умолял его отказаться от неё. Было очевидно, что она не может принести пользу. Каждый раз опухоль становилась всё больше и больше. Я молил, что это дополнительное страдание было напрасным, чтобы он освободил нас от напряжения. Но он отказался, так как доктора – сказал он – столько хлопотали и нехорошо их разочаровывать теперь. Багаван всё время давал каждому возможность использовать свой шанс; никто не должен быть разочарован».

Шри Рамана сочувствовал тем, кто горевал о его «страданиях» и утешал их, обращаясь к базовой истине, сути его послания, что мы – не тело. В своей уникальной манере он спрашивал, станем ли мы хранить лист-тарелку после того, как еда закончена.

Конец наступил 14 апреля 1950г в 8.47 вечера. В этот момент по небу медленно пролетела яркая комета, достигла вершины Аруначалы и исчезла высоко в небе. Высочайшая душа достигла источника.

ВОСПОМИНАНИЯ

1.Поль Брантон(1898-1981), британский журналист, увлекавшийся индийским мистицизмом, впервые посетил Индию в 1930г. Автор одиннадцати книг, он особое внимание уделяет важности *Атмана* внутри нас. Считается, что он познакомил западный мир с медитацией. Однажды он написал: «Шри Рамана был духовным факелом, принесённым ожидающим душам на Запад. Я был лишь незначительным «мальчиком-связным», скромным курьером». После его смерти Философский Фонд Поля Брантона в Нью-Йорке издал записи, сделанные им после 1952года (год опубликования его последней книги «*Духовный Кризис Человека*»), в 16 томах. Колледж имени Рузвельта в США присвоил П.Брантону степень доктора философии.

Во время первого посещения Индии, среди многих святых и йогов, Брантон встретил и Шри Раману. Он несколько недель жил в импровизированном укрытии недалеко от Ашрама Шри Раманы. Поскольку количество преданных в то время было ещё невелико, Брантон имел неограниченную возможность близко наблюдать Махарши и общаться с ним. Он даёт беспристрастное, светлое и интимное описание святости Махарши и его влияния на свою книгу «*Путешествие в тайную Индию*», изданную в Лондоне в 1934 году.

В этом человеке есть нечто, притягивающее мое внимание, как магнит притягивает железные опилки. Не могу отвести от него взгляд. Ощущаю в уме молчаливую перемену, которой невозможно сопротивляться. Один за другим отпадают вопросы, так тщательно подготовленные. Лишь осознаю, что рядом непрерывно течёт река тишины; великое умиротворение проникает в самую глубину моего существа, и мой мучимый мыслями мозг начинает приближаться к отдохновению. С внезапной ясностью я постигаю, что интеллект создаёт себе проблемы, а затем становится несчастным, пытаясь их решить. Это безусловно свежая идея для человека, который до сих пор такое большое значение придавал интеллекту.

Отдаюсь непрерывно углубляющемуся чувству покоя. Течение времени теперь не вызывает раздражения, потому что цепи проблем, созданных умом, разрываются и выбрасываются прочь. И затем постепенно поле сознания заполняется вопросом. Распространяет ли этот человек, Махарши, аромат духовного умиротворения, как цветок распространяет аромат своих лепестков? Мне становится интересно: может ли быть, что благодаря какой-то радиоактивности души, какому-то неизвестному телепатическому процессу, тишина, вторгающаяся в беспокойные воды моей души, действительно исходит от него. Умиротворение овладевает мной.

Махарши поворачивается и смотрит мне в лицо; я в ответ, с ожиданием смотрю на него. Я начинаю осознавать таинственную перемену, с большой скоростью происходящую в сердце и уме. Старые мотивы, которые завлекали раньше, начинают покидать меня. С непостижимой скоростью пропадают жгучие желания, посылавшие мои ноги то туда, то сюда. Неприязнь, непонимание, холодность и эгоистичность, окрасившие многие из моих

взаимоотношений с собратьями, исчезают в пропасти ничто. **Невыразимое умиротворение овладевает мной, и я знаю, что нет больше ничего, что я попрошу у жизни.**

Мудрец, кажется, несёт нечто важное для меня, но у меня нет слов, чтобы выразить точную природу этого. Это нечто неосязаемое, невесомое, возможно, духовное. Каждый раз, когда я думаю о нём, особое чувство наполняет меня и заставляет сердце биться чаще от смутных, но возвышенных ожиданий.

Я смотрю на Мудреца. Он сидит на Олимпийских высотах и наблюдает панораму жизни как будто со стороны. В этом человеке есть таинственное свойство, которое отличает его от всех других, кого я встречал.

Он остаётся в таинственном одиночестве, даже будучи окружён преданными, которые любят его и живут рядом с ним многие годы. Иногда я ловлю себя на том, что желаю, чтобы он был немного более человечным, немного более восприимчивым к тому, что нам кажется таким нормальным.

Отчего под его необычным взглядом я неизменно ощущаю особое ожидание, как будто мне скоро будет открыто нечто очень важное? **Этот человек освободил себя от всех проблем, и никакое горе не может затронуть его.**

Мудрец говорит не как философ, не как учёный, объясняющий своё учение, он говорит из глубины своего сердца.

Я не религиозен, но могу противиться непостижимому благоговению, охватывающему мой ум не больше, чем пчела может противиться цветку во всём великолепии цветения. Холл (Махарши) наполняется тонкой, неуловимой, невыразимой силой, которая оказывает на меня глубокое воздействие. Я чувствую без сомнения и без колебаний, что центром этой таинственной силы является сам Махарши.

Его глаза сияют удивительным светом. Странное ощущение нарастает во мне. Эти сияющие очи, кажется, проникают в самые глубины моей души. Странным образом я ощущаю всё, что он может видеть в моём сердце. Его таинственный взгляд проникает в мои мысли, мои эмоции и мои желания; я беспомощен.

Сначала его поразительный взгляд беспокоит меня; я смутно чувствую себя неловко. Чувствую, что он прочёл те страницы прошлого, которые я забыл. Уверен, он всё это знает. Я не в силах избежать этого; да и не желаю.

Я осознаю, что он определённо связывает мой ум со своим, что он приводит моё сердце в то состояние звёздного покоя, которым, кажется, сам наслаждается непрерывно. **В этом необыкновенном умиротворении я нахожу чувство возвышенности и лёгкости. Время, кажется, остановилось. Моё сердце свободно от бремени забот.** Никогда более, чувствую я, горечь гнева и тоска неудовлетворённого желания не будут беспокоить меня. Мой ум погружён в ум Махарши и мудрость сейчас в зените. Взгляд этого человека – не что иное, как волшебная палочка, которая предъявляет моему непосвящённому взгляду скрытый мир неожиданного великолепия.

Иногда я спрашивал себя, почему эти преданные столько лет проводят около Мудреца, где мало разговоров, ещё меньше удобств и совсем нет внешней деятельности, которая бы их привлекала. Теперь я начинаю понимать – не мыслями, а молниеносными озарениями – получают они глубокую и молчаливую награду все эти годы.

До сих пор все в холле погружены в тишину. Наконец, кто-то тихо поднимается и выходит. За ним следует другой, потом следующий, затем ещё один, до тех пор, пока не вышли все. Я один с Махарши! Никогда раньше такого не случалось. Его глаза начинают меняться; они сужаются. Это любопытный эффект, похожий на фокусировку линзы

фотоаппарата. Происходит мощное усиление света, сияющего между век, теперь почти прикрытых. Внезапно моё тело как будто исчезает, и мы оба в открытом пространстве! Это критический момент. Я в нерешительности – и решаю прервать заклинание чародея. Решение приносит энергию, и снова я возвращаюсь в тело, возвращаюсь в холл. Ни слова не говорит он мне. Я собираю вещи, смотрю на часы и тихо поднимаюсь. Наступил час отъезда. Я склоняю голову, прощаясь, и ухожу.

Далее следуют воспоминания Брантона о втором визите и жизни рядом с Шри Раманой спустя несколько месяцев:

Что бы я ни делал, я всегда постепенно начинаю осознавать мистическую атмосферу этого места, это благотворное излучение, непрерывно проникающее в мой мозг. **Я наслаждаюсь неизъяснимым покоем, просто сидя какое-то время вблизи Махарши.** Путём внимательного наблюдения и анализа я со временем прихожу к полной уверенности, что взаимодействие возникает всегда, когда мы находимся рядом. Это определённо и совершенно безошибочно. **Сила более мощная, чем мой рационалистический ум, держит меня в благоговении до тех пор, пока не поглотит целиком.**

Сквозь удивление пробивается осознание, что все мои вопросы – это ходы в бесконечной игре, игре мыслей, не имеющих пределов; что где-то внутри есть источник, способный предоставить всю истину; и что лучше прекратить задавать вопросы и попытаться осознать огромные возможности своей духовной природы. Поэтому я остаюсь в молчании и жду.

Я хорошо понимаю, что возвышенное осознание, внезапно обрушившееся на меня, - не что иное, как распространяющаяся волна телепатического излучения от этого таинственного и невозмутимого человека.

Махарши однажды сказал мне: «Величайшая ошибка человека – думать, что он слабый и дурной от природы. Каждый человек святой и сильный от природы. Слабые и дурные - это его привычки, его желания и мысли, но не он сам». Его слова стали лекарством, которое придаёт силы. Они освежают и вдохновляют меня. Из уст другого человека, от души меньшей и более слабой я бы отказался считать их столь важными, и не уставал бы их опровергать. Но внутренний голос уверяет, что Мудрец говорит из глубины огромного и настоящего духовного опыта, а не как какой-то философ, строящий теории на тонких ходулях размышлений.

Многие западные умы так или иначе посчитают, что жизнь Махарши потрачена впустую. Но может быть, нам полезно, чтобы существовали люди, которые отдельны от нашего мира бесконечной деятельности и наблюдают его со стороны. Может быть, Мудрец в джунглях, у ног которого лежит покорённое эго, не ниже мирского глупца, гонимого обстоятельствами то туда, то сюда.

Каждый день приносит новые свидетельства величия этого человека. Обычно он молчалив и сдержан. Легко можно сосчитать количество слов, сказанных им за день.

Я начинаю понимать, что Махарши помогает людям, ненавязчиво, молчаливо и постоянно изливая целительные вибрации на обеспокоенные души. Когда-нибудь понадобится наука, чтобы объяснить этот таинственный телепатический процесс.

Ясно, что одно его присутствие даёт многим духовную уверенность, эмоциональное счастье и, самое парадоксальное, обновлённую веру в их религиозные символы. Поскольку Мудрец ко всем религиозным символам относится одинаково и почитает Христа не меньше, чем Кришну.

В течение ежедневных медитаций в присутствии Мудреца я научился направлять мысли внутрь всё глубже и глубже. Снова и снова я осознаю, что в течение этих периодов тихого отдыха он втягивает мой ум в свою атмосферу. И именно в такие минуты начинаешь понимать, почему молчание этого человека более значительно, чем его высказывания.

Бывают моменты, когда я чувствую эту его силу настолько, что знаю: стоит ему только дать самое неудобное приказание, и я с готовностью ему повинуюсь. Но Махарши последний в мире человек, который бы поместил своих последователей в цепи рабского послушания, он каждому даёт полную свободу действий. В этом смысле он представляет собой свежее отличие от большинства учителей и йогов, которых я встречал в Индии.

Суть его послания такова: «Неустанно проводите исследование «Кто я?» Анализируйте свою личность. Старайтесь выяснить, откуда начинается «я» - мысль. Продолжайте медитировать. Продолжайте направлять внимание вовнутрь. Однажды колесо мышления замедлится, и таинственным образом возникнет непосредственное восприятие. Следуйте этому восприятию, позвольте вашему мышлению остановиться, и это, в конце концов, приведёт вас к цели».

Я ежедневно борюсь с мыслями и медленно пробиваюсь во внутренние тайники ума. В присутствии Махарши мои медитации и внутренние монологи становятся всё менее утомительными и более эффективными. Сильное ожидание и чувство, что меня ведут, вдохновляют на постоянное повторение усилий. Бывают странные часы, когда я ясно осознаю невидимую силу Мудреца, мощно воздействующую на моё мышление, в результате чего я проникаю чуть глубже в скрытую пограничную территорию существования, окружающую человеческий ум.

Я внимательно изучаю его и постепенно начинаю видеть в нём дитя того далёкого прошлого, когда открытие духовной истины считалось не менее ценным, чем обнаружение золотоносной жилы сегодня. С возрастающей ясностью нисходит на меня, что в этом тихом и уединённом уголке Южной Индии **меня привели к одному из последних духовных гигантов Индии.**

С помощью безмятежного облика этого живого Мудреца мне становятся ближе легендарные древние *риши* этой страны. Чувствуется, что самое удивительное в этом человеке скрыто. Глубины его души, где, как подсказывает инстинкт, хранятся богатейшие запасы мудрости, ускользают от вас. Иногда он бывает удивительно отстранён, но временами доброе благословение его внутренней милости приковывает меня к нему стальными обручами. Я учусь покоряться этому загадочному человеку, и принимать его таким, каким я его вижу.

Он мне очень нравится, потому что он так прост и скромен, в то время как вокруг него столь осязаема атмосфера подлинного величия; потому что он не претендует на оккультные силы и тайные знания, чтобы произвести впечатление на своих склонных к чудесам соотечественников, а также потому, что у него нет никаких претензий, и он упорно противится любым попыткам канонизировать его при жизни.

Мне кажется, что благодаря существованию таких людей, как Махарши, происходит непрерываемая в истории передача божественного послания оттуда, куда нам всем нелегко добраться. Ещё мне кажется, мы должны принять тот факт, что такой мудрец появляется, чтобы что-то нам открыть, а не спорить с нами. В любом случае, его учение вызывает во мне большой интерес.

Он не пользуется сверхъестественными силами и не требует слепой веры. Он избегает тёмных и сомнительных вод колдовства, в которых столь многие многообещающие путешествия потерпели крушение. Он просто предлагает путь самоисследования, которое можно практиковать независимо от любых древних или современных теорий и верований, которых вы придерживаетесь, – путь, который, в конце концов, приведёт человека к истинному пониманию себя.

Снова и снова я осознаю, что ум Махарши чем-то наделяет мой ум, хотя между нами может не быть произнесено ни слова. Моя духовная жизнь приближается к вершине.

Я вхожу в холл и сразу принимаю свою обычную позу для медитации. Когда закрываются глаза, сознание интенсивно устремляется вовнутрь. Образ сидящего Махарши живо плывёт перед моим внутренним взором. Затем картина исчезает, а у меня остаётся сильное ощущение его близкого присутствия.

Сегодня я концентрируюсь молниеносно. Новая мощная сила приходит в динамичное действие во внутреннем мире и с непреодолимой скоростью влечёт меня внутрь. В следующее мгновение я стою поодаль от интеллекта, осознавая, что он мыслит, и со странным отчуждением наблюдаю мысли. Способность мыслить, которая до сих пор была предметом обычной гордости, теперь становится чем-то, чего нужно избегать, поскольку я с поразительной ясностью понимаю, что был её бессознательным пленником.

Довольно странно уметь стоять в стороне и наблюдать работу мозга, как если бы он принадлежал кому-то другому, и видеть, как мысли поднимаются и затем умирают, но ещё более странно интуитивно осознавать, что ты вот-вот проникнешь в тайны, скрытые в самых отдалённых глубинах человеческой души. Я чувствую себя Колумбом, причаливающим к берегам необозначенного на картах континента.

Наконец это происходит. Мысль погашена, как свеча. Ум поднимается в трансцендентальном источнике. Остаюсь совершенно спокойным и полностью осознаю, кто я и что происходит. И всё же чувство осознания вытянуто из узких ограничений отдельной личности; оно превратилось в нечто возвышенное и всеобъемлющее. Эго всё ещё существует, но это изменённое, сияющее эго. С ним приходит удивительное новое ощущение полной свободы, поскольку мысль похожа на ткацкий челнок, который всегда бегает туда-сюда, и освободиться от его тиранического движения – значит шагнуть из тюрьмы на свежий воздух.

Я нахожусь вне круга мирского сознания. Планета, доселе приютившая меня, исчезает. Я нахожусь в центре океана сияющего света. Последнее, скорее чувствую, чем думаю, есть первородное вещество, из которого создаются миры, первое состояние материи. Оно простирается в необъяснимое, бесконечное пространство, необыкновенно *живое*.

Я, обновлённый, нежусь в объятиях святого блаженства. Я испил платоновой чаши забвения, и вчерашние горькие воспоминания и завтрашние тревожные заботы исчезли без следа. Я получил божественную свободу и почти неописуемую уверенность. Руки обнимают всё мироздание с глубоким состраданием, поскольку я понимаю, насколько это возможно, что знать всё – значит не просто прощать всё, но любить всё. Сердце растворяется в восторге.

С наступлением сумерек прощаюсь со всеми, кроме Махарши. Я чувствую тихое удовлетворение, поскольку битва за духовную уверенность выиграна, и я выиграл её, не принося свой дорогой рационализм в жертву слепой доверчивости. Однако когда Махарши выходит со мной во двор немного позже, удовлетворённость вдруг покидает меня.

Этот человек странным образом завоевал меня, и мои чувства глубоко затронуты необходимостью покинуть его. Он приковал меня к своей душе невидимыми крючьями, которые прочнее стали, хотя всего лишь хотел вернуть человека к самому себе, освободить его, а не поработить. Он поместил меня в благотворное присутствие моей духовной природы и помог мне, скучному западному человеку, коим я являюсь, перевести бессмысленный термин в живой и благословенный опыт. Моё приключение в самопреобразовании теперь окончено.

Далее следуют некоторые из многочисленных историй, приведённых в «*Путешествии в тайную Индию*»:

Посреди удивительно разнообразного потока посетителей, проходящих через холл, прихрамывая, входит пария (представитель низшей касты) в сильном душевном волнениии и изливает свои беды у ног Махарши. Мудрец не отвечает, он обычно молчит и сдержан. Он внимательно смотрит на страдальца, чьи стенания постепенно стихают, а спустя два часа этот человек, уже спокойный и сильный, покидает холл.

Образованный брамин, воспитанный в колледже, прибывает с вопросами. Никогда нельзя быть уверенным, даст Мудрец словесный ответ или нет, так как **часто он достаточно красноречив, даже не размыкая губ.** Но сегодня он в настроении общаться и несколько его выразительных фраз, как обычно, обладающих глубоким смыслом, открывают посетителю новые перспективы мысли.

Крестьянин с семьёй преодолел около сотни миль, чтобы засвидетельствовать молчаливое почтение Мудрецу. Он совершенно безграмотен, не многое знает помимо своей повседневной работы, религиозных ритуалов и суеверий предков. Простёршись трижды, он тихо садится на пол. Семья проводит несколько часов, почти не разговаривая, и с благоговением глядя на Махарши. Ясно, что **просто присутствие Махарши даёт им духовную уверенность и эмоциональное счастье.**

Большая группа посетителей и преданных присутствует в холле, когда кто-то приносит известие о смерти человека, чья криминальная репутация была притчей во языцех в городе. Немедленно возникает его обсуждение, и, как присуще человеческой природе, разные люди начинают вспоминать его преступления и самые подлые черты характера. Когда обсуждение, кажется, закончилось, Махарши впервые открывает рот и спокойно отмечает: «Да, но он был очень чистоплотен и мылся дважды или трижды в день!»

***Брантон пишет в своей второй книге* «Тайный Путь»:**

В Махарши я нашёл остатки того «Мистического Востока», о котором большинство из нас часто слышат, но который лишь некоторые из нас когда-либо находят. Я встретил необыкновенного человека, который быстро завоевал моё смиренное почтение. Потому что, хотя и принадлежал по традиции к классу Мудрецов Востока – классу, который почти исчез в современном мире – он избегал любых записей о его существовании и пренебрегал всеми усилиями придать ему публичность.

Мир хочет, чтобы великие люди мерили свою жизнь по его слабым меркам. Но не установлено ещё меры, которая охватила бы всю их высоту, так как такие люди, если они действительно стоят своего имени, черпают величие не из себя самих, но из другого источника. А источник простирается далеко в Бесконечность. Эти мудрецы, живя внешне порознь, сохраняют живыми божественные тайны, которые жизнь и судьба сговорились вверить их заботе.

Махарши очень интересовал меня, несмотря на тот факт, что его мудрость не такова, что её легко увидеть и, несмотря на глубокую уединённость, окружавшую его. Он прерывал молчание, чтобы ответить на вопросы о таких непонятных вещах, как природа человеческой души, тайна Бога, неизвестные силы, хранящиеся неиспользованными в человеческом уме и т.д., а когда он решал говорить, я сидел в оцепенении, слушая его мягкий голос и любуясь вдохновением, светящимся в его сияющих глазах. **Каждая фраза, слетающая с его губ, казалось, содержит драгоценный фрагмент вечной истины.**

В присутствии Махарши чувствовалась безопасность и внутренний покой. Духовное излучение, исходившее от него, было всепроникающим. Я научился узнавать в этом человеке высшие истины, которым он учил, и, вместе с тем, глубокое благоговение внушала необыкновенная святость, окружавшая его. **Он обладал божественностью, не поддающейся описанию.** Я мог кратко записывать беседы Мудреца, даже мог напечатать запись его речи; но самую важную составляющую его высказываний, неуловимый и безмолвный аромат духовности, исходивший от него, передать невозможно.

Невозможно забыть эту его чудесную улыбку, полную смысла, с намёком на мудрость и умиротворение, отвоёванное у страданий и опыта. **Он был самым понимающим человеком, которого я когда-либо знал;** вы всегда могли рассчитывать на его слово, которое немного разгладит путь, и это слово всегда *подтверждало* то, что ваше глубочайшее чувство уже сказало вам.

Слова Махарши пламенеют в памяти как огни маяка. «Я собираю золотые плоды от редких встреч с мудрыми людьми»,- записал в своём дневнике трансатлантический Эмерсон, - « и, несомненно, собрал полные корзины во время бесед с этим человеком. Наши лучшие европейские философы и в подмётки ему не годятся».

В своей четвёртой книге* «Послание от Аруначалы» *Брантон пишет:

Я поймал свою птицу удачи и не нуждаюсь ни в какой другой, так как **обнаружил одного из последних духовных гигантов Индии,** просветлённого Мудреца из Тируваннамалая. Я «сидел у его стоп», как поэтично говорили об этом древние ученики, и там узнал через динамичные переживания из какой божественной и бессмертной материи на самом деле создан человек. Какой ещё удачи, сверх этой, можем желать мы, жалкие смертные?

Он сидел неподвижный, как скала в океане, скрестив ноги в медитации. Мы, глупцы, думаем, что такой человек не смог терпеть суматошный ход жизни; нам никогда не приходит в голову, что он, возможно, шагнул далеко за её пределы.

Махарши сказал: «Страдание направляет человека к его создателю». Такие простые слова – а внутри этой фразы целая философия. Вам они могут показаться плоскими, и они были бы таковыми, если бы не исходили от человека, который знает, что говорит, потому что **он взошёл в духовные сферы, которых мы не знаем, в сферы, где *есть* Бог.**

***Из* «Записных книжек Поля Брантона» *(том 10)*:**

Рамана Махарши был одним из тех немногих людей, которые появляются время от времени на этой земле, и которые уникальны сами по себе, не похожи ни на кого другого. Лицом к лицу с Махарши иногда возникало ощущение, что находишься в присутствии пришельца с другой планеты, иногда – будто это существо другого вида.

Глядя на этого человека, чей невидимый взгляд устремлён в бесконечность, я думал о дерзком совете Аристотеля: «Давайте жить так, как будто мы бессмертны». Вот человек, который, возможно, никогда не слышал об Аристотеле, но следовал его совету до последней буквы.

***Из* «Безмолвной Силы»[1]:**

Чистый Канал Высшей Силы: Сорок лет прошло с тех пор, как я вошёл к Махарши и увидел его полулежащим на кушетке. За такое долгое время большинство воспоминаний о прошлом немного блекнет, если не исчезает совсем. Но я могу искренне заявить, что в данном случае ничего подобного не произошло. Наоборот, его лицо, выражение, облик и окружение так же ярки теперь, как и тогда. И, что ещё более важно для меня – по меньшей мере, в течение моих дневных медитаций – ощущение его сияющего присутствия столь же реально и непосредственно сегодня, как и тогда, в первый день.

Столь сильное впечатление не могло быть следствием, или продолжаться сквозь многочисленные перемены воплощения, которое отправило меня вокруг света, если бы Махарши был обычным йогом. Я встречал дюжины йогов, в их восточных и западных разновидностях, и много исключительных личностей. Какой бы статус ни приписывался Махарши его учениками, моё суждение независимо и беспристрастно. Оно основано на наших личных беседах в те ранние дни, когда такое было ещё возможно, прежде чем слава привлекла к нему толпы; на наблюдениях и беседах с теми, кто был рядом с ним; на его исторических записях; и, наконец, на моих личных переживаниях. **На основании всех свидетельств один факт неопровержимо ясен - он был чистым каналом Высшей Силы.**

Ни одного физического явления оккультной природы не было засвидетельствовано тогда; внешне совсем ничего не происходило. Но те, кто не настолько пропитались материализмом, чтобы распознать, что происходит в нём и в них самих, или те, кто не настолько закостенел в подозрениях или критическом отношении, чтобы быть пассивными и интуитивно чувствительными, ощущали ясную перемену в ментальной атмосфере. Она возвышала и вдохновляла: на время она выталкивала их из их маленьких эго, хотя бы частично.

Духовный Светоч: С того дня, когда я впервые увидел его, погружённого в таинственный транс *самадхи*, я путешествовал во многих странах, но всегда мои мысли возвращались в Тируваннамалай, как мусульманин поворачивается лицом к Мекке во время молитвы. Я знал, что где-то в сумасшедшем этом мире есть для меня священное место.

У ног Мудреца я поднял духовный факел и понёс его страждущим душам Запада. Они страстно приветствовали этот свет. Не нужно приписывать мне никаких заслуг за это, поскольку какова бы ни была польза западным искателям, она исходит от факела, зажжённого самим Махарши. Я был всего лишь незначительным «мальчиком - связным», смиренным курьером.

2. Садху Экараса (Д-р Г.Х. Миз) - голландский учёный, который приехал к Махарши в 1936г. С первой же встречи его охватила глубокая преданность.

Когда Кон-Фу-Цзы встретился с Вен-По-Су-Цзы, он не произнёс ни слова. Тогда его товарищ Цзы-Лю сказал: «Мастер, ты так долго желал встретиться с Вен-По-Су-Цзы. Почему же теперь, когда вы увиделись, ты не говоришь с ним?» Кон-Фу-Цзы ответил: «Нужно только увидеть кого-то, такого же, как сам. Нет нужды разговаривать. Нужно лишь увидеть мудреца, чтобы пережить опыт общения с ним».

В присутствии Махарши со мной случилось то же самое, когда я впервые увидел его, а затем в течение многих лет, когда я приезжал к нему снова и снова, особенно когда жил рядом с ним три года почти без перерыва. По этой самой причине всегда сложно говорить

[1] Антология, опубликованная Шри Раманашрамом.

или писать о Махарши, хотя меня часто просят об этом. Мудрецу, постоянно живущему в реализации, хорошо подходят слова Св. Дионисия: «Всё, что можно сказать о Боге – неправда, поскольку Бог вне речи, и поэтому то, что вы говорите о Боге, относится к чему-то другому». Поэтому, если в Индии кто-либо просит рассказать или написать о Махарши, я склонен отвечать, что спрашивающему следует посетить Махарши и увидеть всё самому.

Иностранцы часто спрашивали: «Что конкретно делает Махарши?» Нужно ответить: «Повседневная работа Мудреца заключается в пребывании самим собой». Поскольку он действительно преуспевает в этом, Махарши производит такое сильное впечатление на многих посетителей. Махарши вызывает коренные перемены в жизни многих, таких, как я. Вот что он делает, и делает это, совсем ничего не делая. Часто «великие мира сего» чувствуют себя младшими школьниками, стоя перед ним. Покойный Махараджа Майсора смиренно преклонил перед ним колени и долго стоял неподвижно со слезами на глазах. Он снова преклонил колени и удалился, не произнеся ни слова.

Если бы человек совершил величайший подвиг в мире и пришёл и сел в присутствии Махарши, он бы понял, что его подвиг – ничто по сравнению с вечным подвигом Самореализации Мудреца.

Если бы человек написал величайшую книгу в мире и пришёл и поднёс бы её Мудрецу, он бы понял, что Мудрец – более великая книга, которая пишется день за днём без помощи пера, чернил и бумаги, без посредничества и даже без каких-либо сознательных усилий, внутри каждого, кто потрудится прийти и читать её.

У других личностей всегда можно провести различие между теорией и практикой или между духовностью и интеллектом с одной стороны, и деятельностью – с другой. У Махарши такого различия не существует.

Махарши находится над духом времени. Вечность проступает в каждом его слове и взгляде. Она живёт в сердце всех, кто имел великую привилегию приехать и сидеть в его присутствии. Она очень бледно отражена в книгах и статьях, написанных о нём. Да и как может быть иначе? Невозможно достоверно описать Бога или Истину. Невозможно достоверно описать Сына Бога и воплощение Истины.

Изучив жизнь и учения святых и мудрецов мира, поражаешься тому, что Шри Рамана относится к отдельному классу. Никто не достиг Божественной Реализации, просто услышав имя Бога. Шри Рамана получил «инициацию», просто услышав имя Аруначала, прозвучавшее в рассказе о путешествии.

Шри Рамана вступил в свои права на духовное наследие, даже не зная, что оно существует. Он – Гуру в истинном смысле этого слова – слова, которое означает «рассеивающий тьму». Путь Махарши столь же прям, как и прост. Но он столь глубок, что не достигает сознания многих. Многие приходят к нему за чем-то определённым, либо, другими словами, ограниченным. Они не понимают, что стоят между собой и истинным Посвящением в Тайну Бытия.

Много раз случалось, что посетители и ученики просили Махарши удостоить их посвящения, милости, благословений или духовного переживания, на что он отвечал: «Я всегда даю это. Если вы не можете получить, что мне делать?»

В противовес гуру менее возвышенного уровня, которые склонны осознавать своё духовное превосходство, Рамана Махарши считает все создания потенциальными *джняни,* внутри которых сияет Божественная Реальность, даже если они этого не осознают. Некоторые из его высказываний созвучны с высказываниями мистика восьмого века Юй-Ненга, который сказал: «Единственное различие между Буддой и средним человеком в том,

что один осознаёт то, что другой отвергает». Шри Рамана провозглашает, что Духовное Наследие всегда здесь, ждёт своего получения, Божественная Реальность всегда присутствует в Сердце каждого.

Обычный человек склонен испытывать жалость к Мудрецу, который, как он считает, отказался от всех удовольствий жизни. А мудрец жалеет сочувствующих ему людей, потому что они не знают, что такое настоящее счастье.

С точки зрения неугомонного мирского ума, который находит радость в движении и переменах, непрерывно находиться на одном месте в течение пятидесяти лет – это огромное достижение. Это действительно уникально. Но я уверен, Шри Рамана никогда не рассматривал это как нечто выдающееся. Он достиг Великого Магнита мира, центра Сердца, и стал так же недвижим, как его Отец, Господь Аруначала.

3. Профессор Баннинг Ричардсон приехал в Дели преподавать английскую литературу в Колледже Св. Стефана в 1930-х гг. Он был восхищён описанием Махарши в «*Путешествии в тайную Индию*» (№1)

В присутствии Шри Раманы Махарши я почувствовал внутреннюю радость, заполнившую моё сознание, и мышление, казалось, стало излишним. Я вошёл в соприкосновение с духовностью высочайшего уровня. Находясь в присутствии Махарши, я так наполнялся радостью и умиротворением, что желание задавать вопросы пропадало. Так происходило в течение трёх недолгих дней (в мае 1937), которые я провёл в Шри Раманашраме.

Когда попадаешь в присутствие человека, который является «хорошим» не только потому, что избегает «зла», но потому, что его любовь универсальна и одинаково изливается на правых и неправых, тогда внезапно тебе открывается душа, величие которой измеряется не обычными мерками, а абсолютным стандартом – драгоценный камень, изумруд без изъяна. Это не только другое качество, это другой вид. **То, чему учил Иисус Христос 2000 лет назад: «Я в моём Отце и Отец мой во мне. Отец мой и я есть одно» – созвучно словам Того, кто учит сегодня в Тируваннамалае.**

4. Судья из Мадраса К.Сундарам Четтияр написал предисловие к первой широко известной биографии Шри Раманы, написанной Б.В.Нарасимха Свами, озаглавленной «*Самореализация*». (1931г.)

Годы с 1909 по начало 1911, когда я был районным судьёй в Тируваннамалае, я считаю благоприятными в моей жизни по той единственной причине, что мне посчастливилось сидеть у ног Шри Багавана. Чем больше я с ним соприкасался, тем более возрастала моя преданность ему. Шри Багаван – это кладезь Мудрости. На вопросы по трудным для понимания темам давались ответы с ясностью и прямотой, которые были бы невозможны, если бы отвечала не реализованная душа, или *дживанмукта*. Он видит всё в себе и себя во всём. **Что бы ни происходило в мире, не способно потревожить его умиротворение, которое превосходит понимание. Он находится вне пар противоположностей и смотрит на события в свете Абсолюта.** Ни разу Мудрец не сделал ничего по собственной инициативе, как если бы он имел определённое желание чего-либо, а также ни разу не заставил других действовать с какой-либо целью. Он обладает всеми чертами *стхитапраджня*, описанными в *Гите*.

Само его присутствие генерирует атмосферу покоя, которая ощущается преданными, с искренностью и верой приходящими к нему. Некоторые из тех, кто приходил к нему с вопросами, обнаруживали, что ответы даны раньше, чем были заданы вопросы. Некоторые находят, что их сомнения рассеиваются, пока они тихо сидят рядом с ним без слов.

5. Ману Субедар был членом Центрального Законодательного Собрания во времена до обретения независимости.

Я ехал один в машине из Катпади в Тируваннамалай и хотел просмотреть свои вопросы и исправить их, если нужно. По мере того, как формулировал каждый вопрос, я обнаруживал, что знаю ответ! Поэтому, когда я вошёл и получил *даршан* Махарши, у меня не было ни одного вопроса.

Я представил Махарши *Авадхута Гиту* и *Аштавакра Гиту*, изданные Трастом в Ахмедабаде, председателем которого я являюсь, и привлёк его внимание к стиху в *Авадхута Гите*, где говорится: «Лишь по Милости Господа в людях, обладающих знанием, рождается желание испытать космическое единение, желание, которое защищает их от огромных опасностей *самсары*».

С безграничным состраданием в глазах Махарши посмотрел на меня и попросил одного из последователей принести книгу. Это была *Маха Бхакта Виджаям* Набхаджи. Багаван открыл книгу и начал читать. (Я с благоговением заметил, что книга открылась точно на той странице, где он хотел читать.) Махарши, казалось, получает удовольствие от чтения.

Есть учителя, которые напускают таинственности, чтобы произвести впечатление на ученика. Махарши, наоборот, учит прямым методом. Он показывает истину, причём всю целиком в самой простой форме, в которой он не только сформулировал её как мысль, но и пережил как опыт.

Взгляд, которым Махарши смотрит на вас – это вопрос. По крайней мере, я так почувствовал. Вопрос: «Я вижу единство, а вы цепляетесь за различия. Почему вы не знаете себя как следует и не осознаёте свою истинную природу? Тогда вы сможете перейти к осознанию единства себя и Абсолюта». Ничто так не поможет тем, кто серьёзно намеревается продвигаться по пути духовного развития, как величественное присутствие Махарши.

В его взгляде есть духовное общение и доброта, выявляющие всё лучшее в человеке. Его присутствие в молчаливые часы действует как катализатор, дающий нам возможность следовать своим духовным стремлениям. Милость и доброта в том, как он смотрит на своих преданных – так мать смотрит на своих детей.

6. Уильям Сполдинг из Нью-Йорка посетил Шри Раманашрам в 1930-е гг.

Когда я сидел в Его присутствии в первый раз, самое сильное впечатление произвело то, что я могу назвать почти осязаемым «золотым сиянием», видимым проявлением огромной духовной силы. Казалось, от Него постоянно исходит сильное и тонкое сияние – и стоило вам однажды почувствовать это, все слова, вопросы, техники медитации и т.д. немедленно растворялись. **Махарши в большой мере обладал тем качеством, которое описывают как «божественное безразличие», приписываемое определённым святым Христианской Церкви**. Это следует рассматривать не как обычное безразличие, а скорее

как благотворное, раскрепощающее, переливающееся через край целительное сияние Реализованного Существа.

7. Грант Дафф (Дуглас Эйнсли) – учёный, правительственный чиновник в Мадрасском округе в 1930-е гг, племянник губернатора Мадраса 1880-х гг.

Не знаю, что случилось, когда я впервые увидел Махарши, но **в тот момент, когда он взглянул на меня, я почувствовал, что он – это Истина и Свет**. В этом не было никаких сомнений, и все накопленные мной за прошедшие годы сомнения и размышления исчезли в Сиянии Святого. Хотя мои визиты в Ашрам были короткими, я чувствовал, что в каждое мгновение строю внутри себя нечто, что никогда не может быть разрушено.

Очень скоро я понял, что нахожусь в прямом контакте с человеком, который вышел за границы чувств и действительно погружён в Абсолют, хотя и проявляется здесь для нашего блага в течение нескольких коротких лет.

(Когда его спросили, как он получил такие впечатления, он искренне признался: Я не могу ответить; как, если бы меня спросили, как я увидел солнце, выглянув в окно, я должен был бы сказать, что с помощью глаз и в связи с этим, включились все другие чувства. Мне не нужны никакие математические или иные доказательства божественности Раманы Махарши).

Если те, в чьей власти посетить Ашрам, промедлят, в будущих жизнях им придётся винить только себя. **Возможно, никогда в мировой истории Высшая Истина – Реальность, *Sat* – не была столь доступна такому множеству людей**. Здесь и сейчас без особых заслуг со своей стороны, мы можем приблизиться к Реальности. Единственной трудностью является оплата путешествия[1], но награда за это – Знание Себя.

Махарши имеет необыкновенную способность проникать внутрь других. Он видит и знает всё о тех, кто приходит к нему. **Махарши особенно привлёк меня своей крайней вежливостью и добротой. Он добр до такой степени, которая превосходит доброту.** Визит к Мудрецу был величайшим событием в моей жизни.

8. Дилип Кумар Рой из Ашрама Шри Ауробиндо был широко известной личностью своего времени и является автором многих книг. Он был *бактой* и музыкантом. Знаменитая фраза Шри Раманы: «*Бакти*– мать *джняны*» была ответом на его вопрос, ценит ли Шри Рамана *джняну* (знание*)* выше, чем *бакти* (любовь*)*.

Впервые я услышал о Рамане Махарши, когда был членом Ашрама Шри Ауробиндо. Я спросил Шри Ауробиндо о Махарши, и он написал в ответ, что это йог выдающейся силы и достижений, и что его духовный подвиг принёс славу Индии. В другой раз он охарактеризовал Махарши как «Геркулеса среди йогов». Так что я с нетерпением ждал возможности посетить Шри Раманашрам.

Оказавшись в Ашраме, я ощутил глубокое беспокойство. Как мог я надеяться получить мир и воодушевление от Махарши, если не смог получить их у ног своего Гуру, который был не менее велик? И всё же я искренне чувствовал, что поступил правильно, придя в поисках воодушевления к великому йогу, которого почитают духовные искатели всех категорий.

[1] Это было написано из Лондона в 1935г. См. Предисловие к *Шри Рамана Гите*, опубликованной Шри Раманашрамом.

Я вошёл в холл, где великий мудрец жил необыкновенной жизнью, благословляя каждого, не принадлежа никому, интересуясь всем, но ни к чему не привязываясь. Он производил впечатление Шивы, великого Божества сострадания, живущего счастливой, свободной и открытой жизнью без стен эго, заточающих высшее видение. То, что я увидел, произвело на меня глубокое впечатление, хотя нелегко описать то, что я увидел, вернее, пережил. Вот человек, который живёт как бог, в высшей степени равнодушный ко всему, чего беспрерывно требуем мы, смертные. Одетый в набедренную повязку, он сидел укрытый великолепием безграничного мира и лишённого эго блаженства, о которых мы можем лишь размышлять, но никогда постичь.

Я коснулся его стоп, а затем, не произнеся ни слова, сел рядом с ним на пол и медитировал, сердце наполнялось странным чувством восторженности, которое углублялось и углублялось до непередаваемого умиротворения и блаженства, длящегося многие часы. Слова кажутся совершенно бледными и банальными в тот момент, когда хочешь описать подлинное духовное переживание, живое, пульсирующее и сильное.

Позже, когда я наслаждался умиротворением, откинувшись в удобном кресле под звёздами, которыми любовался со слезами восторга, я чувствовал глубокую благодарность к Махарши. Я вспомнил его содержательное высказывание: «Просто будь. Всё есть в тебе, только вуаль отделяет тебя. Тебе нужно лишь разорвать вуаль, и тогда просто будь». До сих пор я находил это его любимое высказывание довольно таинственным. Но в этот момент впервые понял его и написал поэму в честь Махарши.

Пренебрежение Махарши к самому себе казалось очаровательным. **Величие легко сидело на нём, как красота на закатном облаке, но с поразительным эффектом**. Все наши представления о том, как должны поступать великие, отклоняются им с улыбкой простого отречения. Я своими глазами видел день за днём в течение своего пятидневного пребывания в Ашраме этого уникального мудреца, похожего на которого, уверен, не встретить нигде в этом огромном мире.

Никогда в своей жизни, полной различных переживаний и путешествий я не встречал человека столь неописуемого и столь глубоко волнующего. Не могу сказать, почему он так глубоко волновал меня взглядом, лишённым мягкого света чувств, и всё же, встречая его взгляд, я погружался в **покой столь же непостижимый, сколь и восхитительный.**

У Махарши нет ни малейшей привычки к претенциозности и собственной важности. Он также не строит ловушек ни с помощью речей, ни с помощью учений.

Я действительно видел человека, который внешне был ничем не выдающимся, ещё менее был красивым или очаровательным, и всё же – как бы это сказать – он был настолько неотразимым и настолько обезоруживающим! Никогда не забуду, как глубоко был тронут, когда увидел его суровое и всё же доброе лицо в свете электрических ламп. Умиротворение, которое я почувствовал, напомнило мне невысказанный вопрос поражённого Поля Брантона(№1): «Источает ли этот человек, Махарши, аромат духовного умиротворения, как цветок источает аромат своих лепестков?»

Я много раз пел песни в его присутствии. И каждый раз был восхищён его добрым взглядом и чарующей улыбкой. **Впервые я понял, что на самом деле означает слово «святой».**

9. Б. Санджива Рао служил в сфере образования во времена до обретения Индией независимости.

Багаван Шри Рамана Махарши – необычная фигура, одна из самых необычных и в то же время самых завораживающих и поразительных личностей всех времён. **Фактически он принадлежит не какому-либо времени, но всем временам, не времени, но вечности.**

Махарши отверг как не имеющее ценности всё, что современный мир ценит более всего. Он не пользуется деньгами, не уважает чины и должности. Его отрешённость столь же полная, сколь совершенная. Ничто, кажется, не обладает силой потревожить его уравновешенность, его изумительное спокойствие и мир. Трагедии не трогают его как личность. Паломники, которые съезжаются на ежегодный фестиваль зажжения огня на вершине Горы и поклоняются ему как символу Шивы, инстинктивно распознают присутствие той же силы в Мудреце и оказывают ему такие же почести. Нет сомнения, что вечная Мудрость, такая же древняя, как Сердце Горы сияет в этих удивительных глазах, которые смотрят с таким совершенным спокойствием и, в то же время, таким глубоким сочувствием на страдающий мир.

Махарши – это живое доказательство древней мысли *адвайты*. Он демонстрирует реальность самопреобразования. Он утверждает, что состояние без эго – естественное, подлинное состояние, что состояние с эго – неестественное, ложное состояние. При отсутствии эго истинное «Я» стоит отдельно от видимых реакций ума. Мудрец наблюдает движения ума с объективной отрешённостью и беспристрастностью, как учёный - исследователь физического явления. Неминуемым результатом такого самоисследования становится успокоение и неподвижность ума.

Махарши представляет самый совершенный пример состояния без эго. Он разговаривает мало, и только тогда, когда находит это необходимым. Молчание для него – это самое сильное выражение Бытия, которому речь только мешает. Он использует Силу своего Молчания самым эффективным образом. Когда какой-либо посетитель предлагает ему проблему, требующую решения, он не даёт ответа, но пребывает в глубинах своего существа. Он становится воплощением самой сути Молчания, и в этой спокойной тишине посетитель чувствует, что его ум успокаивается под воздействием непреодолимого сияния, исходящего от мудреца. В этой тишине проблема исчезает, и посетитель покидает величественное присутствие, изумляясь, какая таинственная сила пришла ему на помощь.

Эго – это атом психического мира. Если расщепление атома дало нам такую мощную силу, то чего нельзя достичь путём уничтожения эго? Мудрец Тируваннамалая может ответить на этот вопрос. Он сам и есть живой ответ.

10. Н. Чандрасегара Айяр был судьёй Верховного суда в Мадрасе.

Я лишь дважды выразил почтение мудрецу, и был поражён его большими светящимися глазами, которыми сама душа заглядывает в нас.

Когда он устремляет на нас пристальный проницательный взгляд, кажется, что он видит внутренний часовой механизм в прозрачном корпусе; и у вас появляется чувство, что мягкий поток милости течёт от него к вам.

Он – настоящий клад духовной энергии и мудрости. Он излучает *шанти* или Мир, а те, кто приходит в соприкосновение с ним, ощущают тонкое божественное влияние глубоко проникающее в них. **Такие люди принадлежат к высочайшей категории своего**

рода. Он говорит очень мало, но когда говорит, его слова произносятся медленно, с продуманным и впечатляющим эффектом. **Его молчание, однако, более красноречиво, чем речь.** Дрожание его головы наводит на мысли о знаменитом поучении из Упанишад – не это, не это.

Совершенная отстранённость, безразличие к боли и удовольствиям, абсолютное самоотречение, истинная уравновешенность ума являются признаками индийских *риши.* Шри Рамана принадлежит к этой великой иерархии *Провидцев.*

Быть в его присутствии само по себе волнующее переживание возвышения души; получить несколько слов наставления от него – редкое блаженство; получить его благословение – значит убедиться в особой удаче.

11. Элинор Полин Нои из Калифорнии посетила Ашрам дважды в 1940г. и жила там около десяти месяцев.

Сердце трепетало в ожидании, когда меня отвели в холл. Войдя, я почувствовала, что атмосфера наполнена Чистотой и Блаженством Шри Багавана. В присутствии Мудреца чувствуется дыхание Божественного**. Когда он улыбался, как будто распахивались Врата Рая. Я никогда не видела глаз, более освещённых Божественным Светом – они сияют как звёзды**. Его взгляд Любви и Сострадания был благословением, проникшим прямо в сердце. Меня сразу потянуло к Нему. В Его святом присутствии чувствуется возвышающее влияние и невозможно сопротивляться ощущению Его необычайной духовности.

Для Него нет необходимости говорить, Его молчаливое воздействие любви и света более могущественно, чем любые слова. Я думаю, на земле сегодня нет никого другого, такого как Он. Увидеть Его значит любить Его. Когда я смотрела на спокойное лицо Шри Багавана и в Его глаза, светящиеся милосердием, моя душа была взволнована. Он знал, как сильно я нуждаюсь в Нём, когда смотрел мне прямо в сердце. Каждый, кто к Нему приходит, счастлив; внутреннее умиротворение, принадлежащее Ему, окутывает всех.

Я четыре года страдала бессонницей, хотя принимала лекарства, но ничего не сказала об этом Шри Багавану. Удивительно, но я крепко спала в первую же ночь и потом, не принимая лекарств. Получив «Лекарство всех лекарств», неисчерпаемую милость Господа, я встала на следующее утро освежённая, как будто заново родилась на свет. Вскоре после этого, когда я стояла у ворот однажды днём, Шри Багаван остановился по дороге на гору и спросил, ощущаю ли я больше покоя. Его любящая забота заставила меня почувствовать себя как дома; а когда Он улыбнулся, радость моя не знала границ.

Уезжая из Америки, я стремилась обрести покой**. Здесь, у стоп Бога Любви, покой и счастье увенчали и обогатили мою жизнь**. Знаю, что Багаван привёл меня в этот рай отдыха. Просто словами никогда не выразить покой и радость, которые ощущаются в Его Присутствии; это нужно пережить. Здесь человек может действительно увидеть проблеск Бога. **Самым Счастливым переживанием в моей жизни было пребывание у стоп Багавана Шри Раманы Махарши.**

Ашрам очень простой, но в этом заключается его очарование. Это поистине Святая земля. Воздух пропитан Его покоем и любовью. В полнолуние особенно замечательно пройти вокруг горы. В этой глубокой тишине и спокойствии действительно слышишь голос Бога.

Я неохотно планировала свой отъезд. Я полюбила это место, и в последние дни была очень печальна. Шри Багаван сказал: «Я всегда буду с тобой, куда бы ты ни поехала».

Когда наступил последний день, я не могла сдерживать слёзы. После обеда, когда я сидела возле Шри Багавана, Он улыбнулся и сказал: «Она весь день плачет; она не хочет покидать меня!» Позже я подошла к Нему за благословением. Боль расставания почти превосходила мои силы; со слезами на глазах я преклонила колени с глубочайшим почтением и преданностью перед моим возлюбленным Мастером. Пусть Он всегда будет моим Отцом, Матерью и Господом; и пусть я всегда буду Его ребёнком, и, что бы я ни делала, пусть это будет во имя Его.

***Она написала следующее после маханирваны Махарши.*:**

Какую дань может свеча отдать солнцу? Нам не удаётся высказать то, что мы лучше всего понимаем. Слова не могут выразить безграничную любовь и нежность, которые мы переживали в те дни рядом с ним. Казалось, он прижал нас к груди, как мать прижимает к груди своих детей. Когда мы наблюдали его полное смирение, на ум невольно приходили мысли о Господе Иисусе перед распятием. Шри Багаван относился к своему телу как к чему-то отдельному от него. По мере того, как тело становилось слабее, его лицо становилось всё более сияющим, глаза лучились, как две звезды. Он всегда пребывал в Абсолюте. За несколько дней до того, как уйти, он заметил: «Говорят, я умираю, но я буду более живым, чем раньше». Теперь он везде.

Всемирно известный психолог д-р К.Г. Юнг из Цюриха сказал: «То, что мы видим в жизни и учении Шри Раманы есть чистейшая Индия, со свойственной ей широтой освобождённого мира, несущая освобождение человечеству».

12. К.С. Венкатарамани был Советником в Раджастане.

Истина или Реальность неописуема, а слова больше скрывают, и меньше выявляют. Слова никуда нас не ведут в Самореализации. Поэтому, ничто не сравнится с погружением в непосредственное присутствие Шри Багавана.

Его присутствие возбуждает вашу *swanubhava* и выводит вас на бессмертный путь Самоисследования. Его молчание нападает из засады на ваши сотни сомнений ума в его присутствии. **Шри Багаван – это океан покоя. В его присутствии ощущается Покой, превосходящий понимание. Он приветствует вас и обнимает вас не обезьяньими руками ума, а невидимыми божественными щупальцами своего сердца. Он касается вас прикосновением четвёртого измерения: прикосновением Мастера, которое отделяет ум от оков его драгоценного мира эго.**

Как безгранична Милость Шри Багавана, но как мало пользы мы извлекаем из неё! Он течёт величественно, как глубокая полноводная река, невнимательная к расточительности и невежеству людей, обитающих на её берегах. Есть у Шри Багавана природная величественность как у ветра, у волн, у солнца и звёзд.

Высшая *садхана* Шри Багавана для Самореализации – это «Самоисследование». Для этого не нужны асаны или ритуалы йогов, а усердное направление ума вовнутрь. Это кратчайший, хотя и самый трудный, прямой путь достичь очищения ума. Это процесс, который сначала доводит ум до усталости, недовольства и грубости. Он может поначалу вызвать лишь густой дым без искр, как сырые дрова в костре. Но если вы достаточно долго упорствуете, вы обязательно будете вознаграждены пылающим светом, бездымным и ярким.

13. Д-р К. Канан Раджа был директором библиотеки Теософского общества в Мадрасе.

В тот единственный день в Ашраме я сел в холле вместе со всеми и сидел в течение многих часов до и после обеда. Кроме короткого приветствия и ответа на него, я совсем не разговаривал. Хотя между нами не было разговора как такового, происходило непрерывное общение.

Огромное впечатление произвел покой, невозмутимое спокойствие, царившее здесь от присутствия Махарши. Он редко говорил. На лице всегда было выражение безмятежной радости; иногда оно озарялось сиянием блаженства; временами я замечал, что он входит в состояние *самадхи* или транса. Но это выражение блаженного покоя было всегда. Не могу сказать, что он не осознавал своё окружение; он всегда был во всей полноте непрерывного осознавания, но окружающее не вызывало в нём никаких колебаний. Когда люди простирались перед ним, или когда они делали подношения, на его лице всегда было то же выражение. Любые формы приветствий, любые формы обращения были ему безразличны. Для него это было одно непрерывное состояние безмятежного покоя и радости – *ананда*.

Он казался совершенно безразличным к тому, что происходит вокруг, но был не только внимателен, но и бдителен к правильному произнесению тамильских стихов.

Сам факт, что Махарши расспрашивает о посетителях, просматривает почту, уделяет внимание чистоте и порядку в своём окружении, придерживается определённых действий в повседневной жизни и придерживается их с пунктуальностью, показывает, что для него этот физический мир является неотъемлемой частью Реальности.

Махарши – лингвист, знающий помимо родного тамильского, на котором он прекрасный автор и поэт, ещё и английский, санскрит, телугу и малаялам. Он с совершенной лёгкостью говорит на трёх южноиндийских языках.

Мне очень повезло посетить Ашрам. Раньше я только читал о Махарши в *пуранах*. Присутствие Махарши в этом мире во времена полного беспорядка в науке должно открыть глаза учёным, заставить их подумать о расширении сферы науки до включения в неё истины о самом учёном, вместо того, чтобы сводить науку к тому, что учёный видит как внешнюю, объективную реальность[1].

14. Мадан Мохан Варма, секретать университета Раджпута, позднее председатель Комиссии по вопросам государственной службы в Джайпуре.

На пятьдесят лет *Пуруша* (Бог) избрал для блага человечества смертное тело, известное как Рамана, сияя сквозь него для всех, кто способен видеть, слышать и «чувствовать» ЖИЗНЬ, поддерживающую тело. Человечество достигает своего высшего уровня в подобной жизни, поэтому, **несомненно, подобная жизнь есть благословение для человечества**.

[1] Ср.: Поль Брантон: «Самые поразительные открытия случатся, когда наши учёные ненадолго отвернутся от металла, камня и электричества, чтобы изучить и исследовать природу себя в лаборатории человека. Учёные уже знают, что настоящий видящий орган зрения не глаз, а мозг, использующий глаза. Им ещё предстоит обнаружить, что же это работает в мозге. А когда они сделают это, они войдут в контакт с реальной сущностью человека, сущностью, из которой происходят и поддерживают своё существование и ум, и тело» *Послание с Аруначалы* (1936г.)

Потрясённый тяжёлой личной трагедией, которая в одночасье выявила пустоту религиозных исследований и устремлений всех предыдущих 25 лет и была типичной для введённого в заблуждение ума, автор отправился за 2000 миль в Тируваннамалай. Пять дней у Мудреца в Ашраме, а чуда нет. Автор вернулся слегка успокоенный, но и слегка разочарованный. Он забросал Махарши множеством «вопросов» на религиозные темы. Но тому было безразлично. Лишь когда автор с печалью, тенью лежавшей на сердце, попросил разрешения удалиться, он милосердной улыбкой дал благословение, которое всё ещё свежо в памяти автора – благословение, которое, казалось, поднялось из таинственных глубин Сердца, и подобного которому он никогда раньше не получал ни от одного из смертных.

В прошлом автору довелось встретиться со многими великими людьми, слушать их речи, читать их учения и следовать их наставлениям. Нередко он чувствовал воодушевление и приподнятость. Но, как морская волна, всё это со временем отступило. Однако, в этот раз, О, Махарши! Какую «Бомбу замедленного действия» ты украдкой заложил в меня, которая с тех пор регулярно подрывает замки, с любовью возведённые эго. Хотя внешне жизнь остается такой же, как и всегда, игрушкой *гун,* корабль жизни таинственным образом поменял курс. И пока все оковы как и раньше видятся во всем своём великолепии, но золотые путы каким-то образом, кажется, теряют своё «золото». **Из «вне» ты толкнул меня «вовнутрь». Ты благословил меня своим прикосновением, убрал многие хитросплетения заблудшего ума и подтолкнул меня от «периферии» к «центру». Дань? Тебе не нужна дань от меня. Но какую дань может бедная свеча поднести солнцу?**

15. Элла Мэйларт, писатель-путешественник и фотограф из Швейцарии, встретилась с Махарши в 1940-х гг. Две очаровательные фотографии Шри Раманы, сделанные ею, включены в фотоальбом *Свет Абсолюта*, изданный Центром Раманы Махарши в Бангалоре.

Не в моей власти описать неуловимую атмосферу, которая делает это место (Ашрам) уникальным в его сдержанной и строгой красоте.

Иностранцы, познакомившись с Махарши, вынуждены признать, как они озадачены бездеятельностью Мудреца. Мы, отождествляющие себя со своим телом, убеждены, что нужно быть явно деятельными. Мы забываем, что бездеятельность является основой последующей активности; что полезное колесо не могло бы существовать или двигаться без неподвижного центра.

Я явственно почувствовала в Тируваннамалае, что такие великие люди, как Махарши, есть соль земли. Нечто непостижимое исходит от этих реализованных людей; они освящают землю своим присутствием. Мудрец достиг убеждённости, которая делает его свободным от беспокойства, свободным от страха, желания и сомнения – он может делать то, что не может ни один из нас, потому что у него нет эго. Те, кто живёт рядом с ним, уверены, что он знает, о чём говорит, знает, «отчего и почему» то, что их тревожит. Они перестали постоянно беспокоиться из-за проблем, которые им никогда не решить.

Он – связующее звено между тем, что мы называем реальным миром и Непроявленным. **Он – живой символ того знания, без которого человечество сегодня не что иное, как жалкая шутка**. Он вселяет умиротворение в сердце каждого человека.

Что мы видим сегодня на Западе? Каждое мгновение добавляет отчаяния людям, потерявшимся в бесплодных поисках. Распространяется безнадёжность, каждый должен искать решение на узких дорожках, большинство из которых упирается в тупик.

Мудрец Веданты символизирует связующее звено между непознаваемым и человеком. Мудрец опирается на бездеятельную активность и несёт бессловесное учение.

16. Свами Сиддхешварананда, разносторонне образованный знаток Веданты, был главой Миссии Рамакришны в Париже.

В своей статье профессор М. Лакомб из Университета в Париже писал о Махарши следующее: «Его личность излучает силу, состоящую из интеллекта и совершенного владения собой. Сверкающий взгляд, глубокий и внимательный, Олимпийская мягкость жеста, стройный и изящный в неподвижном теле, он считается отличными знатоками самым подлинным йогом, достигшим высшей Реализации».

Шри Рамана разъясняет систему мысли и философию жизни, воплощающую суть Ведических учений. Махарши открыл Истину; он обнаружил её самостоятельно, без внешней помощи, и имел прямое переживание Атмана. Это называется *апарокшанубхути*. Это отличается от всех знаний, полученных интеллектуальными усилиями. Тот, кто имеет прямое переживание Атмана, считается освобождённым уже при жизни. Его называют *дживанмукта*. **Существование таких людей, которые являются живым воплощением Истины, делает Истину доказуемой**. Ведическая реализация этих великих людей даёт возможность практического применения, их реализация поднимает уровень человеческого сознания.

Махарши – *таттва джняни* и поле его поиска и переживания гораздо шире, чем у мистика. Мудрец выходит за пределы трёх *гун*.

Любой, кто имеет возможность наблюдать Махарши непосредственно, хорошо знает, что он ни «экстраверт», ни «интроверт». Он самый нормальный человек, которого только можно найти. Он настоящий *стхитапраджня,* человек, чей ум имеет прочное основание. Я видел его явно погружённым в себя, но когда кто-либо в конце холла ошибался в декламации определённых тамильских стихов, Махарши открывал глаза, исправлял ошибку, затем опять закрывал глаза и возвращался в своё прежнее состояние.

Увидев его, я нашёл в нём совершенный пример того, что Шри Шанкарачарья описывает в *Вивекачудамани*, объясняя, что характеризует *дживанмукту*. Стих 429: Тот, кто, даже когда его ум погружён в *Браман*, тем не менее, полностью бодрствует, и в то же время свободен от признаков состояния без сна, и чьё сознание свободно от всех желаний, должен считаться человеком, освобождённым ещё при жизни.

По моей просьбе Махарши прочитал несколько строк из сочинения Святого Маникьявачагара, в которых автор говорит о состоянии души, тающей от любви; едва Махарши прочитал несколько строк, как его лицо засветилось. Он, который редко проявлял чувства как-либо внешне, не мог сдержать нескольких тихих слезинок. Косой луч утреннего солнца из-за склона горы сделал всю сцену ещё ярче. Покой, превосходящий понимание, заполнил всё пространство. Более часа стояла совершенная тишина. Казалось, ожила одна из фресок Аджанты.

Махарши можно лучше всего описать словами *Гиты*: Тот, кто удовлетворён в Себе самом самим собой (II.55); тот, кто владеет собой (XII. 14); тот, кто имеет твёрдую решимость (XII.14); тот, у кого нет желаний (XII. 16); тот, кто отверг любую деятельность (XII. 16); удовлетворённый всем (XII. 19); сидящий беспристрастно (XIV. 23). Далее, он – человек, который наслаждается здесь и сейчас только Атманом, и только Атманом

удовлетворён – для него нет работы, которую он должен выполнять. (III. 17); тот, кто внутренне счастлив, наслаждается, и кто становится Светом внутри, тот йог становится *Брахманом* и осознаёт запредельное Блаженство *Брахмана*. (V. 24)

В соответствии с комментарием Шанкары к 89 *Карике* 4-й главы *Мандукья Карикий*, **Махарши – это *Махадхи*, или человек высочайшего интеллекта, так как он понял то, что превосходит все переживания, свойственные человеку. Его всеведение постоянно и не уменьшается.**

Он – человек, который не стремится обратить вас в другую веру. Он не имеет миссии, которую надо выполнить. В соответствии с Шанкарой в *Нирванаштака,* только он один может сказать: «У меня нет ни смерти, ни страха, нет различий положения или класса. У меня нет ни отца, ни матери, ни друга, ни учителя, ни ученика; я – Абсолютное Знание и Блаженство. Я – всепроникающий *Атман*, я – всепроникающий *Атман*».

Как великий огонь, горящий на вершине Горы Аруначала, **Махарши – подлинный маяк для тех, кто хочет отыскать в современной Индии возрождающее к жизни воздействие Упанишад, освящённых временем.**

17. Кришнасвами Айяр был Главным судьёй бывшего штата Траванкор (Керала).

Я впервые увидел стройную фигуру йога, который был похож на пламя свечи. Свеча теперь превратилась в Шри Раманашрам. Пламя всё ещё горит там, как и раньше. Парадокс заключается в том, что именно пламя питает свечу, а не свеча пламя.

Багаван Рамана – выдающаяся личность. Он стал теперь расширяющимся пространством. Ашрам не может заинтересовать тех, кто не научился искать сокровища внутри человеческого сознания, или улавливать послание тишины. Тому, кто жаждет, Багаван Рамана покажет мир внутри.

Багаван Рамана часто говорил искателям истины, что если познать себя, то познаешь также и мир. Это должно означать просветление духа и его возвышение.

Послание мира и любви, медитации и осознавания, служения и универсальности имеет огромную ценность для перехода человечества на более высокий уровень. Шри Раманашрам – это оазис в пустыне современного мира. Это источник любви и жизни.

18. К. С. Рамасвами Шастри был главным судьёй бывшего района Пудукоттай (штат Тамилнад).

Я часто ездил к Махарши за эти сорок с лишним лет (написано в 1946г). Я видел его в маленькой пещере на горе, поглощённого мистическим непрерываемым молчанием. Я также видел его, когда он спустился с горы. Я забрасывал его вопросами о душе, а он обычно улыбался и давал короткие, ясные, благостные ответы, рассеивающие мои сомнения. **Отравленный миром ум смягчался, успокаивался и очищался в присутствии Мудреца.**

Когда мы сидели перед ним, время проходило, а мы не замечали его течения. Каждый чувствовал внутреннее освобождение и был счастлив, как птица, парящая в бескрайнем голубом небе. Внутреннее Полнолуние Божественного Восторга освещало небосвод всех сердец. Тогда в памяти возник отрывок о Христе из De Profundis Оскара Уайльда: «В том и заключается очарование Христа; когда всё уже сказано, Он просто как произведение искусства. Он ничему на самом деле никого не учит, но, попадая в его присутствие, человек меняется». Я чувствовал, что мне предназначено судьбой быть в присутствии Мудреца, и ушёл в тишину ночи, отдалившись от него физически, но приблизившись к нему духовно.

Махарши жил в непрерывном общении с Атманом, и стал *sthitaprajna* (человек устойчивой мудрости). **Религия Махарши – самая универсальная из всех**: Измени свой ум, зачем менять окружение и убегать в лес? Обрети самоконтроль, знание себя и уважение к себе. *Атма - сиддха* есть высочайшая *сиддха*. Учение Махарши о самоисследовании – это евангелие Упанишад. Оно очищает и погружает ум в себя.

19. Доктор К.С. Варадачарья был учёным из Тирупати.

Шри Рамана Махарши – это рассвет в духовном понимании современного дня. Мы наслаждаемся ароматом его присутствия, но, очевидно, не можем знать, до каких внутренних глубин доносится этот аромат.

В апреле 1937г. **мне посчастливилось видеть его лицом к лицу. Этот *даршан* Мудреца – сам по себе переживание. Его невозможно описать. Очень непроизвольный и многозначительный, очень ненавязчивый, но огромной важности, приятный, проникающий до самых глубин и воодушевляющий.**

Сознание Шри Раманы, озарённое огромной силой различения, ведёт к поиску природы Атмана, который все мы называем Я, к его источнику. «Кто я?» - фундаментальный вопрос сформулированный Шри Раманой. Этот вопрос сравним со знаменитым вопросом Канта[1]: «Как можно переживать?» Вместо того чтобы спуститься по коридору к «феноменальному» бытию, как Кант, Шри Рамана восходит к «ноуменальному» бытию (которое в кантовой философии есть вещь в себе, независимая от чувственного или интеллектуального восприятия).

Шри Рамана возвращает человечеству Реальность древних провидцев, *риши*. Он раскрывает Гималайские возможности мира – мира в душе, уничтожающего всю борьбу – и вечной жизни, не терпящей сомнений и раскола.

Жизнь Шри Раманы несёт свидетельство нетленной действенности учений Ведических провидцев, и продолжает непрерывную духовную традицию философии *санатаны*. Да пребудет Шри Рамана с нами всегда!

20. Гиридари Лал жил в Ашраме Шри Ауробиндо в Пондичери в 1940-е гг.

В книге «*День за Днём с Багаваном*» Девараджи Мудальяра (№35) есть следующая запись, датированная 18 марта 1946г.:

Отвечая на вопрос Гиридари Лала: «Когда завершится *кали-юга*, которая длится так много тысячелетий?», Багаван сказал: Я не считаю время реальным. Поэтому мне неинтересны подобные вещи. Мы ничего не знаем о прошлых *югах*. И также ничего мы не знаем о будущем. Но знаем, что существует настоящее. Давайте узнаем сначала об этом. Тогда сомнения исчезнут. Время и пространство всегда меняются, но есть нечто вечное и неизменное. Например, мир и время, прошлое или будущее – ничего этого нет для нас во сне. Но мы сами есть. Давайте постараемся узнать то, что неизменно и существует всегда. Какая польза от того, что мы узнаем, что *кали-юга* началась в таком-то году и закончится через много лет?

В ответ на вопрос преданного о том, почему *пураны* называют точную продолжительность каждой юги, Багаван сказал: Колоссальная продолжительность времени

[1] Знаменитый немецкий философ.

для каждой юги может быть просто приёмом для привлечения внимания к тому, что даже если бы человек жил до ста лет, его жизнь – всего лишь мелкая незначительная крупица *юги*. Поэтому, он должен правильно видеть своё смиренное место во всём мироздании и не ходить с распухшей головой, считая себя очень важным. Вместо размышлений о том, что есть человеческая жизнь в сравнении с вечностью, его научили думать о том, как короток его век.

21. Профессор Б.Л. Атрейя возглавлял отделение философии и психологии Индуистского университета в Бенаресе.

Мне посчастливилось провести в Ашраме Шри Раманы Махарши короткое время в марте 1940 г. Он произвёл глубокое впечатление на мой ум, сформированный изучением научных и философских трудов как Запада, так и Востока. Главная особенность жизни Раманы Махарши заключается в том, что, хотя он и сформировал и совершенствовал свою личность по Адвайта Веданте, чисто индийскому пути самореализации, его высоко ценят и посещают западные искатели и те индийцы, которые получили западное образование.

Величие Раманы Махарши имеет глубокие корни. Оно основано на его жизни в соответствии с мировоззрением Адвайта Веданты, которое утверждает, что реальность едина, без второго, что всё в этой вселенной есть единая Реальность, которая есть Бытие-Сознание-Блаженство. Действительно, для него нет ничего чуждого, никого другого, ни одного события нежеланного. Для него идеальное реально, а то, что реально – идеально. У него ни к кому нет никакого другого отношения, кроме любви. Любовь, расположение, доброта, сострадание и т.д., которые являются выражением одного и того же, и чувство единения со всем исходят от него всегда. *Джняна* – как *акаша* (небо). Высшее Я, которое познаётся через *садхану* – как эфир. Различные объекты, которые мы видим в мире, а также души – тоже как эфир. Поэтому, кто кого познаёт? Что нужно познать посредством чего? Высшее осознание состоит в том, что нет множества. Истинное знание не имеет «различия». Это знание есть *Атман*, божественный свет. Это знание есть Багаван Рамана Махарши. В этом секрет уникального величия и широкой известности Махарши. Всё человечество должно почитать этого великого Мудреца, который находится среди нас.

22. Оливер Лакомб был Атташе по культуре Генерального Консульства Франции в Калькутте.

Визит, который я имел честь нанести в мае 1936г в Тируваннамалай, был коротким. Его продолжительности, однако, было достаточно, чтобы произвести сильное впечатление чувством, что я встретился здесь на несколько мгновений с **настоящим мастером, исключительно подлинным представителем индуистской духовности.**

Шри Рамана Махарши имел ряд психических духовных переживаний, древних, как Упанишады. Учение Мудреца Раманы своим афористичным характером, а также благодаря сильной личности автора, поднимает на высочайший уровень всю традицию Адвайты. Метод Махарши заключён в простом вопросе: «Кто я?» Ему достаточно всего лишь трёх слов, чтобы изложить длинное традиционное описание пути освобождения. Как говорится в *Брихадараньяка Упанишаде*: «Поистине, только атман должно видеть, только ему должно внимать, только о нём должно думать и размышлять…»

Удивительное сравнение с ныряльщиком из *Ulladu Narpadu*[1] наиболее живо выражает этот метод: Как тот, который ныряет, чтобы найти то, что упало в воду.

23. Профессор Саид М. Хафиз возглавлял философский факультет университета в Аллахабаде.

В отличие от всех святых, мудрецов и пророков, Махарши – единственный мудрец, который осознал Вечную Истину и хранит огонь духовной мудрости. Он – вечный источник воодушевления для искренних искателей на пути духовного развития. Без него в мире не было бы света, чтобы рассеять мрак материального существования. Шри Рамана воплощает в себе Истину вне времени и пространства. **Он занимает высшую ступень в сфере духовного достижения и является истинным благодетелем всего человеческого рода**. В нём мы видим ту чудесную реализацию, которая и включает и превосходит все религии. Его учение даёт наиболее ясное выражение того невыразимого универсального духовного переживания, в поисках которого каждый серьёзный искатель ступает по пути внутреннего духовного развития.

Махарши никогда не высказывался категорически, не проповедовал, никогда не давал никаких мантр, и не ждал, что люди будут следовать какому-либо установленному способу поклонения.

То, что Махарши делает для нас, невозможно выразить словами. Его незаметный пристальный взгляд молчаливо, ненавязчиво преображает жизнь мужчин и женщин, которые, благодаря прошлым хорошим поступкам, собрались вокруг него, ожидают его милосердного внимания и отеческого руководства. Вся его великая работа для развития и улучшения человечества происходит незаметно и молчаливо. **Его молчание более красноречиво, более эффективно, простирается дальше, чем проповеди любого количества учителей, собранные вместе**. Его милость всегда доступна нам. Всё, что мы должны сделать – это подготовить себя своими усилиями и самоочищением, сделать себя достойными его внимания.

В марте 1935г. я прочитал *Путешествие в тайную Индию* Брантона (№1), и приехал в Ашрам в декабре того же года. Я снова посетил Махарши в 1936г. 1937год был самым важным в моей жизни. Мне пришлось более месяца жить в одной из комнат Ашрама из-за серьёзной болезни. Именно в эти дни **я ясно осознал его величие как божественного мастера, одарённого всеми духовными и человеческими качествами**. Пока я лежал с высокой температурой, Махарши был настолько внимателен, что проведал меня три раза и своими руками готовил мне *упма*[2].

Высокая температура повлияла на моё зрение. Прощаясь с ним, я прикоснулся к его стопам, а затем коснулся своих глаз. Этого было достаточно моему сердцу для гарантии того, что зрение не подведёт меня. Оно не подвело. Мне никогда не забыть его милости, дарованной мне во время серьёзной болезни. Я ничего не знал о ней до тех пор, пока не вернулся домой в Северную Индию и не почувствовал очищающий эффект в своей жизни. С 1943 не было ни одного года, чтобы я не посетил его. **Его сострадание было столь же велико, как и его духовность. Человеческие страдания или даже рассказ о них трогали его сердце.**

[1] *Реальность в сорока стихах*, написанных Шри Раманой.
[2] Южноиндийское блюдо – манная каша со специями.

Всё, чего он от нас ожидал – это вплотную критически проанализировать содержание своего бытия, обнаружить, чем мы на самом деле являемся, увидеть, есть ли в нас что-либо, что переживёт разрушение нашей телесной оболочки. **Его слова проникали прямо в сердце, потому что он жил так, как учил.**

Общение с Шри Раманой может изменить наши взгляды и убедить нас не только в реальности, но и в огромном значении духовных ценностей. Он не верит в пропаганду любого рода, а также не читает лекций никому из своих многочисленных поклонников и преданных. **Большую часть времени он сидит в тишине, преображая сердца и умы тех, кому посчастливилось быть рядом**. Живым примером своей очень правильной и практичной жизни он помогает нам и изменяет нас. Его простая, понятная незамысловатая философия, ярко отражённая в его повседневном поведении, служит ключом, чтобы открыть тайну жизни и на практике решает некоторые сложные социальные, политические и экономические проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Он учит, что есть только один Атман, Одна Жизнь, которая вибрирует в каждом атоме, Один Свет, вибрирующий в каждом создании, Одна Любовь, которая содержит всё в Единстве. По Шри Рамане, пока вы не осознаете чистоту и добродетель в себе, вы не можете сделать ничего, что по-настоящему хорошо для «других».

Мудрец Аруначалы – это настоящий духовный учёный, который применяет научный метод подхода к Истине путём исследования сферы Неизвестного с помощью своей гениальной интуиции, в которой растворился интеллект. Он достиг самореализации с помощью собственного усилия и интенсивного самонаблюдения. **Он – величайший из современных Мудрецов Индии.**

24. А.С. Панчапагеша Айяр состоял на государственной службе до обретения Индией независимости.

Впервые меня привлекло к великому Мудрецу Рамане после прочтения его книги *«Кто Я?»* Мне сразу понравилось это ясное изложение предмета, которое чисто по-индийски объясняло, что подлинное Я – это не грубая телесная оболочка и не кисея ума, и не паутина эго, а нечто выше и вне всего этого, а именно – *атман*. Он говорит всем и каждому: «Смотрите внутрь, не смотрите по сторонам».

Так же, как для управления финансами страны нужен грамотный финансист, который создаст избытки для выплаты всех долгов и обеспечения свободы, так и людям нужен Божественный человек как Рамана Махарши, чтобы вести их, позволить им приумножать свои достоинства и избавляться от недостатков и обеспечить свободу. Неудивительно, что люди с разными характерами собираются в Шри Раманашрам, чтобы увидеть Мудреца, побывать в его присутствии и получить наставление.

Жизнь Махарши – это «жертвоприношение знания» путём его распространения среди всех и каждого. Каждый может прийти и сидеть рядом с ним, приглашённый или без приглашения. Каждый может участвовать в скромной трапезе в Ашраме, местный или иностранец, представитель высшей касты или изгой. В Махарши нет и следа принадлежности к касте, убеждениям, цвету кожи, расе, классу, полу или стране. **Он пожертвовал не только всеми идеями частной собственности в своём высшем стремлении обладать душой, он пожертвовал также и личным временем**. Он сидит изо дня в день в этом маленьком холле и даже спит в присутствии всех. **Он – высочайший**

пример того, каким должен быть мудрец. Он никогда не жаждал ни женщин, ни денег – пользуясь выразительным языком Шри Рамакришны, был совершенным *брахмачарьей*. Он – воплощение индуистской истины, что *карма, джняна* и *бакти* есть одно, и что человек может достичь Бога даже в этой жизни. Он не верит в учеников, хотя многие объявляют себя его учениками. Он не советует практиковать йогу, и даже молчание, хотя сам практикует и то и другое. Сосредоточенный на тишине как *муни*, он начал учить как *риши*.

Человеку, который заявил, что совсем не может понять мир, Шри Рамана ответил: «Так же, как существуете вы, существует и этот мир. Без понимания себя, какая польза от попыток понять мир?» Другому человеку, который настойчиво спрашивал: «Почему Бог так несправедлив?», Махарши холодно отвечал: «Зачем спрашивать у меня? Идите и спросите у Него». А когда тот сказал, что не может пойти и спросить у Него, последовал быстрый ответ: «Если вы не можете даже приблизиться к Нему, как вы можете в Нём сомневаться?»

Нам поистине повезло, что Махарши находится среди нас. Было бы бесконечно жаль, если бы духовный генератор, такой как у Шри Раманы, не использовался на полную мощность. Ему не нужно разрешение; он не требует платы; он не требует придерживаться какой-либо догмы. **Он, как реки и горы, есть общее достояние человечества.**

25. Профессор Т.М.П. Махадеван возглавлял факультет философии Мадрасского университета.

Мы слышим о Шуке и Яджнавалкье; мы читаем о Гаудападе и Шанкаре. Но здесь перед нами современный свидетель Вечной Истины Веданты, красноречивый комментарий к Упанишадам. В его присутствии мы кажемся такими маленькими, ограниченными спиралью времени.

Махарши говорит нам, что мы никогда не достигнем Реальности, если будем принимать внешнее за реальность: мир сновидений кажется нам всем слишком реальным, пока мы пребываем в нём; но как только проснулись, мы осознаём его иллюзорность.

Махарши редко говорит. Он считает, что Истине лучше учить в молчании. Он говорит: «Молчание всегда говорит, это вечный поток речи». Для пользы тех, кто не может понять язык Молчания, Махарши иногда говорит, но, в то же время, предупреждает, что вопросы и ответы лежат в пределах *авидьи (незнание)*. До наступления рассвета мудрости, обязательно будут возникать сомнения. Когда Атман осознан, больше нет проблем, которые нужно решать.

Метод Самоисследования Махарши заканчивается самоуничтожением ума; он даёт нам инструмент, которым ум уничтожает себя, таким образом, открывая Атман. Махарши побуждает нас задать себе вопрос: «Кто Я?» Но это не пустая формула или бесполезная мантра для бормотания. Необходимы терпеливые, разумные, напряжённые усилия, прежде чем вы продвинетесь в этом трудном путешествии.

Махарши учит, что Сердце с правой стороны груди есть местопребывание Атмана. Он очень ясно даёт понять, что любая ссылка на физическое тело делается только с эмпирической точки зрения. С абсолютной точки зрения, невозможно определить местонахождение Сердца или Атмана в любой точке тела или вне его. Таким образом, когда любая часть тела упоминается как местоположение Атмана, это служит только для того, чтобы облегчить понимание обычному человеку.

Невозможно осознать Атман, если есть привязанность к объектам чувств. Махарши сказал *грихастхе* (который мучился мыслью, что это презренное положение,

препятствующее духовному достижению): «Продолжаешь ли ты заботиться о семье или отрекаешься и уходишь в лес, ум преследует тебя. Препятствием является ум; его и надо преодолеть, будь то дома или в лесу». Эти слова, однако, следует толковать с большой осторожностью. Они были ответом *грихастхе* (домохозяину), который пытался определить относительную ценность своей *ашрамы* и *саньясы*. Если бы он действительно жаждал отречения, он бы не спорил и не сомневался. Тот, кто ощутил жжение раскалённого докрасна железного прута, не промедлит и мгновения, чтобы отбросить его.

Когда я впервые увидел Мастера, его голова уже покачивалась. Покачивание головы казалось мне утверждением «*neti*», «*neti*» (не это, не это). Многие, приходившие с длинным списком вопросов, уходили в молчании, немного посидев в присутствии Мастера. Когда он решал отвечать на вопросы, каждое предложение было как текст из Упанишад, так исполнено смысла, что для полного понимания требовалось спокойное, безмолвное размышление.

Я с детства изучал *Гиту* и видел в Багаване живой комментарий к этой великой рукописи. В 1948-49гг. во время чтения лекций в Соединённых Штатах я часто повторял, что если в Индии и жил кто-либо, соответствующий истине Вед, то это Рамана Махарши.

Критики *адвайты* часто говорят, что *адвайтин* – это суровый интеллектуал, в котором все колодцы чувств высохли. Те, кто видел Мастера, знают, насколько беспочвенна подобная критика. Шри Рамана всегда был полон до краёв молоком священной доброты. Даже животные получали свою долю безграничной любви Мастера. **Он был совершенным мастером своего дела в жизни. Всё, к чему он прикасался, становилось правильным и приятным.**

26. Данкан Гринлиз, учёный и теософ, посетил Индию в 1930-х гг.

Автор, который сначала почувствовал неприязнь, прочитав о величии Шри Раманы в книге «Путешествие в тайную Индию» британского журналиста Брантона (№1), рассказывает:

Книга поразила меня как журналистское творение низкого уровня. На несколько дней она почти разубедила меня ехать в Тируваннамалай. Неужели Махарши опустился до того, чтобы позволить такую грубую рекламу себе, почти как врач-шарлатан, ищущий рекомендаций? Конечно, я вскоре выбросил из головы эти глупости и отправился посмотреть всё своими глазами.

Я увидел Махарши. Не много времени потребовалось, чтобы понять, что стою перед человеком, который в этом самом теле решил проблему жизни для себя. Сияющее умиротворение вокруг него доказывало это вне всяких возражений. **Покой, похожий на покой ночного неба, был чем-то слишком реальным, чтобы хоть на мгновение возникли сомнения. Часть моего расследования, таким образом, завершилась при первом же взгляде. В мгновение ока я увидел «Мастера»**. Я *знал*, что он был тем, кого в книгах называют *дживанмукта*. Пожалуйста, не спрашивайте меня, откуда я *знал*, я не смогу ответить. Так мы знаем, что вода мокрая, а небо голубое. Это невозможно отрицать, «очевидно» – вот нужное слово.

Я привёз обычный список вопросов, которые собирался задать ему. Застенчивость не позволила мне заговорить, когда мы сидели в холле в те первые дни. И прежде, чем я нарушил молчание, незаданные вопросы разрешились сами в своей неуместности. Это было обычное переживание; я лишь добавляю свое свидетельство ко многим другим. Прежде, чем

покинуть это святое место, я задал вопросы Махарши, и ответы на них были получены чудесным способом, который был новым для меня. Я был совершенно удовлетворён и полон радости.

Четыре запланированных дня вскоре закончились, но я не смог оторваться и остался до последнего дня отпуска – восхищённый, захваченный и умиротворённый. Эта тишина вечных глубин каким-то образом просочилась в моё сердце. Я встретил Мастера, который мог укротить бушующие волны тихим словом: «Тихо, будь спокойным!» Я чувствовал полное единение с этим воплощением Безмолвия на кушетке, и, следовательно, единым с Непроявленным, в чью тишину он так очевидно был погружён.

Милость бога такова, что он даёт по своей воле то, что желает дать каждой душе. Мы не можем *заслужить* его милость даже миллионами лет усилий. Невозможно быть достойным благословения, но можно получать его лишь по милости. Его *даршан* никогда не может быть результатом *sakama tapasya* (практика самоотречения и воздержания), что бы ни утверждали определённые книги. Только льющаяся через край любовь Господа делает его доступным нам.

Покой, которым Багаван наделил меня, остался в сердце, как сияющее облако прозрачности, сквозь которое всё проходило как во сне около трёх недель. Ум был пойман и удерживался в этом покое в блаженстве, которого никогда раньше не знал. Жаль, что я не могу по своему желанию вызывать это состояние: оно может, как выяснилось, прийти только от прикосновения настоящего Учителя душ.

Однажды в холле я просматривал тетрадь с записями по йоге. Багаван едва ли когда-нибудь заговаривал со мной первым (в действительности было очень мало разговоров между нами все эти годы; почему-то в них не было необходимости), но в тот день он обратился ко мне по-английски: «Что это за книга?» Я ответил. Он тихо сказал: «Читайте Миларепу[1]». Я прочитал эту книгу; она захватила и взволновала меня до глубины души. Каким-то образом, Багаван знал, что так будет, поэтому дал единственное подобное указание, какое когда-либо давал мне.

Я собрал все возможные описания *дживанмукты*, которые смог найти – индуистские, буддийские, конфуцианские, христианские, мусульманские, джайнские и т.д. Я наблюдал Багавана при всевозможных обстоятельствах, и сравнивал то, что видел с этими описаниями. У меня нет ни малейшего сомнения, что он единственный из людей, которых я видел, пребывает всегда в *сахаджа самадхи*. Конечно, я не специалист, чтобы судить, поскольку никто, кроме святого не может знать святого.

Я видел его в юмористическом настроении. Видел в роли хозяина, принимающего гостей, которую он исполнял с такой изысканной вежливостью, что временами становилось почти неловко. Видел, как он быстро, не двигаясь, бросал вызов и наносил поражение несправедливому или недоброму. Видел, как он нарезает овощи для ашрамитов задолго до рассвета. Видел снова и снова, как он разрешает сомнения и тревоги, возвращает потерянную веру – когда словом, когда целительным молчанием и мягкой отрешённостью в неподвижном взгляде. Я смотрел на его совершенный почерк во многих записях, каждая из которых – образец красоты и тщательности. Я слышал, как он абсолютно беспристрастно поправляет исполнителей гимнов в свою собственную честь.

Я наблюдал его реакции на шумных преданных, ленивых работников, озорных обезьян, безумных обожателей, бесстыдных льстецов, тех, кто использовал его имя. Я видел,

[1] Книга д-ра Эванса-Венца «*Великий тибетский йог Миларепа*»

как он совершенно непроницаем ко всем соображениям власти, места, престижа, и как его милость сияет равно и принцу, и крестьянину. **Могу ли я сомневаться теперь, что здесь мы имеем, если не Бога самого – так как Он вездесущ – то, по крайней мере, Величие во плоти, величие древних гор, смешанное со сладостью вечерней звезды?**

Сидя перед ним теми летними вечерами, каждый из нас чувствовал, что он - не глупый возбуждённый маленький человек, а вечный Атман, из которого этот мир сплёл свою паутину форм.

Я не знаю другого человека, чьё простое присутствие заставило бы личность обрушиться в бездну небытия, которой она принадлежит. Я не встречал другого человека, который излучал бы такую милость, которая способна вытащить обычного человека из его неподвижности и погрузить его в экстаз безвременного вездесущего бытия.

Его милость – которая, конечно, есть милость Бога, чьим представителем и посланником он является – была достаточной, чтобы даже мне дать короткие вспышки той бесконечности, в которой он жил всегда.

Он отметёт всю эту чепуху моих слов, махнув рукой и улыбнувшись, говоря, как сказал однажды: «Всё одно и здесь, и в другом месте. Блаженство, которое вы испытываете, находится внутри, а вы связываете его с местом или окружением, в котором находитесь». Но, Багаван, мы говорим о вас то, что нам нравится и о благословениях, которые мы получили *от вас*; мы не позволим вам прерывать наши глупые слова. Это возможность публично объявить о своём долге перед молчаливым Учителем Тируваннамалая.

Живущие в Ашраме очень спокойны, тактичны и доброжелательны. Один друг великодушно оказал услугу, переводя с тамили ответы на мои вопросы, заданные на английском языке, и передавая их мне, предварительно получив одобрение Багавана. Даже гостеприимство Багавана, немного смущавшее меня - возможно, из-за моей врождённой застенчивости - было всегда восхитительно.

Само его присутствие среди нас – это благословение. Его достижение ясного и ровного видения Атмана немного приблизило весь мир к Истине. Его слова – неисчерпаемый океан утешения и воодушевления для тысяч людей. Его молчаливое спокойствие открыло Вечность в человеческой форме, как горы, моря и небеса открывают Её.

Следующее было написано после **маханирваны** ***Махарши*****:**

Можем ли мы сказать, что он умер? Багаван умер? Эти слова не имели бы смысла. Как может он, который живёт во всей вселенной иметь вкус смерти? «Вы думаете, я ухожу? Но куда я уйду? Я останусь здесь с вами». Таково было его обещание, когда он готовил нас к расставанию. А те из нас, кто жил в Тируваннамалае, твёрдо придерживаются веры, подтверждение которой мы получаем постоянно из опыта, что он сдержал это обещание, и с ним можно соприкоснуться здесь в Ашраме, как и прежде.

Как Сурдас[1], который лишил себя физического зрения, чтобы яснее видеть свет внутри, он затуманил наш внешний взгляд, чтобы внутреннее видение могло наполниться его вечным светом. Он скрыл внешнюю форму, которую мы любили, так искусно, что её красота больше не сможет отвлекать наш взор от вечного присутствия, царящего в глубине нашего Сердца. Его Свет сияет вечной ясностью Божественного Света.

[1] Знаменитый индийский поэт, о котором известно, что он лишил себя зрения.

27. Х. Гхош был директором колледжа в штате Мадхья Прадеш.

Когда мне посчастливилось впервые быть представленным Великому Мудрецу Аруначалы, я был поражён суровостью и простотой его величественного выражения. Эта суровость неизгладимо отпечаталась на его лице и не может избежать внимания даже случайного наблюдателя. Замечательный итог этой суровой простоты – смирение ума.

Махарши предлагает нам раз и навсегда отбросить мелкое эго и приблизиться к своему божественному началу. Самое благородное стремление по Махарши – это стремление к нашему высшему Я. Счастье непреходяще, а стремление вечно.

Шри Багаван не простой мистик. Он не заглядывает в будущее, а внимательно смотрит на то, что реально и вечно внутри. Рай для него – это не далёкое место: здесь в вашем сердце и больше нигде, можно найти душу всего, что есть. Только те, кто отложил в сторону все эгоистические стремления, могут ясно видеть сияние счастья. Частичку этого счастья худшие грешники среди нас могут почувствовать в присутствии этого возвышенного просветлённого Мудреца Аруначалы.

Многие преданные идут к Шри Багавану за чудесным исцелением от физических недугов или волшебными переменами в своей мирской судьбе. Багаван справедливо предостерегает нас от обольщения чудесами, ясновидением или пророческими силами. Но если кто-либо взывает к нему с полным доверием, молитвы будут услышаны.

Покорно признаю, что я менее всего сведущ, чтобы писать о Шри Багаване. Ограниченное никогда не сможет познать Бесконечное и Безграничное. **Один Его молчаливый взгляд или ободряющее слово принесут гораздо больше пользы, чем вся проповедническая литература в мире.**

28. К.С. Баги был директором колледжа в штате Карнатака.

Поскольку жизнь и дела Шри Багавана были загадкой, их объяснение не может быть законченным. Разгадав одну тайну, мы сразу же оказываемся перед другими столь же, если не более загадочными. **Легко запомнить, но невозможно познать Шри Багавана.**

Каждый человек судит о Шри Багаване в сравнении со своей личностью, но ни одно суждение о нём не может быть правильным, если только судья не превзошёл себя. Шри Багаван – Непреложный Закон. Его величие в сохранении Закона, а не в жонглёрских трюках превращения часов в быка и наоборот. **Каждое прилагательное, которое мы используем для того, чтобы описать Его, больше относится к нашим чувствам к нему, чем к Нему самому. Ему не присуща двойственность, как нам. Но одно определённо: безразличен он или сострадателен, в любом случае мир берёт от Него так же, как берёт от неба, пасмурное оно или ясное.**

Непостижимы пути Его взаимодействия с людьми. Хотя во время *даршана* ничего необычного не происходит с любопытным паломником, мягкое удивление овладевает им позже, когда он начинает замечать неуловимые перемены в своём образе жизни и мышления, и – более того, во внешней деятельности тоже. **Прегрешения всей жизни прощаются одним актом Его Милости. Вера и надежда – единственная цена, которую грешник платит за Его прощение.**

Жизнь Шри Багавана – это демонстрация удивительных возможностей, скрытых в самых обыкновенных, не подающих никаких надежд душах. Мы узнаём от Него, какими обманывающими себя тенями являемся, погребёнными в усиленно трудящемся теле-уме – не

более чем иллюзиями короткого сновидения, называемого жизнью. Самые подозрительные из нас зададутся вопросом: «Эта жизнь – утомительная иллюзия? Кого винить?» Не надо ли скорее винить себя, воспринимающих иллюзию всерьёз, в то время как наша лучшая часть просит нас пробудиться?

«Познай себя» - вот основная мысль учения Шри Багавана, так как это дыхание Его жизни. Как процесс – это непрерывное исследование Атмана. Вопрос «Кто Я?» - это лезвие бритвы, оно прорезает насквозь все другие вопросы, над которыми только может размышлять земное воображение. Все вопросы сводятся к нему. Кто Я? – это вопрос вопросов, он направлен прямо в корень каждой проблемы и является итогом всех поисков.

Ум, кажется, сговаривается против самого себя. Прозрачный поток чистого сознания, который называется Я, загрязнён тем, что в него бросают мусор не-Я. Мы не знаем себя, объявляя своим всё, кроме самих себя.

Мы отдаём свои суждения Шри Багавану, чья жизнь для нас гарантия против мрака и отчаяния. Да будет Его воля нашей целью в том, что мы думаем и говорим, и память о Нём – в том, что мы делаем. Он знает все наши ошибки и грехи. Мы ошибаемся, даже прося о спасении. Да будет Его Милость везде!

Ещё одно слово. Что бы ни писали о Шри Багаване, нет знания Его. Память – это всё. Да пребудет Он в памяти всех, кто ищет Истину о себе!

29. Рудра Радж Панди был директором Три-Чандра колледжа в Непале.

Когда я прочитал *Путешествие в тайную Индию* Брантона (№1), мне страстно захотелось увидеть Махарши. По прибытии в Тируваннамалай, когда меня привели к Мудрецу, я удивился, не найдя в нём ничего примечательного на первый взгляд. Перед посещением Ашрама я тщательно сформулировал ряд вопросов, чтобы задать их Мудрецу. Однако, услышав, что Махарши говорит в ответ на вопросы других, я почувствовал, что мои вопросы потеряли значение. Позже я узнал, что многие посетители имели подобные переживания. Должно быть нечто в личности Мудреца, чем можно всё это объяснить. Но я всё ещё был настроен скептически. Я даже воздержался от того, чтобы простереться у его стоп.

Поскольку должен был уезжать из Тируваннамалая в тот же день, я подумал о посещении большого Храма Шивы, и попросил разрешения Махарши пойти туда. Проводник отвёл меня внутрь храма, где было довольно темно. Когда он воскликнул: «Аруначала», всё моё внимание было привлечено к *лингаму* в святая святых.

Но, странно сказать, вместо *лингама* я увидел образ Махарши, его улыбающееся лицо, его сияющие глаза, смотрящие на меня. И ещё более странно, я вижу не одного, не двух, не трёх Махарши – сотни улыбающихся лиц, этих блестящих глаз, вижу их везде, куда бы ни посмотрел в святая святых. Взгляд охватывал не всю фигуру Махарши, только улыбающееся лицо выше подбородка. Я в экстазе и вне себя от невыразимого счастья. Как могут слова описать то блаженство и спокойствие ума, которое я тогда испытал? Слёзы радости текли по щекам. Никогда не забуду это глубокое интимное переживание в древнем храме.

Я поспешил обратно в Ашрам. Свами представил меня Мудрецу и сказал ему по-тамильски, что мне нужно уходить, чтобы вовремя успеть на станцию. Махарши посмотрел на меня и улыбнулся. Мне показалось, что он интересуется, доволен ли я тем, что видел в храме. Доволен! Милость Шри Багавана завоевала моё сердце. Моя благодарность ему не знала границ. Я с любовью лелею то возвышенное переживание.

Люди могут называть то видение, которое у меня было в храме, галлюцинацией, но то блаженство, тот покой, та глубина чувства, растопившего всё моё существо и передавшего его заботе Господа, радость и глубокое чувство благодарности, которое я испытываю сейчас, вспоминая прошлое, - всё это определённо не оптические иллюзии. Бог в моём сердце – мой вечный свидетель, я смиренно отдаю себя его заботе и принадлежу ему навсегда. Так закончился мой первый визит в Шри Раманашрам.

Основываясь на изучении Шри Рамана литературы и своём втором посещении Ашрама спустя некоторое время, он написал:

Мы хотим нарисовать круг, не потрудившись решить или даже подумать сначала, где должен быть его центр. А едва нарисовав часть окружности, продолжаем, перенося центр. К чему тогда удивляться, что в конце мы вообще не завершаем фигуру круга? Чтобы достичь чего-либо соответственного интеллектуальным способностям человека, он должен сначала найти центр своего существа, и утвердиться в нём. Для достижения этого *атма-вичара* является основным средством.

Шри Рамана не считает вопрос реальности мира вопросом первостепенной важности. Он говорит, что нежелательно и глупо спорить о реальности или нереальности мира, не имея истинного знания себя самого. Шри Рамана переносит ударение с «Какова природа мира?» на гораздо более жизненно важный вопрос: «Кто Я?» Это, на мой взгляд, наиболее существенный вклад Махарши в сокровищницу мысли.

Я искренне убеждён в том, что и верующие, и искатели получат огромную пользу от короткого близкого общения с Мудрецом. То, что скептики становятся верующими в сияющем присутствии «Света Аруначалы» - Багавана Шри Раманы Махарши – довольно обычное событие в Шри Раманашраме. Мой собственный опыт может служить доказательством этого. Процитирую Гранта Даффа (№7): «Если те, в чьей власти посетить Ашрам, промедлят, им придётся винить только самих себя в будущих жизнях»

30. Профессор С.В.Рам возглавлял факультет политологии университета в Лакнау.

Я раньше много слышал о духовном превосходстве Шри Махарши; и лишь недавно мне посчастливилось пообщаться с ним напрямую. Одна из самых выдающихся особенностей Шри Махарши – это то, что его учение находит совершенное отражение в его жизни. Пребывание в Атмане, утверждает Мудрец, - это высшее достижение, и именно в этом Трансцендентальном Состоянии находится он всё время. Ещё более замечателен тот факт, что гармония, которую мы находим между принципами и деятельностью Мудреца началась с его отрочества на Горе Аруначала.

Шри Махарши не проповедует сложного кодекса *садханы*. Простоту его учения можно объяснить тем, что сам Мудрец получил реализацию в её изначальной чистоте и без опоры на схоластическое образование. Его учение имеет сильное разумное влияние, очевидно, потому что его реализация, основанная полностью лишь на собственном опыте, не зависима от внешнего авторитета. Именно благодаря этому разумному влиянию мы видим сегодня, что люди разных каст, всех рас и религий, а также из отдалённых частей земного шара благоговеют перед почитаемым Мудрецом.

Возможно, нет примера в истории, где бы мудрец в течение всей жизни оказал такое большое влияние на погружённых в размышления искателей в своей стране и за рубежом, в то время как сам в течение пятидесяти лет не сдвинулся с места, которое выбрал себе для

жизни. Наибольшее воздействие на меня оказали святость и милость, излучаемые ликом Мудреца, который завоевал сердца образованных и безграмотных, молодых и старых, принцев и нищих, мужчин, женщин и детей, и даже животных и птиц.

31. Чинта Дикшитулу был известным писателем на языке телугу.

Когда ты, невидимый Багаван, появляешься передо мной, я чувствую замешательство, не зная, что мне делать. Я жажду увидеть тебя немедленно. Пристально смотрю на тебя, желая запечатлеть твой облик в сердце.

Столь разнообразными путями, столь многими и многими способами, вижу я, Ты даруешь свою Милость преданным. Но почему же, О, Багаван, Ты исчезаешь из моего сердца, появившись там лишь на мгновение?

Эта Твоя красота, когда Ты величаво сидишь, это высшее умиротворение и доброта Твоего чарующего взгляда, когда Ты опираешься на подушку, эта божественность Махешвары, которой отмечен твой образ, когда Ты стоишь; это само-осознавание, эта любовь и красота твоей медленной поступи; эта львиная величавость, эта доброта и снисходительность, сквозящая в Твоём взгляде, обращённом на преданных, когда Ты оборачиваешься и смотришь на них – почему так, О, Багаван! Все эти чарующие картинки и Твоё Присутствие, которые я вобрал через глаза, чтобы сохранить их в себе, все они ускользают, когда я возвращаюсь домой, почему, О, Багаван?

Ты скажешь, что если моё сердце будет твоим местопребыванием, оно должно быть подготовлено для этой цели? Могу ли я сделать это, О, Багаван? Не можешь ли Ты, О, Багаван, рассеять эти тени тьмы Светом Своим? Не уберёшь ли загрязнение Своей милостью, О, Багаван?

Я вспоминаю стихи, которые преданные сочинили о Тебе. Я сверяю эти описания с Тобой, и с помощью этих выражений удерживаю Твой Образ и пытаюсь установить Тебя в своём сердце. Но ты избегаешь этих описаний. Что же делать, О, Багаван?

Живи в моём сердце, О, Багаван, этого одного будет достаточно для меня, О, Багаван! Будешь, О, Багаван, будешь?

32. Харидранат Чаттопадхъяйа, поэт и художник, был младшим братом Сароджини Наиду, которую называют Соловьём Индии.

В книге Девараджи Мудальяра «*День за Днём с Багаваном*» в записи от 5 июня 1945г. упоминается рассказ профессора Суббарамайи (№41) о том, что он видел томик стихов Чаттопадхьяйи в ашраме Шри Ауробиндо, и на полях этого томика были записи Шри Ауробиндо, высоко оценившего некоторые стихотворения. После этого Чаттопадхъяйа сказал Багавану, что за два года в Ашраме Шри Ауробиндо он сочинил около 4000 сонетов и поэму из 5000 строк. Он прочитал два своих стихотворения перед Багаваном и разыграл сцену из своей пьесы, в которой портовый рабочий, стонущий от тяжёлой работы, разражается жалобами. Это представление получило высокую оценку.

Отрывки из стихов:

Трижды необыкновенный Мастер – Шри Рамана.

Вечность носила человеческое лицо
Уместившись в короткий человеческий век.
Вот! Бессмертное стало смертным.
Ограничив себя временем и пространством.

Вы видите его сидящим на диване -
Образ нежности, доброты и покоя;
В своей ладони он держит тайны Бесконечного.

Трижды необыкновенный чистый Мастер на вершине,
К которому мы безмолвно устремлены, каждый в отдельности,
Стараясь держать Твой образ в сердце,
О, рассей нашу тьму своим всепроникающим светом!

Стихотворение Шри Рамане

Ты – немеркнущий свет
Негаснущий маяк,
Неподвластный ужасным штормам,
Бушующим на тёмном склоне жизни.

Ты – терпеливое утешение
Ты – бесконечно щедрое прикосновение, которое исцеляет,
Голос, который всегда вселяет уверенность в сердце, теряющее надежду.

Ты – бескрайний небосклон над миром неудовлетворённости.
Даже в шторм ты поёшь гимн безмятежности,
Пока наша лодка барахтается и теряет всякую надежду достичь берега.

О, трижды божественный человек!
Безмолвно светишь ты, как лампа,
Освещая границу нашей борьбы и раздоров.

Даруй нам высочайшую милость
Сделать свои сердца местом твоего пребывания.
И пусть мы всегда находим твоё присутствие в каждой уходящей боли.

Придай нам безмолвия и силы,
Будь с нами в каждый быстротечный миг.

33. Д-р. К.Субраманьян (1928-98), основатель Шри Рамана Кендрам в Хайдерабаде, был профессором английского языка в Центральном Институте Английского и Иностранных языков в Хайдерабаде. Следующий отрывок он написал о себе в 1992г.

Мой отец, работавший учителем в муниципальной средней школе в Тируваннамалае, встретился с Махарши в 1927г. и задал вопрос, о котором очень жалел все последующие годы своей жизни: «Вокруг бродит так много *садху*, как мне распознать, кто из них настоящий?» Махарши любезно ответил: «Тот настоящий *садху*, в чьём присутствии ты без всяких усилий обретаешь неописуемый покой».

С 1928 по 1961гг мой отец преподавал в католической школе в Кодайканале. В этот период в течение семи лет он был наставником принцессы княжества Набха (штат Пенджаб), махараджа которого был сослан британцами в Кодайканал. На Махараджу и Махарани произвело глубокое впечатление учение Махарши, о котором мой отец им рассказывал.

В 1944г., когда Махараджа заболел, он попросил моего отца поехать к Багавану за благословением. Когда мой отец рассказывал Багавану о состоянии Махараджи, он внимательно слушал, но молчал. Руководство Ашрама передало *прасад* для Махараджи. Когда Махараджа открыл пакет с *прасадом*, он сказал моему отцу: «Кришнасвами, Махарши дал понять, что я проживу недолго. Смотри, в этом конверте нет *кумкума*. Здесь только *вибхути*». Махараджа скончался спустя несколько месяцев.

Услышав от отца и дяди, что Багаван обычно читает письма, которые пишут ему преданные, я стал иногда писать ему из общежития училища в Тирукаттупали, где учился с 1941 по 1945гг. Однажды я с дядей приехал к Багавану и смотрел на него. Багаван спросил дядю обо мне. Узнав, что я – племянник, он сказал: «Так ты тот, кто пишет мне письма». Охваченный странным чувством благоговения и, вместе с тем, огромной радости, я тихо сказал: «Да». Багаван заметил: «А твой отец посылает тебе деньги, чтобы ты мог писать эти письма?» - и рассмеялся. Я не был уверен, говорит ли Багаван с сарказмом или шутит и некоторое время обливался потом, продолжая смотреть на Багавана.

По окончании училища в 1945г. я подал документы в Американский колледж в Мадурае. В день отъезда в Мадурай я пришёл к Багавану, простёрся перед ним и стал прощаться. В ответ на его вопрос, я сказал, что собираюсь поступить в колледж в Мадурае. Багаван спросил: «В какой колледж?» Я хотел сказать, что в Американский, но вместо этого сказал, что в Мадура Колледж. Багаван улыбнулся и сказал *sari* (ладно). Я не смог поступить в Американский колледж, зато поступил в Мадура Колледж в Мадурае.

В 1949г. я посетил *кумбабхишекам* храма Матрубутешвара – тщательно подготовленное торжественное событие. Вечером, после того, как *арати* предложили божеству в храме, его принесли Багавану. Я сидел очень близко к нему в зале, примыкающем к храму. Трогательно было наблюдать, с каким благоговением Багаван, закрыв глаза, протянул руки, чтобы коснуться огня.

Вскоре после того, как все операции на руке Багавана были закончены, я часто навещал его. Иногда я неудержимо плакал, глядя на Багавана издали. Что же касается Багавана, он всегда был одинаково спокоен и счастлив. Он вёл себя так, как будто болезнь была у кого-то другого.

Однажды в 1946г., когда мне было 18 лет, я шёл в сторону старого медитационного холла, опустив голову, о чём-то думая. Подняв глаза, я увидел Багавана, который беседовал с кем-то у колодца рядом с холлом. Я не ожидал увидеть Багавана. Когда он искоса взглянул

на меня, я остановился, не желая его беспокоить, и почувствовал, как меня поглощает мощный свет. Блаженство, которое я испытал, было необыкновенным. Я находился в этом состоянии около 20 дней.

Однажды в 1949г. я сидел у входа в новый холл, снаружи Материнского храма, и смотрел на Багавана. Вдруг я подумал: «Я так часто прихожу в Ашрам, но так и не пережил настоящей медитации. Багаван не даровал мне этого переживания». Думая об этом, я продолжал смотреть на Багавана ещё долгое время, затем закрыл глаза. Не знаю, как долго я был в этом состоянии. Когда я открыл глаза, медитационный зал был пуст. Багаван и преданные, должно быть, прошли мимо меня, пока я сидел у входа. Осознав, что сидел, когда Багаван проходил мимо, я пришёл в ужас. Но внезапно понял, что Багаван своей безграничной милостью даровал мне состояние, в котором я совершенно забыл обо всём, что меня окружает.

В августе 1949г. я приехал в Ашрам из Мадраса, где учился. После второй операции Багаван сидел в новом холле. Людям не разрешалось сидеть в холле. Они могли войти, простереться и покинуть холл. 16 августа я планировал уехать в Мадрас. Я вошёл в холл, простёрся и подошёл ближе к Багавану, чтобы сказать: «Я уезжаю». Обычно он говорил *‘sari’*, но в этот день отвернулся в другую сторону. Я вышел, посидел какое-то время снаружи, потом вошёл снова, простёрся и сказал, что уезжаю, и снова он отвернулся. Я был озадачен.

Поскольку я опаздывал на поезд, то решил отправиться на станцию. Едва я прошёл какое-то расстояние, мне стало трудно продолжать путь. Я вернулся и решил, что уеду только с позволения Багавана. Когда на следующий день я вошёл в холл, простёрся и сказал, что уезжаю, к моей радости и удивлению, Багаван сказал: ‘*sari’*. До сего дня не знаю, почему Багаван не разрешил мне уехать накануне.

Мои последние экзамены проходили в марте 1950г. В феврале Т.В.Кришнасвами Айяр, свёкор моей сестры, выдающийся преданный Багавана, дал мне экземпляр комментария Муруганара к *Акшараманамалай*, который содержал более ста страниц. Глубоко взволнованный, я полностью переписал рукопись, не беспокоясь об экзаменах. Я чувствовал, что это важнее экзаменов. На первом экзамене по древнеанглийскому языку нужно было переводить с древнеанглийского на современный. Я подготовился плохо. Накануне экзамена наугад открыл книгу, перевёл отрывок на этой странице и пошёл спать. Во время экзамена я с удивлением обнаружил тот самый отрывок, который перевёл предыдущей ночью.

Багаван относился к животным и птицам с большой любовью и участием. Иногда пара обезьян входила в медитационный холл. Некоторые преданные начинали беспокоиться. Багаван мягко подзывал обезьян и давал им кешью или земляные орешки. Они уходили, повизгивая от радости. Иногда белка взбиралась на диван. Багаван ласково гладил её, давал ей то, что оказывалось под рукой, и она убегала, не потревожив никого. Так же заходил павлин и получал немного воздушного риса из его рук.

Однажды на ашрамского оленя напали какие-то звери и сильно его поранили. Багаван сидел возле оленя, держал его голову и смотрел в его глаза, полные слёз. Сарвадхикари Ашрама попросил моего дядю, который стоял рядом, присмотреть за оленем и освободить Багавана. Багаван слышал это, но не ответил и оставался там, пока олень не испустил дух. Рядом с *самадхи* коровы Лакшми находится *самадхи* этого оленя.

Когда мой дядя был молодым, он спросил Багавана: «Правда ли, что у Раваны было десять голов?» Багаван ответил: «Какая польза тебе от знания того, было у него десять голов или нет?»

Когда строился храм Матрубутешвара, Багаван подавал кирпичи каменщику. Он сказал моему дяде: «Я помогаю строительству».

Однажды по случаю неожиданно в Ашрам прибыло много людей, и их всех нужно было накормить обедом. Один из поваров пришёл к Багавану и сказал: «Мы беспокоимся, что еды не хватит». Багаван сказал: «Не волнуйтесь. Хватит». Мой дядя был вместе со всеми в столовой. Багаван посмотрел почти на каждого, прежде чем начал есть. Мой дядя сказал, что уже перед едой большинство людей почувствовали себя сытыми. Поэтому каждый поел мало, и того, что было приготовлено, оказалось более чем достаточно.

***Вишваната Свами (№57), учёный и автор знаменитой* Ramana Ashtothra, *рассказал д-ру К.С. следующее*:**

Однажды кто-то спросил Багавана, что бы он попросил, если бы Господь Шива появился перед ним на своём быке и разрешил ему попросить о благодеянии. Говорят, Багаван ответил: «Не пытайтесь меня обмануть. Он не имеет формы. Я не хочу, чтобы вы искушали меня своим вопросом. Он – бесформенный Атман во всём».

Когда на руках Багавана появились волдыри от того, что он ежедневно молол чатни, и он не внимал просьбам Вишваната Свами не браться за эту работу, Свами пошёл на кухню рано утром и переделал всю работу, которую обычно выполнял Багаван. Багаван спросил, почему он сделал всю его работу утром. Когда Свами сказал, что не может видеть, как Багаван перемалывает чатни с волдырями на руках, Багаван сказал: «В самом начале я обычно просил подаяния. Теперь меня бесплатно кормят в Ашраме. Поэтому я выполняю ту или иную работу на кухне. Сегодня ты сделал мою работу. Пожалуйста, дай мне своё *дхоти*. Я постираю его вместо тебя». Услышав это, Свами был растроган до слёз.

34. Н. Баларама Редди (1908-95) вырос в духовно ориентированной среде в деревне в штате Андра Прадеш. Он перешёл к Шри Рамане в 1937г. из ашрама Шри Ауробиндо, куда приехал в 1931г. В книге *Мои Воспоминания* он рассказывает о долгих годах духовной жизни и *садханы* в Шри Раманашраме.

Шри Багаван - человек, чьё пришествие в этот мир было благословением для богини земли. В *Багаватам* есть строка: «Они ступают на землю, и земля испытывает блаженство». Я считаю, что Багаван был одним из самых выдающихся существ, когда-либо посетивших эту землю. **Чем дольше живёшь с ним, тем больше ощущаешь, что должно быть, ты совершил что-то в прошлом, что-то замечательное, чем заслужил общение с Багаваном. Быть с ним значит быть возвышенным**. Не нужно с ним разговаривать; не нужно пытаться учиться у него посредством речи. Он изливал милость как лучи солнца – никогда не переставая. Даже сейчас он ответит на ваш зов при условии, что вы искренни – предельно искренни.

Невозможно описать, и удивительно наблюдать, как Багаван привязал всех своей любовью. Ни слова не произносилось между Багаваном и его давними преданными. Однако, эти преданные – и мужчины, и женщины, и дети – знали, что Багаван изливает на них любовь и милость. Единственный мимолётный взгляд, кивок головы, или простой вопрос от

Багавана, иногда даже не напрямую, а через кого-то ещё – и преданный знал, что он близок Багавану и тот заботится о нём. В его присутствии все различия и расстояния исчезали.

Багаван был самым участливым и добросердечным. Даже если наблюдателям он казался безразличным, он живо интересовался продвижением искателей. Мне Багаван помогал много раз. Например, по семейным обстоятельствам мне понадобилось надолго уехать в деревню. Это означало, что я навсегда покину Багавана.

Получив это известие, я пошёл и объяснил всё Багавану. Он выслушал и просто кивнул головой. Я понял значение этого кивка только когда получил письмо от матери, которая писала, что мне не нужно лишаться присутствия Багавана, и что она сама уладит все дела в деревне. Это был поворотный момент в моей мирской жизни, и случился он, несомненно, благодаря прямому вмешательству милости Багавана.

В первый год жизни в Тируваннамалае (куда переехал в 1937г), я сидел в холле, а Багаван разъяснял мне какой-то духовный вопрос. Во время беседы он попросил меня принести книгу из шкафа в холле. Не найдя книги, я вернулся к Багавану и снова сел лицом к нему. Тогда Багаван медленно и величественно прошёл к шкафу и тут же вытащил книгу, которую просил меня найти. Он закрыл шкаф и, к моему удивлению, вместо того, чтобы вернуться к кушетке, подошёл и сел на пол рядом со мной.

Он открыл книгу и, держа её перед моим лицом, попросил прочесть определённый отрывок. Слуги Багавана рассказывали, что его тело подобно печи. Только когда он сидел так близко, я понял, что они имели в виду. Я чувствовал духовную силу, которую его тело излучало, как электрический генератор. Я был потрясён до глубины души.

В Багаване мы видели человека, настолько переполненного Реальностью, что одно лишь его присутствие вызывало в нас разительные перемены. Божественная Сила его присутствия была выдающейся, совершенно необыкновенной.

Я всегда ощущал нечто осязаемо особенное в холле Багавана. **Когда он входил в холл и садился, мы немедленно ощущали, что перешли на другой план существования. Как будто мира, который мы знали, не существовало – присутствие Багавана, его принадлежность к другому миру окутывали пространство. Когда мы выходили из холла, то снова сталкивались со старым миром, который мы все слишком хорошо знали.**

Обычно мы не могли определить, спит Багаван или бодрствует, хотя на самом деле он всегда бодрствовал – бодрствовал в Атмане. Как ему удавалось, оставаясь в состоянии непрерывного полного осознавания, ещё и функционировать в ограниченной физической оболочке, остаётся загадкой. Мы не можем понять то состояние. Несмотря на то возвышенное состояние, он общался с нами на нашем уровне. Он принимал живое участие в деятельности Ашрама и размещении посетителей.

Его действия были спонтанными и естественными, и, наблюдая за ним, мы учились жить в миру. Его пример был величайшим учением, а его божественное присутствие намного перевешивало целую жизнь усердной *садханы*. **Просто думая о нём или сидя в его присутствии, мы обычно входили в высшие состояния блаженства**.

Он понимал человеческую порочность и учил нас тому, как превосходить её.

Вся жизнь Багавана была подношением миру. Он всё делал только для других. Он хотел освободить нас от ошибочного представления, что мы – это тело, ум и эго. Для этого он дал метод самоисследования и показал, как его практиковать. Он действенно помогал искателям своим мощным присутствием и милостью.

Однажды, когда он находился в амбулатории Ашрама, я стоял у его кровати и просто смотрел на него. Между нами не было сказано ни слова, но мне никогда не забыть спокойного, сострадательного взгляда, который окутал меня покоем и любовью. Стороннему наблюдателю это маленькое событие может показаться незначительным. И всё же, благодаря тому единственному взгляду, пропитанному неизмеримым покоем и милостью, я почувствовал полную безопасность и уверенность, что его благословения всегда будут со мной. Даже теперь, спустя более сорока лет после того, как он оставил тело, я ощущаю, что та же милость течёт, овладевает и руководит мной. Как это можно описать словами?

Однажды личный секретарь губернатора Пондичери приехал в Ашрам с длинным списком вопросов, написанных сложным стилем на французском языке. Вручив список Багавану, он сел на подоконник напротив кушетки. Обнаружив, что вопросы на французском языке, Багаван попросил меня перевести их.[1]

Пока я сражался с дословным переводом и думал, как трудно переводить с французского языка, Багаван сказал: «В этом нет необходимости. Просто скажи мне, в чём суть». Я просмотрел вопросы и сказал Багавану, что он хочет получить ответ не в устной форме, а скорее, путём переживания.

Багаван помедлил мгновение, а затем медленно повернул лицо в сторону посетителя и стал пристально смотреть на него. Примерно через 30 секунд я заметил, что тело мужчины начало трястись и дрожать с ног до головы. Затем он выговорил: «О, нет, Багаван, не сейчас! Пожалуйста, Багаван, не сейчас!» Я стоял рядом с Багаваном, наблюдал эту необычную сцену и удивлялся, что за человек этот Багаван. Он был кладезем силы, и при этом такой добрый, такой сострадательный.

В начале 1950г в Ашрам прибыл Ситарама Редди, министр в правительстве Мадраса. Руководство Ашрама попросило меня отвести его к Багавану в Комнату Нирваны. Когда мы вошли, я заметил особенное сияние, вернее, необычное мягкое свечение наполнявшее комнату. Я думал, что вижу его из-за преданности Багавану. Как только мы вышли из комнаты, министр повернулся ко мне и спросил: «Что это было за сияние в комнате Багавана?» Когда он сказал это без каких- либо моих намёков, я вспомнил второй стих из *Chatvarimsat* Ганапати Муни (№91) – «Кто есть хранилище всех высочайших достоинств, чьё блаженное сияние сокрыто оболочкой грубого тела, как пылающее солнце скрыто за облаками».

Многие случаи в моей жизни вселили веру в руководящее присутствие Махарши. Я также почувствовал, что сдаться ему как своему Гуру было лучшим решением в моей жизни.

35. А. Девараджа Мудальяр, юрист, обычно обращался к Шри Рамане «мой отец-и-мать» и подписывался как дитя Раманы – Ramana *Sei*. Он автор знаменитых книг «*День за днём с Багаваном*» и «*Мои Воспоминания о Багаване Шри Рамане*».

Примерно с 1936г. я регулярно посещал Багавана, почти раз в месяц, и каждый раз жил в Ашраме от трёх до пяти дней. В 1937г. я получил поразительное доказательство милости Багавана – мой офис подвергся аудиторской проверке, и в результате глупой ошибки служащего, в кассе обнаружилась недостача 70 рупий. Я погасил сумму, как только мне сообщили о недостаче. Если бы власти приняли официальную точку зрения, они посчитали бы ошибку злоупотреблением. Я был ужасно огорчён, так как имел репутацию

[1] До переезда в Шри Раманашрам Баларама Редди много лет провёл в ашраме Шри Ауробиндо на французской территории Пондичери, и приобрёл практическое знание французского языка.

честного человека и боялся, что она будет испорчена. В эту ночь мне приснился Багаван в виде молодого, очень красивого и отважного брамина и легко, без единого усилия отбросил в сторону большую змею, которая приближалась ко мне. Аудиторский отчёт не причинил мне никакого вреда, и мои объяснения об ошибке служащего были приняты без возражений.

В 1939г. я оставил юридическую практику и решил жить в Ашраме, где мне разрешили построить однокомнатный домик. Такое разрешение давали редко, и его получили только майор Чадвик (№42) и йоги Рамайя.

Однажды мне в глаз попала песчинка. Д-р Мелкот, преданный из Хайдерабада, осмотрел мой глаз и сказал, что песчинка застряла, и он отвезёт меня в больницу в Тируваннамалае, а если там не помогут, то в Мадрас, иначе глаз будет повреждён навсегда.

Я основательно расстроился и мысленно спрашивал Багавана: «Я приехал сюда спокойно проводить время и наслаждаться твоим обществом. По твоей ли воле происходит всё это?» Затем я сказал д-ру Мелкоту: «Позвольте мне закапать касторовое масло и посмотреть, не выведет ли смазка песчинку». Он согласился, и мы пошли в холл к Багавану. Я простёрся перед ним и ничего ему не сказал. Затем взял у слуги Багавана немного касторового масла и вместе с доктором отправился в свою комнату. Пока мы шли, я почувствовал значительное облегчение. Когда мы зашли в комнату, он осмотрел мой глаз и ничего там не нашёл. Он сказал: «Я не могу объяснить, как исчезла песчинка. Ясно, что это работа твоего Багавана».

Прожив в Ашраме пару дней, я обнаружил, что еда там мне не подходит. Обычно я ел очень мало риса. Однажды, глядя на мою тарелку из бананового листа, Багаван спросил: «Как ты обходишься таким малым количеством еды?» Я ответил: «Даже такое малое количество еды вызывает проблемы с желудком. Я не могу как следует переварить даже такую малость». Багаван промолчал, но с тех пор живот больше никогда меня не беспокоил, даже когда я постоянно жил в Ашраме и принимал всю пищу.

В связи со слабым здоровьем моей дочери и тем, что предыдущие роды были около десяти лет назад, я очень волновался по поводу её предстоящих родов. Медицинская помощь, которую могли оказать в доме её мужа, была минимальной. Я изложил все свои тревоги Багавану в письме. В ответе из Ашрама говорилось, что мне не нужно волноваться, и что роды моей дочери пройдут благополучно.[1] Это письмо не было похоже на ответы, которые обычно приходили из Ашрама. Обычный ответ был бы примерно таким: «Надеемся, что Милостью Багавана роды пройдут успешно». Я вернулся в Ашрам, сказав зятю, что во мне нет особой необходимости и чтобы мне дали телеграмму, если понадобится. Проведя у Багавана два или три дня, я получил письмо от зятя, где сообщалось, что роды моей дочери прошли гладко и благополучно.

В конце 1946г. мне позвонил брат и попросил помочь ему в судебной тяжбе с одним нашим близким родственником. Я горячо молился Багавану, чтобы дело закончилось без судебного разбирательства, и написал ему, что унизительно, когда близкие родственники судятся, а семейные отношения выставляются напоказ. Я очень не хотел, чтобы дело дошло до суда. Однако обе стороны были упрямы и придирчивы, и вряд ли приходилось рассчитывать на компромисс. И всё же милость Шри Багавана не подвела; дело закончилось без судебного разбирательства и вследствие обстоятельства, о котором я не мог даже и мечтать: сторона, подавшая иск против моего брата, не явилась в суд, и дело было закрыто.

[1] Шри Рамана никогда не писал писем и не подписывал никаких бумаг. Письма, адресованные ему, читали ему вслух, а ответы отправлялись из офиса Ашрама.

Можно написать целый том, описывающий, как Багаван практиковал *саматву* (равенство) и постоянно учил нас своим примером. В его присутствии все были равны, высокие или низкие, богатые или бедные, мужчины или женщины, дети или взрослые, люди или животные. Он не только сам относился ко всем одинаково, но никогда бы не потерпел проявления заботы и внимания к нему больше, чем к другим.

Каждый раз, если он замечал, что ему подали хоть немного больше еды или сладостей, чем другим, он с негодованием делал замечание тому, кто это сделал. Он говорил: «Поступая так, вы унижаете меня. Нет большего унижения, чем это».

Однажды женщина, приехавшая из Европы, сидела напротив Багавана в холле. Не привыкшая сидеть на полу со скрещёнными ногами, она вытянула ноги вперёд. Один из служащих посчитал это неуважением к Багавану и попросил её подобрать ноги. Бедняжка почувствовала, что, в то время как приехала выразить уважение Багавану, она совершила что-то неуважительное, и почти расплакалась от огорчения. Багаван, читавший сердца, а не поступки, огорчился из-за причинённого ей неудобства. Он сказал, что она никого не обидела тем, что сидела как ей удобно, однако, её не удалось переубедить.

Сам Багаван вытягивал ноги на кушетке, так как ревматизм в коленях причинял боль, если он долго сидел со скрещёнными ногами. Однако теперь он сидел, скрестив ноги, и весь день не поддавался на уговоры отдохнуть. Он сказал: «Если это правило для неё, то это правило для всех. Я тоже не должен вытягивать ноги». Как сильно мы ни упрашивали Багавана не обращать внимания на глупую выходку служащего, его невозможно было разубедить. Лишь на следующий день нам удалось уговорить его вытягивать ноги, как обычно, когда ему хотелось.

36. Морис Фридман (1900-76), польский еврей, работал инженером-исследователем во Франции, когда правитель Майсора, поражённый его незаурядностью и напористостью, пригласил его в Майсор. Он усовершенствовал прялку и заслужил от Махатмы Ганди имя «Баратананда» в признание его огромной любви к Индии. Он впервые встретился с Махарши в 1935г.

Всего через шесть месяцев после приезда в Индию я остался один без друзей. Человек, которого я любил, умер, и меня больше ничего в жизни не привлекало. Совершенно случайно, просто для развлечения, я заглянул в Тируваннамалай. Я отправился прямиком к Свами и пробыл там два часа. Тогда я понял, что встретил человека, подобного которому никогда раньше не встречал. Я не знал тогда, что означают такие слова, как Махарши и Багаван. Не имел никаких заранее сложившихся идей и, тем не менее, почувствовал, что в этом человеке есть нечто необыкновенное. Мне рассказали о его учении, но оно было слишком возвышенно для меня. Я не понимал его учения, но очень привязался к нему, как собака к хозяину.

Впоследствии, когда бы ни чувствовал беспокойство, я всегда приезжал в Ашрам и сидел в его присутствии. Поначалу я задавал вопросы, но потом, когда стал приезжать чаще, разговоров с ним становилось всё меньше и меньше. Затем я начал приезжать почти каждый месяц. Ничего не зная о *садхане* и *дхьяне*, просто сидел в его присутствии. На мои вопросы Махарши обычно отвечал: «Узнайте, кто вы есть». Я ничего не понимал, но всё равно был счастлив. Понемногу начали происходить перемены. Как яйцо высиживается только с помощью тепла матери, так же и я медленно и верно обретал форму в его присутствии. Ум стал спокойнее. Раньше он был несчастлив и неудовлетворён, теперь самопроизвольно

начало появляться чувство спокойствия и безопасности. Я чувствовал, что Махарши со временем становится ближе и ближе. Потом я обычно думал о нём каждый раз, когда чувствовал себя несчастным. Его любовь была всегда со мной, и, как огонь плавит лёд, так в его любви таяли все мои беды, и моя жизнь-борьба превратилась в жизнь счастливую.

Автору необыкновенно повезло встретить в жизни несколько духовных гигантов, но никто не произвёл на него столь глубокого впечатления, как Рамана Махарши. В нём высочайшее величие божественной жизни стояло и передвигалось во всей простоте. Недосягаемое проявилось как ближайшее, и невообразимое стало реальным.

Жгучее сожаление, которое, возможно, многие разделят со мной, состоит в том, что мы не воспользовались во всей полноте теми счастливыми бесценными днями, когда он был с нами физически – ел, говорил, смеялся, радушно принимал всех, открытый для всех. Реальность была здесь – в изобилии, бери, сколько хочешь, но мы заключили себя в рамки робости, фальшивого смирения, самообмана и ложных оправданий. Мы взяли по стакану, когда целый океан был у наших ног.

В одном из писем в Шри Раманашрам Фридман пишет:

«Махарши со мной не только когда я о нём думаю, но также и когда я не думаю о нём. Иначе как бы я жил?»

А.Р. Натараджан вспоминает в своей книге **Безвременное во Времени:**

Фридман имел по-детски непосредственный характер и свободно задавал откровенные вопросы. Однажды, драматически жестикулируя, он спросил: «Почему эго нельзя отрубить одним ударом и уничтожить, чтобы дать преданным высшее блаженство?» Шри Махарши расхохотался и предложил Фридману подержать своё эго так, чтобы он смог сразить его одним ударом. Все, включая Фридмана, тоже рассмеялись. «Да, теперь я понял» – сказал Фридман.

С. Бану Шарма пишет в **Ramana Smrti:**

В 1935г. мне довелось работать в Бангалоре под руководством польского инженера Мориса Фридмана, который часто ездил в Ашрам. В 1937г. один голландский друг, д-р Миз (№2), сказал ему, что, несмотря на все свои усилия, не смог получить разъяснение по определённым вопросам индийской философии. Фридман предложил ему поехать в Тируваннамалай и встретиться с Шри Багаваном, а мне было предписано сопровождать его в поездке. Д-р Миз записал все свои вопросы. Мы прибыли около 8.30 утра и сели в холле перед Багаваном. Несколько преданных задавали вопросы, а Багаван на них отвечал. Д-р Миз молчал. В 10.45 я напомнил ему о вопросах. Он сказал, что у него не осталось сомнений ни по одному пункту.

Г.В. Суббарамайя пишет в книге **Шри Рамана. Воспоминания:**

Многие западные гости приехали на празднование дня рождения в 1936г. Один из них, Морис Фридман, польский еврей, человек острого ума, забросал Багавана остроумными просьбами о практическом руководстве в самоисследовании. Багаван с живым интересом следил за его аргументами, но всё время молчал. Когда же тот вынудил его хоть что-нибудь сказать, Багаван процитировал из Библии: «Будь в покое и знай, что Я есмь Бог» и добавил, что Господь сказал: ««знай», а не «думай», что Я есмь Бог».

37. Сулеман Самюэль Коэн, еврей из Ирака, был квалифицированным бухгалтером. Приехал в Индию в 1927г. в поисках ключа к тайнам бытия. Несколько лет он работал в Бомбее, затем вступил в Теософское Общество в Мадрасе, где услышал о Махарши и прочитал несколько его книг. Случилось чудо, и он приехал жить в Раманашрам в 1936г. Он умер в 1980г. и похоронен на территории Ашрама. Он является автором книг: *Гуру Рамана, Размышления о беседах с Шри Раманой Махарши* и *Оставшиеся воспоминания о Рамане*.

В те времена в Ашраме существовала традиция оказывать честь новому посетителю, усаживая его для приёма первой трапезы прямо напротив Махарши. После еды кто-то объявил, что Махарши идёт в холл. Я поспешил туда. Вслед за мной неторопливым, однако, твёрдым шагом спокойно вошёл высокий впечатляющий Махарши. Я был один с ним в холле. **Радость и умиротворение затопили меня, никогда раньше я не испытывал такого восторженного чувства чистоты и благополучия просто от близости человека**. Через какое-то время я заметил, что он проникновенно смотрит на меня большими глазами, приносившими божественное успокоение своей детски непосредственной невинностью. **Я был поглощён чарующей личностью этого человека-магнита – Шри Раманы Багавана.** Нет необходимости говорить, что с того дня Шри Раманашрам стал моим постоянным домом.

Через несколько дней я сидел в холле почти один, когда Махарши вернулся после завтрака. Он увидел рядом со мной книгу в кожаном переплёте и спросил: «Что это за книга?», вероятно приняв её за руководство по священному писанию. Я ответил, что это записная книжка. Он усмехнулся и сказал переводчику: «*Vellai karan* (белый человек) никуда не ходит без своей записной книжки». Это начало вдохновило меня на разговор о сексе. Я сказал: «Вчера вечером мы с мистером Брантоном горячо обсуждали вопросы секса и женитьбы, особенно то, как это влияет на духовную жизнь. Что Махарши думает об этом?» Махарши помолчал минуту и заметил: «Что касается *садханы, брамачарья* означает пребывание в *Брамане*», предоставив мне самому понять сказанное.

Я построил себе хижину рядом с Ашрамом в 1936г. Я почти не бывал там днём: ум был полностью сосредоточен на Мастере. Поэтому я проводил свои дни и часть вечеров в холле, где жил и спал Махарши. Там я тихо сидел и слушал беседы посетителей с ним и его ответы, которые иногда переводили на английский язык, особенно, если задавший вопрос был иностранцем или из Северной Индии. Его ответы были свежи и сладостны. Его влияние было всепроникающим в молчании ничуть не меньше, чем в речи.

Для серьёзных искателей Багаван был светом маяка в непроницаемой темноте, и раем покоя.

Багаван был наиболее свободомыслящим гуру. Никогда он не считал нужным определить правила и предписания для управления жизнью учеников; не верил в общую принудительную дисциплину, поскольку сам достиг высочайшего без всего этого. Он давал своим ученикам полную свободу строить жизнь так, как они хотят. Эта физическая свобода во многом помогла мне преодолеть первые несколько трудных месяцев моего нового существования.

1936-38гг. были поистине очень счастливыми. Мы могли собираться вокруг кушетки Багавана, говорить с ним лично, как с любимым отцом, без разрешения и препятствий рассказывать ему о своих волнениях. Багаван рассказывал нам истории, поддаваясь эмоциям,

когда описывал сцены огромной *бакти*, или человеческой трагедии, к которым он был крайне чувствителен. Тогда он лил слёзы, которые тщетно пытался скрыть.

Некоторые истории невозможно забыть, например, рассказ о Кабире[1], который обладал *сиддхами*, и всё же зарабатывал себе на жизнь ткацким ремеслом. Однажды, когда Кабир трудился над своим станком, вошёл взволнованный ученик и сказал: «Господин, там на улице фокусник привлёк огромную толпу тем, что заставил свой посох висеть в воздухе». Тогда Кабир, который, как и все настоящие святые, не одобрял фокусы, поспешил на улицу, чтобы пристыдить фокусника. В руке у него был большой клубок ниток, который он подбросил вверх. Клубок летел, разматываясь, всё выше и выше, пока вся нить не повисла неподвижно в воздухе. Все люди, включая и фокусника, застыли в изумлении, а глаза Багавана изобразили это изумление, при этом рука его застыла высоко над головой в том же положении, что и у Кабира, когда он подбросил клубок ниток.

В другой раз Багаван рассказывал по памяти поэму о вайшнавском святом, в которой были такие слова: «Заключи меня в объятия, О, Господь». Руки Багавана соединились в воздухе перед ним, его глаза сияли пылкой преданностью, а голос дрожал от сдерживаемых рыданий, которые мы не могли не заметить. Было очень увлекательно наблюдать его разыгрывающим сцены и находящимся в таком оживлённом настроении.

Представление, что гуру всегда наблюдает за своими учениками, всё ещё не покидало меня. Однако, как я обнаружил позже, Багаван ничего подобного не делал. Он был воплощением Высшей Отрешённости. Определённая отчуждённость, которая поначалу казалась мне полнейшей бессердечностью со стороны Махарши, как выяснилось с годами, более мощно очищает, руководит, преобразует и развивает сознание ученика, чем сознательное вмешательство гуру. Без этой отчуждённости гуру неизбежно станет пристрастным и разборчивым.

Отречение и сдача – это краеугольный камень садханы, а у Махарши оно было «полнейшим». Некоторые заблуждающиеся преданные пытались снискать его особое расположение, но Багаван никогда не отклонялся от беспристрастности по отношению к ним. Отвечал на духовные вопросы, но никогда не пытался сознательно дать самореализацию кому-либо за все 14 лет моего общения с ним - ни прикосновением, ни ментальной проекцией, ни как-то иначе.

Рано утром я отправлялся один на *Гири-прадакшину* – восьмимильный путь вокруг горы Аруначалы, на который уходило почти три часа. Это приносило особую пользу. В эти ранние часы я обычно находился в медитативном состоянии, особенно потому, что намеренно ввёл это в привычку. Ещё один фактор для успешной *прадакшины*, а для меня – самый важный – это намерение не впадать в ретроспекцию, то есть не оглядываться назад в прошлое во время ходьбы. Я не позволял памяти лишать меня спокойствия. Когда я улавливал крадущееся воспоминание, немедленно переключал внимание на ритм шагов до тех пор, пока ум не возвращался в своё спокойное состояние. Некоторая усталость во второй половине пути автоматически, без больших усилий, приводила к этому спокойному состоянию.

Говоря о ретроспекции, следует предупредить *садхаков* об уловках памяти. Не рекомендуется слишком часто воздерживаться от размышлений о прошлом с его испытаниями и ошибками, упущениями и приобретениями, сожалениями, страхами, страстью, любовью и ненавистью, личными трагедиями и т.д. Всё пыль, всё преходяще,

[1] Великий святой и выдающийся индуистский поэт 14 века, живший в Бенаресе.

включая кажущиеся нерушимыми человеческие связи, тем более, богатство и слава, таким образом, не стоят ни минуты сожаления. Ничто не вечно и не бесконечно, кроме естественного состояния Чистого Бытия.

Прошло три года. Мастер обычно проходил мимо моей хижины почти каждый день. Часто он на две-три минуты укрывался от полуденного солнца на моей веранде. Тогда я старался не попадаться на глаза, чтобы не беспокоить его, пока однажды по глупости не поставил тайком стул, чтобы он мог сидеть, после чего он навсегда бойкотировал мою веранду. Несмотря на то, что он знал, как мы обожаем его, он был крайне чувствителен к малейшему беспокойству, которое мог доставить нам или кому бы то ни было: то, что я поставил для него стул или мог ожидать его ежедневно в определённое время, он расценил, как вмешательство в мой покой, отсюда и бойкот.[1]

После трёх лет жизни в Ашраме я получил разрешение от Багавана отправиться в *ятру* по Югу. Он одобрительно улыбнулся, спросил о дате и времени моего отъезда, и организовал ли я своё пребывание в разных местах путешествия. Крайне взволнованный его заботой, я отвечал, что поеду как *садху* и оставлю вопрос о жилье на волю случая.

В течение своего неспешного путешествия по южной Индии я посещал храмы и останавливался в священных местах на долгое или короткое время, как подсказывало моё духовное настроение. Везде меня хорошо принимали. Везде, где я появлялся, имя Багавана действовало как талисман, особенно благодаря тому, что я с самого начала (1936г) одевался в индийское платье, жил на браминских улицах и ел браминскую еду. Я даже на время отказался от ношения обуви, купался в индуистких водоёмах для омовения и посещал вечерние богослужения в храмах, смазывая священным пеплом руки и лоб.

Во время ятры я обычно погружался в воспоминания о блаженном молчании Багавана и о его спокойном отдыхе. Покой его ума преследовал меня, куда бы я ни шёл. Я чувствовал его влияние в глубине души и восклицал: «О, Багаван, какой ты всемогущий, как величественна и всепроникающа безупречная чистота твоего ума! С какими нежными чувствами мы, твои ученики, думаем о твоих несравненных качествах, твоей мягкости; твоём спокойном обожаемом облике; твоих милых освежающих улыбках; сладости слов, слетающих с твоих губ; сиянии твоей всеохватной любви; твоём равном видении одного и всех, даже бездомных животных!»

Влияние Махарши на подлинных искателей, которые оставляют мир и превращаются в пилигримов на пути к Абсолюту, поистине огромно; такие искатели задевают сочувственные струны его души, вызывая духовный отклик огромной значимости. Мой близкий друг однажды рассказал мне о том, как после короткой беседы с Махарши он оставил бесполезную погоню за оккультизмом и вступил на путь знания (*джняны*). Вот что он рассказал:

«Я был убеждён, что Махарши говорит исходя из непосредственного, веского опыта и решил поговорить с ним наедине, прежде чем холл наполнится преданными. Было восемь

[1] Майор А.В. Чадвик пишет: первое время (1935-36) я жил в большой комнате, примыкающей к кладовой Ашрама. Здесь Багаван часто меня навещал. Входя в мою комнату неожиданно, он обычно просил меня не беспокоиться и продолжать заниматься тем, что я в это время делал. Я оставался сидеть, занимаясь тем, что делал в это время. Теперь я понимаю, что индийские преданные рассматривали это как ужасное неуважение, но я заслужил награду. Если кто-нибудь волновался о Багаване или был как-либо обеспокоен, он просто больше не приходил; он никому не причинял беспокойства, таким он был заботливым. А если человек продолжал заниматься своим делом, он садился и разговаривал вполне естественно, без формальности, которая обычно окружала его в холле. Я и не подозревал, как мне повезло и посчастливилось, но определённо, ценил его визиты. *Воспоминания садху о Рамане Махарши*, с.23

утра. Багаван только что вошёл и едва занял своё обычное место, когда я приблизился к его кушетке и сел на пол. Ничто, я знал, не доставляло Махарши большего удовольствия, чем внимательно выслушивать о духовных затруднениях преданных и давать им советы. Это знание вдохновило меня объяснить ему медленно и коротко ясным простым английским языком беспокойства моего ума. Когда я закончил, он несколько секунд размышлял, а затем тем же языком, но очень тщательно подбирая слова, сказал: «Да, Вы правы. Все предубеждения должны уйти. Только практика покажет Вам, где находится истина». Помимо слов, которые он произнёс, я внезапно был захвачен непреодолимым побуждением сдаться ему безоговорочно, чтобы он руководил мной в моём духовном стремлении. Моя судьба и всё, чем я являюсь, с того момента навсегда перешло в священные руки Багавана».

Постоянный наплыв посетителей приносил своего рода пользу, так как давал столь необходимое расслабление в жизни, которая без этого была бы напряжённой. Во-вторых, необычные проблемы, которые посетители привозили с собой, были полезны для изучения – изучения человеческого ума и бесконечных невзгод, которым он подвержен. Проблемы ума и условия, которые их порождают, гораздо более многочисленны, чем может себе представить здравый смысл в физической вселенной. Более того, наблюдать, как мастерски Багаван расправляется с этими проблемами, было само по себе *садханой*. Разумность была самой сутью его доводов, в то время как окончательный ответ на все вопросы был всегда один, а именно: «Узнайте, кто Вы». Сначала он встречал каждого вопрошающего на его поле, а затем медленно подводил его к источнику всех проблем – Атману – осознание которого он считал универсальной панацеей.

Психологи имеют дело только с работой ума, но Багаван идет к источнику, к самому Атману. **Удивительно, что на всех посетителей он производил приятное впечатление, даже если они не понимали смысла его идей.**

Люди считают *сиддхи* верным признаком Совершенства, но мало кто понимает неуловимое влияние поистине Совершенного человека, который без преднамеренного использования чудес преображает людей, вступающих с ним в контакт, а истинных учеников фактически превращает в *muktas* (освобождённых от цикла перерождений), на что внешние *сиддхи* совершенно не способны.

Многие из тех, кому неизмеримо повезло долго жить с Багаваном, свидетельствуют о блаженстве, которое даровало им одно лишь его присутствие.

Далее следуют короткие отрывки из записей, сделанных Коэном в 1930-е и 40-е гг. Он пишет: Багаван всегда говорил на тамили, кроме случаев, когда вопросы задавались на телугу или малаяламе, тогда он отвечал на том же языке. Посетители, которые не знали ни одного из этих языков, получали ответы через переводчика на английский язык. Хотя Махарши хорошо читал и понимал английский, он предпочитал не говорить на нём.

Реальность всегда присутствует, как экран, на котором движутся кинематографические картинки. Пока картинка видна на нём, экран невидим. Уберите картинку, и экран станет чистым. Все мысли и события – это всего лишь картинки, двигающиеся на экране Чистого Сознания, которое одно лишь реально.

В кинотеатре вы можете смотреть кино только при очень тусклом свете или в темноте. Если зажечь весь свет, картинки исчезнут. Так же и при свете Высшего, *атмана,* все объекты исчезают.

Думайте о Боге, и привязанности постепенно отпадут. Если вы станете ждать, пока исчезнут все желания, прежде чем начать поклонение и молитву, вам придётся ждать очень долго.

Каждый разумный человек по опыту знает, что зло рано или поздно возвращается к тому, кто его совершил. «Возлюби ближнего своего как самого себя» означает, что ты должен любить его, потому что он – это ты. То, что приходит и уходит, поднимается и опускается, рождается и умирает – это эго. То, что существует вечно, никогда не меняется и лишено качеств, есть Атман.

Боль и удовольствие испытывает эго, которое само воображаемо. Когда эго исчезает с помощью постоянного исследования его природы, иллюзия боли и удовольствия также исчезает, и остаётся лишь Атман один.

Привычки создают ложное представление, что мышление – это вещь постоянная, без которой невозможно обходиться, однако, исследование и различение разрушат это заблуждение. Никто не добьётся успеха без усилий, а те немногие, кто добились успеха, обязаны победой упорству.

Мы так привыкли к объективности, что потеряли знание себя просто потому, что Атман не может быть объектом. Мы есть Атман, и всё ещё спрашиваем, как узнать Атман.

Я никогда не говорил, что нет необходимости в гуру. Всё зависит от того, что вы называете гуру. Он необязательно должен быть в человеческом облике. У Даттатрейи было 24 гуру. В Упанишадах сказано, что только гуру может вывести человека из джунглей ума и чувственного восприятия. Не пел ли я гимнов Аруначале? Гуру – это Бог или Атман. Сначала человек молится Богу об исполнении желаний. Приходит время, когда он больше не станет молиться об исполнении материальных желаний, а будет молить о Боге. Тогда Бог явится ему в той или иной форме, человеческой или иной, чтобы вести его к Себе в ответ на его молитвы и в соответствии с его нуждами.

Медитация включает контроль ума, утончённую бдительность к закрадывающимся мыслям. В начале, контроль требует больше усилий, чем собственно медитация, но со временем медитация побеждает и происходит без усилий.

Сердце – это местопребывание *джняны*. В физическом теле оно представлено в виде отверстия меньше, чем остриё иглы, которое всегда закрыто. Когда ум отброшен в *кевала-нирвикальпа*[1], оно открывается, но затем вновь закрывается. Когда достигается *сахаджа*[2], оно открывается навсегда. Первое похоже на ведро под струёй воды. Его можно в любой момент убрать. Последнее – как река, достигшая океана, откуда нет возврата.

38. К.К. Намбияр был главным инженером дорожного управления мадрасского округа. Свои воспоминания он изложил в книге *Руководящее присутствие Шри Раманы.*

В 1932г., когда я работал инженером в Салеме, один из друзей дал мне книжечку «Кто Я?» на языке малаялам. В книге упоминалось о «живом Махарши». Я слышал о Махарши в пуранах и сомневался, что в наши дни может жить настоящий Махарши из плоти и крови. Через несколько дней, когда я упомянул о книжке Четтияру, Президенту районного

[1] Состояние *самадхи* высокого уровня.
[2] Состояние *самадхи* высочайшего уровня.

Управления Салема, он подтвердил существование Махарши, и мы отправились в Тируваннамалай.

Мы приехали в Шри Раманашрам. Войдя в холл, я простёрся перед Махарши. Хотя не прозвучало ни одного слова, я почувствовал необъяснимое воздействие и ощущение покоя. Я сидел, прикованный к месту. Четтияр поднялся примерно через час и жестом показал, что пора уходить. Мы простились с Багаваном, который согласно кивнул.

Покидая Ашрам, я чувствовал, что моё сердце непреодолимо притягивает, как мощный духовный магнит, Божественное в человеческом облике, сидящее там на кушетке. Мои чувства в этот момент лучше всего можно выразить словами поэта Калидасы: «Тело идёт вперёд, но беспокойное сердце рвётся обратно, как полотнище знамени, которое несут против ветра». Я горячо молился, чтобы мне была дарована возможность видеться с ним ещё. Моя молитва была услышана. Меня назначили инженером района Северного Аркота с управлением в Тируваннамалае.

Во время одного из посещений Ашрама я внёс пожертвование для *бикши*. Это означало обильно накормить всех Ашрамитов и посетителей. Багаван тоже принимал участие в трапезе вместе со всеми. Люди выстроились в очередь в столовую, и я случайно оказался прямо напротив Багавана, который милостиво мне улыбнулся. Я всё ещё помню восторг, который испытывал, сидя напротив Багавана, когда наши тарелки из листьев разделяло менее ярда. Это был самый счастливый обед в моей жизни.

К этому времени мой скептицизм по отношению к живому Махарши растаял, как туман при восходе солнца. Моё отношение к работе и развлечению подвергалось благотворным переменам. Я бросил охотиться, поклявшись, что никогда не убью ни одно животное. Внезапная перемена произошла, когда я застрелил пятнистого оленя и принёс его в бунгало путешественников в лесу Хоганекал. В соседнем номере остановился какой-то *свами*. Увидев тушу, он срывающимся от волнения голосом заговорил со мной: «Посмотрите в глаза оленя. Сколько печали! Не убивайте невинных животных». Я воспринял это вмешательство как поучение самого Багавана.

К 1936г я набрался смелости иногда говорить с Багаваном. Одной из первых вещей, которые я сделал, была запись о том, что полностью ему сдаюсь, и вижу в нём свою единственную защиту и убежище. Я написал *шлоку* на санскрите на листочке бумаги, и после того, как простёрся перед ним, положил листок к его ногам. В шлоке говорилось: «У меня нет другого прибежища; ты – моя единственная поддержка, О, Раманешвара! Смилуйся же надо мной и защити меня». Багаван прочитал её и вернул мне, разъяснив, что я спародировал известную *шлоку*. Когда я вернулся на место, Багаван пристально смотрел на меня. Этот милостивый взгляд полностью успокоил мой ум.

Ни дня не проходило в Ашраме без какого-либо происшествия, раскрывающего мистические способы, которыми Багаван утешал и успокаивал своих преданных, рассеивал их сомнения, давал знания и помогал на пути к Самореализации. Нет необходимости упоминать, что моя вера в Багавана усиливалась день ото дня. Я смотрел на него, как на Бога в человеческом облике и передавал ему все свои заботы. Постепенно я потерял интерес к посещению храмов и семейных церемоний. Больше времени проходило в медитации в Ашраме и дома, когда я не был занят другими неотложными домашними или официальными делами.

Однажды, медитируя с закрытыми глазами в Холле, я почувствовал оцепенение во всём теле и увидел свой скелет как на рентгеновском снимке. Я сказал об этом Багавану. Он

ответил, что не надо обращать внимания на такие вещи, а следует настойчиво продолжать медитацию, не позволяя себе отвлекаться.

Во время одного из моих визитов руководство Ашрама попросило меня составить компанию Гранту Даффу (№7), племяннику бывшего губернатора Мадраса, философу и дипломату высокого ранга. Он сидел один на стуле возле навеса над Матрубутешвара Самадхи. Когда я представился как инженер на государственной службе, он поздравил меня с тем, что у меня есть возможность часто бывать в присутствии Багавана. Он сказал, что людям в этой части Индии и тем, кто родился в этом столетии, поистине повезло, что они смогли повстречать Багавана – Божественное в человеческом облике. Он сказал, что провёл тщательное сравнение религий и пришёл к выводу, что только философия Багавана может выдержать внимательное изучение в современный научный век. Таков был основной тезис его доклада для Международного Философского Конгресса.

Однажды некоторые преданные обсуждали соблазнительность *сиддх* (сверхъестественных способностей) для *садхака* (духовного искателя). Я спросил Багавана: «Сегодня люди так материалистичны, что не верят в явления, которые невозможно объяснить в свете научных знаний. Неверующих можно было бы легко обратить и направить по духовному пути, если бы те, кто обладает психическими силами, показали им какое-нибудь сверхъестественное явление. Чудеса, которые являл Христос, составляют основу христианской веры. Почему современные святые не демонстрируют подобных чудес для спасения человечества?» Багаван ответил вопросом на вопрос: «А разве те древние святые, о которых говорят, что они совершали чудеса, знали или действовали так, как будто знают, что совершают эти чудеса?»

Хотя Багаван не был расположен к использованию и проявлению мистических возможностей и несколько раз предупреждал преданных, что стремление к ним или потворство уведёт их в сторону от Самореализации, те или иные чудеса всё же случались в Ашраме и не только. Когда на это указывали Багавану, он обычно отвечал, что такие вещи случаются благодаря Автоматической Божественной Деятельности. Я сам был участником одного такого случая:

В 1944г. я с семьёй приехал в Тируваннамалай на *даршан* к Багавану и остановился у своего друга. Когда я рассказывал ему о своей вере в Багавана и о том, как он заботится о преданных, мой друг сказал: «Давай посмотрим, как ты доберёшься обратно в Мадрас. Сесть на поезд в Виллупураме всегда непросто». Я сказал, что не беспокоюсь, поскольку Багаван позаботится о нас. Тогда он воскликнул: «Давай поспорим!». Мы сели в Виллупураме и стали ждать поезда. Когда поезд прибыл, я прошёл вдоль всех вагонов первого класса и смог найти только две полки для моей семьи из пяти человек. Я всё время молился Багавану. Поразмыслив, я решил пройти к голове поезда и обнаружил двухосный прицепной вагончик первого класса с опущенными жалюзи, буксируемый в Мадрас. Я побежал назад по платформе и поговорил с контролёром, проверяющим билеты. Когда железнодорожник открыл вагончик, там оказалось купе с шестью местами в нашем полном распоряжении. Я повторял: «Ом Намо Багаватэ Шри Раманайя». Позже мой друг признал, что проиграл пари.

Я помогал Ашраму добывать материалы для строительства, а также бумагу и прочее для книжного магазина. Багаван был в курсе и следил за тем, как проходят строительные работы в Ашраме. Например, однажды он спросил меня, для чего я достал бочку асфальта для трубных компенсаторов. Он также следил за моей официальной карьерой и за тем, какую работу мне приходится выполнять. Когда меня отозвали в Управление на должность инженера-контролёра взамен ушедшего в отставку европейца, Багаван спросил, не потеряю

ли я в заработке. Я ответил, что по закону сокращения быть не должно. Однако, несмотря на все законы, я претерпел сокращение зарплаты до тех пор, пока не был назначен главным инженером.

2 апреля 1950г. я увидел во сне Багавана. Он лежал в комнате нирваны и с кем-то разговаривал. Увидев меня, стоящего снаружи, он сказал этим людям: «Намбияр ждёт снаружи, позовите его». Когда я вошёл в комнату, Багаван поднялся с постели и, опираясь на палку, вышел, а за ним и мы трое. Он отвёл нас на место, расположенное возле Храма Матрубутешвара, и палкой начертил на земле прямоугольник, как бы обозначая место своего *самадхи*.

После *маханирваны* Багавана вечером 14 апреля многие во главе с *сарвадхикари* неистово протестовали против идеи расположить самадхи Багавана на месте второстепенном по отношению к Храму Матери. Они хотели возвести для Багавана храм большего размера. *Сарвадхикари* говорил мне: «Пожалуйста, держите при себе эти сны и видения». Только после долгих споров и под большим давлением ему пришлось уступить. [1]

Те, кто посещал Багавана в течение его жизни, обращали внимание на характерную позу, в которой он полулежал на кушетке с закрытыми глазами, опираясь головой на левую руку, особенно во время чтения Вед. Некоторые из нас, преданных, сидящих вокруг, обычно внимательно наблюдали за ним в такие периоды.

В нескольких случаях я мысленно молился ему, чтобы, когда он откроет глаза, его взгляд упал на меня, и, должен сказать, ни разу не был разочарован. Таким образом, мне совершенно ясно, что молитвы к Багавану не обязательно произносить голосом, что он чувствует, знает и отвечает на внутренние молитвы всех своих преданных.

Бывали случаи, когда я сидел у ног Багавана и сосредоточенно медитировал на его облик с закрытыми глазами, и, чаще всего, когда открывал глаза, оказывалось, что Багаван наблюдает за мной. Большое утешение даже сейчас вспоминать переживание тех необыкновенных моментов, которые так живы в памяти.

Физическое отсутствие Багавана не явилось препятствием, так как он продолжает руководить мной в сновидениях и многими другими способами.

39. Сури Нагамма (1902-80) известна как автор 273 писем на телугу, написанных в 1945-50гг., по просьбе своего старшего брата, преданного Шри Раманы, работавшего в администрации коммерческого банка. В этих письмах описаны события в Ашраме и беседы, которые преданные и посетители вели с Махарши. Кроме *Писем из Шри Раманашрама*, есть две другие её книги: *Моя жизнь в Шри Раманашраме* и *Письма и Воспоминания о Шри Раманашраме*. Нагамма в некотором смысле была секретарём Шри Раманы, когда дело касалось языка телугу.

Мой отец умер, когда мне было четыре года, а мать – когда мне было десять. В одиннадцать лет меня выдали замуж. Прошёл лишь год, и муж умер. Со временем я начала понимать, как устроен мир. Меня стали привлекать религиозные беседы, песни преданности и тому подобное.

Родившись в деревне, где не было даже начальной школы, я занималась самообразованием, обучаясь чтению и письму с помощью взрослых. Я снова и снова перечитывала *Багаватам* Потаны. Однажды я со всей искренностью молилась о том, чтобы у

[1] В итоге самадхи Багавана находится на том месте, которое он сам указал.

меня был гуру *сиддха пуруша*, как Капила Махамуни.[1] Я плакала и плакала и, устав, уснула. Во сне я получида *даршан* мудреца, сидящего в позе лотоса на пьедестале высотой три фута, лицом на юг, с *мауна мудрой*, как у Бога Дакшинамурти. Вокруг него была священная аура. Когда я увидела эту сияющую фигуру, дрожь пробежала вдоль позвоночника. Я попыталась встать, чтобы отдать ему почести, и непроизвольно открыла глаза. Видение исчезло. Это было в 1913г. С тех пор это видение отпечаталось в моём уме. Когда бы ни вспоминала это видение, я молилась Господу, чтобы мне в жизни посчастливилось служить такому мудрецу.

В 1941г. мой старший брат отправился в паломничество на Юг. Он посетил Тируваннамалай и имел *даршан* Багавана. К счастью, ему пришло в голову, что мне тоже будет очень полезно приехать туда. Поскольку дочь одного из наших родственников после смерти мужа находилась в Ашраме, мой брат согласился отправить меня туда.

Я вошла в холл, крайне взволнованная, поклонилась Багавану и села со склонённой головой на место, предназначенное для женщин. Примерно через десять минут я подняла голову и увидела, что Багаван внимательно смотрит на меня. Его сострадательный взгляд успокоил мой ум, но не выдержав его интенсивности, я невольно опять опустила голову. Хотя в следующие десять дней Багаван не говорил со мной, он произвёл на меня глубокое впечатление. Я нашла в нём сходство с тем *сиддха пурушей*, который однажды явился мне во сне, и также видела в нём все признаки *дживанмукты*, как описано в *Васиштхам* и других ведических книгах.

Он, казалось, ни к чему не привязан, как сверкающая на солнце вода на листе лотоса. День за днём я наблюдала Багавана, и во мне росла уверенность, что он – тот человек, который может рассеять моё невежество и что я должна отдаться на его попечение. Однако я не могла набраться храбрости, чтобы сказать это.

Однажды я осмелилась написать восемь строф на тему *саранагати* и, не решаясь вручить их Багавану лично, передала его слуге Мадхавасвами. Мастер прочитал стихи и сказал Мадхавасвами: «Послушай, её зовут Нагамма. Это стихи о *саранагати*, включи их в книгу».[2] Я была очень счастлива. Я интуитивно чувствовала, что нашла свой рай и решила остаться жить в Ашраме постоянно.

Как Ахалия избавилась от своего неведения, лишь прикоснувшись к пыли под священными стопами Шри Рамы, так же, по милости Багавана, тьма рассеялась и в моём уме. Милость Багавана изливалась на меня постоянно, как вода, текущая по пересохшему полю, заставляя его расцветать. Я приступила к *садхане*, исследуя источник всех мыслей. Багаван дал мне покой ума и удовлетворённость.

Для любого преданного естественно петь хвалу гуру после получения его милости. Склонность писать стихи, дремавшая во мне, начала проявляться. В 1943г. я сочинила песни, описывающие жизнь Багавана, и они были исполнены перед ним. Однажды днём, отправляясь на гору, Багаван, кажется, сказал своему слуге Рангасвами: «Послушай, люди пишут, что я такой или другой *аватар*. Знаешь, что написала Нагамма? Он вездесущий и всемогущий Атман, и родился, чтобы указать нам путь осознания Атмана. Где Виджаявада и где Аруначала? Она приехала оттуда и живёт здесь совсем одна. Что мы можем сказать об этом? Природа людей проявляется в соответствии с их *самскарами* (привычками или склонностями ума). Её *самскары* таковы.»

Спустя несколько дней я написала четыре стиха под названием «*Прартана»* и положила их перед Багаваном. Увидев их, он начал смеяться про себя. Заметив это, другой

[1] Упоминается в *Багаватам*

[2] Большой переплетённый том в Ашраме, предназначенный для этих целей.

слуга Багавана Раджагопала Айяр спросил, что там написано. С улыбкой он сказал: «Эти четыре стиха написаны в форме молитвы. Второй стих забавен. Кажется, после того, как я ушёл с горы и поселился здесь, у меня нет обезьян, прислуживающих мне. Поэтому, «почему бы не принять мой ум, который является обезьяной для услуг? Эта обезьяна гоняется за материальными благами. Привяжи её или побей; но проследи, чтобы она служила тебе.» Ади Шанкара в *Шивананда Лахари* написал *шлоку* с похожим смыслом, в которой говорит: «О, Господь Шанкара! Ты собираешь подаяние. Почему не привязать мой ум, известную обезьяну, к твоему посоху и не пойти просить подаяние? Тебе тогда дадут милостыню в изобилии».

В 1943г. я получила письмо от брата из Виджаявады с просьбой навестить его. Когда Багаван возвращался из коровника, я приблизилась к нему и сказала, что мои родственники хотят, чтобы я навестила их, а я боюсь опять попасть в водоворот семейных дел. Улыбаясь, Багаван сказал: «Когда все впадают в нас, где вопрос о нашем впадении в других?» И ушёл. Тогда я совсем не поняла значения слов Багавана, пока не приехала в Мадрас по пути в Виджаяваду. Добравшись до Мадраса, я получила послание, в котором меня просили подождать прибытия брата с семьёй и сопровождать их в Ашрам, который они намеревались посетить. Я была очень удивлена.

Между 1943 и 1945гг я написала несколько стихов, таких как *Nakshatramala, Arpana, Balakrishna Geetavali* и *Ramana Satakam.* Также начала писать письма старшему брату о событиях в Ашраме, как он хотел.

В Ашраме одна женщина из штата Андра Прадеш умела хорошо петь. Она начала петь песни преданности, сочинённые уважаемыми пандитами Андра Прадеш, заменяя слово «Рама» на «Рамана». Поскольку песни содержали глубокий смысл, и она была превосходной певицей, все были счастливы. Когда её спросили, она сказала, что сама написала эти песни.

Некоторые преданные попросили её записать песни для перевода на английский язык. Она показала песни Багавану и попросила, чтобы их перевели. Багаван просто вручил их оказавшемуся рядом Мунгале Венкатарамайя (автору знаменитой книги *Беседы с Шри Раманой Махарши*). Венкатарамайя попросил меня объяснить значение некоторых трудных слов на телугу. Я согласилась, а также сказала ему, что эти песни были давно написаны почтенными людьми о Раме. Он прямиком пошёл к Багавану, который с улыбкой сказал: «Ах, вот как? Когда я обратил внимание на язык и великие идеи, содержащиеся в них, я подумал, что их, должно быть, сочинили древние знатоки. Какое это имеет значение? Когда люди приходят сюда, им хочется сочинять или петь что-нибудь. Поэты пишут сами; другие копируют написанное кем-то другим и заменяют словом Рамана слово Рама. Слова Рама и Рамана – это одно и то же. Так что Вы скажете? Вы продолжите перевод?» - спросил Багаван. Все молчали.

Работники кухни обычно уделяли Багавану особое внимание. Однажды приготовили молочный пудинг и положили Багавану чуть больше, чем обычно. Он тут же воскликнул: Опять та же ерунда. Когда очередь доходит до Багавана, половник погружается полностью, а для других он погружается только наполовину. Сколько раз я просил вас не поступать так? Когда половник в его руке, он думает, что он окружной сборщик налогов и может безбоязненно делать всё, что угодно. И Багаван продолжал в том же тоне упрекать тех, кто провинился.

Однажды в 1945-46гг я приехала в Ашрам после обеда. Преданные жевали спелые кокосы, упавшие с пальмы. Увидев меня, Багаван сказал: «Вот пришла Нагамма. Дайте ей тоже долю». «Ой, а всё закончилось»,- воскликнули те, кто был рядом. Тогда Багаван

подозвал меня и отдал всё, что было у него в руке. В ответ на мои возражения он сказал: «Я уже поел. Осталась только твоя доля». Я приняла *махапрасад* и съела с благоговением. Он показался мне нектаром. Радость моя была неописуема.

Однажды преданный спросил Багавана о значении поста. Благожелательно глядя на него, он сказал: «Когда прекращается деятельность всех чувств, ум становится однонаправленным. Когда такой ум концентрируется на Боге, это настоящий *upavasam* (пост). *Upa* означает рядом, а *vasam* означает жизнь. Где он собирается жить? Он будет жить в Атмане. Желания – это пища ума. Отказ от них есть *upavasam*. Тот, кто может заставить поститься ум, не нуждается в телесном посте. Для тех, кто не может держать ум в воздержании, было предложено телесное воздержание, чтобы очистить ум».

Одна преданная из Андры, жившая в Ашраме, начала представлять Багавана Господом Кришной, а себя *гопи*. Она написала об этом Багавану и везде об этом говорила. Багаван оставался безучастным к таким пустякам, но я не могла хранить спокойствие, когда увидела отвратительные письма, которые Багаван дал мне. Я сделала ей замечание. Она вспылила и начала писать всякие гадости обо мне. Увидев это, Багаван, смеясь, сказал: «Вот письма от неё. Всё только о тебе». Со слезами на глазах я однажды сказала Багавану: «Я не могу читать такие письма. Пожалуйста, больше не давай мне её письма», и он перестал их давать. Несколько дней спустя, женщина впала в неистовство, и пришлось вызвать её мужа, чтобы он увёз её.

В ноябре 1949г я получила от неё письмо, где она справлялась о самочувствии Багавана, так как получила известия об ухудшении его здоровья. Она также просила извинения за то, как поступила со мной и просила ответить, как можно скорее. Я рассказала Багавану о письме. Он просто сказал: «Ах, вот как?» и молчал в течение трёх дней.

В течение этих дней, когда бы я ни простиралась перед ним, обычное милостивое выражение отсутствовало в его взгляде; вместо этого он отворачивался от меня. Тогда меня осенило, что причиной было моё недоброе отношение к той женщине, и то, что я ей не ответила. Поэтому я немедленно написала ей и пошла к Багавану. Когда я поднялась после того, как простёрлась перед ним как обычно, он милостиво взглянул на меня. Когда я сказала, что только что отправила письмо, он сказал своим слугам, которые были там: «Послушайте, Нагамма отправила ответ той женщине телугу, которая написала ей, что оскорбила её раньше, но осознала свою ошибку и просит прощения, и справляется о здоровье Багавана». Потом повернулся ко мне с ласковым благожелательным выражением.

Рассказывая кому-то эту историю, я сказала, что отречение не может быть подлинным, если в уме всё ещё остаются гнев и обида. Хотя женщина вела себя глупо, Багаван всегда испытывал к ней сочувствие. Он также своим неподражаемым способом дал мне понять, что я не должна испытывать к ней недобрых чувств.

Когда наступило лето, Багаван всё время проводил в Юбилейном Холле.[1] В полдень, в самую жару, слуги переносили кушетку Багавана в северную часть, где находилась беседка, в которой вдоль каждой стены стояли горшки с кротонами и были развешены пучки травы кас-кас[2], сбрызгиваемые водой.

Однажды днём я пришла туда. Багаван сидел укрытый тканью. Никого не было, кроме его слуги Кришнасвами. Он стоял позади Багавана и держал в руке пульверизатор, полный розовой воды. Он открутил крышку, чтобы сбрызнуть Багавана розовой водой, как лёгким

[1] Навес, сооружённый снаружи медитационного холла во время празднования Золотого Юбилея в 1946г.
[2] *Кас-кас* – это трава, собранная у корней растения. Она испускает аромат и освежает воздух, если поливать её водой.

дождиком. Увидев меня, Багаван сказал: «Смотри, мне совершают *абишекам* (поклонение омовением). Укрыли меня этой влажной тканью. Везде развесили пучки травы и поливают их водой. Здесь теперь прохладно, как в Утакамунде». Через некоторое время, уйдя в воспоминания, Багаван начал говорить**:**

Когда я жил в пещере Вирупакша, на лето мы переходили жить в пещеру под Манговым деревом, так как в первой не было воды. В полдень к пещере с тяжёлой ношей на голове и очень уставшие, приходили в поисках воды женщины низших каст. Бедные, они уходили из дома, поев немного жидкой каши, и шли на гору, чтобы набрать большие вязанки травы. Как только добирались до пещеры, они сбрасывали вязанки с головы на землю, склонялись и просили: «Свами, Свами, сначала полей нам на спину воды». Я лил на них воду, как они хотели, чтобы они пришли в себя от усталости. Затем, сложив ладони, они пили, умывались, немного отдыхали и уходили. Только они одни могли испытывать счастье от всего этого.

Когда я спросила, сам ли Багаван поливал воду, он ответил утвердительно и добавил: «Я знал, что они придут в это время, и поджидал их с водой. Что им было делать? Так как они низкой касты, им не разрешалось подходить к водоёму, а воды больше нигде не было. Жара была невыносимая. Они не могли поесть, пока не продадут траву и не получат немного денег. Дома их ждали дети. Нужно было быстро вернуться домой, позаботиться о детях. Что они могли поделать, бедные! Они приходили к пещере в надежде, что Свами даст им воды. В то время мы не готовили. Если в какой-то день мы готовили еду, мы добавляли в рис много воды и варили жидкую кашу с солью и имбирём, если он у нас был. К тому времени, когда они приходили, кашица уже остывала. Когда стакан каши выливали им в ладони, они пили её, как нектар. Только они одни могли оценить вкус этой каши и счастье после питья». Сказав это, Багаван впал в чувства и замолчал.

40. Артур Осборн (1907-70), британец, получивший образование в Оксфорде, с университетской скамьи имел сильные духовные склонности. Он был основателем и редактором журнала «*The Mountain Path*». Редактировал *Собрание Сочинений Раманы Махарши* и написал книги *Рамана Махарши и Путь Самоисследования*; *Рамана-Аруначала*; *Моя Жизнь и Поиск*; *Будь Спокоен, Это Ветер Поёт*; и *Учение Багавана Шри Раманы Махарши в Его Собственных Словах*.

Осборн читал лекции на английском языке в университете в Бангкоке. В 1941г он приехал в Индию в длительный отпуск. Ещё в Бангкоке Осборн слышал о Махарши и получил некоторые его произведения и фотографии, которые «произвели огромное впечатление» на него. Но, поскольку один из его друзей, у которого был дом в Тируваннамалае, сообщил ему, что Махарши не гуру и не даёт инициации, которую он ищет, он вместе с семьёй в течение всего отпуска ездил по другим местам Индии. Когда Осборну пришлось возвращаться в Бангкок одному из-за военного положения, он оставил жену с тремя детьми у своего друга Дэвида Мак Айвера в Тируваннамалае. Осборн приехал в Тируваннамалай в 1945г. О том, как его жена и он сам встречались с Махарши, Осборн пишет:

Моя жена вошла в холл и села. Немедленно Багаван обратил на неё сияющий взгляд такой концентрации, что она почувствовала дрожь. Она смотрела ему в глаза, потеряв всякое ощущение времени, с успокоенным умом, чувствуя себя как птица, пойманная змеёй, и счастливая от того, что её поймали. Она написала мне, что все её сомнения рассеялись; её

возражения потеряли значение. Она обрела полную веру. Самое красивое лицо, говорила она, выглядит банальным рядом с ним, хотя черты его неправильны. Его глаза выражали невинность малого ребёнка, и вместе с тем, непостижимую мудрость и огромную любовь.

Она постоянно чувствовала силу и руководство Багавана. Все годы нашей разлуки – большую часть этих лет мы не имели вестей друг о друге – она не тревожилась, хотя мой характер и располагал к беспокойству. Когда ей предложили работу, она отказалась: время выхода в мир придёт позже; сейчас время быть с Багаваном.

Багаван был очень добр все эти годы и к ней, и к детям. Они приходили показать ему свои игрушки и рассказывали свои секреты. Обычно Багаван избегал прикасаться к людям и не любил, чтобы прикасались к нему. Однако каждый прохладный сезон, когда моя жена привозила детей обратно с гор, он иногда прикасался к младшей, Франии, а однажды поднял её на руки и понёс.

Когда связь ещё работала, я получил письмо от жены, где она рассказывала, что моя старшая дочь Кэтрин и сын Адам ходили к Багавану и просили его доставить меня домой живым и здоровым, и что он улыбнулся и кивнул. С того момента она никогда не сомневалась, что я выйду из всего этого живым. Было также письмо от Кэтрин (семи лет), одно из наиболее трогательных, которые я когда-либо получал. «Папа, ты полюбишь Багавана. Когда он улыбается, все должны быть так счастливы»

Из всех, кого я знал в лагере в Бангкоке[1] только Луи Хартц, голландец, увлёкся Багаваном и приехал в Тируваннамалай. Багаван был очень милостив к нему. Он получил посвящение взглядом. Хотя преданные и говорили ему, что именно таким способом Багаван даёт посвящение, он захотел удостовериться и поэтому сказал: «Я прошу инициации у Багавана». Багаван ответил: «Вы её уже получили».

Это единственный известный мне случай, когда Багаван явно подтвердил, что дал инициацию. Хартц также хотел уверений от Багавана. Возможно, он опасался, что когда вернётся к мирской жизни со всеми её соблазнами, его стойкость может ослабеть. Он попросил Багавана о какой-либо гарантии и получил потрясающее заверение: «Даже если Вы отпустите Багавана, Багаван никогда не отпустит Вас».[2]

Багаван не сразу открылся мне. Я гораздо меньше ощущал от его телесного присутствия, чем от его невидимой поддержки в лагере. Его фотография была более реальной и живой для меня, чем любой человек, и всё же теперь, видя его лицом к лицу, я гораздо меньше чувствовал его присутствие.

Я вошёл в холл перед тем, как Багаван вернулся с ежедневной прогулки на гору. Я ожидал чего – то более величественного и менее интимного. Когда он вошёл, огромного впечатления не последовало; определённо впечатление было гораздо меньше того, которое производили его фотографии. Просто очень грациозный человек с седыми волосами, идущий слегка неловко из-за ревматизма и немного сутулясь. Опустившись на кушетку, он улыбнулся мне, затем повернулся к окружающим и к моему сыну и сказал: «Итак, молитвы Адама услышаны; его отец вернулся невредимым». Я почувствовал его доброту, но не более того. Я оценил, что именно ради меня он говорил по-английски, так как Адам знал тамили.

Перемена произошла несколько недель спустя, на одном из ежегодных праздников. На праздник собралась огромная толпа, и мы сидели во дворе снаружи холла. Багаван полулежал на кушетке, а я сидел в переднем ряду. Он сел прямо, лицом ко мне, и его

[1] Японцы поместили его и многих иностранцев в концентрационный лагерь.

[2] Шри Рамана никогда не употреблял личных местоимений, говоря о себе. Как правило, он использовал слово, которым к нему обращались, обычно это слово было «Багаван»

сузившиеся глаза пронзили меня взглядом, силу которого я не могу описать. Они как будто говорили: «Тебе же говорили; почему ты не понял?» А затем я погрузился в тишину, глубокий покой, неописуемую лёгкость и счастье.

С тех пор любовь к Багавану начала расти в моём сердце, и я чувствовал его силу и красоту. На следующее утро в первый раз, сидя перед ним в холле, я попытался следовать его учению, используя *вичару* «Кто Я?» Я думал, что это я так решил, и не осознал, что именно инициация взглядом оживила меня и изменила моё отношение. На самом деле, я лишь смутно слышал об этой инициации и мало внимания уделял тому, что слышал. Только позже я узнал, что другие преданные также имели подобное переживание, и что для них оно тоже стало началом активной *садханы* (поиска) и руководства Багавана.

Тогда впервые в жизни я начал понимать, что могли значить благословение и милость гуру. Моя любовь и преданность Багавану углубились. Я ходил со счастливой мелодией в сердце, ощущая благословение и тайну гуру, повторяя, как любовную песенку, что он – Гуру, связь между небом и землёй, между Богом и мной, между Бесформенным Бытием и моим сердцем. Я осознал необычайную милость его присутствия. Даже внешне он был милостив ко мне, улыбаясь, когда я входил в холл, указывая мне место для медитации, чтобы он мог видеть меня.

А затем, однажды, во мне пробудилось живое напоминание: «Связь с Бесформенным Бытием? Но ведь он и есть Бесформенное Бытие». И я начал понимать, почему преданные обращаются к нему просто «Багаван». Таким образом, он начал проявлять во мне то, что провозглашал в своём учении: что внешний гуру пробуждает гуру в сердце. Благодаря непрерывной *вичаре* «Кто Я?», я стал осознавать Атман одновременно снаружи (это Багаван) и внутри себя.

Обманчивое представление, что Багаван не гуру, просто испарилось в сиянии его Милости. Более того, теперь я понял, что ошибался, полагая, что его учение не является практическим руководством – оно исключительно таково. Я заметил, что он избегает теоретических суждений и приводит вопрошающих к практическому осмыслению *садханы* – пути, по которому нужно следовать. Он был здесь, чтобы учить этому и только этому.

Багаван был самым простым, естественным, непритязательным из людей; он был таким, каким должен быть человек, совершенно без претенциозности, как ребёнок; и в то же время он обладал неописуемой красотой и мудростью и такой силой, что многие дрожали в его присутствии и боялись заговорить с ним. Обращаться к нему в третьем лице «Багаван» казалось более приемлемым, чем говорить «ты» человеку, который ведёт нас за пределы двойственности «ты» и «я». В простой ежедневной деятельности он играл роль личности, как актёр мог играть безумие Лира, не будучи сам сумасшедшим, не предполагая, что он – Лир.[1] К сожалению, не многие на западе понимают возможность этого высочайшего состояния.

Всё в Багаване дышало скромностью, крайней простотой, детской беззащитностью. Просто увидеть его идущим по территории Ашрама было достаточно, чтобы защемило сердце.

Его образ жизни был самым простым. Любовь, светившуюся в его глазах, светлое сочувствие невозможно описать. Кто-то приехал в Ашрам, сражённый безутешным горем личной трагедии, а Багаван, выслушав историю, просто смотрел, не произнося ни слова, и покой потоком наполнил душу.

[1] Ссылка на пьесу Шекспира «*Король Лир*»

Он ничего не называл своим. Он никогда ничего не просил. Он отвергал проявление особого уважения к себе. Он отказался от электрического настольного вентилятора, потому что от него не было бы пользы для всех преданных. Позднее установили потолочные вентиляторы, и всем доставалось поровну. Он никого не звал и не прогонял. Никогда никого не заставлял остаться. И всё же присматривал за каждым с любовью и заботой матери, присматривающей за единственным ребёнком.

Он был приветлив и вежлив со всеми посетителями. В его объяснениях не было папской торжественности, наоборот, его речь была оживлённой. Один преданный спросил, почему его молитвы не слышат, и Багаван, смеясь, ответил: «Если их услышат, ты можешь перестать молиться»

Багаван Шри Рамана был педантично пунктуален. Его повседневная жизнь проходила с пунктуальностью, которую индийцы сегодня назвали бы чисто западной. Во всём он был точен и аккуратен. Книги всегда были на своих местах. Набедренная повязка, которая была единственной его одеждой, всегда сияла белизной. Двое часов в холле каждый день подводились по радио. Календарь никогда не показывал прошедшую дату.

Он был Божественной Милостью в человеческом облике. До конца человечный, он всегда был полностью погружён в *самадхи*, полностью божествен, равно когда говорил и когда сидел в тишине. Он просто отвечал на нужды тех, кто приближался к нему. Он был воплощенной любовью, и всё же мог неделями не одарить преданного ни единым взглядом или улыбкой.

Багаван был *дживанмукта*, освобождённый ещё в физическом теле. Он был действительно всемирным Божественным Гуру.

Тот, кто достиг высочайшего состояния, выше всех форм религии. Они – пути, ведущие к вершине, а он – сама вершина и всё остальное. Он пришёл в ответ на нужды нашего времени, указав путь, которому с его милостью и поддержкой могут следовать искатели всех религий, а в действительности – каждый, придерживается он какой-либо формальной религии или нет.

Багаван не давал посвящение свободно и открыто; оно было скрытым. Будь оно открытым, непрерывный поток посетителей из Индии и других стран требовал бы его, поставив Багавана перед необходимостью принимать одних и отказывать другим, поскольку обычно многие ищут посвящения не для погружения в поиск, а просто как вид духовного тонизирующего средства. Если его спрашивали, Багаван никогда не отрицал, что даёт посвящение, но он также никогда открыто и не признавал этого.

Будучи всемирным Гуру, Багаван открыто провозгласил своё учение. Обычным делом было, что гуру окутывали тайной методы обучения. Под руководством Багавана единственными необходимыми качествами были понимание и стремление, а их отсутствие – единственным препятствием.

Человек имеет три функции: мышление, деятельность и бытие. «Бытие» лежит в основе двух других, и является необходимой почвой для них, и всё же почти полностью затеняется ими. Багаван использовал сравнение с экраном, на котором показывают фильм. Зрители осознают картинки, которые являются лишь тенями на экране, не влияя на него. Огонь в картине не сожжёт экран, а наводнение не намочит его. Иногда он приводил в пример актёра, играющего на сцене определённую роль, хотя он знает, что не является тем, кого играет; иногда – банковского служащего, разумно и спокойно выплачивающего тысячи, зная, что выдаёт не свои деньги.

Через два или три года в Тируваннамалае, когда возникла необходимость в заработке, я вступил в должность помощника редактора газеты в Мадрасе. Таким образом, за периодом интенсивного обучения последовала практика Самоисследования в мирской жизни. Я взял с собой репродукцию фотографии в натуральную величину, списанную масляными красками, - подарок одного преданного, и показал её Багавану перед отъездом. Он взял её в руки и затем вернул мне со словами: «Он берёт Свами с собой». С тех пор она смотрела на меня с любовью и состраданием Гуру и выражала гораздо больше, чем все другие портреты.

С тех пор я приезжал в Тируваннамалай только по выходным и в отпуск, и каждое посещение было животворящим. Великодушный приём Багавана растапливал сердце и пробуждал чувство вины за то, как велика была награда за столь малое усилие. Я был там в тот роковой апрельский вечер смерти тела. С того дня его присутствие в сердце ощущается более энергично, поток милости – более обильно, поддержка – более мощно.

Осборн выпустил несколько книг о Багаване, затем переехал в Калькутту в 1952г и работал директором школы. Он рассказывает о переживаниях своих и своей семьи после маханирваны:

Июньским утром 1956г случилось первое пробуждение к Реальности. Я был один в комнате, когда проснулся и сел в кровати. Я просто был Атман, безначальный, неизменный Атман. Я подумал: «Ничто не изменилось». Не было ни волнения, ни радости, ни экстаза, безмерная удовлетворённость, естественное состояние, целостность просто бытия. Появилась мысль: «Невозможно никогда скучать». Ум, казалось, был тёмным экраном, который закрывал истинное сознание, а теперь его скрутили и убрали. Именно ум жаждет деятельности и скучает, если не получает её; Атман не затронут деятельностью и пребывает в своем изначальном состоянии простого счастья.

Из окна своей комнаты в Калькутте я видел крыши домов и ворон, кружащих между крышами. И вновь парадокс - ощущение, что всё это одновременно и реально, и нереально. Это парадокс, относительно которого существует много комментариев, так как ему много внимания уделяется в учении дзэн. Это то, что пытался выразить Теннисон в «Принцессе», когда писал: «Всё было и не было».

Не знаю, сколько длилось это переживание. В любом случае, пока оно длилось, оно было безвременным и поэтому вечным. Незаметно ум снова закрылся, но не столь непроницаемо, так как сияющее счастье продолжилось. Я принял ванну, оделся и прошёл в гостиную, где сидел и держал перед собой газету, будто читая её. На самом деле я слишком трепетал от счастья, чтобы читать. Постепенно ослабевая, отсвет длился в течение нескольких недель.

Примерно в это же время, моя жена также получила проблеск Реальности. Следуя по пути вместе, мы оказывали большую помощь и поддержку друг другу, и часто наши переживания были созвучны. Моя дочь Франия (24 лет) также имела проблеск примерно через восемнадцать месяцев. Один тамильский преданный, живший в Калькутте, пригласил нас на празднование дня рождения Багавана. Там были религиозные песнопения. Я видел по красоте и безмятежности выражения лица Франии, что её медитация проходит исключительно хорошо. Позже, когда она записала свои переживания, я узнал, что случилось нечто гораздо большее: «Я – не ум и не тело – обнаружила себя в сердце; ту себя, которая живёт после смерти. В ощущении «Я есть» было захватывающее дух счастье, самое огромное счастье, какое только возможно, и полное наслаждение существованием. Нет способа описать это. Постепенно – быстро – моё тело, казалось, расширяется из сердца. Оно поглотило всю вселенную. Я не могла распознать себя частичкой в этом просторе, был

только Бог, ничего, кроме Бога. Слово «я» больше не имело значения; оно означало всю вселенную – всё есть Бог, единственная реальность».

В 1958г Осборн переехал из Калькутты в Тируваннамалай, где поселился навсегда. Он написал много книг и был основателем и редактором журнала «*Путь Горы*» с 1964г до самой своей смерти в 1970г. Затем его жена Люсия была редактором до конца 1973г. Осборн сочинил также много стихов о Багаване и Аруначале.

41. Профессор Г.В. Суббарамайя преподавал английский язык в колледже в Неллоре, штат Андра Прадеш, был также знатоком языка телугу. Он был одним из немногих привилегированных преданных, кто общался с Шри Раманой с искренней фамильярностью. Его сочинения включают перевод на телугу *Megha – Doota* Калидасы, и собрание стихов на английском языке в двух томах. Его *Воспоминания о Шри Рамане* были написаны на телугу. Он также перевёл на телугу *Шри Рамана Гиту*.

Я впервые посетил Шри Раманашрам в июне 1943г. В декабре меня постигло горе – внезапно умер мой двухлетний сын. Ранее я читал сочинения Шри Раманы и был поражён стилем *Upadesha Saram* на телугу, который по своей простоте, риторике и классической завершённости мог сравниться со стилем величайшего поэта телугу Тикканы. Я подумал, что тамил, который может сочинять такие стихи на телугу, должно быть, имеет божественное вдохновение, и захотел увидеть Его.

Однако в то время я, прежде всего, искал покоя и утешения. Я получил *даршан* Шри Багавана в Холле. **Когда мы встретились взглядом, с моим умом произошло чудо. Я почувствовал, что нырнул в водоём покоя, и около часа сидел с закрытыми глазами в состоянии экстаза.** Когда я пришёл в себя, то набрался храбрости и задал Ему вопрос: «В Гите говорится, что смертные сбрасывают свои изношенные тела и обретают новые, так же, как человек выбрасывает изношенную одежду и надевает новый наряд. Как применить это к смерти младенцев, чьи тела новые и свежие?» Багаван тут же ответил: «Откуда Вы знаете, что тело умершего ребёнка не было изношено? Это может не проявляться внешне; но пока тело не изношено, оно не умрёт».

Спустя три года я снова приехал в Ашрам с рекомендательной запиской. Багаван кивнул мне, улыбнулся и сказал: «Зачем Вам рекомендации? Вы уже приезжали раньше. Вы не новичок». Вдобавок к изумлению, мне показалось, что ожил мой умерший отец– таким поразительным было сходство. Это навсегда установило мои взаимоотношения с Багаваном. Я относился к Нему как ребёнок к родителям, совершенно без боязни, свободно и фамильярно.

По возвращении домой я написал в Ашрам и предложил свои литературные услуги. В ответ меня попросили попробовать перевести на телугу *Шри Рамана Гиту*. Во время отпуска я положил законченный перевод к ногам Багавана, а он по моей просьбе изучил рукопись и сделал необходимые исправления. Накануне отъезда я рассказал Багавану о страданиях моей жены, убитой горем от потери сына. «У неё с тех пор нет ребёнка мужского пола?» – спросил Он. Я ответил: «Нет». Багаван вздохнул и сказал: «Увы! Как жаль!» Это было 18 октября 1936г. Моя жена родила сына 1 августа 1937г.

Позднее, увидев, как я тружусь над *Шри Рамана Гитой*, Багаван шутливо заметил: «За работу в колледже ты получаешь зарплату. Какова оплата за этот труд?» Я ответил, что

жду гораздо большей награды, чем денежное вознаграждение. Любопытно, но в следующем месяце мне вдруг предложили стать главным экзаменатором. Это было так неожиданно, что, при создавшихся обстоятельствах я посчитал это чудом Его милости.

В. Анантачари приложил большие усилия, чтобы напечатать *Шри Рамана Гиту* на телугу. Когда его услуги были упомянуты с благодарностью в предисловии, он слёзно просил Багавана, чтобы его имя не упоминалось. Багаван сказал ему: «Почему Вы так беспокоитесь? В просьбе убрать имя столько же эгоизма, сколько и в желании его включить. В конце концов, кто знает, кто такой Анантачари?»

Однажды утром М.В. Рамасвами Айяр (94), сидевший позади меня в Холле, просмотрел тетрадь с моими стихами на английском языке. Ему так понравилось, что он тут же показал их Багавану, который прочитал вслух отрывок «Я и Ты», а когда дошёл до последних слов: «Я без меня есть Ты. Ты без Тебя есть Я. Воистину, Я и Ты – одно», он рассмеялся. Я попутно процитировал песню Тагора: «Я бегу, как мускусный олень, обезумевший от своего запаха. Я ищу то, чего не могу получить, я получаю то, чего не искал». Багавану так понравилось, что Он пересказал содержание цитаты на тамильском языке.

Я поинтересовался, могут ли поэзия и другие виды искусства быть использованы как *садхана* (средство) для Самореализации. Багаван сказал: «Всё, что помогает концентрации ума, полезно. Но в совершенствовании любого вида искусства наступит стадия, когда вы почувствуете, что этого достаточно, и выйдете за его пределы». Когда я указал, что некоторые учёные считают *расу* (эстетическое удовольствие) *sahodaram* (сродни Блаженству Абсолюта), Багаван сказал: «Почему *sahodaram* (сродни)? Она есть *Brahmananda.* Разве писания не гласят *raso wai sah* (Он есть *раса*)? На самом деле, *Brahmananda* и есть настоящая *раса.* Все другие *расы* – это только её тени».

Утром накануне моего отъезда д-р Саид, профессор философии аллахабадского университета, (№23) спросил Багавана: «Какова цель творения?» Обычно Багаван отвечал на тамили, телугу или малаяламе. В этот раз Он заговорил по-английски и спросил: «Может ли глаз увидеть себя?» Д-р Саид ответил: «Конечно, нет. Он видит всё вокруг, но не себя». На вопрос Багавана «а если он захочет увидеть себя?», он сказал: «Он может увидеть себя только в зеркале». Багаван тогда разъяснил: «Именно так. Творение – это зеркало для Атмана, чтобы он мог видеть себя».

По настоянию Багавана я перевёл на телугу отрывки, отобранные Им из *Йога Васиштам*. К последнему отрывку, где говорится: «какую бы роль ты ни выбрал в жизни, играй её хорошо», я добавил в переводе на телугу фразу *saisava lila* (игры детства). Багаван оценил это, сказав: «Это удачная фраза, и она точно отражает настроение ума, которое нужно развивать в соответствии со *шлоками*. Разве не сказал Христос: «Пока не уподобитесь детям, не сможете войти в Царство Небесное»?»

Узнав, что Д-р Раджендра Прасад (позднее Президент Индии) и Джамана Лал Баджадж (Казначей Индийского Национального Конгресса) собираются приехать на *даршан* к Багавану, я сочинил и отправил в Ашрам два стихотворения на телугу, в которых говорилось, что их визит продолжает древнюю индийскую традицию оказания гостеприимства правителям в *ашрамах риши*. В ответе от 16 августа 1938г. Ашрам написал: «Шри Раджендра Бабу как раз входил в Холл, когда Багаван читал Ваше письмо. Какое было бы счастье, если бы вся страна говорила на одном языке! Две строфы очень понравились и включены в летопись».

Однажды утром Багаван процитировал следующее предложение из журнала: «Там, где заканчивается психология, начинается философия», и добавил своё замечание: «Там, где заканчивается философия, начинается духовность». Когда кто-то спросил, как соотносятся чувственные, интеллектуальные и духовные радости, Багаван сказал: «Все другие радости – как пена и пузыри на поверхности океана *Brahmananda* (счастья Абсолюта)»

Багаван тщательно соблюдал все правила Ашрама. Например, если колокол звонил к обеду посреди песнопений, он немедленно вставал и шутливо говорил: «Ашрам даёт нам *бикшу* из милости. Если мы промедлим, они будут вправе отказать нам в еде. Так что, давайте поторопимся!»

Багаван поощрял практику обхода вокруг Горы. Он говорил: «Другие священные горы описываются, как обиталище какого-либо божества. Но Аруначала – это Сам Бог в форме Горы. Поэтому обход вокруг Аруначалы даёт особенное благочестие».

Некий Сомасунданасвами подошёл к Багавану с чистой тетрадью и попросил его первым написать в ней одну *aksharam* (букву). *Aksharam* также означает *неописуемое* (Атман). Поэтому Багаван написал на тамили: «Лишь *aksharam* сияет всегда Сам по Себе в Сердце. Как можно написать это?»

Однажды Багаван самым эффектным и захватывающим образом рассказывал историю Короля Джанаки и Мудреца Аштавакры, чтобы продемонстрировать, как смирение автоматически приводит к Самореализации. Прочитав в писаниях, что можно осознать Атман в тот момент, когда, вложив одну ногу в стремя, всадник заносит вторую ногу, чтобы оседлать лошадь, король собрал всех пандитов своего королевства, а они, будучи не в состоянии ответить на вопрос короля, привели для своего спасения мудреца Аштавакру.

Мудрец попросил короля взять лошадь и последовать за ним за город, где попросил Джанаку поместить одну ногу в стремя и поднять вторую, а затем сказал: «Теперь главное условие – ты должен полностью сдаться. Ты желаешь этого?» Джанака сказал: «Да». С того момента Джанака стоял как вкопаный, похожий на статую, одна нога в стремени, а другая болтается в воздухе. (Здесь Багаван воспроизвёл позу Джанаки). Свита короля, видя его в таком положении, стала умолять Мудреца смилостивиться. Тогда Мудрец сказал: «Джанака, почему ты так стоишь? Поезжай домой на лошади». Он поехал домой и во всём повиновался Мудрецу, как раб в оковах.

Однажды во время прогулки на Гору Багаван упомянул о недоразумении между двумя выдающимися преданными и хотел, чтобы я передал им следующее: «Кто бы ни осуждал нас – наш друг. Потому что он осуждает только наше тело, которое является нашим врагом. Враг врага – лучший друг. На самом деле мы должны опасаться тех, кто нас хвалит». На следующее утро я встретился с этими двумя преданными, чтобы передать им послание Багавана. Не успел я открыть рот, как они оба выразили стремление помириться.

Однажды утром за завтраком Багаван спросил меня: «Вам знаком этот *чатни*?» Я ответил: «Нет, хотя у него отличный вкус». Он улыбнулся и сказал: «Это горькая тыква» В это трудно было поверить, если бы не слова Багавана, потому что не было и следа горечи. Напротив, было очень вкусно. Тогда я сочинил стих на телугу, выражая удивление, как Багаван смог полностью удалить горечь из сырой горькой тыквы, и молился, чтобы Он мог так же изгнать горечь эго из нас. Как только он вернулся с обычной прогулки на Гору, я показал ему стих. Он объяснил, что подмешал кислое манго и кокос, чтобы противодействовать и подавить горький вкус в чатни, и добавил: «Горькая тыква полезна для пищеварения, а также действует как слабительное».

Вечером Багаван, ссылаясь на описание Атмана, как «мельчайшего из атомов, и крупнейшего из крупного», сказал: «Градина падает в океан. Она сразу растворяется и становится самим океаном. Подобно этому, источник Атмана меньше булавочной головки. Когда его ищешь, он исчезает, и остаётся только наполненность».

На следующий день Багаван к слову рассказывал историю о визите Миры Баи к знаменитому *свами* в Матхуре. Ученики *свами* отказались допустить её на *даршан* по той причине, что их гуру не общается с женщинами. Мира Баи заметила: «Я думала, что есть только один *Пуруша* (её Гирдар Гопал), а все остальные из нас – женщины». Когда эти её слова дошли до гуру, он сразу понял, что Мира Баи – *джняни*, и вышел приветствовать её.

Во время празднования шестидесятилетия Багавана в декабре 1939г., когда я добрался до Ашрама, меня мучила сильная головная боль, которая была осложнением после простуды. Один из моих друзей – преданных, увидев следы страдания на моём лице, поинтересовался вслух, что со мной. Я вышел из Холла и рассказал ему, в чём дело. Как только я вернулся на место, Шри Багаван спросил, в чём дело, и услышал подробности о моей болезни и лечении. Не в состоянии переносить боль, я ушёл и прилёг за полкой в книжной лавке. Около 10 утра работник Ашрама принёс кому-то кофе и, не найдя нужного человека, настоял, чтобы я выпил его. Как только я выпил кофе, боль вдруг исчезла и никогда больше не появлялась.

В один день в декабре 1939г. близкий преданный Девараджа Мудальяр (№35), спросил, как может Багаван проводить различия среди преданных. «Например», - добавил он, - «Ошибёмся ли мы, если скажем, что Суббарамайя получает немного больше благосклонности, чем остальные?» Багаван с улыбкой отвечал: «Для меня нет различий. Милость течёт как океан, всегда полный. Каждый берёт из него в соответствии со своей ёмкостью. Как может тот, кто принёс только стакан, жаловаться, что не может взять столько же, сколько другой, который пришёл с кувшином?» Однажды Багаван процитировал два тамильских стиха поэта Муруганара и объяснил их так:

(1) То, что, как говорят, за пределами запредельного и, в то же время, находится в глубине глубин и сияет в самом Сердце, Подлинный Атман – это, воистину, Шри Рамана, поклоняйтесь Ему.

(2) Как петух отбрасывает алмаз, принимая его за обычную гальку, так и вы можете недооценить этого Аруначала Раману, приняв Его по ошибке за обычного человека, когда Он – поистине Высочайший Атман. Будьте бдительны!

В июне 1940г. мне выпала редкая удача работать с Багаваном на кухне, куда Он обычно приходил ровно в 2.30 утра и проводил некоторое время с работниками и преданными, нарезая овощи. Затем Он готовил самбар или чатни для завтрака, а иногда и какие-нибудь дополнительные блюда. Я увидел, что Багаван обливается потом у плиты и попытался обмахивать Его веером, но Он стал возражать. Он не разрешал проявлять к Нему особое внимание. Я прекратил, но когда Он погрузился в работу, я опять осторожно стал Его обмахивать. Он повернулся ко мне, рассмеялся и сказал: «Ты хочешь делать это тайком. Но даже не знаешь, как делать это правильно, дай, я тебе покажу». Сказав так, Он взял меня за руку и показал, как правильно махать веером. О! Как взволнован я был Его прикосновением и благодарил своё незнание! Из кухни Он переходил в другое помещение, где мололи смеси. Поначалу я не знал, как надо держать пестик и молоть. Багаван положил Свою руку поверх моей и повернул пестик, как надо. И снова, какой восторг! Благословенно моё незнание! По окончании работы Он брал немного блюда, пробовал сам и давал остаток нам на пробу, а иногда, если наши руки были немытыми, Он Сам бросал кусочки нам в рот. Это было наивысшее счастье для нас.

В один день около 3-х часов утра, когда мы были с Багаваном, меня позвали и сказали, что группа женщин с детьми с моей родины хочет получить *даршан* и благословения Багавана перед тем, как отправиться вокруг Горы. Когда я вернулся, коротко сказав им, что невозможно видеть Багавана в это время, Багаван спросил меня, в чём дело, и сказал: «Бедные люди! Почему они должны уходить разочарованными? Скажи им, чтобы подошли к задней калитке, я встречу их там». Услышав это, они побежали туда. Вся группа упала к Его ногам, касалась их, целовала и омывала слезами. Я позавидовал счастью этих людей и осознал полную силу высказывания о Нём – *karunapurna sudhabdhi* (океан милости и нектара).

Это было 10 июня 1940г. Багаван, Нараяна Айяр и я работали на кухне. Когда по радио объявили, что Париж захвачен Германией, Нараяна Айяр заметил: «Франция, такая развитая страна, пала за три дня. Как вы думаете, продержится ли наша Британия дольше трёх недель?» На это Багаван заметил: «М-м! Но Россия», - и замолчал. Ни один из нас не осмелился спросить Его, что собирается сделать Россия, хотя показалось странным, что Он упомянул Россию, которая в то время была дружественна Германии. Все помнят, что война разразилась между Германией и Россией только год спустя, и именно нападение Германии на Россию повернуло колесо фортуны в сторону Союзников. Этот случай показывает всеведение Багавана.

Так как кухонные работники не выполняли определённые указания Багавана избегать отходов, Он перестал приходить на кухню. Когда никакие извинения и мольбы не заставили Его изменить Своё решение, я написал поэму на телугу *Pakasala Vilapam*, которую Он прочитал вслух, эффектно разыграв сцену в поэме, но всё-таки не изменил Своего решения. Он рассмеялся и сказал мне: «Всё происходит, как должно происходить. Всё к лучшему. Эти люди не должны вечно висеть на моей шее. Они должны научиться делать всё сами. Поэтому не волнуйся об этом».

Однажды, после смерти моей жены в 1942г, я пожаловался Багавану: «Теперь она даже во сне мне не является. Даже в этом утешении мне отказано». На что Багаван сказал: «Что! Ты находишь утешение в сновидениях?» «Да! Багаван, я был бы лицемером, если бы скрыл свои настоящие чувства». Услышав это, Он вздохнул и промолчал.

В ту ночь я лёг напротив того места, где спал Багаван, и увидел во сне большую колоннаду храма. Дверь была приоткрыта. Группа пожилых браминов толпилась у входа и заглядывала внутрь. Я услышал голос своего дяди из Бенареса, который говорил: «Смотрите. Она старшая невестка в доме. Она не простая женщина. *Она вся золотая*». Услышав это, я тоже поддался любопытству и, приподнявшись на цыпочках позади браминов, узрел мою дорогую ушедшую жену. Она сидела на полу, и, должен признаться, я никогда при её жизни, не видел её так ярко и отчётливо, как теперь. Поток блаженства затопил меня, я не знал, сколько это длилось, пока вдруг мне не пришло в голову, что всё это сон. Эта мысль дала волю такой невыносимой печали, что я зарыдал.

Было 5 утра. Багаван заметил меня и спросил: «Что такое, почему ты в таком состоянии? Ты увидел сон?» Затем он сказал: «Почему ты теперь горюешь? Ты хотел увидеть сон и увидел его. Ты думал, что он принесёт облегчение, а вместо этого он оказался невыносимым горем». Как будто чтобы отвлечь моё внимание, Он спросил: «Ты видел что-нибудь около колоннады храма?»

Услышав вопрос, я вспомнил, что поблизости текла большая река, и сказал Ему об этом. Тогда Он заметил, что река – это, должно быть, Ганга, а место – Бенарес. Его слова каким-то образом успокаивающе подействовали на мои нервы, и сняли груз печали с моего

сердца. Этим утром я получил письмо от того же дяди в Бенаресе, который напоминал мне о дате ежемесячной поминальной церемонии для моей жены и просил вернуться домой вовремя. Когда я показал письмо Багавану, Он сказал: «Это замечательно. Этот твой дядя указал тебе на твою жену рано утром, и теперь снова указывает на неё в письме».

Этот случай остался большой загадкой и заставил меня вспомнить знаменитые строчки Шекспира из его пьесы «Гамлет»: «Есть многое на свете, друг Горацио, что Вашим и не снилось мудрецам».

19 апреля 1950г один преданный, вернувшийся из Ашрама, сообщил мне, что по причине огромного количества людей, съехавшихся на *даршан* к Багавану в течение последних дней его жизни, запасы провизии в Ашраме истощились, и Ашраму очень нужен рис. Он настаивал, чтобы мы оба обратились к богатым друзьям. Так как я был занят в университетской экзаменационной комиссии, то не хотел ни к кому идти за одолжением. Тогда он предложил, чтобы я обратился хотя бы к филантропу Н. Венката Редди, моему бывшему студенту. Однако мне и этого делать не хотелось.

Каково же было моё удивление, когда ранним утром следующего дня я увидел Венкату Редди, подъезжающего к моему дому впервые с тех пор, как он был моим студентом много лет назад. Он сказал, что приехал посоветоваться со мной по поводу фонда стипендии для бедных студентов, который хотел учредить. Попутно он заметил портрет Багавана, висевший перед ним и, ввиду недавнего *махасамадхи*, поинтересовался, поеду ли я в Ашрам на церемонии, которые проводятся после смерти. Я ответил утвердительно и спросил, не желает ли он сделать пожертвование, поскольку Ашраму нужен рис. Он сразу же ответил: «Да, сэр. Что ещё я могу сделать? Я сделаю всё, что Вы предложите» И, как было оговорено, он отправил в Ашрам 1200кг. риса. Через несколько дней другой друг добровольно внёс ещё 600кг.

Этот случай был для меня посланием с небес. После кончины Багавана я переживал глубочайший упадок ума и духа. Я чувствовал себя как Пандавы после смерти Шри Кришны. Я думал, что теперь я совершенно беспомощен и что польза от моей жизни подошла к концу. Этот случай раскрыл мне глаза; Багаван так же силён, как и во плоти и, более того, Он рад пользоваться мною, как Своим инструментом.

42. Майор А.У. Чадвик (1890-1962) служил в британской армии в Южной Америке. Очарованный *Путешествием в тайную Индию* Брантона (№1), он ушёл в отставку, приехал в Шри Раманашрам в ноябре 1935г. и остался там навсегда. Он стал Садху Аруначалой и похоронен на территории Ашрама. Он перевёл на английский язык все сочинения Шри Раманы, переводы внимательно прочитал сам Махарши. Он написал *Воспоминания Садху о Рамане Махарши* (1961)

Когда я впервые вошёл в Холл, он приветствовал меня милой улыбкой и спросил, позавтракал ли я, а затем сказал, чтобы я сел. Багаван говорил со мной всё утро и задавал много вопросов обо мне и моей жизни. Всё это казалось вполне естественным. Он с большим интересом слушал о Брантоне, которого я встречал в Лондоне. Я ощущал необыкновенный покой его присутствия, его доброту. Казалось, что я не первый раз встречаюсь с ним. Казалось, я всегда знал его. Несмотря на то, что я был совершенно незнаком с Индией и её традициями, ничто из происходившего в течение первых дней пребывания в Ашраме не казалось мне чужим; всё было вполне естественно.

Когда бы люди ни приходили к Багавану со своими семейными историями, он смеялся вместе со счастливыми, а временами проливал слёзы вместе с теми, кого постигло горе. Он никогда не повышал голос. Он никогда не прикасался к деньгам и не интересовался ими, потому что они никогда не были ему нужны. Он во всём предпочитал простоту и любил сидеть на полу, однако ему навязали кушетку, и она стала его домом на большую часть суток.[1] Если мог, он никогда не позволял проявлять по отношению к себе какое-либо предпочтение. Если можно было сказать, что он привязан к чему-либо на земле – то, конечно, к Горе. Он любил её и говорил, что это сам Бог.

Багаван был неизменно добр ко всем животным. Никогда не позволял убивать змей и скорпионов. Он всегда нежно относился к собакам. Одно время маленький щенок всегда облегчался возле офиса. Сарвадхикари впадал в ярость и пытался вышвырнуть его из Ашрама. Багаван пришёл на помощь щенку и сказал, что если бы то же самое делал ребёнок, никто бы не злился, а щенок – тоже ребёнок и тоже не знает, как надо. Он особенно любил обезьян и часто говорил, что они во многом лучше людей. Он часто давал указания, что их надо кормить, и поощрял их разными способами, к неудовольствию управления, которому они доставляли много хлопот. Он также рассказывал нам, как временами люди перерождаются в теле какого-нибудь животного, чтобы быть рядом с ним. К примеру, знаменитая корова Лакшми.

Багаван был очень красивым человеком; он сиял видимым светом или аурой. У него были самые изящные руки, какие я когда-либо видел, он мог выражаться только с помощью рук, можно сказать, говорил ими. Черты лица были правильными, а чудо его глаз широко известно. Лоб был высокий, а свод головы – самый высокий, который я когда-либо видел. Его тело было хорошо сложено и среднего роста, но это было незаметно, поскольку его личность была столь внушительной, что он казался высоким. Он всегда был безупречно чистым, а тело издавало едва уловимый аромат, хотя он никогда не пользовался ароматическим мылом.

Багаван всегда излучал необыкновенный покой, однако в случаях, таких как *Jayanti* и *Deepam*, когда в Ашрам собирались толпы людей, это многократно усиливалось. Большие количества людей, кажется, приводили в действие резервы скрытой силы, и сидеть с ним в такие периоды было потрясающим переживанием.[2]

Багаван обладал потрясающим чувством юмора, и когда говорил, улыбка не сходила с его лица. У него было в запасе много шуток, и он был великолепным актёром, он всегда изображал главных героев историй, которые рассказывал. Если рассказ оказывался очень трогательным, его переполняли эмоции, и он не мог продолжать.

По вопросу достижения Самореализации Багаван рассказал мне, что на ранних стадиях человек, который регулярно медитирует, обычно сначала впадает в транс, который может длиться около тридцати минут, а если он продолжит *манас* должным образом, такое *самадхи* станет более частым. Человек может продолжать выполнять обычную повседневную работу, но он больше не отождествляет себя с деятельностью, а наблюдает её, как спящий видит сон.

---

[1] Дэвид Годман рассказывает: Где-то в 1928-29г Рангасвами Гоундер принёс кушетку и попросил Багавана сесть на неё. Когда Багаван отказался, он принялся плакать. Три дня подряд он плакал в холле, умоляя Багавана принять подарок. Наконец, вечером третьего дня Багаван встал со скамьи (на которой сидел до тех пор) и занял кушетку.

[2] Аннамалай Свами также рассказывает: «Многие преданные, и я в том числе, чувствовали, что он излучает гораздо больше силы и милости, чем обычно, в дни *jayanti*» *Жизнь По Словам Багавана* Дэвид Годман, с.77

Зная учение Багавана о том, что всё есть только проявление и творение ума, я находил его учение о сновидении трудным для понимания и часто задавал ему вопросы об этом. Бодрствование казалось мне продолжающимся изо дня в день. Я просыпался в том же самом мире каждый день, в то время как мои сны были всегда разными, они были отдельными. Однако Багаван не признавал этого отличия и повторял, что критика возникает только в бодрствовании, и никогда во сне. Затем мне приснился сон:

Я с кем-то спорил по вопросу снов и во время спора сказал: «Что бы Вы ни говорили, Епископ Беркли прав, вещи существуют только в уме, нет реальности вне этого. Вещи не существуют; поэтому сон и бодрствование совершенно одинаковы. Это только умственные представления». «Вы сейчас так говорите», - ответил собеседник, «однако во сне Вы бы так не говорили». А затем я проснулся. Всё было очень ярко.

Кому-то покажется, что это не связано со сказанным выше. Но дело в том, что сон был так реален, что я никогда бы не усомнился, что это что-либо иное, чем бодрствование. Оба состояния были совершенно одинаковы.

Багаван говорил, что ум как обезьяна, ни на секунду никогда не успокаивается, почти безнадёжное занятие – пытаться успокоить его; лучше всего дать ему плодотворное занятие и никогда не позволять растрачиваться по пустякам. Пусть сосредоточится на «Кто Я?» И тогда не останется места ни для какой другой мысли.

Многие отождествляли Багавана с Дакшинамурти, безмолвным Гуру, который дал поучение четырём Кумарам в тишине; потому что слово не может выразить то, что за пределами слов, а ум не может ухватить то, что за пределами ума. Следующий случай, которому я был свидетелем, показывает, как красноречиво может быть молчание для искателя.

Из Кашмира в Ашрам приехал джентльмен со своим слугой, который не говорил ни на каком языке, кроме своего родного кашмири. Однажды вечером, когда в Холле было почти темно за исключением слабого мерцания единственного светильника, слуга вошёл в Холл и, стоя перед Багаваном в уважительной позе, быстро бормотал что-то на своём языке. Багаван ничего не говорил, и спокойно лежал, пристально глядя на него. Через какое-то время, слуга попрощался и вышел из Холла. Следующим утром его хозяин пришёл к Багавану и пожаловался: Багаван, ты никогда не говорил мне, что можешь разговаривать на кашмири, справедливо ли это? Когда Багаван спросил, почему он так решил, тот сказал: Вчера вечером мой слуга приходил к тебе и задал несколько вопросов на своём языке. Он говорит мне, что ты ответил ему на том же языке и рассеял все его сомнения. «Но я даже рта не раскрыл», - ответил Багаван.

Багаван никогда не давал посвящения прикосновением. Он всегда отказывался класть руки на чью-то голову, хотя очень многие просили его сделать это. Однако в одном случае он сделал исключение. Из Майсора приехал пожилой *sannyasi*, бывший в прошлом начальником станции. С самого начала Багаван был к нему очень благожелателен и необыкновенно добр. Перед отъездом он вошёл в Холл, где в это время никого не было. *Sannyasi* умолял Багавана возложить руки ему на голову, и, встав на колени возле кушетки, положил на неё голову. Багаван повернулся к нему и, ни слова не говоря, возложил обе руки ему на голову на несколько минут. Затем *sannyasi* встал и покинул Холл в необычайном волнении.

В Ашрам приехала чета Тэйлоров из Америки. Тэйлор был почтмейстером в отставке. Они сильно привязались к Багавану. Однажды миссис Тэйлор вдруг сказала в Холле: «Багаван, я хочу Самореализации». «Ждите», - ответил Багаван, - «она случится, когда

придёт время». «Нет», - сказала она, - «Так нехорошо. Я хочу здесь и сейчас». Багаван пытался объяснить ей, что, когда она будет готова, всё произойдёт прекрасно. Но она настаивала: она должна получить здесь и сейчас, и он может ей это дать. Багаван ничего не сказал, пристально посмотрел ей в глаза в течение нескольких минут. Внезапно она расплакалась и выскочила из Холла, но никому не рассказала, что же произошло.

Однажды вечером я попросил разрешения поехать в Пондичери. Багаван спросил: «Зачем?» Я ответил, что у меня разболелся зуб, и нужна консультация дантиста. Так как он промолчал, я никуда не поехал. Позже он спросил меня: «Я думал, Вы собираетесь в Пондичери, а Вы всё ещё здесь». «Но Вы не отпустили меня», - ответил я. Багаван молчал. Оказалось, что моя проблема разрешилась сама собой; то, что застряло в десне, вышло, и дантист не понадобился. Через несколько месяцев меня опять стал беспокоить теперь уже другой зуб. Когда я спросил разрешения у Багавана, и объяснил ему причину, почему должен ехать, он тут же сказал: «Да, поезжайте». На этот раз поездка оказалась необходимой.

Багаван говорил, что основные *садханы*, которые мы должны практиковать, - это употреблять только *саттвическую* пищу и придерживаться *сатсанга*. Он не давал никаких других правил. Он говорил, что ум полностью строится из пищи, которую мы едим.

Багаван никогда не учил морали и не питал отвращения к сексу. Я слышал, как он однажды сказал в ответ на вопросы озабоченных учеников: «Лучше делать это, чем всё время думать об этом». Это вызывает в памяти Гиту: «Мысли – это поступки в младенчестве».

Однажды Багаван сказал: «Почему Вы думаете, что Вы – деятель? Это абсурд, потому что очевидно, что Я ничего не делает, Я – всегда свидетель. Сосредоточьтесь на том, чтобы быть свидетелем и пусть события идут своим чередом, они в любом случае будут происходить, Вы не можете им помешать».

Багаван подчёркивал важность «действий» и учил не заботиться о «результатах».

Багаван говорил: «Не беспокойтесь о том, что делают или говорят другие, вам вполне достаточно забот о самих себе. Сначала преобразуйте себя, и тогда у вас будет достаточно времени, чтобы подумать о мире. Чем вы можете помочь миру, пока не помогли себе?»

Если его спрашивали о Самореализации, о том, какая она, или каким будет наше состояние в будущем, он всегда отвечал: «Зачем волноваться о чём-то в будущем? Здесь и сейчас – вот что важно. Вы всегда Самореализованы, только не знаете этого».

Багаван внимательно наблюдал за возведением храма над *самадхи* его матери. Он посещал все мероприятия, связанные с этим. По ночам, когда вокруг никого не было, он ходил и ходил вокруг постройки, освящая её. То, что он в чём-либо принимал такое демонстративное участие, имело очень глубокий смысл. Такое бывало исключительно редко, и многие усомнились в этом, однако, я сам был тому свидетелем и ручаюсь, что это правда.

Философия этого великого мудреца может быть выражена двумя словами: «Ничего нет». Так просто, и, всё же, необыкновенно трудно. Весь этот мир, который мы видим, эта сумасшедшая погоня людей за деньгами и «существованием» - это всего лишь нематериальная мысль. Мы как тень от листа, отбрасываемая в лунном свете, нематериальная и нереальная. Вы можете справедливо повернуться ко мне и спросить: «Кому нужно это чисто негативное состояние?» Я могу только ответить: «Это всего лишь

дело вкуса».[1]Однако, если это – ничто, очевидно, должно быть состояние, которое есть что-то. Это состояние – Самореализация. Оно не только что-то, оно – *всё*.

Ко мне в комнату пришёл австралийский журналист, посетивший Ашрам. С первого же мгновения было очевидно, что я был огромной проблемой для него. Почему европеец должен изолировать себя в таком месте - было выше его понимания! Он задавал множество вопросов, однако ни один из моих ответов его не удовлетворил. Наконец, он не сдержался и резко спросил, что я здесь делаю. Я сказал, что здесь обрёл покой ума. Я знал, что это был неподходящий ответ, но надеялся, что он избавит меня от дальнейших расспросов. Он несколько минут серьёзно смотрел на меня, а затем с сожалением сказал: «О, понимаю, меня самого никогда не одолевало подобное беспокойство». Всё, чего я достиг – это подтвердил его убеждение, что я безумен.

Однако давайте вернёмся к вопросу и, прямо признаюсь, что даже сейчас я не в состоянии ответить удовлетворительно. Я всего лишь могу сказать, что приехал, потому что хотел. А почему я остаюсь? Потому что хочу. Багаван был магнитом для моего металла и пока что его магнетизм не утратил своей силы. Я беспомощен.

Я вижу его сидящим в Холле, совершенно отстранённым, совершенно незатронутым событиями, которые мне кажутся столь важными, **с лицом, расплывающимся в милейшей из улыбок, и выражающим такое спокойствие и красоту, что невозможно описать и даже поверить, пока не увидишь сам**. Ни книги, написанные в прошлом, ни истории предшествующих святых не могут донести это послание: в конце концов, всегда есть вероятность, что они могли быть мошенниками. Но *этот* – абсолютно подлинный, и я не в силах больше сомневаться, даже если бы хотел. Здесь мы стоим у самой сути достоверности в этом всегда меняющемся непостоянном мире.

Сомневаюсь, что мы осознаём, как нам повезло. Человек склонен привыкать ко всему и всё принимать как должное. Однако нельзя принимать Багавана как должное, он всегда удивительно разный, и это одно из чудесных качеств его присутствия.

43. Профессор К. Сваминатан (1896-1994) преподавал английский язык в окружном колледже Мадраса. Он был главным редактором монументального 100 томного *Собрания Сочинений Махатмы Ганди*, и некоторое время был редактором журнала *Путь Горы*. Он автор книги *Шри Рамана – Высочайший Атман*, перевёл на английский язык 1282 строфы *Guruvachaka – Kovai* и 1851 строфу *Ramana Sannidhi Murai* Муруганара. В своих письмах в Ашрам он обращался к Шри Рамане Ammaiappa – тот, кто сочетает в себе качества матери и отца, и подписывался как "Ramana sei" – дитя Раманы.

Мне рассказали о Багаване в 1927г., но тогда я не заинтересовался тем, кто спокойно сидит и ничего не делает, когда столько нужно сделать, чтобы изменить этот сумасшедший дурной мир, и Махатма Ганди шагает по стране, совершая так много «социально значимого». В 1940г. я столкнулся со множеством трудных проблем и внутренних противоречий. Господин П.С. Шивасвами Айяр, заменивший мне отца после его смерти, посоветовал пройти курс лекций по Брама Сутрам у знаменитого пандита в Бангалоре. Там я смог понять,

[1] «Это дело вкуса» - напоминает об индуистском куплете, где говорится: Страсть и привязанность к миру, который отвергают святые и к которому так сильно стремятся глупцы, - это то же самое, что и собака, с удовольствием поедающая то, что извергнуто человеком.

что за внешней леностью Багавана скрывается нечто очень глубокое. И тот человек сказал, что это не просто теория: «поезжай в Тируваннамалай и увидишь сам».

Я всерьёз интересовался поэзией, и прочитал стихи Муруганара (№53) и сказал себе: боже милостивый, человек, вдохновивший такую поэзию, божествен. Я был совершенно потрясён; Муруганар полностью обратил меня. Затем, когда Грант Дафф (№7) приехал в мой колледж, я сопровождал его. Через неделю, что мы провели вместе, он мимоходом спросил: «Вы видели Раману Махарши?» Я сказал себе: вот англичанин, ушедший с головой в итальянскую философию, говорит мне о Махарши. Я почувствовал стыд, да, мне было стыдно. Все эти события убедили упрямого верблюда, что оазис, которого он жаждет, рядом и его легко достичь.

Когда я сказал господину Шивасвами о своём решении поехать в Ашрам, он сказал: ты молодой человек и у тебя много обязательств; если ты пойдёшь к Багавану, тебя собьёт с ног, и ты провалишься в бездну. Не ходи один, привяжи себя многими узами; возьми кого-то, кого любишь, к кому ты привязан, чтобы удерживать тебя. Поэтому я взял с собой жену и двоих своих студентов.

Махарши не лишил меня ни одного из людей или удовольствий, которые были дороги мне. Он всех их оставил мне обогащёнными и освящёнными. Шекспир, Китс, Вордсворт и Библия стали значить для меня гораздо больше, освещённые светом, который падал на всё, что он видел. Он часто цитировал ключевые отрывки из Библии, такие как: Будь спокоен и знай, что Я есмь Бог; Царствие Небесное внутри тебя; мой Отец и я – одно.

Мой первый *даршан* Махарши 29 сентября 1940г. был самым запоминающимся событием в моей жизни. Последний *даршан* случился за две недели до его *маханирваны* 14 апреля 1950г. Между ними в течение многих выходных и отпусков в колледже частые визиты в Ашрам помогали мне (как помогает время крепкого сна) сохранить здоровье, счастье и высокую результативность. **Чистое счастье, которым я наслаждался, было счастьем ребёнка, спокойно сидящего на коленях у матери.**

Багаван был совершенной Безличностью, как солнце в небе или как незаметный дневной свет во внутренних покоях. Безличное существо могло вдруг стать Личностью, полной саттвической силы, глубоко человечной, чарующей, подобной матери, которая могла передавать с высокой точностью своё Осознание Блаженство другим соответственно их нуждам и настроению. Солнце спустилось и играло с нами как лунный свет, чтобы осветить наши умы, или как огонь в доме, чтобы приготовить нам еду.

Багаван слушал, как ребёнок, отрывки из пьес Шекспира и писем Китса и быстро и убедительно раскрывал универсальную истину в каждом цветке, уникальном в своей красоте. По поводу письма Китса о «негативной способности» его мгновенный комментарий был таков: «Значит, есть Упанишады и на английском языке, как на санскрите». После того, как прочитали, обсудили и должным образом похвалили отрывок из Шекспира, Багаван сказал: «Атман Шекспир наслаждался, сочиняя это, для того, чтобы родившись снова, как мы, он мог наслаждаться, читая это». Неудивительно, что он не только разрешал Муруганару и поощрял его обильные излияния, но также часто и сам присоединялся к нему в великолепной игре рифмования и поисков созвучия в словах, что удваивало общее удовольствие. Не был ли он единственным вдохновителем тысяч изумительных поэм Муруганара и столь многих других?

Багаван часто приравнивал Ганди к Хануману, смиренному и героическому слуге Шри Рамы. Однажды он сказал: «Мы говорим, что Хануман *chiranjivi* (бессмертный). Это не

значит, что какая-нибудь обезьяна продолжает жить и жить вечно. Это лишь означает, что на земле всегда будет кто-то, кто служит Раме, как ваш Ганди сейчас».

Однажды Рангачари, преподаватель телугу в колледже в Веллоре, попросил Махарши объяснить *нишкама карму* (деятельность без желаний). Ответа не последовало. Прошло время, и Махарши пошёл на гору, а вслед за ним шли несколько преданных и Рангачари. На пути лежала палка – крепкая ветка с шипами – которую Махарши поднял и начал обрабатывать. Шипы были срезаны, неровности сглажены, а поверхность отполирована грубым листом. Несколько часов нелёгкой и тщательной работы закончились отличной палкой, подаренной Махарши проходящему пастушку, который был расстроен тем, что потерял свою. Рангачари признался, что получил новый урок в искусстве преподавания, так как эта молчаливая практическая демонстрация была совершенным ответом Мудреца на важный для него вопрос.

В одной из статей знаменитый шведский психолог Карл Юнг сопоставил Шри Рамакришну и Шри Багавана и в этой последовательности увидел продвижение от *бакти* к *джняне*. Услышав об этом, Багаван, резко выпрямился и выступил против сравнения, сказав: Когда человек достиг вершины горы, не важно, с какой стороны и по какой тропе, он знает и понимает все другие дороги. Что есть такого, чего не знал Шри Рамакришна?

Подобным образом он протестовал против сравнения некоторыми преданными его, как *джняни* и Махатмы Ганди как *карма-йога*. Глаз, который видит, и рука, которая работает, – как органы одного и того же Вечного Блага. Багаван видел везде действие только *adhyatma sakti* (Высшей силы). Разные люди выполняют разные функции; расставлять их в порядке достоинств – это «проделки эго».

Шри Багаван предпочитал говорить на тамили, телугу или малаяламе, но он также исправлял ошибки перевода на английский язык. Он использовал фразу «автоматическая божественная деятельность», объясняя *прарабдху* аналогией с вентилятором, который продолжает вращаться всё медленнее и медленнее, прежде чем остановится совсем. И, улыбаясь, добавил: «Но вы можете сразу остановить его с помощью палки, если захотите».

Несмотря на то, что Махарши с глубоким почтением относился к богам и часто упоминал их, основное внимание он уделял безличной *джняне*. Он также строго придерживался молчания в ответ на несущественные умозрительные вопросы, такие как природа Бога. В этом он близок Будде. **Своим методом самоисследования, изучения сознания, который придаёт энергию и значение всей человеческой жизни и разрушает барьеры между священным и мирским, он похож на учёного.**

Переживание покоя, который даровало присутствие Махарши, о котором свидетельствуют столь многие преданные, гармонирует с его ответом посетителю, который спросил, кому из множества духовных учителей он должен следовать: «Выберите того, от которого вы получаете *шанти* (умиротворение)». Махарши обожал историю Татварайи, который сочинил *барани* (хвалебную песнь) в честь своего гуру, и пригласил собрание учёных мужей послушать. Пандиты стали возражать, мол, *барани* можно петь только в честь воина, который убил тысячу слонов, и уж, конечно, не в честь какого-то простого аскета. Тогда поэт сказал: «Давайте все вместе пойдём к моему гуру и решим спор при нём». Они пошли к гуру, и поэт рассказал о возражениях пандитов. Гуру сидел в молчании, и все остальные тоже сидели в молчании. Так проходили дни, и ни одна мысль не посетила ни одного из них. В конце молчаливого собрания гуру произвёл лёгкое движение в уме и все в один голос объявили: «Победить тысячу слонов – ничто по сравнению со способностью

этого человека укротить бешеных слонов наших эго». И они позвали Татварайю продолжить чтение *барани*.

Особая миссия Багавана была убедить всех и каждого, что с помощью самоисследования «Кто Я?» и смирения любой из нас может и должен жить спокойно, удобно и счастливо в обоих мирах, во времени и Безвременном.

Багаван с успехом был другом каждому – святому и грешнику, принцу и крестьянину, учёному и безграмотному, корове, собаке или обезьяне. Дж.К. Молони рассказал, как его собака предпочла ему общество отшельника: После посещения мудреца на горе, когда я вернулся домой, одной из моих собак не было. Вечером прибыл святой человек, ведя беглеца на поводке. Мудрец сказал: «Он вернулся ко мне, и мне хотелось бы, чтобы он остался. Но почему я должен красть его у Вас?»

Женщин и хариджанов не менее гостеприимно принимали в его чарующем обществе. Багаван всем давал свободу наслаждаться его *saameepya* (близостью, доступностью) и *soulabhya* (лёгкой досягаемостью).

Однажды в 1940-х гг. я сидел снаружи холла среди многих преданных. Багаван полулежал на кушетке. Группа учёных пандитов глубокомысленно и с большим энтузиазмом обсуждала отрывки из Упанишад. Все, включая Багавана, внимательно слушали интересную дискуссию, когда внезапно Багаван встал с кушетки, отошёл в сторону и остановился перед человеком из деревни, который стоял и смиренно смотрел, сложив ладони. Все взгляды обратились в сторону Багавана и деревенского жителя, которые стояли в стороне и разговаривали. Вскоре Багаван вернулся на кушетку, и дискуссия возобновилась.

Мне было любопытно узнать, почему Багаван подошёл к этому человеку, поэтому я ускользнул от обсуждения и догнал его, прежде чем он покинул Ашрам. Он рассказал, что Багаван спрашивал, почему он стоит так далеко, как его зовут, о его деревне, чем он занимается, о его семье и т.д. Я поинтересовался: «Ты просил его о чём-нибудь?» Он сказал: «Когда я спросил его, как мне заслужить его благословения, он спросил, есть ли в моей деревне храм и как имя храмового божества. Когда я сказал ему имя божества, он сказал: повторяй это имя, и ты получишь все необходимые благословения».

Я вернулся к Багавану, но потерял всякий интерес к обсуждению. Я чувствовал, что простое смирение и преданность крестьянина вызвало гораздо больший отклик у нашего Мастера, чем любая степень учёности. Тогда я решил, что хоть я и учёный по профессии, я всегда буду оставаться смиренным неграмотным крестьянином в сердце и молиться о милости и благословении Багавана.

44. Ранган (Велачери Ранга Айяр) был одноклассником Шри Раманы.

В июне 1907г. я увидел Багавана в первый раз с тех пор, как мы вместе учились в школе. Я спросил: «Ты узнаёшь меня?» Багаван с трудом произнёс «Ранган». В те дни он мало разговаривал, и ему было трудно пользоваться голосом. Моя мать уже рассказала мне о своём первом посещении его в конце 1890-х, когда Багаван жил в храме на холме недалеко от главного Храма Аруначалешвары в Тируваннамалае.

Много лет спустя, беседуя со мной о первом приезде моей матери, Багаван сказал: «Когда твоя мать приехала повидать меня, она была напугана моей аскетической внешностью и одеянием. Мои волосы были спутанные, всё тело полностью покрыто пылью». Он добавил, что тогда не осознавал ход времени. Временами, когда он пытался встать, голова кружилась, и он терял равновесие. Тогда он понимал, что, наверное, провёл много

дней в том состоянии, когда не осознавал мир. Кроме тех периодических приступов слабости у него не было способа определить ход времени. На вопрос, принимал ли он какую-либо пищу в те дни, он ответил: «Когда нет осознания тела, телесные функции также приостанавливаются».

Во время расставания после первого своего посещения, я сказал Багавану: «Ты достиг огромных высот». Его ответ был: «Далёкие горы кажутся ровными и гладкими». Я почувствовал, что он говорит мне, что можно стать джняни даже живя обычной жизнью домохозяина. Казалось, что он говорит мне, что в физическом отречении нет ничего особенного или выдающегося.

В следующий раз я увидел Багавана по пути в Мадрас в поисках работы. Мои финансовые обстоятельства в то время были не в лучшем виде. Кажется, Багаван знал это, хотя я никогда даже не упоминал эту тему. Попытки найти работу не увенчались успехом, и я возвращался домой через Тируваннамалай. Как только я увидел Багавана, он поднял вопрос о моих финансовых проблемах. В тот вечер, когда я уже лежал, Багаван пришёл ко мне и сел рядом. Я поднялся и тоже сел. «Ранган», - спросил он, - «тебя волнуют финансовые затруднения? Тебе будет достаточно десяти тысяч рупий?» В конце концов, я получил работу в автомобильной компании, продающей автобусы. Получая комиссионные от продажи каждого автобуса, я смог накопить 10000 рупий, о которых говорил Багаван. Этих денег хватило, чтобы выплатить долги и устроить свадьбы двух дочерей.

Жизнь с Багаваном стимулировала дух отречения во многих, включая и меня, но Багаван всегда отговаривал преданных предпринять последние шаги к физическому отречению. Моё стремление принять *санньясу* постепенно ослабло и со временем исчезло.

Во многих случаях я нуждался в помощи, и вскоре привык рассказывать Багавану все свои семейные проблемы во время визитов в Скандашрам. Однажды он повернулся ко мне и сказал: «Ты думаешь, что твои проблемы очень значительные. А что ты знаешь о моих проблемах? Позволь мне рассказать тебе один случай.

Однажды, взбираясь по крутому склону горы, чтобы удержать равновесие, я ухватился за камень. Камень лежал неустойчиво и не удержал мой вес. Я упал навзничь и оказался погребённым под небольшим обвалом из камней. Мне удалось высвободиться, но большой палец левой руки оказался вывихнут. Он свободно болтался рядом с другими пальцами. Я запихнул его обратно в сустав». Мать Багавана сказала, что не может спокойно вспоминать тот случай: Он вернулся домой весь в крови.

Я очень хорошо ладил с матерью Багавана, мы ведь знали друг друга, когда она ещё жила в Мадурае. Однажды она рассказала мне следующее: «Как-то раз я долго смотрела на Багавана, его тело постепенно исчезло, и на его месте я увидела *лингам*. *Лингам* был очень яркий. Я не могла поверить своим глазам. Я протёрла глаза, но увидела тот же яркий *лингам*. Я перепугалась, потому что подумала, что мой сын покидает нас навсегда. К счастью, *лингам* постепенно опять превратился в тело Багавана». Выслушав рассказ, я взглянул на Багавана, ожидая подтверждения или комментария, но он лишь улыбнулся и промолчал.

Когда мой сын писал книгу под названием *Bhagavan Parinayam* (Свадьба Багавана), в которой Багаван женится на *jnana kanya* (невесте джняне), я рассказал ему тот случай, и он включил его в рукопись. Через несколько месяцев, когда мой сын читал вслух свою книгу перед Багаваном, тот спросил, как он узнал об этом случае. «Мне рассказал отец», - ответил мой сын. «Да?» - сказал Багаван, - «в самом деле он тебе рассказал об этом?» Другим преданным захотелось больше узнать об этом случае, так как никто не слышал о нём раньше, однако Багаван сказал, что это пустое и отвлёк их внимание на что- то другое.

Однажды я ушёл из Скандашрама на короткое время, оставив Багавана спящим внутри. Вернувшись, я увидел, что он сидит на кровати снаружи. Я ничего об этом не подумал, пока не зашёл внутрь ашрама и не увидел, что Багаван спит в том же положении, в каком я оставил его перед уходом. Когда я позже рассказал об этом Багавану, он улыбнулся и сказал: «Почему ты мне сразу об этом не сказал? Я мог бы поймать вора».

Это была типичная реакция Багавана на сверхъестественное. Если ему рассказывали о подобных явлениях, он либо игнорировал их, либо обращал в шутку, потому что не хотел, чтобы кто-либо из преданных уходил от главной цели осознать себя в сторону бесполезного интереса к сверхъестественным явлениям.

Хотя Багаван предпочитал скрывать от публики свое возвышенное состояние, иногда он показывал нам проблески своей силы и знания. Например, однажды у одного преданного, сидевшего в отдалении от Багавана и переписывавшего стихи на санскрите, возник вопрос, что писать дальше. Багаван окликнул его и прояснил его сомнения, однако он редко показывал своё всеведение так открыто.

Я был свидетелем ещё одного проявления силы Багавана в один из моих визитов в Скандашрам. Двое мужчин пришли из деревни и просили Багавана собственноручно дать им *вибхути*. Они отказывались брать *вибхути* там, где он хранился, даже когда Багаван сказал им, и в конце концов ушли разочарованные. Я пошёл за ними и спросил: «Почему вы хотели получить *вибхути* из рук Багавана? Почему вы так настаивали?» Один из них рассказал: «Я болел проказой. Однажды я пришёл повидать Багавана, и он сам дал мне немного *вибхути*. Я помазал им тело, и вскоре от болезни не осталось и следа. Это мой друг. У него тоже проказа. Вот почему я просил *вибхути* из рук Багавана». Багаван, должно быть, знал, что нечаянно вылечил больного. Он, возможно, отказался повторять это, так как не хотел приобрести славу чудотворца.

Поскольку мы с братьями получили много благ от общения с Багаваном, мы стали советовать другим людям ехать в Тируваннамалай на *даршан* к Багавану. Один из наших друзей, который по нашему настоянию поехал увидеть Багавана, вернувшись, сказал: «Что за бесполезный свами тот, к которому вы меня послали. Он резал лук в день *экадаши*».

Однажды Багаван сказал мне: «Ты и твои братья распространяете весть, что здесь есть Махарши. Некоторые люди верят вам до тех пор, пока не приедут сюда и не увидят меня, сидящего в углу. Тогда они думают: о, это и есть тот самый человек? Они разочаровываются и уезжают, ругая вас».

Хотя Багавану удавалось сохранять внешнюю простоту, он мог видеть степень духовности каждого, кто приходил к нему, и не давал возможность понять его тем, кто не заслуживает.

Багаван мог распознать духовную зрелость в окружающих людях. Он также мог увидеть её в животных, которые к нему приходили. Однажды мать Багавана спросила: «Почему эта собака любит сидеть у тебя на коленях?» Багаван повернулся ко мне и сказал: «Эта собака всегда находится в состоянии *самадхи*. Великая душа пришла в виде собаки. Мать этого не знает».

То, что Багаван перестал отождествлять себя с телом, стало ясно мне, когда мы шли по лесной тропе вокруг горы. Наступив на колючку, я отстал. Багаван остановился, вернулся ко мне и вынул колючку. Позже Багаван наступил на большой шип. Разглядывая его ногу, я с удивлением увидел, что из ступни торчит множество шипов; одни были старые, другие свежие. Я осмотрел его вторую ногу и увидел то же самое. «Которые из колючек ты

вынешь?» - смеясь, спросил Багаван. Затем он раздавил часть колючки, которая торчала из ноги, и счастливо продолжил прогулку.

Я не ощущал духовного прогресса, поэтому однажды спросил Багавана: «Сколько раз мне придётся родиться, чтобы получить *джняну*?» Багаван ответил: «Нет таких факторов, как время и расстояние. За один час нам снится, что прошло много дней и лет. Ты же видишь в кино, как простые тени превращаются в огромные моря, горы и здания. Мир не вне тебя. Маленький мир в твоём уме проявляется как большой мир снаружи. Уничтожение ума и есть *джняна*».

45. М. Шивапракашам Пиллай (1875-1948), выпускник философского факультета, служащий департамента государственных сборов коллектората округа Южный Аркот, впервые встретил Раману Махарши в 1902г. Он запомнился больше всего благодаря роли, которую сыграл в том, чтобы Шри Рамана записал свои поучения по Самоисследованию, опубликованные позднее под названием «Кто Я?». Ниже изложены в прозе переживания и чувства Пиллая по поводу Махарши из его биографии в стихах *Sri Ramana Charita Ahaval*, изданной в 1923г.

Несмотря на то, что грешники без преданности приходят к тебе с беспокойным и усталым умом, как мать, успокаивающая своё дитя при виде его страдания, ты таешь от любви и успокаиваешь их несчастный ум взглядом, полным сострадания. Ты становишься отцом и матерью всем, кто приближается к тебе. Ты даёшь им еду, развиваешь в них знание и таким путём избавляешь от несчастья.

Ты сказал добрые слова: «Значение слова «я» - это единственная реальность, которая существует как высшее счастье, как знание. Оно неразрушимо, и, хотя находится внутри этого тела, всё же отлично он него. Если желаете познать эту высшую суть, вам следует прежде всего избавиться от отождествления с этим телом, а затем исследовать Кто Я? Если нырять внутрь (как ловец жемчуга в поисках жемчужины), можно осознать себя. Само-осознание – это освобождение».

У меня было видение, когда я сидел перед тобой (5 мая 1913г). Вокруг тебя я видел несравненное сияние, как свет множества полных лун. Твоё божественное тело светилось как солнце, затмевая блеск золота. Твои прекрасные глаза излучали божественную милость. В тебе было величие Всевышнего Бога вместе с безграничной щедростью. Немного позже я увидел, что всё твоё тело покрыто ярким белым священным пеплом. Моё каменное сердце растаяло и стало как вода. Я видел эти видения, но те, кто был рядом, не видели. Я не спрашивал тебя о них, и ты не говорил. С того дня я осознал, что ты – мой Бог, и все опасности и трудности, с которыми я сталкивался, исчезли твоей милостью, как туман исчезает при свете солнца.

Верховное Божество приняло человеческий облик как акт милосердия и живёт на Аруначале под именем Рамана. Раманадэва, если люди в миру скажут, что ты тоже человек, как мы, это то же самое, что сказать о полных дождя тяжёлых тучах, что это просто облако дыма.[1]

Возможно ли моим языком описать твою красоту? Никто не сможет описать твою красоту, пока ты сам не откроешь себя через свою милость. Ты возвеличил меня как своего преданного. Пожалуйста, не отбрасывай меня по причине моей бесполезности. Раманадэва, пожалуйста, сделай меня послушным тебе.

[1] Дождевая туча и облако дыма могут быть похожими, но только дождевая туча даёт дождь.

Рамана Садгуру, Высший Атман! Как олень, попавший в западню, и не знающий, как выбраться, я снова припадаю к твоим стопам со словами: «Только твои стопы – моё убежище». Отвечая «Не надо волноваться», ты освободил меня от страха и спас меня. Так ты стал моим Богом, моим отцом и матерью.

Майкл Джеймс рассказывает о Пиллае:

В стихах он всё время просит Милости Багавана, повторяя, что неспособен следовать самостоятельно *упадеше (наставлению)*, данной Им. Один преданный спросил Багавана: «Шивапракашам Пиллай, пылкий преданный и давнишний ученик, написал, что не может эффективно выполнять инструкции Багавана на практике, а как же тогда быть многим другим?»

Багаван ответил: «Ади Шанкара тоже говорит подобные вещи, когда сочиняет песни, восхваляющие какое-то божество. Как ещё можно воспевать Бога? Если человек придерживается *jivabhava* (считает себя индивидуальной душой) и восхваляет Бога, он может петь только об ограничениях и недостатках индивидуального существования».[1] Это видно в гимнах, сочинённых самим Багаваном в честь Аруначалы.

После смерти Пиллая Багавану прислали телеграмму. Когда Багаван прочитал телеграмму, он сказал на тамили: «Siva prakasam Sivaprakasamanar», то есть, Шивапракашам стал светом Шивы.

46. Акиландамма родилась в 1887г, «вышла замуж» в возрасте пяти лет. Её муж умер через два года. В то время повторно выйти замуж по обычаю было невозможно, поэтому она решила посвятить свою жизнь служению *садху*. В 1903г. она посетила Шри Раману на горе и ощутила его силу. Она приносила ему еду четыре десятилетия.

В 1903г. собирая на горе цветы, я увидела много людей, направляющихся в сторону Пещеры Садгуру Свами. Один человек из толпы сказал мне: «Там Брамана Свами сидит неподвижно». Он этих слов во мне зародилось желание увидеть его. Я купила маленькую сахарную сладость для подношения и пошла к нему. Какое это было зрелище! Впервые я увидела привлекательного Бога, который притягивает к себе умы тех, кто видит его. Хоть он и был немыт и покрыт пылью, его тело сверкало, как золото.

Когда я опять пошла на *даршан*, Багаван сидел в пещере Вирупакша. Я увидела Багавана, и мой ум устремился к нему с безграничной любовью, но наряду с этим чувством возникло невыразимое уважение и страх. Совершенно естественно чувствовать трепет и благоговение, когда находишься рядом с Багаваном. Также естественно индивидуальному эго угасать в его присутствии. **В этом святом месте преобладала добрая сила. Она так вводила в оцепенение ум, речь и тело, что посетители автоматически впадали в безмолвие**. Не было никаких правил по поводу тишины, но в этом святом присутствии случайный посетитель, пришедший на *даршан*, автоматически становился спокойным и тихим.

Когда Багаван перешёл в Скандашрам, сначала там не готовили еду. Багаван и преданные зависели от подношений в виде еды, которые им приносили каждый день. Мы с Камакши Аммал часто приносили еду в ашрам. Однажды на *даршан* к Багавану неожиданно пришли пять или шесть человек. Поскольку мы не знали об их приходе заранее, еды было мало. Когда наступило время обеда, преданный приблизился к Багавану и сказал: «Все ждут,

[1] См. *Беседы с Шри Раманой Махарши*, Беседа № 630

можно ли начать есть?» Багаван, зная, что еды мало, сказал: «Давайте немного подождём». Через некоторое время, неожиданно пришла группа людей и принесла сосуды полные еды. Багаван попросил их сначала накормить всех, кто был там. И только после этого он встал, показывая, что готов обедать сам.

Однажды я принесла в Скандашрам фрукты и молоко. Однако мать Багавана не хотела принимать пищу, принесённую не брамином. Багаван, понимая, что у неё на уме, сказал: «Хорошо, возвращайся лучше домой в Мадурай». Затем он поел немного, немного дал своему слуге, а остальное вернул мне в качестве *прасада* от Багавана.

Однажды, когда я шла на гору и несла всё, что нужно, чтобы предложить *бикшу*, один свами сказал мне, что, так как сегодня полнолуние, это особенный день для получения наставления от великих душ. Я приблизилась к Багавану, поклонилась, и сказала: «Багаван, будь добр, скажи мне что-нибудь». Багаван уставился на меня и спросил: «О чём я должен тебе сказать?» Я была в замешательстве и затруднении. Наряду со смешанным чувством страха и преданности во мне волной поднялось желание услышать милостивые слова Багавана и лишило меня дара речи. Я стояла, онемев. Багаван понял моё затруднение. От него невозможно ничего скрыть. Он понимает состояние ума каждого, кто приближается к нему, просто взглянув на человека. Он милостиво посмотрел на меня и сказал: «*unnai vidammal iru*», то есть «Будь, не покидая себя»

Я не могла постичь смысл этой *упадеши* высокого уровня, но, поскольку слова слетели с уст Багавана, я почувствовала огромное удовлетворение и чудесное сияние в уме. Эти милостивые слова волнами поднимались в уме снова и снова, как прилив. Они вызвали во мне неописуемое счастье. Я стояла, радуясь чувствам, вызванным этой единственной фразой. Даже сегодня, эта *упадеша* звучит в ушах и даёт ощущение невыразимого покоя.

Хотя я и не поняла, что сказал Багаван, я немедленно почувствовала состояние, на которое указывали эти слова, так никогда и не поняв их значения. Через это переживание я осознала, что в святом присутствии Багавана даже одно единственное милостивое изречение может дать те же плоды, что и выполнение всех духовных практик, таких, как *sravana* (слушание), *manana* (осмысление) и *nididhyasa* (размышление или пребывание).

В последние дни жизни Багавана, будучи в своей деревне, я часто думала и беспокоилась о его здоровье. Я пришла в Ашрам, но не смогла войти, так как тысячи людей ждали его *даршан*. Милостью Багавана один из ашрамитов, который знал меня, как-то прошёл и сообщил Багавану, что я пришла. Мне разрешили получить *даршан*.

Я пыталась сдерживаться, но мысль о том, что я скоро потеряю одного единственного Бога, полностью лишила меня выдержки. Я закричала ему: «Багаван! Багаван решил оставить это тело. Что мне делать?» После того, как я вышла из комнаты, Багаван через преданного, открывшего мне двери, передал мне послание: «Почему ты печалишься об этом смертном теле?» Я решила, что Багаван утешает меня, говоря: Не жалей это тело. Я всегда твой спаситель!

47. Садху Натанананда (Натеша Мудальяр) (1898-1981) был учёным. Его диалоги с Шри Раманой содержатся в *Upadesa Manjari* (на тамильском языке). Он автор *Sri Ramana Darisanam*.

В 1917-18гг. я был директором школы. Будучи религиозно настроен, я часто ездил от храма к храму, чтобы получить *даршан* божеств. Один великодушный человек, увидев это, принёс мне две книги на тамили, а именно: *Sri Ramakrishna Vijayam* и *Vivekananda Vijayam*.

После их прочтения я был охвачен страстным желанием увидеть Бога и найти гуру, который укажет мне путь. На этом этапе я услышал о необыкновенном величии Багавана, которого впервые встретил в мае 1918г в Скандашраме.

Я горячо молил его: «Я имею огромное желание получить подлинное переживание твоей мудрости. Пожалуйста, исполни моё желание». В те дни Шри Рамана говорил мало. Всё же он мягко сказал: «Это тело, которое находится передо мной, желает получить мою милость? Или сознание внутри него? Если это сознание, то не оно ли смотрит сейчас на себя как на тело и выражает эту просьбу? Если так, пусть сначала сознание узнает свою подлинную природу. Тогда оно автоматически узнает Бога и мою милость. Всё, что тебе нужно делать отныне – это не отождествлять себя с телом, чувствами и умом. Ты должен превратить невежественное состояние глубокого сна, в котором человек становится бесформенным и непривязанным, в осознанный глубокий сон. Ты не должен забывать, что это переживание придёт только в результате длительной практики. Это переживание прояснит, что твоя настоящая природа не отлична от природы Бога».

Багаван никогда никому не навязывал дисциплину. В его характере было обучать, следуя поведению, предписанному духовным искателям. Когда кто-нибудь жаловался, что Багаван не порицает поведение некоторых преданных, он говорил: «Кто кого должен исправлять? Разве не Бог один имеет право исправлять каждого? Всё, что мы можем делать, это исправлять себя. Это само по себе – исправление других».

Хотя преданные поклонялись Шри Рамане как Багавану, Махарши, а некоторые как божественной инкарнации, другим он показывал себя обычным человеком. Однако одного вида его внешней формы было достаточно, чтобы пережить блаженство покоя. Он знал не только свою подлинную природу, он ясно видел истину в других. Даже среди тысяч преданных он непрерывно находился в осознании Высочайшего Атмана, ни на секунду не отклоняясь от своего состояния.

Хотя Шри Рамана обозначил истину, как вечное пребывание в Атмане, многим он являлся в видениях воплощённым Богом. Примером может послужить история польской дамы, приехавшей получить *даршан* Багавана:

Однажды женщина пошла одна в Скандашрам. На обратном пути она почувствовала сильную жажду. Не найдя способа утолить жажду, она подумала: «Если правда то, что Багаван всемогущий универсальный Атман, почему бы ему не появиться здесь и не утолить мою жажду?» В следующее мгновение появился Шри Багаван со своим чайником и дал ей напиться. Когда это происходило, Багаван сидел в Ашраме на своём обычном месте, совершенно не зная о драме, разворачивающейся на горе.

Польская дама, испытывавшая чистую любовь и преданность, была набожной христианкой и могла поверить, что человек подобен Христу, только если он проявит сверхъестественные силы. В высшей степени сострадательный Багаван в силу её преданности появился перед ней в подтверждение её веры, и исполнил её желание.

Хотя случаи, подобные этому, оказывают большую помощь в увеличении и укреплении преданности и веры у последователей, Багаван не одобрял попытки намеренно вызывать такие явления.

Багаван обычно говорил: как воздух, по природе своей чистый, приобретает дурной или приятный запах в зависимости от того, с чем взаимодействует, общение с мудрыми – это средство для достижения преобразования. Осознав эту истину, многие преданные говорили Багавану, что спокойное состояние, испытываемое без всяких усилий в его присутствии, не могло быть достигнуто в других местах даже ценой огромных усилий. Багаван говорил: Да,

да, как жемчужная раковина превращает песчинку в жемчуг, зрелые души получают освобождение от божественного взгляда *садгуру* его милостью. А незрелые, несмотря на длительное пребывание в присутствии гуру, ничего не осознают. Они похожи на осла, который везёт драгоценную камфару, не зная о её ценности. Нечистые умы не способны получить пользу от милости гуру.

Багаван особое внимание уделял духовному благосостоянию тех преданных, которые проводили время в служении ему с верой, что служение Гуру есть лучшая форма *манаса*. Багаван побуждал преданных служить всё время Атману. Он сказал джентльмену с запада, который подметал тарелки из листьев, лежавшие возле столовой: «Разве подметание использованных тарелок из листьев есть средство для достижения освобождения? Разве для совершения этого *манаса* Вы проделали весь путь сюда? Идите вовнутрь. Служение очищению Вашего сердца – вот высшее служение. Только оно может дать Вам освобождение».

Одна дама простиралась перед Багаваном, касалась его стоп, а затем касалась ладонями своих глаз. Когда Багаван заметил, что она проделывает это каждый день, однажды он сказал ей: «Чистое сознание, сияющее как внутренний свет – вот божественные стопы гуру. Только контакт с ними (внутренними священными стопами) может дать Вам подлинную свободу».

Некоторые люди, приходившие на *даршан* к Махарши, производили аштанга намаскарам. Багаван, обращаясь к одному из таких преданных, сказал: «Благо от исполнения намаскарам для гуру – это устранение эго. Самореализации невозможно достичь, кланяясь телом, а только склонением эго».

В августе 1938г. Раджендра Прасад (позже ставший первым Президентом Индии) вместе с Джамана Лал Баджаджем[1] посетили Ашрам. (См. иллюстрацию №17) Прощаясь с Багаваном, последний сказал: «Меня прислал сюда Махатмаджи. Могу ли я что-либо передать ему?» Багаван ответил: «Что передавать, когда сердце говорит с сердцем? Та же *шакти* (Высшая Сила), которая действует здесь, действует и там».

Сароджини Наиду[2] после *даршана* Багавана сказала: «Есть два великих человека, живущих среди нас сегодня. Один из них никогда не позволяет никому успокоиться ни на минуту. Другой не позволяет никому поднять своё «я» ни на мгновение». Это лаконичное высказывание определяет жизнь самопожертвования, лишённую понятия «моё» Махатмы и жизнь *джняны*, лишённую понятия «я» (эго) Махарши.

Почти каждый, кто приближался к Махарши, хотел получить от него какую-нибудь особенную *упадешу*. Одному из таких искателей Багаван сказал: «Джняна не даётся извне или от другого человека. Каждый может осознать её в сердце. Поскольку значение слова *упадеша* – это «быть в Атмане» или «быть Атманом», пока человек ищет Атман вовне, Самореализация невозможна».

Хотя это была обычная установка, принятая большую часть времени, однажды, в виде исключения, Багаван дал мантру *хариджану*, который поклонялся Багавану с огромной преданностью и каждый день получал его *даршан*, стоя поодаль, как того требовала сложившаяся традиция. Багаван замечал это много дней и однажды попросил его подойти

[1] Он был казначеем Национального Конгресса Индии. Гандиджи перенёс свой ашрам из Сабармати в Вардху по его настоянию. Он однажды рассказал близкому родственнику составителя-редактора, что на все свои заготовленные вопросы он каким-то образом получил ответы прежде, чем задал их Махарши.

[2] Она принимала активное участие в борьбе за свободу Индии и была членом Рабочего Комитета Конгресса. Она была знаменитой поэтессой, её называли Соловьём Индии.

ближе. С огромным состраданием, вызванным его необыкновенной преданностью, Багаван милостиво посмотрел на него и сказал: «Всегда медитируй Шива, Шива. Никогда не забывай этого даже во сне. Это само по себе сделает тебя счастливым».

Однажды Багаван складывал страницы корректуры ашрамской публикации, составляя из них книгу. Один богатый последователь, решив, что усилия напрасны, сказал: «Когда я приеду на следующей неделе, я привезу новый переплетённый экземпляр книги». Багаван с улыбкой ответил: «Какая в этом необходимость? Нам нужно содержание, а оно будет тем же самым и в книге, и на этих страницах».

Однажды на *даршан* к Багавану приехал махараджа. Когда он собрался уезжать, один из преданных, живущих в Ашраме, последовал за ним в надежде получить пожертвование для Ашрама. Багаван не одобрил это и сказал: «Для *санньяси* даже король – это простая солома» и в качестве иллюстрации рассказал историю: Мусульманский святой, узнав, что император Акбар очень любит общаться с садху, пошёл во дворец, чтобы добиться блага для своих последователей. Он застал Акбара за молитвой, просящим блага у Бога, и немедленно покинул дворец. Когда Акбар услышал о визите святого, он позвал его и спросил, почему тот ушёл, даже не повидав его. Святой ответил: «Чтобы удовлетворить небольшую потребность своих преданных, я подумал обратиться к тебе. Но я нашёл, что у тебя самого есть потребности, и ты молишь Бога об их удовлетворении. Эта сцена напомнила мне истину, что только Бог один может удовлетворить потребности каждого, и я ушёл из дворца».

Однажды ночью в 1924г воры пришли в Ашрам и стали ломать окна, чтобы забраться внутрь. Багаван сказал им: Зачем вы беспокоитесь, мы откроем вам двери, берите всё, что хотите. И он открыл дверь. Несмотря на это, воры нанесли физические побои Багавану. Один из преданных, не в силах выносить этого, хотел ответить тем же. Багаван вмешался и сказал: «Спокойно! Спокойно! Что ты делаешь? Они воры. Они избрали воровство своей профессией. Чтобы достичь цели, они готовы ко всему. Если мы, *садху,* тоже будем повторять дурные поступки тех, кто не различает добро и зло, то в чём разница между ними и нами?» Этим благоразумным советом он успокоил преданного и сказал, что *садху* ни при каких обстоятельствах не должны соскальзывать с *санньяса дхармы*[1].

К концу жизни Багавана преданный, который твёрдо верил во всемогущество великих, не мог видеть Махарши слабым из-за болезни. Он горячо взывал к Махарши, чтобы тот передал свою болезнь ему и оставался в теле ещё какое-то время, чтобы спасти многих других беспомощных преданных. Удивляясь детской невинности преданного, Багаван посмотрел на него с состраданием и милостиво ответил: «Кто создал эту болезнь? Разве не Он один свободен изменить её? Разве не достаточно, что я до сего дня сам нёс этот груз плоти, которую (когда она умрёт) надо нести вчетвером? Я должен и дальше продолжать нести её?» Этими словами он дал понять, что в физическом мире закон судьбы неумолим. *Джнани* просто остаётся свидетелем, пребывая в своём естественном состоянии.

Багаван не уставал говорить преданным, что он – не тело и что они не должны отождествлять его с физической формой. Известный случай служит иллюстрацией к этому. Один преданный пришёл на *даршан* к Багавану в первый раз. Багавана не было на обычном месте, он был занят каким-то делом. Не зная, что это и есть Багаван, преданный спросил у него: «Где Рамана?» Шри Рамана тут же с улыбкой ответил: «Рамана? Смотрите, он здесь» - и указал на бронзовый сосуд, на котором было выгравировано имя Рамана. Когда Багаван увидел, что преданный озадачен его замечанием, он показал на своё тело и на сосуд и

[1] Моральные обязательства человека, который отрёкся от мира.

объяснил: «Это тоже форма, как и сосуд. Там есть хоть имя Рамана. Здесь и того нет». Затем он вернулся к своему делу.

То, что Багаван не отождествлял себя с телом, засвидетельствовали те, кто видел его в последние несколько месяцев жизни, когда он болел раком. Он оставался безразличен к лечению, организованному преданными, и позволял врачам заниматься своим делом, как того хотели преданные. Он говорил: «Наше дело – оставаться свидетелем всему, что происходит», и добавлял: «Думая, что только это тело и есть Багаван, они печалятся, что Багаван страдает от болезни. Что делать? Они беспокоятся, что Свами собирается уйти. Куда уйти? Как уйти?»

48. Профессор Н.Р. Кришнамурти Айяр (1898-1994) 33 года преподавал физику в Американском колледже в Мадурае. Регулярно посещал Ашрам в 1920-е, 30-е и 40-е годы. Он автор книги *The Essence of Ribhu Gita*.

В апреле 1914г. по пути в Тирупати мои родители заехали повидать Багавана в пещере Вирупакша. Когда вместе со всеми я поклонился Багавану, его мягкий божественный взгляд остановился на мне, но я уделил ему мало внимания, поскольку бегал по округе с другими мальчишками. После возвращения домой во мне случились большие перемены. До тех пор я никогда не имел желания ходить в храм, а теперь меня тянуло каким-то таинственным притяжением к огромному великолепному Матрубутешвара Лингаму в скальном храме в моём родном городе Тиручираппали. Внутри храма меня охватывал покой и неописуемое счастье.

В январе 1919, когда мне выпал случай посетить дом сестры в Тируваннамалае, я получил *даршан* Багавана в Скандашраме. И в этот раз милостивый взгляд Багавана задержался на мне. По возвращении домой, когда я спал после завтрака, более двух часов я был в полном сознании, и в то же время совершенно не ощущал своё тело и окружение. Даже когда меня разбудили к обеду, я чувствовал, что всё вокруг было как сон. Окружающие, увидев моё озадаченное выражение лица, посмеялись надо мной.

В 1923г. в конце первого года моей преподавательской карьеры, я снова навестил сестру в Тируваннамалае и пошёл в Ашрам. В то время я очень симпатизировал таким людям, как Ганапати Муни (№91), которые работали на политическое развитие Индии. Я также испытывал гнев по отношению к таким людям, как Багаван, которые и пальцем не шевелили для освобождения страны. Я тогда был агностиком. Я считал, что природа сама о себе позаботится. Зачем нужен Создатель?

В то время в Ашраме не было других построек кроме навеса над *самадхи* матери. Я увидел Багавана. Он сидел на скамье под деревом и гладил собаку, которая была рядом. Для браминов собака – это животное, оскверняющее чистоту. Добрая толика моего уважения к Махарши исчезла. Я спросил его: Сэр, Вы сидите вот так, каково Ваше следующее *sthiti* (движение)?

Я рассчитывал услышать от него в ответ, что есть душа, которая переживёт растворение тела, которая позже соединится с Богом. Я хотел сразиться с ним словесно, чтобы доказать, что это не так. Проходили минуты, но ответа не было. Я сказал себе: «Этот человек ищет убежища от неудобного вопроса в безразличном молчании?» Как раз в это время раздался звенящий голос Багавана: «Sthiti? Что Вы подразумеваете под sthiti?»

Я не был готов к вопросу. Я сказал про себя: «Ого, этот человек очень опасен, он опасно живой. Мне нужно ответить достойно». Я начал думать: Если спрошу его о теле, то

вопрос бесполезен; тело похоронят или сожгут. Так, если я скажу, что вопрос касается состояния ума, он, естественно, попросит меня дать определение уму, а на это у меня не было ответа. Я очутился в пустоте и был беспомощен и нем. Я не мог отвести глаз от пылающего взгляда Багавана. Я перестал осознавать тело и мир вокруг. Не знаю, сколько это продолжалось. Когда я пришёл в себя, я ужасно боялся Махарши. Помимо своей воли я простёрся и бросился вон очертя голову.

Во время моего второго визита *сарвадхикари* Ашрама пригласил меня на обед и рассказал, что за несколько недель до моего приезда мои отец и мать приезжали в Ашрам и сделали пожертвование в виде обеда для Багавана и ашрамитов. После обеда он подарил мне фото Багавана и две маленькие книжки – *Arunachala Stuti Panchakam* и *Ramana Stuti Panchakam*. Когда я подошёл к Багавану с этими дарами, он своей ручкой исправил несколько опечаток в книгах, провёл ладонью по ним и передал их мне своими благословенными руками.

После ужина я последовал за Багаваном на его короткую прогулку и спросил: «Багаван, я совершаю Рама мантра *джапу*. Не является ли Аруначала мантра *джапа* выше, чем эта?» «Нет! Нет!», - горячо воскликнул Багаван, - «Они обе равны. «Ра» означает «то есть», «ма» означает «ты». «А» в слове «Аруначала» означает «то», «ру» означает «ты» а «на» означает «есть». Затем он добавил: «Используя свой ум вместо рта, позволь Раме постоянно вращаться как чакре Вишну в твоём мозгу. Пусть никто другой не знает, что ты совершаешь *джапу*».

Перед отъездом из Ашрама сарвадхикари попросил меня прислать ему фотографию Натараджи – великолепного божества в Храме Минакши, перед которым мальчик Рамана долго стоял, проливая обильные слёзы экстаза, до того, как навсегда покинул Мадурай. Он также просил фотографию дома, в котором Рамана родился в Тиручули, и ещё нескольких мест в округе. Они нужны были для издания тамильской биографии *Sri Ramana Vijayam* Субананды Барати (№101). Мне удалось выполнить эту просьбу с помощью П.Р.С. Мани, моего студента и прекрасного фотографа.

В конце 1930г. я был прикован к постели. Боль и страдание были столь велики, что я серьёзно подумывал о самоубийстве просто потому, что больше не мог переносить боль. Жена послала телеграмму родителям, написав, что моя жизнь в опасности. На следующий день я сказал жене, что не проживу больше двух дней.

Не успел я договорить, как оказавшийся рядом друг детства Шри Раманы Вилачи Мани Айяр, который только что вернулся из Тируваннамалая, вынул *прасад* Багавана – *вибхути* и *кумкум*.

Он поставил точку *кумкума* мне на лоб и нанёс *вибхути* на брови. Немедленно дрожь радости пробежала по всему моему телу, вселяя ощущение хорошего здоровья. Я сел в кровати и сказал жене: «Я совершенно здоров, я не умру. Не бойся».

Этим же вечером приехали родители жены с моим кузеном д-ром Раджагопалом, который отвёз нас в свой дом в Каруре и лечил меня месяц, к концу которого моё здоровье было полностью восстановлено. Тогда мне вспомнилась песенка, которую я слышал в Тричи: «Джай, Шри Рамана! Победа моего Господа Раманы, Шивы!» Душа пела эту же песню.

Мой отец, которому было шестьдесят шесть лет, страдал от грыжи и астмы. Эти болезни обострились из-за частых поездок из Мадурая в Тиручули, необходимых в процессе переговоров о приобретении дома, где родился Багаван. После заключения сделки и приобретения собственности за 3000 рупий мой отец вместе с другими участниками переговоров вернулся в Тируваннамалай, где у него случилось ущемление грыжи.

Приступ был внезапным и сильным. Везти его в машине в больницу в Веллоре было невозможно. Врач Ашрама Куппусвами Айяр, стойкий последователь Багавана, взял на себя смелость и организовал импровизированный операционный стол в местной больнице. Прежде, чем взяться за операцию, он пришёл к Багавану и молил его об успехе. Мой отец успешно перенёс операцию, о которой специалист в Мадурае сказал ранее, что в его возрасте и состоянии здоровья она будет фатальной.

Когда стало ясно, что жизнь моего отца спасена, я простёрся перед Багаваном и сказал: «В этот раз Багаван сотворил чудо и спас жизнь моего отца!» Багаван перебил меня и сказал: «Почему ты говоришь «один раз»? Почему ты не говоришь «три раза»?» Для меня навсегда останется загадкой, как Багаван мог знать и помнить о тех двух случаях, когда много лет назад, чтобы спасти жизнь моего отца в похожих ситуациях, мы просили о его милости и получили её.

Профессор Айяр, в преклонном возрасте живший с сыном в Тируваннамалае, рассказал В. Ганешану следующее:

В повседневной жизни Багавана каждый замечал личную чистоплотность, опрятность в одежде, постоянное ношение вибхути и кумкума на лбу; все радости поровну делились между всеми присутствующими; он строго придерживался распорядка дня; занимался полезной деятельностью, какой бы «низкой» она ни была; никогда не оставлял работу незавершённой; в каждом действии добивался совершенства; был беспрерывно активен, кроме промежутков сна или отдыха после тяжёлой работы; никогда не считал себя выше остальных; всегда говорил правду или молчал, если оглашение истины могло повредить или принизить чью-либо репутацию; был совершенно самостоятелен; никогда не просил кого-либо сделать то, что мог сделать сам; принимал на себя всю ответственность за неудачи, если таковые имели место, не перекладывая вину на других; принимал успех и неудачу одинаково; никогда не нарушал покой других; всегда оставлял тарелку чистой после еды; совершенно не вмешивался в дела других; никогда не беспокоился о будущем. Это то, чему Шри Рамана собственным примером учил своих последователей.

49. Чалам (Гудипати Венкатачалам) (1894-1979) был знаменитым писателем телугу. Когда он впервые увидел Шри Раману в 1936г., он был радикалом и активным общественным деятелем. Работал инспектором по школам. Он переехал к Аруначале в 1950 и провёл там остаток жизни. Он составил книгу *Bhagavan Smritulu* (на телугу) из воспоминаний девятнадцати преданных Шри Раманы, включая свои собственные и воспоминания своей дочери.

Когда я учился в старших классах, я был очень ортодоксальным индуистом, даже более тех, кто был старше меня. Позже, когда началась моя карьера, я обнаружил, что моя личная жизнь в полном беспорядке. Я не видел никакой связи между идеей о всемилостивом Боге и миром, полным горя, пороков и трудностей. Я утратил веру и начал сомневаться в самом существовании Бога. После экспериментов с разными вещами в своей жизни, я зашёл в тупик.

На этой стадии один из моих друзей, Дикшитулу (№31) взял меня по случаю с собой в Шри Раманашрам в 1936г. По дороге он попросил меня купить какие-нибудь фрукты для Багавана, но поскольку я не верил в разных *свами*, я отказался. Я также отказывался простереться перед Багаваном, пока Дикшитулу не заставил меня силой.

В это первое посещение мне было невыносимо сидеть в молчании среди людей, которые пришли увидеть Багавана. Я допекал Дикшитулу, чтобы он увёз меня из Ашрама. Чем больше я наблюдал преданных, тем меньше мне нравились люди в Ашраме. Я спрашивал Дикшитулу: «Ты говоришь, что этот Махарши великий человек, который может трансформировать людей. Почему же тогда люди, привязавшие себя к нему на многие годы, все ещё выглядят вот так?»

Вечером второго дня я увидел Багавана, спускающегося с горы. Преданные стояли группами и разговаривали друг с другом. Когда Багаван подошёл, все, кроме меня, расступились, чтобы дать ему больше пространства. Я остался стоять там, где был, посчитав, что места для него более чем достаточно.

Когда Багаван подошёл ближе, Дикшитулу оттащил меня в сторону. Багаван прошёл мимо меня, а затем внезапно остановился. Он обернулся, взглянул на меня, широко улыбнулся и пошёл дальше. В то время я ничего особенного не чувствовал к нему, но вспоминая этот случай позже, я понял, что Багаван завоевал моё сердце в это единственное короткое мгновение.

Когда настало время возвращаться, Дикшитулу попросил меня пойти вместе с ним попрощаться с Багаваном. Я отказался, сказав: «Какие отношения у него со мной? Почему я должен просить разрешения уехать? Я не следую этим старым традициям». Он сказал: «Ты гостил в Ашраме три дня. Может быть, проявишь хоть минимум вежливости и скажешь ему «до свидания»?» Я неохотно принял предложение и пошёл с ним. После того, как Дикшитулу попросил у Багавана разрешения уехать, я тоже невнятно пробормотал: «Я тоже уезжаю». Багаван взглянул на меня и улыбнулся. Эта улыбка вызвала во мне неожиданную перемену. Не знаю, что произошло со мной, но я вдруг почувствовал, что Багаван говорит мне: «Если ты уедешь, как я смогу продолжать жить здесь? Как я буду одинок!» Мои ноги отказывались идти, пока я размышлял, не остаться ли ещё ненадолго. Но когда я припомнил людей, холл и тишину, которые так раздражали меня, то почувствовал, что не могу больше оставаться.

Я покинул Ашрам, добрался до станции и заказал там горячий тост, варёные яйца, чай и сигареты. Я поступил так в настроении мщения, так как был лишён всего этого в те дни, что провёл в Ашраме.

Когда я добрался до Виджаявады, мои дети стали спрашивать меня о Махарши. Я рассказал им то, что увидел, и попытался объяснить философию Багавана. Мои слова произвели сильное впечатление на старшую дочь Сурис.

Из любопытства я начал практиковать исследование «Кто Я?» Сурис тоже взялась за практику, когда я объяснил ей, что нужно делать. Я продолжал садиться и медитировать, и вскоре начал получать очень хорошие результаты. Часто, без каких-либо усилий с моей стороны, медитация овладевала мной, заставляла меня сидеть и продолжалась довольно долго. В такие моменты мой ум успокаивался полностью. Когда мне стало ясно, что это Багаван был причиной такого развития, моя вера в него возросла, и вспыхнули духовные надежды.

В те дни я не знал, что Багаван лишь даёт мне попробовать переживание Атмана, чтобы укрепить мою веру в него. Я не очень-то верил в философию Багавана, но чувствовал, что он куда-то ведёт меня и был склонен позволить ему руководить мной.

Мой путь к Багавану был долгим и трудным. С большим атеистическим прошлым, мне пришлось пережить много лет сомнений и страданий, прежде чем я смог накопить достаточно веры, чтобы полностью принять то, что Багаван руководил мной и защищал меня

всё время. Другие более удачливые преданные обретали веру с самого начала их общения с Багаваном.

Особенно запомнился один преданный, обладавший и верой, и простотой, которых мне не хватало. Это был старик телугу, живший в Храме Драупади недалеко от Шри Раманашрама. У него были железный горшок и топорик, которым он рубил дрова для приготовления еды. Он собирал подаяние в городе и готовил еду в своём горшке. Каждый день он часами стоял и смотрел на Багавана. Ночь он проводил в джунглях в заброшенном полуразвалившемся храме.

Однажды я увидел его там и спросил, что он делает в этом заброшенном месте. Старик сказал, что ночует здесь. Я воскликнул: «Вы спите здесь совсем один. Вы не боитесь?» «Чего мне бояться?», - ответил старик, - «Багаван даёт мне свой свет. Ночью меня окружает голубое сияние. Пока этот свет со мной, как я могу бояться?»

Эта встреча дала мне глубокое смирение. Бедный старый попрошайка получает любовь и свет Багавана в полной мере, а многие в Ашраме, такие как я, считают себя преданными, но лишены этой милости, потому что слишком заняты содержимым своего ума.

Я проводил много времени, наблюдая Багавана в холле, замечая, какими разными способами реагирует он на события, происходящие вокруг. Он всегда был для меня своего рода загадкой. Это на самом деле неудивительно, так как простые преданные не могут постичь состояния реализованных душ. Для *джняни* не существует установленных стандартов, нет критериев, чтобы судить о них. *Джняни* невозможно понять, так как их ум уничтожен. Иногда мы можем чувствовать, что их поступки не имеют рационального объяснения. Однако полнейшее невежество искать объяснения очевидных противоречий в поведении *джняни*. Багаван обычно говорил и поступал в соответствии с нуждами, состоянием и ситуацией каждого человека. Не осознавая этих факторов, мы не имеем права выносить суждения о нём.

Непосвящённым наблюдателям события, деятельность и беседы в холле иногда казались хаотичными и нерациональными. Они не понимали, что сила Багавана дирижировала сценой таким образом, что всё, чему нужно было произойти, происходило автоматически. Один необъяснимый случай мог быть предназначен только одному преданному в холле. Только этот преданный мог понять содержание послания. Остальные из нас, не знающие всех обстоятельств, бывали просто озадачены. Или, в другом случае, Багаван мог заметить, что эго последователя, сидящего перед ним, поднимается, и мог просто каким-то образом упрекнуть его. Остальные в холле могли расценить это как незаслуженное нападение.

Расскажу о случае, вызвавшем реакцию Багавана, которую мог понять только я один. Мой друг, который не верил в разных свами, приехал в Ашрам. Заранее решив не простираться перед Багаваном, он проводил время своего короткого визита, слоняясь по территории Ашрама. Вечером, так как дело было летом, кресло Багавана поставили снаружи, возле колодца. Багаван сидел в нём, окружённый преданными. Мой друг, разгуливая поблизости, почувствовал непреодолимое желание простереться и пал ниц в полный рост к ногам Багавана. Багаван громко рассмеялся. Никто из преданных, кроме меня не знал, почему Багаван вдруг рассмеялся. Все оглядывались по сторонам, пытаясь определить причину смеха Багавана.

На Багавана никогда не производили впечатления ни достижения, ни репутация, ни происхождение людей, посещавших его. Они могли долго заниматься садханой, но это не имело значения, когда они появлялись перед ним. Когда приходили многие такие люди, он

мог даже не взглянуть на них. Иногда он смеялся и проявлял особенную любовь к преданным, однако, в другое время он бывал совершенно безразличен к тем же самым людям. С некоторыми посетителями он опускался до их уровня, чтобы ответить на каждый их вопрос, но он мог и рта не раскрыть, если тот же вопрос задавал кто-нибудь другой.

Хотя Багаван не отзывался неблагоприятно о традиционных практиках, он не поддерживал своих последователей, если они придерживались этих традиций. Эчамма (№ 60), одна из выдающихся его преданных, рассказала ему с гордостью о том, что провела *пуджу* с сотней тысяч листьев. Багаван заметил: «Вместо того чтобы мучить растение, разве не могла ты ущипнуть себя сотню тысяч раз и провести *пуджу* таким образом?»

Временами Багаван был безразличен ко всем событиям, происходившим вокруг него, а иногда проявлял живейший интерес к мелочам повседневной жизни. Однажды он с большой заботой ухаживал за выпавшим из гнезда воробьиным яйцом до тех пор, пока из него не вылупился птенец. Потом он всем показывал птенца. А в следующую минуту мог равнодушно сказать: «Ах, вот как?», если ему сообщали, что умер такой-то, который считался выдающимся его последователем.

Багаван был ярым защитником угнетённых, и имел природную склонность в любом споре принимать сторону жертвы социальной несправедливости. Он не шёл обедать, пока не накормят бедных, ожидающих еды у ворот Ашрама. Если Ашрам готовил жидкий самбар (подливка к рису) для бедных, Багаван сердился и настаивал, чтобы ему подавали этот же самбар. Даже когда болел, он настаивал, чтобы фрукты и молоко, которые ему давали как лекарство, делили поровну между всеми в холле.

Часто Багаван ясно давал понять, что не хочет, чтобы преданным запрещали видеть его. Ввиду ухудшающегося здоровья Багавану был необходим отдых. Снаружи его комнаты поставили охранников, которым дали строгие указания не допускать никакого беспокойства со стороны посетителей. Один *садху*, приехавший в Ашрам, хотел увидеть Багавана. Однако охранники и работники офиса твёрдо отказали в его просьбе. Разочарованный и опечаленный, *садху* направился к воротам. Должно быть, Багаван услышал его просьбу, так как когда *садху* проходил мимо комнаты Багавана, он с удивлением увидел, что Багаван стоит снаружи и ждёт его. Они некоторое время внимательно смотрели друг на друга. *Садху* отправился своей дорогой, а Багаван вернулся в комнату.

Многие последователи Багавана были ортодоксальными браминами. Они принимали пищу в отдельном помещении в столовой. Багаван никогда не возражал против этого. Однако он всегда выказывал неодобрение, если какой-либо брамин смотрел свысока на представителей более низких каст. Одна женщина брамин в Ашраме избегала всех не-браминов, потому что считала, что любой контакт с ними осквернит её. Если её касался не брамин, она тут же шла к Багавану и прикасалась к нему, чтобы очиститься. Однажды в день рождения Багавана кто-то случайно коснулся её. Она подошла к Багавану и сказала: Багаван, шудра только что прикоснулся ко мне; пожалуйста, коснись меня, чтобы убрать грязь. «Уходите, я не стану вам угождать!» сердито сказал Багаван.

Мать Багавана была очень ортодоксальной женщиной, полной кастовых предрассудков и суеверий. Багаван не терпел ни одной её идеи. Он много раз критиковал её и был довольно беспощаден в разрушении всего, что стояло на пути её освобождения от невежества и страха. Когда она отказалась готовить лук, который является табу для вдовы брамина, Багаван показывал на луковицу и говорил: «Как могущественна эта маленькая луковица! Она может преградить моей матери дорогу в рай».

Несмотря на то, что Багаван был полураздет и жил очень скромно, большинство людей боялось приближаться к нему, говорить с ним. Важные люди, такие как старшие армейские офицеры или высокопоставленные чиновники, занимавшие важные должности в различных областях, трепетали и боялись подойти к этому немощному старику, у которого не было ни мирской власти, ни даже значительных последователей.

Внешность Багавана время от времени менялась. Когда он сидел, глядя за горизонт, он напоминал нам Господа Дакшинамурти в позе *дхьяны*. Когда он сидел в величественной неподвижной позе, во всём его облике была невыразимая красота и грация. Одетый лишь в набедренную повязку, он имел вид императора в великолепных одеждах, сидящего со всеми атрибутами на троне, отделанном бриллиантами. Однако когда кто-нибудь звал «Багаван», он спускался из неведомых сфер на эту землю, чтобы ответить на зов.

Такие гуру как Багаван – это проявление Бога в человеческом облике. Чтобы облегчить и искупить страдания человечества, Господь временами сходит на землю и проявляется в форме человека.

(В журнале *The Mountain Path* говорится, что когда Чалам пожаловался Шри Рамане, что ощущает сонливость во время *садханы*, прозвучал быстрый ответ «Тогда идите спать»)

50. Сурис, дочь Чалама (№ 49), носила европейское имя, и образ жизни её семьи также был европеизированным. Её отец отвергал индийскую систему и традиции.

Впервые увидев фотографию Багавана в газете The Sunday Times, я подумала: «Кто же этот скверный человек? Он не только фотографируется полураздетым, а ещё и печатает свои фотографии в газетах». В тот раз я почувствовала отвращение к нему и ко всем его убеждениям. Я узнала, что его имя Багаван Шри Рамана Махарши, и оно показалось мне резким и искусственным. Багаван, Рамана и Махарши - я не уловила никакой связи между этими именами. Я подумала, что он добавил эти титулы просто для саморекламы, чтобы покрасоваться.

Мои эстетические чувства были настолько оскорблены, что если я когда-нибудь встречала фотографии Махарши в газетах, то поскорее переворачивала страницу. **Тогда мне было четырнадцать лет, и я не могла выносить его вида. А сейчас, сегодня, я не знаю другой красоты, сравнимой с красотой Махарши. Это не просто чувство; это убеждение, твёрдое знание. Его пленительная улыбка, его мелодичный голос, кивок головы, его чудесный взгляд, который светит сквозь майю мира – такого нет больше нигде в мире.**

Когда мой отец вернулся из своего первого путешествия в Ашрам в 1936г., я лежала в постели с головной болью. Все, кроме меня, собрались вокруг отца послушать рассказ о поездке. Сначала я не обращала на него внимания, но когда услышала, как он произнёс имя Аруначала, моё сердце наполнилось счастьем. Я поднялась с постели и села рядом с отцом, а его рассказ начал завораживать меня. Когда я подошла, отец рассказывал о философии самопознания Багавана. Он объяснял, что Багаван учит, что ум, разум, пять органов чувств и тело нереальны, и мы должны познать истинное Я.

Все слушали, но никто кроме меня не мог уловить или понять идеи, которые пытался объяснить отец. С самого детства я размышляла: мир реален или это сон? Я знала с детства, что за моим умом есть Я, которое не связано с умом. Я много раз безуспешно пыталась достичь и познать это Я. Я знала, что ум – это барьер, препятствующий достижению цели, но

не имела понятия, как обойти его. Услышав поучения Багавана, я поняла, что они указывают направление к истине, которую искала.

Я вернулась в постель. Отец подошёл и присел рядом. Он нанёс вибхути, который привёз из Ашрама, мне на лоб и дважды повторил имя Багавана. Я ощутила прохладу, текущую из пальцев отца в мою голову. Тут же головная боль исчезла. Позже я прочитала брошюру «Кто Я?» и начала практиковать эту технику.

Вначале, каждый раз, когда я пыталась прогонять мысли одну за другой, на месте одной мысли появлялось десять. Это нагоняло на меня уныние. Но примерно через десять дней после начала практики мне явился образ Багавана. До тех пор я никогда его не видела, кроме фотографий. Тут же все мысли в голове угасли сами по себе, наполнив сердце радостью и любовью. В силу своего юного возраста я прекратила бы такую трудную *садхану*, но вскоре обнаружила, что головные боли, беспокоившие меня с детства, исчезали, когда я медитировала.

С тех пор, как прочитала «*Путешествие в тайную Индию*» Брантона(№1), я сильно захотела увидеть Багавана. Его имя постоянно звучало в голове. Целый год я очень хотела поехать к Багавану, прежде чем представился случай увидеть его. Я поехала вместе с родителями. Мы вошли в холл Багавана в 8 утра. Увидев меня, Багаван улыбнулся, как будто мы были старыми знакомыми. Мне показалось, что он давно ждёт меня. Я села перед ним и почти сразу же впала в транс. Это было так естественно; как будто рыбку выпустили в воду.

Я снова поехала повидать Багавана с отцом в конце 1930-х. Хотя я часто бывала в экстазе в присутствии Багавана, мне не удавалось избежать некоторых трудностей. Поведение, традиции и способы поклонения в Ашраме постоянно раздражали меня. Однажды вечером, когда я сидела в трансе, человек, раздающий *прасад*, подошёл ко мне и громко сказал: «Возьми это». Я протянула левую руку, так как от рождения левша. Он в ответ сделал мне замечание. Я расстроилась, потому что не люблю, чтобы на меня кричала прислуга.

Я не видела смысла во многих ритуалах. Когда бы священник ни приносил *арати* после *пуджи*, Багаван протягивал руки к пламени, а затем наносил на лоб *вибхути* и *кумкум*. Я никогда не понимала, почему Багаван ведёт себя как ортодоксальный брамин, я думала, что раз он джняни, видящий мир как глупую игру, то не должен так себя вести. Было много других случаев, когда я видела, что его поведение, казалось, противоречит его учению, как я его тогда понимала. Я была в смятении. Это смятение было столь велико, что я думала, что моя любовь к нему уменьшится. Но затем я начала корректировать своё отношение.

Я сказала себе: «Что мы есть перед ним? Если Багаван искренне принимает *арати*, почему я должна возражать?» Все эти мысли о Багаване и *арати* мешали медитации. Затем однажды я увидела, как майор Чадвик (№42) очень искренне принимает *арати* и наносит на лоб *вибхути* и *кумкум*. Это потрясло меня. Если урождённая индуска, такая как я, не видит в *арати* особого смысла или разумного объяснения, ещё меньше смысла в нём должен видеть иностранец, такой как он. С того дня я видела красоту во всём, что делал Багаван.

Для меня быть в присутствии Багавана означало быть в раю. Если мне нужно написать, какое впечатление произвёл на меня Багаван, то не хватит слов во всех трёх языках, которыми я владею. Когда с его уст слетало слово – обычно он совсем мало говорил – это было столь же удивительно, как если бы это слово слетело с губ неодушевлённого божества. Помимо всего прочего я заметила его сверкающие глаза; даже в темноте можно было видеть, как они сверкают. А когда он смотрел на нас, его взгляд, как стрела, проникал прямо в глубины сердца.

В Ашраме я чувствовала, что кроме этого места, весь остальной мир не существует. Мне не нравилось уезжать, оставляя Багавана. Я только хотела оставаться там. Когда я вернулась из Ашрама в 1939г., дом показался мне тюрьмой. Но когда бы я ни желала очень сильно поехать обратно к Аруначале, Багаван являлся во сне и увещевал: «Почему ты беспокоишься? Я всегда с тобой».

В одном из снов Багаван появился и спросил: «Что ты выберешь: карьеру писателя или Самореализацию?» Во сне я ответила, что выберу Самореализацию. После этого те, кто читал мои опубликованные рассказы, спрашивали: «Что ты сейчас пишешь?» Когда я отвечала: «Багаван велел мне прекратить писать», они смотрели на меня с недоверием.

Я продолжала *садхану* дома. Если бы Багаван не руководил мною во сне в течение того длительного периода (до того, как я насовсем переехала к Аруначале в 1950), я много раз сбилась бы с пути и была бы обманута многими.

В январе 1950г., в конце жизни Багавана мы с отцом уложили вещи и переехали к Аруначале, нашему единственному прибежищу, чтобы поселиться там. Через несколько недель после нашего прибытия Багаван оставил тело. Мы приехали, чтобы умереть в его присутствии, а вместо этого он ушёл у нас на глазах. Мы остались возле его *самадхи*. Нам больше некуда было идти.

51. Свами Мадаватирта (1895-1960) был плодовитым писателем на духовные темы широкого спектра. Он изучал Веданту и увлёкся учением Шри Ауробиндо, которое не принесло ему удовлетворения. Его первый и единственный двухнедельный визит в Ашрам состоялся в 1944г. В книге *Жизнь и Учение Шри Раманы Махарши* (на языке гуджарати) он написал, что этот визит в значительной мере изменил его жизнь.

Мне хочется рассказать об одном мистическом переживании, которое я имел во время своего визита. Описывать подобные переживания довольно трудно, однако попытаюсь передать основное содержание, позаимствовав аналогию из *Bhagavatam*. Там сказано, что за некоторое время до рождения Господа Кришны Бог вошёл в сердце Васудэвы, и он засиял как солнце. Потом этот свет перешёл в Деваки через взгляд Васудэвы, и она засияла как луна.

В первый же день *даршана* у Махарши в столовой я увидел во взгляде мудреца ослепительное сияние солнца. На следующий день в присутствии Махарши в холле я узнал в его взгляде то же сияние. Оно, казалось, проникает в самую сердцевину моего существа, так же как свет Господа проник в Деваки через взгляд Васудэвы. Казалось, моё дыхание замерло, а ум перенёсся в духовные сферы невыразимого покоя и счастья.

Я написал небольшую книгу под названием Майя, в которой попытался сопоставить определённые идеи о реальности мира с идеями, выдвинутыми Эйнштейном в его теории относительности. Я выслал Махарши экземпляр книги до своего приезда. Для меня было открытием, что Махарши мог свободно рассуждать о современных теориях, таких как теория относительности, целиком основываясь на своём переживании Абсолюта.

Сидя в холле, я наблюдал, как Махарши отдыхает на кушетке совершенно равнодушный ко всему происходящему вокруг. По непрекращающемуся потоку посетителей, простирающихся перед ним и сменяющих один другого, я легко распознал в нём чувство единства со всеми. С уверенностью могу сказать, что именно с помощью *abhinnabhava* (чувство равенства со всеми) он затрагивал внутреннюю суть посетителей,

которые затем могли ощущать в себе присутствие универсального духа, превосходящего мысль.

Поняв, что Махарши излучает силу Атмана таким образом, я решил спросить, как мне лучше подготовиться к принятию милости в его присутствии. Он сказал: «Вы получите духовную помощь, сидя в этом холле, если будете спокойны. Цель заключается в том, чтобы оставить все практики. Когда ум становится спокойным, переживается сила Атмана. Переживаются волны Атмана. Волны Атмана проникают всюду. Если ум в покое, человек начинает их ощущать».

Взаимоотношения между Махарши и искателем, сидящим в его присутствии, аналогичны взаимоотношениям между радиопередатчиком и приёмником. Если посетитель очень хочет получить всю возможную пользу от милостивого влияния, исходящего от молчаливого присутствия мудреца, он должен настроить свой ум, который по аналогии будет приёмником, настроенным на нужную длину волны.

Безмолвие мудреца постоянно и осуществляет милостивое воздействие непрерывно, независимо от того, проявляет мудрец внешне осознание мира или нет. Возвращаясь к аналогии с передатчиком, могу сказать: что касается мудреца, его духовное воздействие передаётся непрерывно. Однако для искателя, который всё ещё находится в обволакивающей власти майи, постоянное благотворное воздействие мудреца не будет иметь видимого эффекта, если искатель не готов его получить.

Когда я спросил, смотреть ли ему в глаза, в лицо или закрыть глаза и сосредоточиться на определённом объекте, он ответил: «Смотрите внимательно на свою подлинную природу. Всё едино, поэтому не имеет значения, будете вы держать глаза открытыми или закрытыми. Если вы желаете медитировать, медитируйте на Я внутри вас. Это *Атман*»

К вопросу о необходимой позе для сидения: по мнению мудреца, настоящая поза – это стабильное пребывание в Атмане. Принуждение принимать определённую позу может делать ум беспокойным.

В отношении *swaadhyaya* (личное обучение) он сказал: «Атман – вот настоящая книга. Вы всегда можете заглянуть в эту книгу; никто не отберёт её у вас. В любое время, когда вы свободны, обратитесь к Атману. Помимо этого можете читать что хотите».

О проблеме усталости, страха и беспокойства он сказал: «Выясните, для кого существует эта проблема. Пока вы будете проводить исследование, это всё исчезнет. Если вы направите ум в сторону Атмана, страх и беспокойство уйдут».

Махарши сказал мне, что чувство «я» (*ahamkara*) – это корень всех мыслей. Если уничтожить корень, листья и ветви засохнут. Поставив перед умом вопрос «Кто Я?», человек должен искать корень «я» и прилагать очень искренние и настойчивые усилия, чтобы остановить другие мысли. Во всех *садханах* ум нужно держать в покое. Более того, чтобы случилось переживание, нужно не только надеяться на *buddhi*, но и соединять его с твёрдой уверенностью (*bhavana*) в достижении успеха через длительные усилия несмотря ни на что.

Махарши сказал, что когда сгорает камфара, ничего не остаётся. Таким же образом, в поисках Атмана должны быть приложены все усилия, чтобы убедиться, что ум сгорел. Пока мир не осознан как ложный, мысли о мире будут продолжать приходить. Без ума нет мира. Во сне нет ума и нет мира. Мир существует по отношению к уму. Он не является чем-то независимым и не существует сам по себе.

Однажды посетитель спросил, почему Бог допускает так много несправедливости и почему у нас так много недостатков? Махарши ответил: «Идите к Богу и спросите Его об этом. Если вы не можете пойти к Нему, как только что признались, как можно задавать такой

вопрос? Слабые люди не получают освобождение». В ответ на другой вопрос Махарши сказал: «Пока есть тело, должна происходить какая-то деятельность. Нужно только отбросить отношение «я - делатель». Деятельность – не преграда. Именно отношение «я делаю» является препятствием. Далее, пока (для счастья) необходим внешний объект, ощущается несовершенство. Когда вы чувствуете, что есть только *атман*, наступает постоянное счастье».

Махарши был не согласен с точкой зрения Шри Ауробиндо, что укорениться в Атмане в совершенстве невозможно в обычном человеческом теле. Для этого, по Ауробиндо, необходимо иметь *vignanamaya sarira*, то есть, тело, которое не подвержено болезням и не умрёт, пока владелец не захочет этого.

Ответы Махарши были всегда очень убедительны. Каждое слово, казалось, имеет силу, которая делает всякое обсуждение совершенно неуместным.

Хотя Махарши давал на вопросы прямолинейные ответы, он никогда не настаивал на том, что только он один прав.

Во время одного разговора, который я записал, он отметил, что евангелический пыл, который обнаруживается у многих религиозных фанатиков – это просто проявление их эго.

Махарши никогда не желал навязывать индуистские идеи тем, кто их не оценит. Если к нему за советом приходили христиане, мусульмане и другие, он обращался к важнейшим мистическим учениям их религии и просил их стремиться к единению именно с тем Богом, которого они выбрали.

Махарши никогда не поощрял поклонение его образу. Он возражал, чтобы его украшали гирляндами и не разрешал проводить себе *пуджу*.

Говорил ли Махарши, чтобы рассеять сомнения искреннего искателя, или сидел в совершенном безмолвии, ощущалось новое озарение, открывался новый угол зрения, а иногда происходила очень воодушевляющая переориентация духовного мировоззрения.

Воплощая истину адвайты, единый универсальный дух, превосходящий все границы времени и пространства, Махарши поистине представляет собой Университет Духовного Образования.

52. Кунжу Свами был одним из слуг Махарши с 1920 по 1932гг. В 1977г. он написал воспоминания.[1] Он говорит, что о величии Махарши ему рассказал его гуру Куппанди Свами. Однажды в 1920г. он уехал из дома в Керале с огромным желанием получить *даршан* Шри Раманы.

Пока я сидел на вокзале, ум был так поглощён желанием увидеть Багавана, что голод и жажда были забыты. Прождав поезд на Тируваннамалай более 12 часов, я узнал, что билеты в этот город не выписывают; взамен мне выписали билет до Катпади, который находится около 50 миль севернее Тируваннамалая. Я добрался до Катпади в 4 утра и стал ждать поезд, который должен был отправиться в 6.30 утра. Когда я подошёл к кассе в 6 утра, чтобы купить билет, мне сказали, что поезд прибыл раньше и отправился в 5.30. Следующий поезд должен был отправляться в 6 вечера. Эта новость на время выбила меня из колеи.

Я терпеливо ждал и подошёл к кассе в 5.30 вечера, чтобы услышать, что билеты в Тируваннамалай не продаются. Я был озадачен, так как опять не была названа никакая причина. Пока я раздумывал, что же делать, меня окликнул один пожилой человек и, узнав о

[1] Эти воспоминания были переведены на английский язык д-ром К. Субраманьяном (№34) и изданы им для Шри Раманашрама с помощью преданных Шри Рамана Кендрам, Хайдерабад.

том, куда я еду, сказал: «В Тируваннамалае карантин из-за эпидемии. Если ты купишь билет до Тирукойлура (следующая станция по ветке), то в темноте сможешь сойти в Тируваннамалае, когда поезд остановится там, чтобы выгрузить почту».

Как мне посоветовали, я попросил билет до Тирукойлура и отдал все деньги, которые у меня были. Кассир сосчитал их и сказал, что билет стоит на четверть рупии дороже, чем то, что у меня было. Крайне разочарованный, я вышел из кассы и стоял на краю платформы. Я стоял и думал о Багаване, и мне было очень грустно, что очевидно моя искренняя попытка увидеть его сорвалась.

За несколько минут до прибытия поезда я заметил невдалеке от того места, где стоял, поблёскивающую монету в четверть рупии, лежавшую между рельсами. Я побежал, спрыгнул вниз, взял её и успел купить билет, когда поезд уже въезжал на станцию.

Когда поезд прибыл на станцию в Тируваннамалае, я увидел, как человек, сидевший напротив меня, сходит в темноте. Я тоже сошёл с поезда и последовал за ним. По воле Багавана я пропустил утренний поезд в Катпади**.** Если бы я сел в него, было бы невозможно сойти в Тируваннамалае.

Я шёл за своим спутником, не зная, куда он идёт. Он шёл некоторое время, затем остановился у храма, лёг и уснул. Я присоединился к нему на полу и сразу уснул, уставший, но очень счастливый. На следующее утро я не смог найти человека, который привёл меня к храму, но увидел перед собой Аруначалу. Я достиг жилища Багавана, следуя указаниям, полученным перед отъездом из дома.

Добравшись до Скандашрама, я почувствовал волнение от того, что увидел Багавана. Я рассказал ему на языке малаялам всё о своем отрочестве, как я совершал *джапу* и вёл духовные беседы. Багаван всё выслушал с улыбкой. В ответ на мой вопрос, что мне нужно делать, чтобы избавиться от сомнений и достичь ясности, Багаван сказал: «Сначала узнай, кто ты. Смотри, откуда появляются мысли. Обрати свой ум внутрь и смотри в Сердце». (Место с правой стороны груди, для сосредоточения внимания)

Пока мы сидели в тишине, милостивый взгляд Багавана был направлен на меня. В то же мгновение все сомнения исчезли и я ощутил покой и счастье, каких никогда не испытывал раньше.

Пока мы были вместе, Багаван часто смотрел на меня; а когда он это делал, я замечал, что его глаза обладают удивительным сиянием и притягательностью. **Когда бы я ни смотрел ему в глаза, я видел яркое сияние. Я также наполнялся необыкновенным покоем и счастьем. После каждого переживания я возвращался в обычное состояние с содроганием**. Это происходило в каждый из восемнадцати дней, проведённых с Багаваном. Я был как опьянённый.

По возвращении домой медитативное состояние, переживаемое в присутствии Багавана, постепенно исчезло. Я медленно вернулся в своё прежнее беспокойное состояние. Пока я предавался разочарованию, мой друг Рамакришна Свами, который тоже был у Багавана, пришёл ко мне и рассказал, что он пережил то же самое, что и я. Чувствуя, что оставаться дома бесполезно, мы оба решили искать убежища у Багавана и добрались до Тируваннамалая. Поскольку мы считали, что грешно принимать пищу рядом с Гуру, не работая взамен, нас назначили прислуживать Багавану и его ашраму.

Однажды, когда я спросил Багавана, почему переживания, которые случались со мной в его присутствии, не продолжились после моего возвращения, он сослался на стихи с 83 по 93 первой части *Kaivalya Navaneeta*. Он сказал: «Переживание Атмана может произойти в присутствии гуру, но оно может быть непродолжительным. Ученику следует продолжать

учиться, думать и практиковать до тех пор, пока различие между знающим, предметом знания и процессом знания не исчезнет».

С первых дней пребывания в Скандашраме я обнаружил, что могу избавляться от всех сомнений, просто слушая ответы на вопросы других преданных. Более того, слушая ответы, я смог узнать многие новые аспекты учения Багавана.

Было несколько случаев, когда тело Багавана исчезало со вспышкой и рассыпалось на составляющие его атомы. Через некоторое время появлялся дымчатый силуэт, и атомы соединялись в форму, напоминающую частицы пыли. Наконец, тело вновь появлялось в своём обычном виде.[1]

Багаван написал *Upadesa Saaram* на четырёх языках. Варианты на телугу и санскрите написаны куплетами, на тамили – трёхстрочными строфами, а на малаяламе – четырёхстрочным стихом. Когда я показал стихи на малаяламе одному известному профессору, чтобы узнать его мнение, он был восхищён чистотой слога, достигнутой автором, для которого малаялам не был родным языком.

В своём произведении *Arunachala Ashtakam* (1913) Багаван приводит аналогию с кинопроектором, объясняя, что неуловимые мысли, которые появляются внутри нас, проявляются снаружи как мир, воспринимаемый пятью органами чувств так же, как фильм, проецируемый на экране с помощью линзы.[2]

Одним из первых, кто распознал величие Багавана, был знаменитый поэт и учёный Ачьютадаса. Когда Багаван жил в Гурумуртам в конце 1890-х, он пришёл на *даршан*. Он спел несколько *баджанов* и сел рядом с Багаваном, дотронулся до его стоп и рук и сразу же впал в экстаз. Когда ученики Ачьютадасы тоже попытались дотронуться до стоп Багавана, он остановил их, сказав: «Это огромный костёр, и никто из вас не может приблизиться к нему».

В Скандашраме мы никогда не видели, чтобы Багаван лежал на кровати, полностью вытянувшись на спине или на боку. И никогда не видели, чтобы под головой у него была подушка. Он никогда не ложился и не спал как другие люди. Вместо этого, он обычно спал сидя, опираясь на несколько подушек, поддерживающих спину. Иногда он опирался головой на руку, пока спал.[3]

Голова Багавана постоянно покачивалась, и он не мог ходить или даже стоять прямо, не опираясь на палку. Это не были симптомы преклонного возраста. И покачивание головы, и необходимость опираться на палку появились очень рано. Это были следы, оставленные на нём важнейшим переживанием *atmanubhuti* в Мадурае! Когда его спрашивали об этом его состоянии, он говорил: «Как вы думаете, что произойдёт с тростниковой хижиной, внутри которой держат на привязи огромного слона? Не будет ли она разрушена? Здесь тот же случай».

Одна старушка, жившая возле Храма Аруначалешвары, и ещё несколько пожилых людей решили, что будут завтракать только после *даршана* Багавана в Скандашраме. Однажды старушка не смогла прийти. Багаван спросил её на следующий день, почему она

---

[1] Дэвид Годман говорит, что когда он говорил с Кунжу Свами об этом явлении, тот признался, что сам никогда не видел, что Багаван входит в это состояние, однако добавил, что эта история была общеизвестна, когда он жил в Скандашраме. (См. книгу Годмана *The Power Of The Presence*, ч.II, с.17)

[2] Дэвид Годман спросил Кунжу Свами, как Багаван мог получить знание о работе кинопроектора в самом начале двадцатого века. Шри Рамана использовал эту аналогию в Самоисследовании уже в 1902г. Ответ Кунжу Свами: «Я не знаю. Мы всегда удивлялись, откуда он черпает практические знания. Он жил очень аскетично, и всё же каким-то образом накопил широкий спектр самых разных практических навыков. Казалось, что он совершенно естественно просто всё знал». (См. *The Power Of The Presence,* с.28-9)

[3] См. № 88, где Шри Рамана говорит М.Анантанарайану Рао, что «не спал лёжа на земле или на кушетке с тех пор, как прибыл в Тируваннамалай.»

пропустила один день. Она ответила: «Узнав о моей слабости, ты дал *даршан* недалеко от моего дома, когда сидел на камне возле ашрама и чистил зубы». Она добавила: «Я не могу взбираться на гору каждый день. Теперь я буду получать *даршан* у себя дома». С того дня даже в плохую погоду Багаван всегда чистил зубы, сидя на том камне. Это было удобно для многих других немолодых преданных, которые хотели иметь его *даршан*, но не могли взбираться на гору.[1]

В кухне Ашрама еду готовили только брамины, так как брамин не примет пищу, приготовленную не брамином. Багаван одобрял это не потому, что придерживался ортодоксальности в религии, а потому, что не хотел оскорблять чувства многих браминов, останавливавшихся в Ашраме.

Однажды я должен был поехать на родину в Кералу. Денег мне хватило только на билет на поезд, а на еду в дороге денег не было. Неожиданно в этот день один преданный принёс много *пури* и предложил их Багавану и другим в Ашраме. Мы с удивлением увидели, что Багаван, который обычно не брал больше двух *пури*, с радостью принял от преданного шесть штук. Когда раздача была закончена, он съел только одну штуку, а остальные пять аккуратно завернул и завязал своими руками и передал свёрток мне. Все были глубоко тронуты сочувствием Багавана.

Нам посчастливилось регулярно получать личные указания от Багавана. Одно из них было, что мы должны входить в медитативное состояние перед отходом ко сну. Он также советовал нам входить в медитацию на какое-то время сразу после пробуждения.

В 1932г, проведя около двенадцати лет в личном услужении у Багавана, я почувствовал стремление полностью посвятить себя *садхане*. Я обдумывал это несколько дней, когда удивительным путём пришёл ответ. Однажды, войдя в холл, я услышал, как Багаван говорит тем, кто там был, что подлинное служение ему не означает обслуживать его физические нужды, оно означает следовать сути его учения, то есть сосредоточиться на осознании Атмана. Мои сомнения рассеялись, и я переехал в комнатку в Палакотту[2], чтобы продолжить *манас*, и в то же время оставаться поблизости и в регулярном контакте с Багаваном.

53. Муруганар (С.К. Субрамания Айяр) (1893-1973), выдающийся преданный Шри Раманы и великий поэт, сочинил тысячи стихов, восхваляющих Шри Раману или передающих его учение, или выражающих благодарность ему за то, что утвердил его в Атмане. Его стихи – это океан преданности и благоговения перед Махарши. Муруганар был уважаемым тамильским учёным ещё до того, как посетил Шри Раману. Его тесть Дандапани Свами, пылкий преданный Шри Раманы, однажды дал ему экземпляр *Aksharamanamalai*, прочитав который он решил поехать в Тируваннамалай в 1923г. Он сразу понял, что Махарши был тем Гуру, которого он активно искал. Он описал свой визит и события, приведшие к нему в своих поэтических сочинениях, переведённых ниже:

Я услышал от преданных, возрождённых милостью того, кто в Тируваннамалае, кто является воплощением истинного знания и кто сияет как пламя истинного тапаса… Послушав их, я утонул в восхищении и непрекращающейся радости… Как мучимый жаждой

[1] Скандашрам расположен на склоне горы, обращённом к городу Тируваннамалай.
[2] Поселение садху, примыкающее к Ашраму.

натыкается на Гангу холодной воды, я пришёл к Рамане Махарши с одиннадцатью стихами[1] и встретил океан мауны, дарующий знание… При виде его мой ум растаял, как воск при встрече с огнём. Волосы встали дыбом. Преданность поднялась во мне, как океан вздымается при виде полной луны.

Срывающимся дрожащим голосом я прочитал одиннадцать стихов. В этот момент он милостиво взглянул на меня лотосными очами. С того дня все хвалы, воздаваемые моим беспристрастным языком, были только в его честь… Тем, как он даровал свою милость, став моим Господом и Мастером, я совершенно убеждён, что он – сам Шива. Как мой новый владелец, он сделал моё «я» и «моё» своими.

В последующие месяцы я много раз приезжал посетить его. Я постепенно попадал под его влияние и мои взгляды на жизнь менялись. В 1926г через некоторое время после смерти матери я оставил работу и переехал жить в Тируваннамалай.

Далее следуют отрывки из произведения Муруганара* Sri Ramana Anubhuti, *впервые изданного в 1948г, спустя более двадцати лет после пережитого им опыта, описанного ниже:

Я был учёный дурак. Мой испорченный ум ничего не знал до той поры, когда я пришёл к тому, чей взгляд наполнил сердце светом осознания. Я вступил в союз с бессмертным состоянием знания Реальности.

Когда ужасные заблуждения ограниченного телом эго растаяли, у его святых стоп распустился цветок чистого света. Это сияние становилось всё ярче с моей любовью, пока я не осознал безупречное знание Атмана, проявленное как непрекращающееся осознание «Я-Я» внутри сердца.

Я блуждал в лабиринте мечтаний ума, устремляясь то туда, то сюда, желая одного, а затем другого, до тех пор, пока счастье единения с Господом не поглотило меня. Моё тело погрузилось в безграничный свет божественной мудрости, а сердце наполнилось глубоким внутренним покоем.

Он – учитель вечного закона, чьим взглядом открылась истина, наполнив сердце сверкающим сиянием блаженной совершенной благодати, так что тело, эго и интеллект больше не существуют. Я погрузился в божественную тишину, которая есть неизменное знание Господа Шивы.

Благородный лев, он сосредоточил свой победный взгляд истинного знания на возбуждённом слоне моего эго, опьянённого самодовольством, наполнив меня сладким нектаром единения с Господом Шивой, так что внутреннее переживание божественной мудрости стало всецело моим бытием.

Мой бедный беспомощный ум был увлечён кружащимся в водовороте потоком объективных явлений, пока мой Бог не привёл моё заблудшее сознание в ясное спокойствие своего божественного безмолвия, и свет его величия не засиял в моём сердце.

Я читал писания, но ум не мог уловить их смысл. Только милостивым вмешательством моего мудрого учителя и Мастера, работающего внутри, его собственное состояние непрерывной медитации стало постоянным во мне, а в сердце проникли и удерживают его вечные объятия Реальности.

Чахнущий в нечистотах болота своей души, я не знал ни одного мгновения ясного понимания, пока мой Бог не открыл мне меня самого как Брамана. Перенося меня в

[1] Поэт сочинил их как подношение Шри Рамане в свою первую встречу с ним.

измерение чистого блаженства, видение истинного Атмана ширилось в моём сердце, и я обрёл состояние милости, суть которого – любовь.

Несчастный грешник в тисках непомерных желаний, я был введён в заблуждение разрушительным пристрастием к чувственным удовольствиям. Однако когда он пожаловал мне счастье истинного знания, все заблуждения исчезли. Жить так в единстве с Шри Раманой – ничуть не меньше, чем единение с Господом Шивой.

Наставив меня на прямой путь истинного знания, он повёл меня к славной цели единения с ним в состоянии священного безмолвия. Милостивое сокровище моего сердца, солнце подлинной мудрости, он рассеял тёмные тучи иллюзорного мира чувств.

А теперь сердце, наполненное счастьем, я сделал его домом и не могу принять никого другого. Только он один остаётся, Высший Атман, проявленный как сознание, чистый свет, пустой и, тем не менее, наполненный.

Обретя новую жизнь, я проводил её, воспевая хвалу возвышенной истине его славного имени, хотя и маловыразительными словами, не имеющими большой ценности. А мой Бог не считал мои гимны недостойными. Изливая на меня любовь, большую, чем любовь матери, он прогнал мои ужасные иллюзии и сделал меня своим слугой.

Под пристальным взглядом моего Гуру сердце очистилось от обмана, ложное понимание, захватившее душу, полностью исчезло, и там, в тишине его священных стоп чистый океан Атмана унёс меня в глубокое блаженство абсолютной Божественности.

Окружённое желаниями, сбивавшими с пути, сердце отяжелело, а ум был обманут иллюзией личности. Да здравствует Бог, который своей любовью освежил моё сердце, прогнав ложную привязанность к владению землёй, к богатству и женщинам.

В конце 1920-х Муруганар записал поучения Шри Раманы в 1254 стихах на тамильском языке. Махарши сам их прочитал и внёс множество изменений и исправлений, а также сочинил 28 новых стихов, которые были добавлены в соответствующие места в тексте. Произведение было издано под названием **Guruvachaka-Kovai** ***(Собрание высказываний Гуру).*** **Sri Ramana Sannidhi Murai,** ***состоящая из 1851 стиха, содержит дальнейшие подробности обстоятельств, которые привели Муруганара к Шри Рамане и последующих событий. Ниже следуют несколько отрывков из этого произведения:***

Высшее Существо Шива является подлинной природой человека. Его невозможно достичь тем, кому доставляют удовольствие ложные споры. Терпеливо снося моё незрелое поведение и относясь ко мне, как будто я достиг освобождения от загрязнений, (Шива) решил принять меня в группу своих спутников.

Он стал несравненным мудрецом у Аруначалы, восхваляемым даже богами. Как червь становится осой, будучи ужаленным осой, одним его присутствием и взглядом моё «я» и «моё» были разрушены. Видя во мне себя, он помог мне пережить Атман как бессмертное, чистое бытие - сознание. Не чувствуя тело и ум, я наполнился Атманом. Так он даровал милость этому достойному жалости человеку.

Ты неподвижный; ты сострадательный; ты искусный Бог истинного знания. Для меня, несчастного, который не искал осознания и был полностью потерян, ты как хранилище, которым можно пользоваться в тяжёлое время. Ты – бог, спасший меня из пасти крокодила – моей прошлой *кармы*.

Человеческие существа барахтаются в *самсаре*, отождествляя себя с телом, не осознавая, какая редкость телесное воплощение милости – *садгуру*. Он явился в этом теле, чтобы разрушить множество их тёмных *васан*. Те, кто находится под влиянием иллюзии «я

есть тело», по простоте своих взглядов вследствие невежества, распространяют это убеждение («он есть тело») на *садгуру*.

Господь Аруначалы, уплотнившееся сознание, это Рамана, восторг моего ума. Трудно сказать, имеет он форму или бесформен, мужчина он или женщина, один или много, атом или космос, личность или безличность, счастье или несчастье. Поэтому крайне трудно определить его природу, его действия, его методы и их предназначение. По сути, подлинная природа Раманы не поддаётся определению.

***Т.Р. Канакаммал в книге* Заветные Воспоминания *рассказывает*:**

Муруганар обычно проводил предписанные традицией ритуальные церемонии в годовщину смерти своих родителей. Однажды, в день поминовения его матери, он пришёл в кухню Ашрама очень рано утром. Он постирал дхоти и повесил сушиться. Затем, с влажным полотенцем вокруг талии, принялся готовить овощи. Поняв, почему Муруганар так рано явился на кухню, Багаван сказал ему: «Сегодня поминальная церемония для твоей матери, а кто брамины?»

Шри Рамана, не считавший эти ритуалы важными, постучав себя по груди, добавил: «Я бы мог быть одним из браминов». Услышав это, Муруганар так растрогался, что едва смог сдержаться, чтобы совсем не потерять самообладание. Он почувствовал, что в то самое мгновение, когда Багаван стукнул себя в грудь и сказал: «Я буду одним из браминов на церемонии», не только его родители, но и несколько поколений его предков получили освобождение. Муруганар больше никогда не считал необходимым выполнять ежегодные церемонии для родителей.

Однако на следующую годовщину смерти своей матери он принёс в Ашрам большой плод хлебного дерева, намереваясь разделить его между преданными в память о ней. Багаван увидел Муруганара с плодом и сказал: «Сегодня годовщина твоей матери, не так ли? Я вижу ты всё ещё не избавился от этих сентиментальных привязанностей!» Услышав это, Муруганар воскликнул: «Я больше никогда не сделаю ничего подобного».

Даже вера в ритуалы может связывать, и Багаван был очень щепетилен в разрушении уз, связывающих его учеников.

(Поэт отказался жить со своей женой Минакши после того, как сдался Шри Рамане – см. №127)

54. Т.П. Рамачандра Айяр был уроженцем Тируваннамалая. Интерес к религии и философии привёл его к Шри Рамане в 1920-х гг. Работая юристом в Мадрасе, он улаживал большую часть юридических вопросов Ашрама. Он также был переводчиком и прислуживал в холле.

Войдя в холл Шри Багавана и взглянув на него, я пал ниц, простираясь перед ним, с чувством столь же всепоглощающим, сколь и совершенно убедительным. Открытие: вот «Он», к которому я страстно стремился все эти годы, который может управлять всем моим существом и руководить моей энергией. Он был так велик и, при этом, так прост. Я встал. Багаван улыбнулся и предложил сесть. Все чувства, мысли и волнующие сомнения исчезли! Я почувствовал, что нашёл прибежище и величайшее богатство в жизни.

Множество людей имеют впечатление, что Багаван всё время говорил о философии адвайты и предписывал самоисследование каждому, кто просил совета. Это вовсе не так: советы Багавана были разными и соответствовали ситуации.

Когда открылось почтовое отделение Ашрама, один высокопоставленный чиновник почтового ведомства, у которого умер единственный сын, приехал вместе с женой в Ашрам. Он сказал: «Мы очень любили мальчика. После его смерти мы не знаем ни покоя, ни счастья. У нас осталось только одно желание. Сможем ли мы увидеть сына в нашем следующем рождении?» Он хотел гарантии. После некоторых доводов, не возымевших действия, Багаван наклонился вперёд, поднял руку, как бы убеждая их, и сказал: «Да, в вашем следующем рождении вы увидите своего сына так же ясно, как видели его в этом рождении». Это крайне обрадовало мужчину. Он много раз прикоснулся к стопам Багавана и ушёл в очень удовлетворённом состоянии.

После того, как он ушёл, я спросил: «Багаван, почему ты так сказал? Разве это возможно?» Багаван ответил: «Что я могу поделать? Если бы я этого не сказал, его вера была бы разрушена до основания». Поскольку я всё ещё был настроен скептически, Багаван попросил меня прочитать отрывок из Гиты, где говорится: Знание нужно давать в соответствии со способностью человека принять его. Если мы учим философии тех, кто не готов понять её, их вера разрушится.

В 1945г. Багаван сказал Дилип Кумар Рою (№8), что *бакти* – мать *джняны*. Когда последователь пути *бакти* объявляет, что *бакти* - лучший путь, под словом *бакти* он подразумевает то же самое, что последователь пути *джняны* называет *джняной*. Нет разницы в состоянии или его описании. Просто разные мыслители использовали разные слова.

Через несколько дней Рой спросил Багавана: «Какой способ лучше всего, чтобы убить эго?» Багаван ответил: «Просить ум убить ум – всё равно, что вора назначить полицейским. Он пойдёт с вами и притворится, что ловит вора, но вы ничего не добьётесь. Поэтому вы должны направить внимание внутрь и увидеть, откуда поднимается ум, тогда он перестанет существовать».

Во время строительства материнского храма ощущалась острая нехватка денежных средств. Сарвадхикари хотел, чтобы мы с Джаганлалом Йоги (№55) поехали к Джамане Лал Баджаджу в Бомбей за пожертвованием в 50 000 рупий. Для этого требовалось разрешение Багавана, просить которого ни один из нас не решался. Я собрал несколько преданных и пошёл к Багавану за разрешением. Мы постояли перед ним некоторое время, но он даже не удосужился взглянуть на нас. Каждый из нас ждал, что заговорит кто-нибудь другой. Когда мы спросили, он не отвечал долгое время. Наконец, повернулся к нам и сказал: «Я уже говорил вам, чтобы вы не просили от моего имени. Повторяю. Будьте довольны тем, что у вас есть. Разве все здания Ашрама появились в результате моего попрошайничества? Это всё произошло так, как должно было произойти. Ничего не происходит как чистый результат личных усилий».

Мы все беспокоились о здоровье Багавана, особенно в последние несколько лет его жизни, но сам Багаван был безразличен к разным болям и проблемам, привлечённым его телом. Если он о чём-то и волновался, то лишь о том, что его телесные проблемы могли доставлять неудобства последователям, приходящим увидеть его.

В журнале* Путь Горы *за октябрь 1966г Т.П. Рамачандра Айяр рассказывает следующее:

Философия была моим основным предметом в колледже. Однажды, когда я вошёл в холл, там шла дискуссия о природе Атмана. В памяти были свежи заученные книжные знания, и я начал высказывать всё, что читал о разных уровнях сознания в западной системе, особенно упоминая термины «сверхсознательный» и «подсознательный». Багаван послушал

и резко возразил: Вы можете предполагать состояние «сверх» или «под» только по отношению к чему-нибудь. Сознание есть Истина, а любые предположения о нём – плод невежества, затуманивающего ум, но взывающего к интеллекту. Истина проста и прямолинейна, она не знает разновидностей. То, что существует, есть Сознание, назовите его любым именем: *Атман* или *Браман*.

Я не только услышал слова Багавана, но и почувствовал нечто. Я ощутил и почувствовал свою природу, глубоко нырнул в сознание и плавал в океане блаженства. Я пал ниц перед Багаваном и громко восклицал про себя: «О, Багаван! Мой Мастер! Рассеивающий тьму! Поклоняюсь тебе! Прими меня своим слугою!»

55. Джаганлал В. Йоги, бизнесмен из Бомбея, автор книги *Sri Ramana Mahima*. Впервые посетил Шри Раману в 1939г.

Когда мне было восемнадцать лет, я читал много книг Свами Вивекананды и Свами Рамтирты, и во мне зародилось желание жить простой жизнью, высокими помыслами и посвятить жизнь духовности. В возрасте двадцати лет мне посчастливилось повстречаться с Махатмой Ганди. Его идеи покорили моё сердце, и несколько лет я честно пытался осуществлять их на практике. В тридцать восемь лет меня начал одолевать скептицизм, и я начал сомневаться в идеях Гандиджи. Именно в этот период жизни я услышал о Рамане Махарши.

Однажды, когда я, как обычно, ехал в электричке в офис, я случайно встретил друга, который рассказал, что недавно был в Шри Раманашраме. Я сказал: «Крайне презираю всех этих так называемых святых». Мой друг не сдавался. Он настоятельно внушал мне, что Рамана Махарши не «так называемый» святой, а настоящий, подлинный мудрец. Он дал мне книгу *Sri Maharshi*, написанную Каматом, редактором газеты *The Sunday Times* в Мадрасе.

Должен признаться, несмотря на предубеждение, книга вызвала во мне интерес к Махарши и достаточно любопытства, чтобы взять у друга его биографию *Самореализация*, написанную Б.В. Нарасимхой Свами. Я не заметил, как интерес к Шри Рамане начал расти. Позднее мне пришлось написать в Шри Раманашрам и получить всю литературу о Махарши, которая была там на английском языке.

В свой первый визит в Шри Раманашрам я нашёл Шри Раману сидящим на кушетке спокойно и неподвижно, как статуя. Его присутствие не излучало ничего необычного, и я с большим разочарованием обнаружил, что он не проявляет ко мне никакого интереса. Я ожидал теплоты и близости, но, к сожалению, оказался в компании человека, которому не хватало и того, и другого. С утра до вечера я сидел в ожидании уловить хоть проблеск его милости, его интереса ко мне, незнакомцу, который приехал аж из Бомбея, но безуспешно. Я возлагал на него такие большие надежды, и его внешнее безразличие почти разбило мне сердце. Наконец я решил покинуть Ашрам. Моему глубоко страдающему уму психическая атмосфера в холле казалась скучной и удушливой. Не в силах больше выносить её, я вышел наружу, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

Ко мне подошёл молодой человек по имени Гопалан и спросил, откуда я приехал. «Из Бомбея», - ответил я. Он спросил, представили ли меня Мастеру, и повёл в офис, а затем прошёл со мной в холл, где представил Багавану. Махарши послал за экземпляром перевода на язык гуджарати *Upadesa Saaram*, сделанным Кишорлалом Машрувала, и попросил меня продекламировать стихи из книги. Декламируя, я чувствовал, что Багаван внимательно разглядывает меня. Казалось, что свет его глаз заливает моё сознание. Я даже не осознал

этого, но его безмолвный внимательный взгляд произвёл во мне неуловимое, но определённое преобразование. Былая печаль совершенно исчезла, оставив в моём сердце чувство необъяснимого счастья.

В тот вечер в столовой я сел поближе к Багавану. **В моём восторженном состоянии пища, которую я принимал, казалась необычного неземного вкуса. Я буквально ощущал, что участвую в небесной трапезе в непосредственном присутствии Бога.**

В течение трёх дней пребывания вблизи Божественного Мастера я обнаружил, что моё мировоззрение совершенно изменилось. После этого короткого периода я нашёл очень мало признаков себя прежнего - себя, связанного всевозможными предубеждениями и предрассудками. Я почувствовал, что спали оковы, сковывавшие истинное видение. Я осознал, что вся структура моего ума претерпела изменения. **Божественный чародей открыл мне необыкновенный новый мир света, надежды и радости. Я почувствовал, что одно лишь его присутствие на земле составляет достаточное доказательство того, что человечество, которое страдает и мучается только из-за своего упрямого невежества, может возвыситься и спастись. Впервые я полностью осознал значение *даршана*.**

В одно время я считал, что долг последователя Ганди велит навлечь на себя арест по призыву Махатмы. Однако мои домашние обязанности требовали иного. Я оказался перед дилеммой и не видел выхода. Ситуация была невыносимой, и мне пришлось обратиться к Мастеру за помощью и облегчением. Поэтому я отправился в Тируваннамалай.

Добравшись туда, я пришёл и сел в святом присутствии Мастера. Пока сидел, я начал раздумывать, как подать ему свои трудности. Я решил излить душу в молитве с молчаливой просьбой о помощи Багавана. Я начал молиться, и пока сосредоточивался на мысленной просьбе, смотрел на его сияющее лицо и сверкающие глаза, полные любви и доброты. А затем, удивительно, начало происходить какое-то чудо. Лицо Багавана превратилось в лицо Махатмы Ганди, а тело осталось прежним. Когда я уставился на него с благоговением и удивлением, оба лица, Багавана и Гандиджи, начали являться мне попеременно в быстрой последовательности. Сердце наполнилось счастьем. И в то же время, мне было интересно, реально то, что я вижу или нет.

Я отвёл глаза от Багавана и осмотрелся, чтобы понять, видят ли другие то, что вижу я. Не найдя никаких признаков удивления на их лицах, я решил, что то, что видел, было картинкой моего воображения. Я закрыл глаза, и некоторое время сидел спокойно. Затем, когда я стал смотреть на лицо Багавана, видение тут же вернулось, но теперь вдобавок к лицам Багавана и Гандиджи в быстрой последовательности стали появляться лица Кришны, Будды, Кабира, Рамдаса и целого ряда других святых. Все мои сомнения исчезли, и я наслаждался этим великолепным божественным представлением. Видение длилось около пяти минут. Мой ум оставил все свои тревоги, и я обнаружил, что могу вручить свою проблему в умелые руки Мастера. Хотя он не сказал мне ни слова, случилось так, что проблема разрешилась, и мне не пришлось поступиться ни одной из своих обязанностей. На самом деле обе обязанности были исполнены успешно.

В 1945г. я решил ликвидировать свой печатный станок в Бомбее и поселиться в Шри Раманашраме. У меня не было заранее заготовленного плана закрытия предприятия. Я просто положился на Багавана. Однажды рано утром, когда я ещё был в постели, я увидел видение, в котором передо мной появился Багаван. Рядом стоял джентльмен, в котором я узнал своего друга. Он никогда не был в Ашраме и не проявлял веры в Багавана. Между мной и Багаваном состоялся следующий разговор:

Багаван: Ты хочешь продать свой станок, не так ли?

Я: Да, Багаван, но я должен найти покупателя.

Багаван, показывая на моего друга, стоящего рядом: Вот покупатель. Он купит твой станок, продай его ему.

Я: Поскольку Багаван столь добр, что показал мне покупателя, может ли он также благосклонно установить цену, за которую я должен осуществить продажу?

Тогда Багаван показал мне пятизначную цифру на стене напротив, светящуюся неоновым знаком. Означенная сумма была приемлема.

Багаван и мой друг исчезли, и видение закончилось. Само видение было довольно удивительным, но этим дело не кончилось. Когда я зашёл на предприятие в тот день в 11 часов, мой друг из видения ждал меня. Конечно, он пришёл повидать меня по какому-то другому делу, и не имел представления, что его выбрали будущим покупателем. Чувствуя, что это Багаван прислал его ко мне, я рассказал ему о видении, которое было у меня несколько часов назад. Он очень внимательно выслушал.

Когда я закончил рассказ, он просто заметил: «Я куплю твой печатный станок по цене, обозначенной твоим гуру». Радости моей не было предела. Моё желание было осуществлено его милостью и продажа состоялась менее, чем за минуту.

Первоначально я планировал избавиться от печатного станка в Бомбее и переехать в Шри Раманашрам. Однако когда преданные услышали, как я собираюсь поступить, было предложено, что будет больше пользы для Ашрама, если я буду в Бангалоре. Меня попросили открыть там печатное дело, чтобы я мог выполнять издательскую работу Ашрама. Я согласился, и вскоре уже был в Бангалоре в поисках подходящего помещения. Я начал подозревать, что Багаван помог продать моё предприятие, потому что у него была для меня работа в Бангалоре.

Хотя город был мне незнаком, вскоре я смог найти старый печатный станок, бездействовавший несколько месяцев. Он продавался. Я встретился с его владельцем и рассказал, почему решил купить станок. Он согласился его продать, но мы не могли договориться о цене. Чтобы выйти из тупика, я предложил, чтобы мы оба посетили Ашрам и обговорили сделку после *даршана* Багавана. Я подумал, что если Багаван хочет, чтобы я выполнял его работу в Бангалоре, его *даршан* поможет смазать колёса сделки.

Владелец согласился, и мы вместе отправились в Ашрам. По прибытии я повёл его в святое присутствие Багавана и рассказал, что предложил купить станок у джентльмена, сопровождавшего меня, и что я собираюсь выполнять там издательскую работу Ашрама. Багаван ничего не сказал; он кивнул головой.

За несколько часов *даршана* Багавана в отношении владельца станка произошла чудесная перемена. Он подошёл ко мне и согласился продать станок за любую цену, которую я хочу заплатить. Согласившись поехать повидать Багавана, он сделал оговорку, что никаких деловых переговоров в Ашраме быть не должно. Однако после того, как увидел Багавана, он сам предложил немедленно уладить наше дело. Мы составили и подписали договор купли-продажи в Ашраме, и в течение недели со дня нашего визита в Ашрам станок перешёл в мою собственность.

Новая фирма была названа самим Багаваном «Aruna Press». Потребовалось уделить станку много внимания, прежде чем он снова заработал. И милостью Багавана я вскоре смог приступить к работе, предписанной мне Ашрамом.

В 1946г. преданные предложили выпустить Сувенир к Золотому Юбилею, чтобы отметить пятидесятую годовщину прибытия Багавана к Аруначале. Напечатать его было

поручено моему предприятию. До той поры станок издавал только небольшие книжки для Ашрама. Поскольку это должен был быть большой том в несколько сот страниц, я неохотно принял работу, так как чувствовал, что не хватит времени закончить её вовремя к празднованию юбилея 1 сентября. Однако, в конце концов, взялся за работу.

Поначалу мои опасения оправдались. Когда оставалось всего десять дней до намеченной даты, я смог напечатать только малую часть книги. Я потерял мужество, помчался в Ашрам, простёрся перед Багаваном и сказал ему: «Без помощи какого-нибудь другого печатного предприятия книга не выйдет к первому сентября». Затем сидел перед ним, наслаждаясь его *даршаном*, ожидая ответа. Через несколько мгновений тишины низким мелодичным голосом он сказал: «Делай своё дело».

Эти три простых слова произвели на меня магическое действие. Они наполнили меня свежими силами и решимостью, и в душе поднялась мощная уверенность, что книга непременно выйдет к назначенной дате. Я получил приказ от своего Мастера; я просто должен повиноваться и «делать своё дело». Я был уверен, что прочие подробности уладит Багаван.

Я вернулся в Бангалор и рассказал о встрече сотрудникам. Все приняли наказ Багавана с таким же настроением, как и я. В течение следующих нескольких дней мы все работали день и ночь с полной верой, усердием и воодушевлением. Количество выполненной в те несколько дней работы оказалось просто ошеломляющим. Когда до черты оставалось всего три дня, ко мне в дом прибыла группа из десяти преданных, направлявшаяся в Ашрам. Они ехали в Тируваннамалай на празднование Золотого Юбилея. Трое из них оказались опытными переплётчиками. Я немедленно прибег к их помощи и сумел закончить работу над *Сувениром* за день до срока.

С 1945 по 1947гг Аруна Пресс печатала все издания Шри Раманашрама. Работа была сложная, и мне часто приходилось спорить с человеком в Ашраме, которого назначили ответственным за публикации. Напряжение между нами выросло до того, что мы оба решили пойти к Багавану, чтобы разрешить наши размолвки.

Мы выбрали время, когда Багаван отдыхал между полуднем и 2.30 дня, так как хотели быть с ним наедине. Мы пошли в холл и дождались, пока он вернётся после обеда. Он увидел, что мы оба ждём его. Почувствовав, что мы хотим что-то обсудить, он занял своё место. Тогда мы оба изложили ему дело. Он, молча, выслушал и вынес приговор на языке тишины. Чарующе улыбаясь, он хранил абсолютное молчание и во время изложения наших аргументов, и после. Это решение было лучшим для нас.

Молчание Багавана положило конец нашей ссоре. Выйдя из холла, мы оба ощутили спонтанное желание обнять друг друга. За эти несколько минут наши сердца переменились. Мы расстались, решив похоронить прошлое, и относиться друг к другу дружески и с любовью. Шёлковая нить, которой Багаван связал нас в тот день, никогда больше не обрывалась.

Языком Багавана было безмолвие. Однажды на *даршан* прибыли коллектор и его заместитель. Коллектор долго рассказывал о своих *садханах* и обо всей духовной литературе, которую читал. После него заместитель рассказал свою не менее длинную историю. Багаван продолжал хранить молчание, даже когда речи были закончены. Коллектор обиженным тоном сказал: «Мы так долго говорили. Пожалуйста, скажите нам что-нибудь. Что-нибудь, даже очень коротко».

Багаван заговорил: «Я всё время говорю с вами на своём языке. Что мне делать, если вы не слушаете его?» Коллектор, умный человек, уловил смысл загадочного ответа Багавана.

Внезапно охваченный преданностью, он пал к его стопам. Оба посетителя сидели перед Багаваном в безмолвной медитации. Они получили умиротворение, которого искали, и ушли удовлетворённые.

Багаван обычно говорил: «Состояние за пределами речи и мысли называется мауна. Тишина – это вечная речь. Это непрерывный поток речи; это высший язык».

Без сомнения, Багаван был из тех редких махатм, кто обладал способностью избавлять от страданий одним лишь своим присутствием, просто давая даршан.

56. Лакшмана Свами был родом из Гудура, штат Андра Прадеш. Когда он прибыл в Ашрам во второй половине 1949г, он был полностью готов к божественной вспышке.

Я вырос в доме дедушки по отцовской линии в Гудуре. Мой отец умер, когда мне не было и двух лет. Когда мне шёл семнадцатый год, и я ещё учился в школе, необъяснимый случай изменил мою жизнь. Я спал дома, и вдруг какая-то злая сила снизошла на меня. Я проснулся с ощущением огромного давления на грудь. Я почувствовал, что какая-то незнакомая злая сила пытается убить меня. Немедленно и спонтанно изнутри прорвались громогласные слова «Рама» «Рама». Я не решал произносить эти слова; они просто естественно вырвались из меня с огромной силой. Недобрая сила исчезла. Я никогда не произносил эту мантру раньше, и мне даже не приходило в голову, что она имеет такую силу. Решив, что в мантре должно быть заключена какая-то сила, я начал повторять её регулярно. В это же время я начал делать *пранаяму*.

Вскоре после этого странного случая моя жизнь начала меняться. Я стал вставать в 3 утра и проводить много часов в медитации. После окончания выпускных экзаменов в школе я решил продолжить учёбу в Неллоре, расположеном в 24 милях от Гудура. На летние каникулы я вернулся в Гудур, где произошло первое важное духовное переживание. Здесь я нашёл высохшее озеро и решил, что это хорошее место для *пранаямы*.

Однажды вечером, когда я, как обычно, приступил к пранаяме, ум внезапно сконцентрировался и стал совершенно спокоен. Вспышка света окружила и поглотила меня, и за несколько секунд я перестал осознавать тело. Сияние атмана внутри внушило мне, что атман – это Сам Бог в физическом теле. Счастью не было предела. Переживание было коротким. Я много раз пытался повторить его, но безуспешно. Я пришёл к выводу, что для осуществления реализации необходим гуру в облике человека.

В последний день второго года обучения в колледже я увидел большую толпу, собравшуюся в главном лекционном зале. Народу было много, и я не смог войти. Но глядя поверх голов, в конце зала я увидел, что лекцию ведёт мой профессор английского языка. (Г.В. Суббарамайя, № 4) Он показывал на портрет, стоявший на возвышении, и говорил, что мудрец на портрете – это Рамана Махарши. До того момента я никогда не слышал о Махарши. Однако, как только услышал это имя, я почувствовал непреодолимое желание увидеть его.

На следующий день, возвращаясь домой поездом, я увидел в книжной лавке на платформе брошюру *Шри Рамана Махарши* и с нетерпением купил её. На первой странице книги я прочёл стихотворение, написанное самим Махарши, первой строчкой которого было: «В глубине пещеры Сердца одна Высшая Сущность *Браман* сияет как «Я-Я», истинный *Атман*». Этот стих произвёл на меня глубокое и непосредственное впечатление.

К концу 1948г., так как семье нужны были деньги, я около пяти месяцев работал служащим-наборщиком в местной слюдяной компании. Работа была мне неинтересна, и в начале 1949г. я уволился, убедив мать сопровождать меня в поездке в Шри Раманашрам.

В ожидании посадки на поезд до Тируваннамалая мать разговорилась с двумя женщинами и оказалось, что они тоже направляются в Ашрам в сопровождении Сатьянанды Свами, давнего преданного Махарши. Нас пригласили присоединиться. Поскольку мы прибыли с преданным, хорошо знакомым управлению Ашрама, у нас не было проблем с размещением; но говорить с Багаваном оказалось непросто, так как вокруг него всегда было много народу.

Однажды я увидел Багавана сидящим на скамье снаружи холла. Группа браминов исполняла Веды. Когда я взглянул на сцену, развернувшуюся передо мной, мир лишился твёрдой прочной реальности. Я осознал, что всё, что воспринимаю в этой сцене, - не больше, чем проекция, похожая на сон. Пристально глядя на сцену, я знал и переживал, что настоящий Рамана Махарши – не тело, которое я вижу перед собой, а бесформенный сияющий Атман, который я переживал на дне пересохшего озера в Гудуре.

В этот первый визит я провёл в Ашраме только три дня, но и их было достаточно, чтобы убедиться, что в Махарши я обрёл гуру, которого искал. Я решил изменить *джапу* с «Харе Рама» на «Харе Рамана»; так как чувствовал, что повторение имени гуру его милостью принесёт мне пользу. Через три дня, оставив мать в Ашраме, я вернулся в Гудур, чтобы полностью посвятить себя медитации.

Я решил уехать в деревню, расположенную на расстоянии около 15 миль от Гудура, где родственники помогли мне построить небольшую хижину в тихом месте. Постоянное повторение имени гуру сделало ум спокойным. Несколько раз он становился абсолютно спокойным. Когда это случалось, внутри спонтанно поднимался вопрос «Кто Я?», и как бы в ответ на вопрос, ум автоматически погружался в свой источник, Сердце, и я переживал блаженство Атмана.

К концу примерно пятого месяца, проведённого в деревне, я слёг с жестокой малярией и пришлось забрать меня в Гудур, где врач объявил, что я, скорее всего, умру. Однако у меня была большая решимость не умирать, пока я снова не увижу своего гуру. Я поместил портрет Багавана возле кровати и медитировал на него всё время болезни. Когда бы я ни взглянул на портрет, мне казалось, что Багаван смеётся или улыбается мне. Я уверен, что именно сила милости Багавана удержала меня в живых и дала возможность полностью выздороветь в течение двух месяцев.

Я прибыл в Шри Раманашрам во время празднования *навaратри* в 1949г Вечером дня *Виджаядасми* я стоял напротив храма матери (см. иллюстрацию № 16), ожидая появления Багавана. Он пришёл в сопровождении Свами Сатьянанды, вошёл в новый холл (примыкающий к материнскому храму) и занял своё место на каменном диване. Я подошёл к нему и простёрся. Когда я встал, он несколько мгновений внимательно смотрел на меня. Я отошёл назад и сел у колонны снаружи холла, где мог беспрепятственно заниматься самоисследованием.

Багаван мог видеть меня со своего места. Вскоре я увидел, как Муруганар сел поблизости от Багавана. Через несколько минут Муруганар подошёл и сел рядом со мной. Подошли ещё несколько преданных и сели возле нас. Я закрыл глаза и начал медитировать «Кто Я?»

Через несколько минут внутри меня с правой стороны груди появилось милостивое улыбающееся лицо Багавана. Нечто подобное вспышке молнии, привело к наводнению

божественным светом, сияющим внутри и снаружи. Лицо Багавана всё ещё улыбалось с правой стороны груди. Оно, казалось, было освещено сиянием, превосходящим бесчисленные вспышки молний, полыхавшие во мне. Счастье и радость от этих переживаний вызвали слёзы в моих глазах. Наконец внутреннее видение Багавана исчезло, и Атман поглотил всё моё существо.

Я оставался в этом состоянии без ощущения тела около трёх часов. Переживание было настолько мощным, что даже когда открыл глаза, я не смог ни говорить, ни двигаться. Я оставался на том же месте ещё три часа, потому что был не способен ни к какому движению. Около 9 вечера я поднялся на ноги и очень медленно вернулся на своё место в мужском общежитии Ашрама.

Вечером следующего дня я подошёл к Багавану, простёрся перед ним и передал ему записку через слугу Венкатаратнама. В записке, которую я написал на телугу, говорилось: «Багаван, в твоём присутствии и путем исследования (Кто Я?) я осознал Атман». Он прочитал записку, мгновение смотрел на меня, а затем его лицо осветила сияющая улыбка. Некоторое время мы смотрели друг на друга. Затем он нарушил молчание, спросив, откуда я приехал. «Из Гудура», - ответил я. «Это в районе Неллора, не так ли?» - спросил Багаван. «Да!» - ответил я. Это была единственная беседа, состоявшаяся у меня с Багаваном. После этих двух коротких ответов ему я не разговаривал следующие 13 лет[1].

Поскольку в Ашраме не хватало мест для размещения гостей, я нашёл себе небольшую тростниковую хижину примерно в 250 ярдах от Ашрама. Я поселился в ней с мальчиком по имени Рагаван, который уже жил там. Так как у меня деньги были, а у него нет, он согласился готовить мне еду.

Одним из первых, кто навестил меня в новом доме, был Венкатаратнам, слуга Багавана. Когда он пришёл в первый раз, он сказал: «За все годы, что я служу Багавану, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь подавал такую записку. Я достаточно знаю методы Багавана, чтобы понять, что сияющая улыбка, которой он немедленно тебя одарил, - это доказательство, что заявление соответствует истине. Он не комментировал твою записку и то, о чём в ней говорится, но просил меня навестить тебя и убедиться, что все твои нужды удовлетворяются и о тебе заботятся надлежащим образом». С того дня Венкатаратнам приходил регулярно. Он приходил и сидел со мной, когда в Ашраме не требовались его услуги.

Хотя я никогда не старался привлечь внимание Багавана, он, кажется, всегда знал, что я нахожусь поблизости, даже если не видел меня. Однажды во время *даршана* в новом холле он не мог видеть меня из-за газеты, которую держал один из слуг. Он попросил слугу убрать газету, а затем как обычно улыбнулся мне.

Вечером 14 апреля 1950г. я прибирал в комнате в Палакотту[2], когда портрет Багавана, стоявший на стуле в углу, упал на землю. Я поставил его на место, убедившись, что он больше не упадёт. Через несколько минут он упал на землю во второй раз. Я интуитивно почувствовал, что это знак, что Багаван умер или умирает. Меня охватило сильное желание пойти в Ашрам, но я не смог уйти, так как полностью погрузился в Атман почти на два часа. Сознание вернулось вскоре после 9 вечера, когда я услышал громкий шум из Ашрама. Я

[1] Дэвид Годман рассказывает, что однажды спросил Лакшмана Свами, почему он так долго хранил молчание. Он ответил: «Переживание Атмана за пределами слов и речи. Невозможно ни объяснить это, ни говорить об этом. Так как мне нечего было сказать об этом, я молчал». (*The Power Of The Presence*, ч.II)

[2] Поселение, примыкающее к Ашраму.

точно знал, что Багавана больше нет. Я бросился в Ашрам и обнаружил, что Багаван обрёл *махасамадхи*.

Раньше в этот же день я в последний раз видел Багавана. Когда мы взглянули в глаза друг другу, я пережил сильную волну экстатического блаженства и совершенно не осознавал то, что меня окружает.

Я провёл семь месяцев в Палакотту, большей частью тихо сидя в комнате. К концу этого периода моя кожа пожелтела. В ноябре 1950г. я окончательно решил принять предложение брата вернуться в Гудур, чтобы семья заботилась обо мне.[1]

57. Вишваната Свами (1904-79), дальний родственник Шри Раманы, был воспитан матерью Махарши. Он полностью сдался Шри Рамане в 1923г. и до 1950г. проводил большую часть времени либо с Махарши, либо с Ганапати Муни (№ 91). Он был знатоком тамили и санскрита и перевёл многие издания ашрама на тамильский язык. Некоторое время он был редактором журнала *Путь Горы* и написал знаменитое произведение *Ramana Ashtotra*.

На первом *даршане* Багавана в Скандашраме, лишь увидев его, я затрепетал от волнения. Нечто совсем неуловимое, с центром в том теле, сияло безгранично, поглощая всё остальное. Оно поглотило и меня. Неделю я провёл с Багаваном в этой атмосфере совершенной чистоты и покоя. Я увидел в Багаване нечто захватывающее, что определённо отличало его от всех остальных, кого я встречал. **Казалось, что он живёт отдельно от тела, совершенно отрешённый от него. Его взгляд и улыбка отличались необыкновенным духовным очарованием. Когда он говорил, слова, казалось, возникают из бездны. В нём и в его движениях была безупречная чистота и непривязанность. Я ощущал в нём нечто очень возвышенное и сакральное. Рядом с ним все отвлечения ума подавлялись строгой и мощной тишиной. В его присутствии происходило прямое переживание необыкновенного блаженства покоя.** Я назвал бы это Ramana *lahari* – «блаженная атмосфера Раманы». В этом экстазе милости теряешь чувство отдельной личности, и остаётся нечто величественное, всепроникающее и всепоглощающее.

Некоторые из десяти преданных, живших с Багаваном в Скандашраме, обычно пели тамильские песни, восхваляющие Субраманью (сына Господа Шивы). Багаван отсчитывал такт, постукивая двумя маленькими палочками о кольца металлической жаровни. Пока руки Багавана отстукивали такт, в его непостижимом милостивом выражении можно было уловить проблеск запредельного безмолвия. Это было незабываемо.

Однажды утром один преданный с большим благоговением пел “Ramana *sadguru*, Ramana *sadguru*, Ramana *sadguru rayane*” (Шри Рамана – подлинный Мастер и наш Господь). Когда Багаван присоединился к поющему, преданные развеселились и начали смеяться. Тогда Багаван объяснил: «Что здесь необычного? Почему нужно Раману ограничивать физическим телом в шесть футов? Разве не всепроникающей божественности вы поклоняетесь, воспевая “Ramana *sadguru*, Ramana *sadguru”*? Почему же я не должен присоединяться к воспеванию?» Мы тотчас согласились с Багаваном.

[1] Дэвид Годман утверждает, что большую часть следующих трёх лет (после ноября 1950г.)Лакшмана Свами провёл в самадхи, живя в маленькой хижине, которую для него построила его семья. Аскетическим образом жизни, сидя в падмасане по 20 часов в день, и редко принимя пищу, он привлёк множество последователей. С середины 1950-х гг. он жил уединённо в доме возле Гудура, который предоставил ему один из преданных. Он начал регулярно встречаться с людьми в 1960, но всегда предпочитал жить уединённо. Около 1990г. он переехал обратно в Тируваннамалай. Рамана Дас написал его биографию *Yogeeshwara Sri Lakshmana*.

Однажды, когда Ниранджанананда Свами сказал Багавану, что я могу декламировать гимны на санскрите, он посмотрел на меня с ожиданием, и мне пришлось прочитать несколько стихотворений. Когда я закончил, Багаван мягко посмотрел на меня и сказал: «Ты всё это выучил. А со мной не так. До того, как пришёл сюда, я ничего не знал и ничему не научился. Какая-то таинственная сила овладела мной и совершила полное преобразование».

Однажды я спросил Багавана, как мне подняться над своим животным существованием. Он ответил с сочувствием: «Только пробудив силу, более мощную, чем чувства и ум, это можно подавить. Если ты разбудишь и вырастишь эту силу в себе, ты сможешь покорить всё. Нужно непрерывно поддерживать течение медитации. Умеренность в еде и подобные ограничения будут полезны для поддержания внутреннего равновесия». Он добавил: «Пока ты отождествляешь себя с телом, ты не сможешь избежать мыслей о сексе и отвлечений».

Багаван был против ненужных расходов и расточительности. Однажды он поругал меня за то, что я трачу керосин, чтобы растопить угольную печь, в то время как того же результата можно добиться с помощью сухих палочек и листьев, лежащих вокруг. В другой раз, навестив Ганапати Муни в комнате в Палакотту, где жил и я, Багаван увидел на полу полоски бумаги размером примерно 1x6 дюймов, оставшиеся после нарезания листов бумаги по единому размеру. Он захотел сшить эти обрезки и сделать из них маленькую тетрадку размером с большой палец руки, чтобы что-нибудь туда записывать. Чтобы избавить Багавана от беспокойства, я предложил, что сделаю это сам. Позже он порадовался, увидев 108 стихов *Indra Sahasra Nama Stotra*, переписанных в эту крошечную тетрадку. Багаван по обыкновению внимательно проверил не только содержимое тетрадки, но и то, как она сшита и как выглядит. Затем он радостно воскликнул: «Ты сдержал обещание и наилучшим образом использовал кусочки бумаги».

В. Мани Айяр, школьный товарищ Багавана, отличавшийся физической силой и грубым поведением с теми, кто ему не нравился, был известен по прозвищу «Мани Негодяй». Он сопровождал свою мать в Тирупати. По пути назад в Мадурай она захотела прервать путешествие в Тируваннамалае, чтобы получить *даршан* Багавана. Мани согласился с условием, что ему позволят оттаскать за ухо фиктивного *садху* и вернуть его домой.

Однако, добравшись до пещеры Вирупакша, Мани смотрел и смотрел на Багавана и чем дольше смотрел, тем большее недоумение овладевало им. От обычного мальчика Венкатарамана, которого он знал, не осталось и следа. Он видел сияющее Божественное Существо, сидящее напротив, абсолютно спокойное и безмолвное. Его сердце впервые в жизни растаяло, слёзы потекли по щекам, а волосы встали дыбом. Он пал ниц перед Багаваном и сдался ему. Он стал частым посетителем и верным преданным Багавана.

Те, кто был духовно развит, без труда распознавали состояние Багавана. Одним из таких был Нараяна Гуру из Кералы. Он однажды посетил Багавана в Скандашраме. В обеденное время Багаван пригласил его поесть вместе с ним и другими преданными. Вернувшись в Кералу, он сочинил пять стихов на санскрите, назвав их *Nirvritti Panchakam,* описав, как Багаван достиг внутреннего блаженства, и прислал их Багавану. В последующие годы Нараяна Гуру бывал очень счастлив, когда его ученики посещали Багавана, и с удовольствием слушал их подробные рассказы.

58. Раманата Брамачари, ученик Veda Pathasala (школы Вед) в Тируваннамалае, очень стремился к Богу. В 1912г., услышав о Махарши, он пошёл в пещеру Вирупакша, чтобы увидеть его. Это был определяющий момент в его жизни; единственный взгляд Махарши остановил его ум и завоевал его сердце. Он оставил семью, чтобы быть с Махарши. Когда весть о его смерти достигла Ашрама в 1946г, перед Махарши пели стихи из *Ramana Stotra Anubhuti* на тамильском языке, и Махарши с чувством сказал: «Слушайте! Это стихи, написанные самим Раманатой». Короткие отрывки из этой Стотры, состоящей из 32 стихов, отражают чувства Брамачари к Махарши.

В то мгновение, когда сострадательный Рамана, который есть Бог Субраманьям, пришёл и проявил себя в моём сердце, сковывающая злая карма была разрушена, и возникло моё переживание.

У меня была злая карма, и я нигде не знал приюта. Я был невежественный и совершенно никчемный; даже таким он установил меня в блаженном океане тишины, неописуемое сокровище милости, снимающий все оковы.

Рамана, живущий как воплощение милости, жаловал мне состояние совершенно свободное от невежества, чтобы разрушить болезнь ума в форме иллюзии, принимающей объекты чувств и удовольствие от них за реальность.

Мой Господь у Аруначалы стоит один, как воплощение огня знания в человеческом облике. Стопами своими, служащими плотом для пересечения океана *самсары*, которая причиняет лишь неприятности, он доставил меня на берег.

Джняни – кто дал мне отдых и не позволил вернуться в лес иллюзии, в котором я блуждал, брат того, кто разрушает сонм печалей (намёк на Ганапати), ты – внутренний свет тех, кто стремится соединиться с тобой!

Тот, кто правит мной, - это Гуру Господь, Бог в форме бесформенного сердца, Бог, дающий мне блаженство Атмана, сияющего внутри, и несравненный Бог этого несчастного.

Преобразующий взгляд мудреца Аруначалы проник в моё сердце, и я, никчемная душа без истинной любви, был полностью возрождён.

Венката! Ты – тот, кто имеет форму и бесформен, сияющий Гуру, обитатель пещеры Сердца. Ты – гора добродетели, расширяющееся пространство сознания, приводящее в трепет, как океан.

59. Мусульманин Мастан был по профессии ткачом. Очень духовный человек, он ткал ткань для Шри Раманы. Его привела к Махарши Акиландамма (№46), вместе с которой он впервые увидел Махарши в 1914г.

Когда я пришёл к Багавану, он сидел как скала. Его неподвижный взгляд был полон милости, сострадания и мудрости. Я встал рядом с ним. Взглянув на меня, он открыл ворота моего сердца, и я оказался в его состоянии. Я простоял так восемь часов, не уставая, наполненный покоем и полностью поглощённый. Багаван в те дни открывал наше Сердце просто милостивым взглядом, который преобразовывал нас. Не были нужны никакие вопросы, так как взглядом он делал нас такими же, как сам.

Акиландамма, знавшая Мастана, наверное, лучше, чем кто-либо, рассказывает:

Мы с Мастаном приезжали из нашей деревни в 40 милях от Тируваннамалая, чтобы с удовольствием служить Багавану. Человек прихотей, Мастан внезапно бросил ткацкое ремесло и месяцами подряд жил с Багаваном. Всё это время он жил тем, что просил

подаяние. Багаван однажды заметил: «Ремесло Мастана не принесло еды ни ему, ни его родителям, однако мне дало одежду».

Однажды мангуст более крупный, чем обычно, золотого окраса (не серый, как все мангусты), пришёл прямо к Багавану. Посидел у него на коленях некоторое время. Затем обошёл и обследовал пещеру и исчез в кустах на горе. Мастан, испугавшись, что мангуст навредит павлинам, стоял с палкой наготове, на случай, если мангуст станет нападать. Обращаясь к Мастану, Багаван сказал: «Как ты думаешь, кто это был? Думаешь, ты смог бы поймать его? Это был мудрец Аруначалы, принявший такую форму, чтобы навестить меня. Сколько раз я говорил тебе, что мудрецы приходят повидать меня в разных формах».

60. Эчамма и Мудальяр Патти (№61) запомнились тем, что обе подавали еду Багавану с первого десятилетия прошлого века до своей смерти в 1940-х гг. Даже когда они постарели, а возможности кухни Ашрама расширились, их невозможно было отговорить от приношения пищи и подачи её Шри Рамане лично.

Эчамма (Лакшми Амма) была родом из деревни недалеко от Тируваннамалая. Череда несчастий унесла жизни её мужа, сына и двух дочерей, которые умерли один за другим. Она была уверена, что гуру положит конец её горю.

По совету родственников и друзей она пришла увидеть Шри Раману и провела там час. Махарши ничего ей не сказал, но в его присутствии все её несчастья растаяли и исчезли. С того дня Багаван притягивал её как магнит. Она часто приходила в пещеру и стала приносить еду в качестве подношения Багавану. Поначалу ей давал деньги отец. Затем её брат также делал некоторые взносы.

Однажды Эчамма несла на гору корзину с едой. Ей встретилась группа паломников, опечаленных тем, что не застали Махарши в пещере. Пообещав показать им Багавана, он повела их с собой. Они были крайне удивлены при виде Багавана, которого уже видели в набедренной повязке, в одиночку возводящим стену из глины. По ошибке приняв Шри Раману за работника, они спросили его: «Где Свами?» Багаван, кажется, ответил: «Не знаю». Когда Эчамма после их ухода попеняла Багавану за введение в заблуждение бедных паломников, Багаван сказал: «Что я могу поделать? Ты хочешь, чтобы я повязал на голову плакат, провозглашающий, что я Рамана Махарши?»

61. Мудальяр Патти и её семья были пылкими поклонниками святого, который перед смертью сказал Мудальяр Патти и её сыну Суббайе, что их ожидает большая удача в Тируваннамалае, где они получат *даршан* джняни, а также необыкновенную возможность служить ему.

Когда Суббайя встал после того, как простёрся перед Багаваном, он почувствовал покой и счастье, каких никогда раньше не было. В 1909г. семья сняла дом в Тируваннамалае и Мудальяр Патти начала каждый день носить еду Багавану. До своей смерти в 1949г. она постоянно приносила или присылала еду Багавану, не пропустив ни одного дня за сорок лет. Даже когда Ашрам расширился настолько, что каждый день там могли готовить сотни порций, она продолжала вносить свою лепту, а Багаван всегда настаивал, чтобы в его тарелке было что-нибудь от неё, и никогда не начинал есть, пока не принесут подношение от Патти.

Однажды Махарши сказал Мудальяр Патти, что она кладёт ему еды больше, чем он может съесть. Она фамильярно ответила, что ничего такого не делает, и подложила в тарелку

Багавана ещё пригоршню со словами: «Это тебе твой ум говорит, не так ли?» Махарши, смеясь, признал поражение и сказал: «Она платит мне моей же монетой».

Потеряв зрение, Патти выразила желание увидеть Багавана. Когда один преданный привёл её к Багавану, кто-то спросил: «Бабушка, ты же не видишь Багавана, зачем ты пришла?» «Неважно, что я не вижу тело Багавана, он видит моё тело, и мне этого более чем достаточно», - был её ответ, исполненный веры.

После её смерти по настоянию Багавана её тело не кремировали, а похоронили во дворе её дома недалеко от Ашрама. Её тело посадили со скрещёнными ногами в падмасану, как делают с телами *санньяси*. Его украсили гирляндами, посыпали священным пеплом и камфарой и захоронили. Никогда больше Багаван не вмешивался таким образом, кто бы из его преданных ни умер.

Много лет спустя после её смерти, кто-то купил этот дом. Поскольку ему сказали, что иметь самадхи во дворе нехорошо, новый хозяин выкопал останки Патти, расчленил и разбросал их далеко от своего участка. Через некоторое время новый хозяин погиб в железнодорожной катастрофе, причём его тело оказалось разорвано на куски.

62. Кришна Бикшу (Воруганти Кришнайя) имел учёную степень по юриспруденции, но редко практиковал и предпочитал посвящать свою жизнь духовным поискам. Он написал биографию Шри Раманы на телугу *Ramana Leela* и *Ramana Yoga Sutras*, где содержатся поучения Махарши. Он также был привлечён к Шри Ауробиндо, но в 1931г. окончательно решил, что Шри Рамана – гуру, которого он искал.

Во время подготовки к получению учёной степени в Мадрасе я встретил Ганапати Муни (№ 91), который производил поразительное впечатление одной своей внешностью. «Если этот человек такой необыкновенный, насколько более великим должен быть его учитель», - подумал я и поехал в Шри Раманашрам вместе с другом. Когда мы прибыли, Багаван мыл руки после еды. Глядя на нас с любовью и участием, он спросил: «Вы уже пообедали?» Мы ответили, что обедали в городе, а он сказал: «Можно было пообедать здесь».

Те три дня, поведённые в Ашраме произвели на меня огромное впечатление. Я считаю Шри Раману настоящим Махатмой. Я поехал на месяц в Бенарес, вернулся в Пондичери и провёл там пять месяцев. Куда бы я ни пришёл, люди находили во мне те или иные недостатки. Только Багаван ничего не просил, и не искал ни в чём недостатков. В действительности, во мне не было ничего, что давало бы мне право на его милость. Но это не имело значения для Багавана. Он ценил меня, а не мою добродетель. Достаточно сказать ему «Я твой», а он сделает всё остальное. В этом смысле он был непревзойдённым.

Для меня Багаван всегда был великим человеком, по-отечески близким. Я всецело доверял ему. Он руководил, а я следовал. Я знал, что нахожусь в надёжных руках, и обо мне хорошо заботятся. Просто любил его всем своим существом и жил рядом с ним, ел с ним в одном помещении, спал в одном холле, болтал и шутил, но был всё время крепко привязан к нему его огромной любовью и вниманием. Я говорю это без гордости, потому что как он относился ко мне, так он относился ко всем. Каждый ощущал связь с Багаваном каким-то особым неописуемым уникальным образом. Мы все чувствовали себя особенными. Багаван любил нас всех, но каждого по-разному.

С ним я был как дитя со своей матерью – в полной безопасности, совершенно счастлив. Когда бы ни возникали трудности, я обращался к нему, и он легко решал мои проблемы. Даже когда я был вдали от него, было достаточно прошептать «Рамана», и я ощущал его помощь, которая отметала все беспокойства - и внутренние, и внешние. Сколько внимания он уделял мне, когда я приезжал в Ашрам! Он расспрашивал, где я устроил себе ночлег, что использую в качестве подушки и т.д. (Обычно мы пользовались деревяшками вместо подушек, так как на них было прохладно спать жаркими летними ночами).

Во время одного из ранних визитов в Ашрам он посоветовал мне продолжать повторять *Гаятри* мантру, так как я повторял её в прошлом. Через некоторое время я спросил: «Нужно ли мне знать смысл мантры и медитировать на него?» Он сказал: «Я просил тебя только посмотреть, кто повторяет *Гаятри* мантру или кто тот, который выполняет *джапу*». Заставляя меня искать того, кто выполняет *джапу*, он незаметно и медленно подготавливал меня к практике самоисследования.

Никто не мог предугадать, как Багаван встретит разных людей и как отнесётся к ним. Высокопоставленные и наделённые властью могли не удостоиться даже беглого взгляда, в то время как какой-нибудь незаметный бродяга мог стать объектом его пристального внимания на несколько часов, а то и дней. Однажды Пранавананда Свами (№ 130) приехал в Ашрам. Крайне утомлённый, он присел на ступеньки. Когда Багавану сказали об этом, он вышел, сел у ног Пранавананды и начал гладить его ноги, приговаривая: «Тебе пришлось долго идти, *мата*[1], твои ноги, наверное, очень болят». Пожилой *свами* протестовал, но тщетно. Багаван продолжал массировать стопы *свами*. Никто не знал, какой великой добродетелью заслужил старик это необыкновенное счастье.

Во время обеда Багаван просил, чтобы ему подавали очень мало, и тщательно, до последнего зёрнышка, вычищал свою тарелку из листьев, прежде чем встать. Однажды я заметил: «Если мы так тщательно будем вычищать свои тарелки, собаки, кошки, обезьяны, крысы и муравьи будут голодать». Ответ Багавана был таков: «Если ты такой сострадательный, почему бы тебе не кормить животных прежде, чем поешь сам?»

Доброта и заботливость Багавана распространялись также на растения. Однажды *сарвадхикари* Ашрама попросил работника очистить миндалевое дерево от сухих листьев. Тот стал рубить направо и налево. Багаван окликнул работника. «Эй, ты слишком мучаешь дерево. Разве ты не знаешь, что оно живое? Представь, что бы произошло, если бы я внезапно схватил тебя за волосы и потянул. Твои волосы может и неживые, но ты бы это почувствовал. Лучше оставь бедное дерево и уходи».

Метод Багавана заключался скорее в том, чтобы повлиять, а не командовать. Например, он никогда не указывал Девараджа Мудальяру (№35) стать вегетарианцем. Поскольку Мудальяр не был уверен, что вегетарианская диета содержит достаточно питательных веществ, Багаван категорически его уверил, что он не будет страдать, если откажется от невегетарианской пищи.

Рамакришна Свами, много лет служивший Багавану, начал навещать одну женщину в городе. Её родственники поймали его в доме, связали по рукам и ногам и заперли в комнате. Ему удалось улизнуть, и он прибежал в Ашрам, преследуемый своими недругами. Когда он забежал в ворота Ашрама, они прекратили погоню. Он вошёл в холл, дрожа от страха, и упал на пол с криками «спасите, спасите меня». Выслушав признание мужчины, Багаван

[1] Уважительная форма обращения к пожилому мужчине.

посмотрел на него с пониманием и жалостью и сказал: «Тебе не нужно больше так бояться. Иди спать».

Ашрамиты обратились к Багавану с просьбой прогнать этого человека, так как его присутствие порочит доброе имя Ашрама. Багаван позвал мужчину и сказал ему перед всеми: «Ты совершил проступок, но сглупил и не удержал его в тайне. Другие поступают хуже, но заботятся о том, чтобы их не поймали. Теперь непойманные хотят, чтобы ты покинул Ашрам, потому что тебя поймали». Этому человеку позволили остаться.

Обычной рекомендацией Багавана было позаботиться о собственных ошибках и проблемах, прежде чем обращаться к недостаткам других. Однажды склонный к общественной деятельности человек сказал Багавану: «Что я хотел бы делать – это ходить и везде наводить порядок. Я пришёл, чтобы ты дал мне силы и энергию выполнять эту работу». Багаван сказал: «Ты похож на попрошайку, предлагающего обильно кормить всех приходящих. Сначала приведи в порядок себя, и только потом отправляйся улучшать других. Нужно с чего-то начинать, а начать можно только с себя».

Трудно преувеличить заботу Багавана о преданных. Д-р Г.С. Мелкот из Хайдерабада однажды лечил Багавана от экземы, но улучшения не было. Внезапно доктору срочно понадобилось вернуться домой. Он был полон сожалений, что приходится оставлять Багавана в таком состоянии. Я посоветовал ему помолиться Багавану, чтобы он излечил себя, что он и сделал. С того вечера экзема Багавана поддалась лечению. Доктор буквально плакал от этого чуда, которое позволило ему уехать без угрызений совести.

Не проходило и дня, чтобы корова Лакшми не пришла к Багавану в то или иное время в течение дня. Однажды она зашла в холл, пошла прямо к Багавану и буквально плакала ему в плечо. Полчаса Багаван успокаивал её, приговаривая: «Почему ты так печалишься, дорогая мама? Разве я здесь не для того, чтобы ухаживать за тобой?» и так далее, пока она не успокоилась.

Юрист Рамакришнайя из Неллора приехал с длинным списком вопросов. Он гордился своими вопросами и был уверен, что даже Багавану будет трудно на них ответить. Однако когда он пришел в холл и сел перед Багаваном, его ум был парализован, и он не смог задать ни одного вопроса.

Профессор Саид (№23) и его жена были выдающимися преданными Багавана. Они жили в арендованном доме рядом с Ашрамом. Однажды госпожа Саид очень захотела пригласить Багавана в свой дом на обед. Она изводила мужа, но он не мог набраться храбрости и высказать столь необычную просьбу. Энергичная женщина продолжала давить на мужа, пока он не стал больше бояться её самой, чем непомерности её требований. Когда он сказал Багавану о желании своей жены, тот просто улыбнулся и промолчал. Однако женщина не сдавалась. В один день, когда Багаван шёл на гору, парочка появилась перед ним, и профессор Саид вновь сказал Багавану о её желании. Багаван рассмеялся и пошёл дальше.

Когда они вернулись домой, разразился скандал. Жена обвиняла мужа, ей казалось, что он неправильно просил Багавана. Наконец, когда им надоело ссориться, он сказал ей: «Причём здесь я? Правда в том, что твоя преданность несовершенна». Эти слова, должно быть, глубоко задели её, потому что она просидела в медитации всю ночь напролёт. Она хотела силой молитвы привести Багавана на обед! Ранним утром она, наверное, задремала, так как Багаван явился ей во сне или видении и сказал: «Почему ты такая упрямая? Как я могу оставить Ашрам и прийти в твой дом на обед? Я должен обедать вместе с людьми там, иначе они не станут есть».

В видении она увидела трёх преданных, которых - сказал Багаван – «нужно накормить, и это будет всё равно, что накормишь меня». Это были: д-р Г.С. Мелкот, известный человек в Хайдерабаде, Свами Прабудананда, бенгальский *санньяси*, и я, холостяк из Андры. Она рассказала подробности видения профессору Саиду, который безотлагательно пригласил всех троих домой на обед. Мы все были браминами. Хотя мы были счастливы представлять Багавана на трапезе, но боялись реакции браминов в ашраме.

Д-р Мелкот был в гостинице возле цветника. Я пошёл к нему и спросил: «Что Вы об этом думаете?» Он сказал: «Я всё ещё в раздумьях. Они мусульмане. Если мы пойдём, то попадём в большие неприятности. Нас могут выгнать из Ашрама». Я сказал д-ру Мелкоту: «Я пойду, потому что считаю это прямым указанием Багавана. Иначе, как могла госпожа Саид нас выбрать? Как она могла узнать наши имена и узнать нас в лицо, чтобы показать своему мужу?» Д-р Мелкот ответил: «Хорошо, пойдём, Багаван позаботится о рисках».

Несмотря на эти храбрые слова, д-р Мелкот был растерян. Что мусульмане знают о правилах браминов и соблюдении чистоты? Почему мы должны доверять видению какой-то женщины-мусульманки? Можем ли мы действительно сказать, что повинуемся указанию Багавана? Кто нам поверит?

На следующий день, когда зазвонили к обеду, мы трое пошли к Багавану и поклонились. Багаван не спросил у нас причину. Он просто посмотрел на нас. Вместо того, чтобы направиться в столовую с остальными, мы вышли из Ашрама, пройдя мимо *сарвадхикари*, который, чудо из чудес, не спросил, почему мы уходим, не пообедав.

Как следует вычистив всё, госпожа Саид с любовью подавала блюдо за блюдом. Мы нашли еду восхитительной. В завершение трапезы она своими руками предложила нам бетель. По дороге обратно в Ашрам у доктора Мелкота в глазах стояли слёзы. Он сказал: «Я из Хайдерабада и хорошо знаю мусульманские традиции и обычаи. Мусульманка никому собственноручно не подаст бетель, кроме мужа или *факира*. В её глазах мы были *факирами*, формами, которые принял Багаван, чтобы прийти в её дом».

Вернувшись в Ашрам, мы удивились, что никто не спросил, почему нас не было в столовой и куда мы ходили. Как чудесно Багаван защищает тех, кто повинуется ему!

Однажды я написал стихотворение в честь Багавана, в котором говорил: «Да пребудешь ты с нами во всех твоих последующих рождениях». Багаван услышал это и сказал: «Разве этого рождения не достаточно, что он желает мне много ещё?» Все ругали меня за то, что я написал так неуважительно. Одни говорили, что Багаван вне перерождения. Другие утверждали, что он сын Самого великого Шивы, которому не нужно человеческое тело. Я воскликнул: «Багаван родится вновь много раз не потому, что это нужно ему, а потому что он нужен нам».

Багаван внимательно слушал. «Верно», - сказал он, и наступило безмолвие. Холл наполнился силой и покоем, и огромная любовь изливалась из Багавана как бескрайнее море.

63. Лакшман Шарма, приехавший к Шри Рамане в конце 1920-хгг., провел большую часть жизни переводя поучения Махарши на санскрит. Шри Рамана внимательно наблюдал за переводом на санскрит *Ulladu Narpadu*. Кроме Муруганара он был единственным человеком, получившим частные уроки от Шри Раманы по поводу смысла и значения его работ. Его трактат на санскрите *Sri Ramana Paravidyopanishad* (1950) содержит поучения Махарши; ниже следуют некоторые из них:

Человек, который не осознал свою истинную природу, думает: «я есть это тело» и видит себя как «я» - первое лицо в грамматике. Он видит другого человека, которого называет «ты» и думает о третьем человеке «он». Эти три различных человека не реальны. Их видно вследствие ложного убеждения «я есть тело». Когда эго исчезнет в результате поиска истинного Атмана, только Атман, только сознание будет сиять.

Так же как тот, кто однажды понял суть миража, может снова увидеть мираж, но не будет введён в заблуждение, так же и мудрец, видя этот мир, не думает, что он реален, как думает не знающий.

Когда, забыв Атман, человек думает, что тело – это он и проходит через множество рождений, а в конце вспоминает и становится Атманом, он знает, что это лишь пробуждение от сна, в котором он блуждал по всему миру.

Если в процессе поиска Атмана ум обращается наружу вследствие привязанности к объектам восприятия, искатель должен вновь обратить его вовнутрь. Он должен снова и снова возвращать ум и занимать его исследованием. Необходима решимость осознать истину о себе путём вопрошания «Кто тот, кто привязан к объектам восприятия?» Ответ на этот вопрос – это не интеллектуальный вывод. Правильным ответом является только переживание Атмана.

Поиск источника души назван «Великая Йога». Это йога действия, йога преданности, йога ограничения ума, а также йога правильной осознанности. Посредством практики медитации ментальная сила увеличится. Поэтому медитация помогает поиску. После того, как путём медитации сначала достигнуто спокойствие ума, доблестный искатель должен искать свою подлинную природу.

Как женщина, невыносимо страдающая в доме свёкра, обретает покой в доме своей матери, так же и ум, измотанный страданиями *самсары* (т.е. мирскими), обретает умиротворение, возвращаясь в свой источник: Атман.

Чтобы создать пустое пространство в помещении, нужно только убрать то, что загромождает его, ненужный хлам. Таким же образом, чтобы осознать Атман, ничего больше не нужно, только убрать ложное знание, что я есть тело.

Для того, кто утверждён в высшем состоянии, желания не возникают, потому что желающий, т.е. эго, перестал существовать. Мудрец в этом состоянии всегда удовлетворён.

В конце автор пишет:

Тому высшему, Атману всех существ, кто стал нашим Гуру, Шри Рамане – да будут тысячи namaskaram до тех пор, пока эго не погаснет.

64. Натеша Айяр переехал из Чидамбарама в Тируваннамалай и нашёл работу в качестве повара в Ашраме. Хотя Айяр не оставил никаких записей о своём пребывании и работе с Махарши, Дэвид Годман собрал информацию у преданных, хорошо знавших его.

Когда Натеша Айяр почувствовал желание отречься от мира, он оставил жену и дочь и приехал в Тируваннамалай, где попал под обаяние Багавана. Когда он начал работать на кухне, приготовлением еды занимались вдовы браминов, которые заставляли его очень тяжело работать. Однажды он, смеясь, сказал, что убежал от одной властной женщины, чтобы работать на пятерых.

В какой-то момент, устав от того, как к нему относятся на кухне, он решил, не говоря никому, покинуть Ашрам. По пути домой он добрался до Виллупурама, расположенного на расстоянии около 40 миль от Тируваннамалая. После омовения он нанёс на лоб *вибхути*, закрыл глаза и, когда произносил молитву Багавану, почувствовал, что сам Багаван стоит перед ним. «Как ты сюда попал?» - удивлённо спросил Айяр. Багаван улыбнулся и сказал: «Как далеко ты ушёл от меня». Айяр утонул в слезах и не смог ответить.

Силуэт Багавана двинулся в сторону Тируваннамалая. Айяр без колебаний последовал за ним. В конце концов, силуэт исчез, но Айяр, чувствуя, что Багаван всё время впереди него, достиг Ашрама. Когда он вошёл в холл и простёрся, Багаван повторил слова: «Как далеко ты ушёл от меня». Айяр расстроился и расплакался. Он вернулся на кухню и снова принялся за работу.

Этот случай запустил в Айяре процесс сдачи, который достиг высшей точки в понимании, что Багаван не был телом, которое на глазах у всех перемещалось по Ашраму. Он однажды сказал: «Багаван – это не что-то или кто-то, кого мы можем постичь умом. Мы должны признать наше невежество и неспособность сказать о нём что-либо, что было бы правдой. Я ничего не могу сказать о Багаване, потому что настоящего Багавана не объяснить словами. Это сладкий вкус, которые вы можете узнать, только попробовав сами».

Он обожал рассказывать о своих переживаниях по поводу операции, которую делали Багавану, когда он был его слугой. Вот его рассказ: «Поведение Багавана в течение всей операции очень ясно показало, что тело было просто чем-то, что он носил. Плоть разрезали, кровь лилась, и я видел, как радиевые иглы втыкали в плоть вокруг раковой опухоли. Багаван был в полном сознании, но совершенно безразличен к действиям, производимым с его рукой. Мы все были поглощены силой безмолвия Багавана. Даже врачи были погружены в него. Когда операция закончилась, врачи спонтанно простёрлись перед Багаваном. Один из них сказал: я оперировал многих людей, но никогда не переживал ничего подобного. В комнате был покой, которого я никогда нигде больше не чувствовал. Не могу описать, какой он, могу только сказать, что он не похож ни на что, что я когда-либо переживал раньше».

В. Ганешан, внучатый племянник Багавана, рассказывает:

Через несколько лет после того, как Багаван ушёл, подходя к воротам Ашрама, я с удивлением увидел Натешу Айяра сидящим на ступеньках храма недалеко от Ашрама. В ответ на мой вопрос, он сказал: «Управление Ашрама попросило меня уйти. Мне некуда идти. Это Ашрам моего садгуру. Я решил сидеть здесь, потому что здесь я ближе всего к Ашраму». Раздосадованный тем, как с ним поступили, я пошёл прямо к отцу, президенту Ашрама. Однако он отказался взять его обратно.

Я очень разволновался и пошёл к Муруганару (№53), который жил в маленьком коттедже рядом с Ашрамом. Со слезами на глазах я рассказал ему обо всём. Муруганар

озорно улыбнулся и сказал: «Почему ты рассказываешь это мне? Ты мог бы пойти прямо к Багавану и рассказать ему о проблеме. Разве он тебя не выслушает, если ты пойдёшь к его самадхи?» Я пошёл в храм и громко закричал: «Багаван! С Натешей Айяром поступили несправедливо! Моя душа болит! Пожалуйста, позволь ему вернуться к работе». К счастью, там никого не было, и никто не стал свидетелем моей странной выходки. Я простёрся и ушёл на *гири прадакшину*, уверенный, что Багаван позаботится о проблеме.

На следующее утро придя в Ашрам, я увидел, что Айяр работает на своём обычном месте на кухне. Когда я спросил его, он рассказал: «Когда президент возвращался вчера вечером домой, он остановился перед храмом и попросил меня вернуться в Ашрам к моей прежней работе».

По поводу кончины Айяра, Бупати Нарайяна Раджу написал в сентябрьском выпуске* Arunachala Ramana *за 1983г.:

Натеша Айяр заранее знал, что умрёт. «Раджу», - сказал он мне воодушевлённо, - «Багаван зовёт меня. Я уйду через десять дней». Когда я его увидел его в следующий раз, его настроение всё ещё было приподнятым: «Раджу, ещё всего пять дней, я ухожу через пять дней». Физическое состояние его ухудшалось, но он был полон энергии. Некоторые говорили: «Безумие овладело им». Я знал, что происходит нечто необыкновенное. Он стал очень слабым, и не мог принимать даже жидкую пищу. На десятый день он потерял сознание, но внезапно его лицо просияло. С воодушевлением он воскликнул: «Багаван пришёл? Я иду». Это были последние слова, слетевшие с его уст.

65. Сампурнамма (1899-1993), вдова брамина, долго служила в Ашраме поварихой.

Когда умер мой муж, я впала в состояние глубокого отчаяния и думала, что жить дальше не стоит. Однажды в этот период, когда я выходила из Храма Минакши в Мадурае, некий пожилой брамин спросил: «Не приготовишь ли ты еду для меня?» Это была необычная просьба. Брамин бы попросил уже готовую пищу, а этот хотел, чтобы еду для него приготовили. Однако я пригласила его проводить меня в дом моей семьи, пообещав приготовить ему обед. Прежде, чем отправиться, мне понадобилось ненадолго вернуться в Храм. Когда я вышла оттуда, брамина нигде не было видно. У меня было достаточно причин решить, что это был сам Багаван, а просьба была приглашением готовить еду для него.

Поскольку Багаван родился в соседней деревне, многие из жителей моей деревни знали его. Когда он стал великим святым, мои родственники часто ездили повидать его. В 1928г. я сопровождала сестру и её мужа в Тируваннамалай. Я могла долгие часы сидеть в присутствии Багавана, погружённая в необыкновенное состояние, когда в уме не было ни единой мысли. Это были дни глубокого и спокойного счастья, когда моя преданность Багавану пустила прочные корни. В этот первый визит я оставалась там двадцать дней. Уезжая, я получила из рук самого Багавана экземпляр книги «*Кто Я?*»

Дома в деревне я не знала покоя. Я стремилась в Ашрам; и с радостью поехала сопровождать дядю, который туда отправился. По приезде я была назначена помогать на кухне. Я не очень-то хорошо готовила, но Багаван всегда был рядом, помогая мне подробными указаниями. Его твёрдым убеждением было, что здоровье зависит от пищи, которая должна легко усваиваться. Поэтому мы часами мололи и размешивали. Багаван всегда был готов уйти из холла, чтобы дать советы на кухне.

Однажды кто-то прислал множество баклажанов, и мы ели баклажаны день за днём. Стебли от них образовали огромную кучу, лежавшую в углу. Багаван попросил нас приготовить из них карри! Я была ошеломлена, потому что даже скотина отказывалась есть такие бесполезные стебли. Багаван настаивал, что стебли съедобны, и мы положили их в котёл для варки вместе с сухим горохом. Через несколько часов варки они были всё такими же жёсткими. Мы не знали, что делать; и всё же не решались беспокоить Багавана.

Багаван всегда знал, когда он нужен на кухне, и мог оставить холл даже посреди дискуссии. Случайный посетитель мог подумать, что Багаван занят готовкой. На самом деле он заботился о поварах. Как обычно, он не подвёл и появился на кухне. «Как карри?» - спросил он. «Разве мы готовим карри? Мы варим стальные гвозди!» со смехом воскликнула я. Он помешал половником варево и ушёл, ничего не сказав. Вскоре после этого мы обнаружили, что стебли совсем мягкие. Блюдо было просто восхитительно, и многие просили добавки.

Как повар, Багаван был совершенен. Он был с нами очень строг. Скоро мы поняли, что его указания нужно выполнять до последней мелочи. Пока мы следовали его указаниям, всё шло хорошо с приготовлением, но как только мы пытались действовать по-своему, мы попадали в беду.

Из того, как он заботился о приготовлении пищи, можно было сделать вывод, что он любит хорошую еду и наслаждается вкусным обедом. Совсем нет. Когда подавали еду, он смешивал то малое количество пищи, которое позволял положить на свою тарелку из листьев – сладкое, кислое и острое, всё вместе – и проглатывал небрежно, как будто во рту не было вкуса. Когда мы ему говорили, что неправильно перемешивать такие хорошо приготовленные блюда, он отвечал: «Довольно многообразия, пусть будет немного единства».

Багаван не разрешал ничего тратить попусту. Даже зёрнышко риса или горчичное семя, лежащее на земле, он поднимал, очищал от пыли, приносил на кухню и клал на место. Я спросила его, почему он создаёт себе столько хлопот из-за одного зёрнышка риса. Он сказал: «Да, я таков. Всё находится на моём попечении, и я ничему не дам пропасть. В этих вопросах я довольно строг».

Пока мы готовили, он рассказывал нам истории. Он использовал приготовление пищи для обучения нас религии и философии. Он также учил нас, что работа – это любовь к другим. Он внушал нам чувство, что мы должны служить другим. Своим присутствием он учил нас, что мы всегда в присутствии Бога и что вся работа принадлежит Ему.

Так как женщинам не разрешалось оставаться на ночь в Ашраме, мы жили в городе. По дороге в Ашрам и обратно мне приходилось идти по тропинке через джунгли. Когда Багаван заметил, что мне бывает страшно, он сказал: «Почему ты боишься? Разве я не с тобой?» Однажды, когда я пришла до рассвета, *сарвадхикари* спросил меня: «Как ты смогла прийти одна? Тебе не страшно?» Багаван упрекнул его: «Чему ты удивляешься? Разве она была одна? Разве я не был с ней всё время?»

Однажды мы с другой поварихой решили обойти вокруг горы. Мы отправились очень рано. Нам было очень страшно идти через джунгли. Пройдя немного пути, мы увидели перед собой необычный голубой свет. Он был каким-то мистическим, и мы подумали, что это призрак, но он повёл нас по тропинке. Когда мы поняли, что он ведёт нас, мы почувствовали себя в безопасности. Он исчез на рассвете.

В другой раз мы вдвоём шли вокруг горы рано утром и болтали о доме и родственниках. Мы заметили, что за нами на некотором расстоянии идёт человек. Нам

предстояло идти через участок глухого леса, поэтому мы остановились, чтобы пропустить его вперёд. Он тоже остановился. Когда мы пошли, он тоже пошёл.

Мы встревожились, и стали громко молиться: «Господь Аруначала, ты один можешь спасти нас». Мужчина поравнялся с нами и сказал: «Да, Аруначала наше единственное прибежище. Держите ум постоянно сосредоточенным на нём. Всегда держите его в уме». Мы думали, кто бы это мог быть. Был ли он послан Багаваном, чтобы напомнить нам, что не следует разговаривать о мирских делах, совершая обход вокруг горы, или это был сам Аруначала в человеческом облике? Мы оглянулись. Но на тропинке никого не было.

В критические дни женщинам не разрешалось не только принимать пищу в Ашраме, но даже входить в Ашрам. Однажды, когда Багавану сказали, что я не приду три дня, и сижу в mandapam перед воротами Ашрама, он сказал, чтобы меня привели в Ашрам и накормили. Все были в шоке, так как это было явное нарушение принятого правила. Таким образом древнее правило было нарушено, а Багаван освятил его разрушение.

Однажды я предложила обедать на открытом воздухе. Багаван согласился, и мы организовали подачу еды во дворе возле холла. Когда Багаван сидел с нами, мы видели мощное яркое сияние вокруг его головы. Был ли это лунный свет или какая-нибудь другая причина? Не могу сказать, но нимб был, и многие его видели. Прямо перед обедом кто-то принёс большую корзину сладостей, которых хватило на всех. Было ли это совпадением или чудесной игрой Багавана?

66. Шантаммал, главный повар Ашрама, была родом из Раманатапурама, штат Тамилнад.

В 1927г. я вместе с тремя другими женщинами приехала увидеть Багавана. Он сидел на скамье под тростниковым навесом, а рядом с ним был Муруганар (№51). Лишь только увидев его, я поняла, что это Бог в облике человека. Я благоговейно поклонилась и сказала: «Сделай так, чтобы мой ум не беспокоил меня больше». Он повернулся к Муруганару и сказал: «Скажи ей, чтобы выяснила, существует ли такая вещь, как ум. Если существует, попроси её описать его». Я была очень смущена, так как его *upadesa* очень мало значила для меня тогда, но не забыла выразить почтение Багавану пением стиха из *Ramana Stuti Panchakam*: «Твоё духовное великолепие наполняет вселенную благоуханием. Привлекаемые им, бесчисленные существа обращают свои лица к тебе. И я потеряла покой и искала тебя нетерпеливо. Где он? – спрашивала я, и вот пришла к тебе». Когда Багаван спросил меня, откуда я знаю этот стих, Муруганар сказал, что он дал мне экземпляр книги. В этот первый визит мы оставались там сорок дней.

Проведя год в родном Раманатапураме, я посетила Ашрам в день *jayanti*. Когда я прибыла, Багаван объяснял Дандапани Свами[1] что-то из *Ulladu Narpadu*. Увидев меня, Багаван спросил: «Ты получила эту книгу? Я просил послать её тебе почтой». Я подумала: мой Бог помнит меня по имени, а с какой любовью он лично заботится о моих нуждах!

В то время Багаван был необычайно деятелен, работая и на кухне, и снаружи. Он чистил зерно, колол орехи, молол семена, сшивал тарелки из листьев, из которых мы затем кушали, и так далее. Мы присоединялись к нему в каждом деле и слушали его истории, шутки, воспоминания и духовные поучения.

Однажды нам нужно было пожарить большое количество овощей. Эти овощи полны сока, и обычно его отжимают, чтобы сократить время жарки, но Багаван сказал, что жарить

[1] Тесть выдающегося поэта Муруганара.

надо с соком. Мы сидели возле огня, помешивали овощи в большой металлической кастрюле длинными черпаками. Внезапно Багаван отпустил свой черпак и замер. Когда я взглянула на него, мой ум остановился. Все исчезло.

Через некоторое время Багаван сказал: «Карри бесшумно, пора добавлять специи». Это могло относиться к приготовлению овощей; это также могло относиться к его стихотворению *Aksharamanamalai*, в котором он обращается к Аруначале: Ты притянул меня своим очарованием, и я пробудился, полный знания. Когда карри ума бесшумно, пора добавлять специи мудрости.

Когда я начала работать на кухне, там не было подходящих сосудов для хранения провизии, поэтому в кухне всегда был беспорядок. Я упомянула о проблеме Багавану. Через десять дней меня позвали в холл. Слуги открывали деревянные короба, в которых было шесть красивых сосудов. Багаван сказал мне: «Тебе нужны были сосуды. Возьми их на кухню». Мне сказали, что кто-то заказал их для Ашрама. Такие загадочные случаи происходили то и дело.

Могу привести ещё один пример. Однажды у меня не было денег, а мне очень нужно было некоторое количество. Я в душе помолилась Багавану: «Рамана, как мне получить немного денег?» Через три дня я получила денежный перевод от какого-то доктора Шриниваса Рао, которого даже не знала. Кажется, он читал описание жизни Багавана, и, прочитав имя Шантаммал решил, что неплохо бы послать ей немного денег.

На следующий год я хотела ненадолго вернуться в Раманатапурам на *деви пуджу*[1]. Позже, сидя в холле в медитации, я увидела вместо Багавана маленькую девочку. Она была полна очарования и великолепия, удивительно живая и сильная и излучала золотое сияние. Видение вскоре закончилось, и я снова увидела обычное лицо Багавана. Я сразу поняла, что Багаван был богиней, которой я хотела поклоняться в Раманатапураме. Где теперь была нужда в паломничестве к богине, когда я ежедневно служу тому, в ком воплотились все боги?

Когда я была ещё новичком на кухне, я положила Багавану несколько лишних кусочков картофеля. Багаван очень рассердился. Каждый вечер, после того, как дневная работа заканчивалась, женщины, работавшие на кухне, собирались вокруг Махарши и спрашивали позволения уйти.[2] Обычно, он обменивался с нами несколькими словами, интересовался, кто нас сопровождает, есть ли у нас фонарь и т.п. В тот вечер он сделал мне знак подойти ближе и сказал: «Ты положила мне добавочный карри. Мне было стыдно есть больше, чем остальные. Ты должна всегда класть мне меньше, чем другим. Чем больше ты любишь моих людей, тем больше ты любишь меня». Вопрос был закрыт. Хороший урок был усвоен и никогда не забывался.

Однажды Махараджа Майсора посетил Ашрам. Подносы за подносами сладостей и других даров ложились к стопам Багавана. Десять минут Махараджа просто стоял и смотрел, а затем со слезами на глазах простёрся перед Багаваном. Он сказал: «Меня сделали Махараджей и привязали к трону. За грех рождения правителем я лишён возможности сидеть у твоих ног и служить в твоём великолепном присутствии. Я не надеюсь вернуться сюда снова. Только эти несколько минут принадлежат мне. Молюсь о твоей милости».

Один преданный, прощаясь с Багаваном, сказал: «Свами, я уезжаю далеко от тебя. Преданные, которые живут в Ашраме, каждую минуту наслаждаются блаженством в твоём обществе. Пожалуйста, прими меня так же, как их». Багаван ответил: «Все думают, что тем,

[1] Поклонение женскому божеству

[2] Женщинам не разрешалось оставаться в Ашраме на ночь.

кто живёт здесь, даётся особая милость. Если есть такое предпочтение, как Багаван может быть *джняни*? Господь обязан защищать человека, который сдался Ему. В действительности, тому, кто сдался, не нужно даже молиться; Бог всегда рядом, предоставляя защиту. Лягушка живёт рядом с лотосом, но только пчёлы собирают нектар из цветов, с какого бы далёкого расстояния они ни прилетели.»

67. Сундарам (Садху Тривенигири) был человеком духовных склонностей. Он приехал в Ашрам в 1933г. и был принят в штат. Он много лет работал на кухне.

В 1932г., когда я стоял перед божеством в храме Субраманьи, в моём сознании вспыхнули следующие слова: «Вот я – Бог, который не разговаривает. Поезжай в Тируваннамалай. Махарши – Бог, который разговаривает». Так милость Махарши проявилась для меня. Я даже не видел его тогда.

В 1933г. после смерти жены я оставил работу и приехал в Шри Раманашрам. Так как сарвадхикари хорошо знал мою семью, он немедленно дал мне работу в Ашраме.

До приезда я много лет страдал астмой. Это очень меня волновало, но я не сказал об этом Багавану. Однажды Багаван дал мне горсточку приготовленного им *чатни*[1] и сказал: «Это твоё лекарство». Я проглотил его. Позже я осознал, что совершенно выздоровел.

По вечерам, после того как посетители уходили, мы все могли собраться вокруг Багавана. Мы ощущали себя одной большой семьёй, собравшейся после дневной работы. В эти короткие часы Багаван расспрашивал о нашем благосостоянии, беседовал с нами, смешил нас, а также давал указания на следующий день.

Багаван всегда заботился о благосостоянии преданных. Например, однажды, когда майор Чадвик (№42) лежал с температурой, Багаван спросил: «Как он теперь?» Когда я ответил, что не знаю и не видел его, он послал меня навестить его со словами: «Он покинул родину и преодолел тысячи миль, живёт с нами и считает нас родными. Разве не должны мы заботиться о нём и о его нуждах?»

Однажды, когда я подавал еду Багавану, он спросил: «Почему ты положил мне больше, чем обычно? Как ты смеешь делать такие различия?» Окружающие вступились за меня. «Нет, Багаван», - говорили они, - «Сундарам не положил тебе больше. Смотри, у нас столько же, сколько у тебя». Однако Багавана не так легко было унять. «Вы не знаете, в нём сильное эго. То, что он оказывает мне предпочтение – это работа его эго», - сказал он.

Однажды утром, когда я нарезал овощи вместе с Багаваном, он сказал: «Сундарам, возьми эту лампу и собери манго, упавшие с дерева». «Да», - сказал я, но продолжал резать овощи. Багаван сказал: «Сундарам, позаботься сначала о том, что я сказал. Именно из меня появляется всё. Заботься сначала об этом». Я воспринял это как *adesha* и *upadesa* (приказание и поучение) выполнять исследование «Кто Я?» То же почувствовали и мои друзья.

Однажды слуга Мадхаван переплетал книгу. Один преданный хотел получить книгу из библиотеки. Багаван попросил Мадхавана принести её, сказав: «Ты выполнишь мою работу; я сделаю твою». Он взял книгу и продолжал переплетать её, пока Мадхаван ходил в библиотеку.

Однажды я медитировал в присутствии Багавана, а мой ум продолжал блуждать. Я не мог управлять им, поэтому бросил медитацию и открыл глаза. Багаван сразу же выпрямился на кушетке и сказал: «О! Ты бросил, думая, что блуждать – это *swabhava* (природа) ума. Что

[1] Пряный соус из фруктов или овощей.

бы мы ни практиковали, становится *swabhava* . Если практикуешь контроль настойчиво, это станет *swabhava*». Ещё одна *upadesa* для меня.

В высших кастах Южной Индии очень чтят запрет на еду, оставшуюся с предыдущего дня. Однако Багаван настаивал, что правило избегать ненужных трат превыше всего остального, и никогда не разрешал выбрасывать дар Бога. О том, чтобы отдавать остатки нищим, не могло быть и речи, так как Багаван настаивал, чтобы нищих кормили той же самой едой, что и всех, а не какой-то худшей пищей. Даже собак кормили из общего котла. Багаван приходил на кухню рано утром, проверял остатки с предыдущего вечера, разогревал их, разводил и добавлял какие-нибудь ингредиенты, чтобы было вкусно.

Багаван не был ни повстанцем, ни реформатором. Он не отговаривал людей от соблюдения религиозных обычаев дома, но в Ашраме никакие обычаи не принимал. В Шри Раманашраме он сам был и религией, и обычаем.

68. Суббалакшми Аммал, вдова брамина, получила благословение Шри Раманы, когда ей было шестнадцать лет, а попала в его окружение 15 лет спустя и много лет служила поваром в Ашраме.

Потеряв мужа в 16 лет, я вернулась в дом своей матери и посвятила жизнь молитве и медитации. Возвращаясь из паломничества в Рамешварам, мы с матерью остановились в Тируваннамалае. Когда мы поднялись на гору, Шри Рамана сидел снаружи пещеры Вирупакша. Ему было около тридцати лет, и он чудесно выглядел. Его глаза были ясны как лепестки цветущего лотоса, а весь он сиял ярко, как начищенное золото. Каким-то образом я сразу почувствовала, что сам Господь Аруначала явился в человеческом облике. Мы вернулись в свою деревню в Неллоре. Я даже не мечтала, что однажды моя жизнь будет проходить у ног великого Свами.

Пятнадцать лет спустя, вновь возвращаясь из паломничества, мы остановились в Тируваннамалае и расспросили о Свами. Он сидел на кушетке в холле. Мы сидели в молчании перед ним около десяти минут. Это дало мне незабываемое переживание покоя ума. Вдали от него я провела большую часть следующего года, безуспешно пытаясь освободиться от мыслей.

Снова получив возможность приехать в Ашрам, я вошла в холл. Там никого больше не было, поэтому я собралась с духом и спросила: «Что такое атма?» Багаван ответил: «Оставаться без мыслей – это атма». Затем он посмотрел на меня и я почувствовала, как мой ум растаял и превратился в ничто. Мысли не приходили. Только ощущение безбрежного невыразимого умиротворения.

Однажды сестра Багавана попросила меня занять её место на кухне, потому что ей надо было уехать на какое-то время. Я не могла отказать. В то время главным поваром была Шантаммал (№66), и моей обязанностью было помогать ей. К своей великой радости, я узнала, что Багаван работал с нами на кухне большую часть времени. Вскоре он научил меня готовить вкусно и аккуратно.

Однажды Багаван перемалывал горох. Это было душераздирающее зрелище. И всё же я не смела занять его место, иначе он мог перестать приходить на кухню, что было для нас гораздо важнее, чем всё остальное. Позже, когда он попросил меня заменить его, я была счастлива, думая, что Свами немного отдохнёт. Однако, зайдя на кухню, увидела, что он стоит у огня и готовит какое-то блюдо. Он обильно потел. Кипящий кусочек попал на его

руку, и она опухла. Когда я спросила об этом, он пошутил: «Ты не знаешь? Это моё особое кольцо».

Через некоторое время мне показалось, что я перегружена работой. Мне хотелось сидеть тихо и медитировать в уединении. Я уехала в свою деревню, но сердце осталось в Шри Раманашраме. Дома мне показалось, что я теряю время даром.

В день праздника в Ашраме Багаван объявил: «Сегодня появится Суббалакшми. Оставьте для неё немного *понгала*». Предсказание Багавана сбылось; это был день, когда после года отсутствия я вернулась в Ашрам, не сообщив заранее. За недели и месяцы, которые последовали за этим, я много раз собиралась оставить Ашрам, но Багаван держался за меня гораздо крепче, чем я за него.

Довольно часто я постилась. Я где-то читала: «Тот, кто хочет познать себя и всё ещё обращает внимание на тело, похож на человека, доверяющего крокодилу перевезти себя через реку». Когда я показала текст Багавану, он сказал: «Это не означает, что ты должна голодать. Это только означает, что ты не должна давать телу больше, чем ему требуется. Умом придерживайся исследования (Кто Я?), а тело просто держи в таком состоянии, чтобы оно не становилось препятствием. Для этого приготовленная просто свежая пища в умеренном количестве окажет большую помощь».

Багаван не любил, чтобы ему оказывали предпочтение в какой-либо форме. Например, он отказывался есть *pappadam*, если из любви к нему, мы выбирали для него лепёшку большего размера. Разрываясь между любовью и повиновением, мы чувствовали себя потерянными. Когда наш Бог хотел, чтобы с ним обращались наравне с самыми смиренными, мы ощущали себя нижайшими из низких.

Во время обеда я наливала расам в руки Багавану. Он пил его, а когда его ладони оказывались пустыми, я снова их наполняла. Однажды он попросил меня налить расам на рис и уйти. Я подумала, что каким-то образом оскорбила его, и попросила Шантаммал (№ 66) выяснить причину. Багаван сказал ей: «Когда она медленно обслуживает меня, то заставляет других ждать». Невзирая на мой протест и просьбы, он никогда больше не принял расам в ладони.

Он безжалостно жертвовал малейшими удобствами, которые мы с любовью ему предоставляли, если замечал намёк на предпочтение. Закон, что нельзя прикасаться к тому, что нельзя поделить поровну между всеми, был верховным в его отношениях с нами. Отдельные и исключительные чувства – это причина эго, и поэтому являются величайшим препятствием в осознании Атмана. Неудивительно, что он так неуклонно их искоренял.

Багаван обожал рассказывать случаи из древних классических повествований о преданности. Лицо его светилось, когда он излагал удивительные истории святых давно минувших дней. Он явно бывал взволнован, когда читал их вдохновенные стихи.

С детьми Багаван был другом по играм; для семейных людей он был мудрым советчиком; для пандитов он был кладезем знания; а для йогов он был Богом победы. **Каждый, кто приходил к нему с чувством преданности, был очарован его любовью и добротой, его красотой и мудростью** и непреодолимым чувством единства, исходившим от него. Вокруг него собирались толпы людей, и каждый видел его по-своему.

Однажды вечером одна дама села возле Багавана и воскликнула: «Как я рада, что встретила тебя, Свами! Я так долго отчаянно хотела видеть тебя, Свами. Пожалуйста, будь так добр, дай мне освобождение. Это всё, чего я хочу. Я не хочу ничего больше». Когда она ушла, Багаван от души рассмеялся и сказал: «Посмотрите на неё! Разве освобождение можно вручить по просьбе? Разве я держу припрятанные вокруг меня пучки освобождения, чтобы

раздавать их, когда люди попросят об этом? Она сказала: «Я больше ничего не хочу». Если то, что она говорит, правда, это и есть освобождение».

Хотя Багаван не обращал внимания на наши ошибки и промахи, он заставлял нас следовать его указаниям до последней буквы. На кухне он был одним из нас; но в холле, сидя на кушетке, он был великим Богом Кайласа. В холле он принадлежал всем, но когда приходил на кухню, он принадлежал только нам.

Багаван не жалел усилий, чтобы обучить нас добродетелям, необходимым для самоисследования. Наша жизнь в Ашраме была школой йоги, и очень трудной школой. Через повседневные мелочи жизни он учил нас Веданте и в теории, и на практике. Мы менялись до основания, не зная глубины и масштабов его воздействия.

Багаван превращал мелкие задачи повседневной жизни в проспекты, ведущие к свету и блаженству. Мы переживали экстаз при перемалывании, наслаждение при приготовлении пищи, и счастье при раздаче *идли* (южноиндийское блюдо) преданным. Почему? Потому что пока мы делали всё это, мы переживали состояние, когда ум находится в Сердце. Тот, кто не переживал этого, не может знать, сколько блаженства вмещает человеческое сердце.

Господь Кришна по своей милости стал пастухом, чтобы обучать простых пастушек пути к спасению. Подобно этому Багаван – та же Высшая Сущность в другой форме – принялся готовить еду, чтобы спасти горстку невежественных женщин.

69. Уолтер Кирс, голландский писатель и преподаватель, много путешествовал по Европе с лекциями по йоге и адвайте в 1970-е и 80-е годы. Незадолго до своей кончины в 1980-х он пригласил друзей на вечеринку в свой дом в родном городе. В конце вечеринки он сообщил друзьям, что собирается оставить тело. Простёрся перед большой фотографией Шри Раманы, стоявшей на полу. Затем положил подушку перед фотографией, положил голову на подушку у ног Шри Раманы и скончался.

В эту жизнь я принёс большое количество духовных самскар. Я родился в семье священников. Все интересы нашего дома были сосредоточены на религии. Должно быть, молиться меня научили раньше, чем говорить.

В период безысходности в моей жизни я прочитал *Jnana Yoga* Свами Вивекананды. Во мне что-то вспыхнуло. Там, на этих страницах я, наконец, нашёл того, кто смог выразить в словах то, что я всегда интуитивно чувствовал. Я с облегчением узнал, что бесчисленные искатели на протяжении веков испытывали те же проблемы и духовный голод, что и я.

Вскоре после этого я наткнулся на книгу Поля Брантона (№1) *Тайный Путь*. Когда я прочитал на этих страницах, что в Индии есть живой мудрец, с которым можно говорить, на моё небо вернулись пятна голубого цвета. В книге была фотография Багавана. Я концентрировался на ней во время медитации, а также начал сосредоточиваться на сердечном центре, который, как утверждал Багаван, находится с правой стороны груди. Потребовалось много усилий и практики, чтобы полностью погрузиться в эти объекты медитации, но я упорствовал, так как чувствовал, что это инструменты, данные мне Багаваном.

Я всё больше и больше концентрировался на Багаване. Иногда я почти ссорился с ним, прося его помочь мне в моём стремлении приехать и увидеть его. Знаю, делать такое заявление абсурдно, но наступил момент, когда я с уверенностью мог сказать: «Я победил». Однажды я посмотрел на фотографию Багавана и со спокойной непоколебимой

определённостью почувствовал, что поеду в Индию. И возможность представилась в начале 1950г.

Рода Мак Айвер (№126), преданная из Бомбея, жившая возле Багавана несколько лет, привела меня в Ашрам и показала Багавана. **Один лишь вид его заставил меня дрожать всем телом, потому что я встретился лицом к лицу с божественным**. Это узнавание так сильно повлияло на меня, что моё тело непроизвольно затряслось. Я смотрел на Багавана и ощущал, что вижу самого Бога восседающего там.

В эту встречу ранним утром я увидел пылающий свет, принявший человеческий облик. Он был более лучистым, чем всё, что я когда-либо видел. В ранней молодости я верил, что Бог – это прекрасное существо, имеющее человеческий облик, излучающее свет и добро. Давным-давно я отказался от этого детского верования, решив, что это сказочка, которую рассказывают доверчивым детям. И вот теперь это детское представление оказалось истинным, потому что здесь передо мной был человек, казалось, созданный из света. Бог явился перед моими очами, провозгласив своё присутствие излучением пылающего всепроникающего света – света, пронизывающего меня, как рентгеновские лучи.

Когда у меня было время обдумать этот первый *даршан*, казалось удивительным, что вокруг человека, излучаюшего столько света и энергии, превалирует такая атмосфера обыденности. Возможно, другие люди не видели и не чувствовали то, что ощущал я. Я спросил об этом Роду позднее в тот же день. Она рассмеялась и сказала: «У многих людей бывают особенные переживания, когда они видят Багавана. Большую часть времени мы видим в нём нормального пожилого человека, сидящего на диване, но время от времени он дарит нам переживания, такие, как твоё сегодня, которые убеждают нас в его величии и божественности».

В присутствии Багавана была сияющая сила и энергия, легко проходящая сквозь ум и материю. Его милость успокоила мой ум, наполнила сердце и перенесла меня в царство за пределами восприятия. Свет, исходивший от Багавана, заполнил всё моё существо, одним прикосновением отмёл моё невежество. Любое усилие казалось чрезмерным, когда одного лишь его присутствия было достаточно, чтобы испарились обычные ментальные потоки мыслей, идей и проблем.

Для меня непосредственное присутствие Багавана было необыкновенно мощным, и ничто не могло меня отвлечь или побеспокоить там. Однако я начал замечать, что возвышенное состояние, переживаемое в его присутствии, постепенно проходило, когда я возвращался в свой маленький домик напротив Ашрама. В присутствии Багавана я ощущал спокойную ясность. Все мысли и проблемы исчезали, сгорая в бушующем пламени его мощного присутствия. Но через несколько часов пребывания в одиночестве в своей комнате, я начинал осознавать, что это состояние временно, потому что, в конце концов, снова появлялись старые мысли и проблемы. Я решил, что должен выложить Багавану эту проблему. Я приехал к нему не за блаженными переживаниями. Я приехал к нему в поисках окончательного избавления от ума и всех его проблем.

В тот день, когда я проходил перед ним, по его лицу пробежала мимолётная улыбка. Каким-то образом я почувствовал, что он знает, зачем я пришёл. Улыбался ли он дерзости моего требования? Я сел в толпе поблизости от Багавана и начал бомбардировать его мыслями. Всей ментальной энергией, которую я смог мобилизовать, я выстреливал в него свою жалобу: «Багаван, какая польза мне от всего твоего сияния, если я не могу решить свои ментальные проблемы, как только ухожу от тебя?». Я повторял это с небольшими вариациями снова и снова. Багаван не обращал внимания. Он продолжал свои повседневные

занятия. Разочарованный, я сосредоточился на нём ещё больше. Я пытался расшатать его безразличие своими мыслями. Я чувствовал, что трясу его так, как тряс бы дерево, чтобы с него упал плод. Вся сила моей воли была сфокусирована на мысли: «Я должен получить ответ; я должен получить ответ». Наконец, моя ментальная настойчивость была вознаграждена. Он повернулся в мою сторону и посмотрел на меня с улыбкой крайнего изумления на лице. Затем выражение его изменилось и воскликнуло: «Ты ищешь очки, а они у тебя на носу!» Ни одного слова не слетело с его уст, но послание пришло мне с невероятной ясностью. Не было ни сомнений, ни догадок или игры воображения. Багаван продолжал пристально смотреть на меня. Возможно, он ожидал какого-нибудь ответа.

Внезапно его глаза полыхнули светом и опалили меня огнём. Не могу придумать, как ещё описать эту вспышку в его взгляде. Его мощный взгляд прошёл сквозь меня, выжигая всё, что заставляло меня думать, что я другой или отделён от него. Я почувствовал, как правостороннее сердце становится теплее, а он продолжал смотреть на меня, до тех пор, пока я не почувствовал, что это горячий огненный шар, пылающий во мне. Казалось, что он заряжает его духовным электричеством огромной силы, потому что, пока он продолжал смотреть на меня, у меня было безошибочное ощущение, что мой сердечный центр – это некая динамо машина, испускающая искры света и энергии. Мне казалось, что в мою грудь внезапно поместили электрический аппарат огромной мощности.

Я сидел очень прямо, мои глаза как бы приклеились к его взгляду. Огонь из его пылающих глаз тёк прямо в самую сердцевину моего существа. Не могу сказать, как долго длилась эта передача. Время и пространство не имели значения в это нескончаемое мгновение, пока наши взгляды были прикованы друг к другу. В какой-то момент я осознал, что моё тело больше не в состоянии выдержать напряжение. Огонь в груди распространился до предела, и я почувствовал, что сейчас взорвусь. Мысленно я попросил Багавана отпустить меня.

Я получил то, зачем приехал. Произошло полное преобразование и внутри, и снаружи, и всё это произошло без единого слова. Это общение через тишину было более ясное и прямое, чем любое объяснение, возможное с помощью слов.

Получив благословение и инициацию, я уступил место в толпе тем, кто, возможно, всё ещё искал своего окончательного благословения. Вернувшись в Бомбей, где остановился в доме друга, я был изумлен, обнаружив, до какой степени произошли изменения. Нечто очевидно и наглядно преобразовало мой ум и мировоззрение.

Два месяца, проведённые с Багаваном, вывернули меня наизнанку и поставили вверх тормашками. Ум и сердце были освещены его милостью, но я также знал, что время, проведённое с ним, слишком коротко, чтобы убрать все препятствия. Пребывание с Багаваном дало мне непоколебимую уверенность, что он присматривает за мной. Я знал, что он наблюдает за моим духовным благосостоянием. Я также знал, что его руководство не прекратится просто потому, что он оставил тело. Спустя три месяца после его физической смерти, у меня было видение Багавана, где он определённо подтвердил мою веру, что будет продолжать руководить мной.

Обычно я представлял себе, что разговариваю с ним в холле. Во время одного из этих воображаемых упражнений я вдруг обнаружил, что перенёсся обратно в Шри Раманашрам, и ещё раз сидел напротив него. **Он улыбался мне. Разве можно когда-нибудь описать эту улыбку? В ней был весь мир. В этот раз я купался в сверкающем сиянии любви и света. Я спросил, что мне делать со всеми разнообразными ментальными проблемами. Он велел провести время с другим почитаемым учителем, чьё имя сообщил мне мысленно.**

Я провёл несколько лет с этим человеком, пока не почувствовал, что все проблемы преодолены.

Я все ещё вижу себя с Багаваном. Иногда в форме, иногда без формы. Это некое глубокое посещение, волнующее и захватывающее, когда внезапно нисходит. Когда присутствие Багавана проявляется, слёзы застилают глаза. Поднимаются глубокие чувства. Я сияю счастьем, и сердце подпрыгивает до небес.

Впервые увидев Багавана, я сразу понял, что это человек, которого я искал всю жизнь. Мои первые переживания в его присутствии укрепили это убеждение. Проблема, с которой я всегда сталкиваюсь, когда начинаю говорить или писать о Багаване, заключается в том, что настоящего **Раману Махарши невозможно представить себе и поэтому невозможно описать. Кто, например, может по-настоящему описать счастье? Моё ощущение Багавана было чистым счастьем. Чистое сияние его подлинного состояния отсутствия эго невозможно себе представить, невозможно описать словами**.

Я был склонен сравнить его с Христом или Буддой. Но они всего лишь образы в моей голове, сформированные из верований, в которых я воспитывался и из рассказов, услышанных и прочитанных позднее. Шри Рамана Махарши, с той секунды, когда я увидел его, был чем угодно, только не образом в моей голове. **Он был бомбой, взорвавшей миф моей жизни. Его взгляд смёл годы накопленных ошибочных идей**.

В его присутствии проявлялась реальность. Его присутствие открыло мне, каким глупцом я был всю жизнь. **Я пришёл к Багавану, чтобы он помог мне взобраться на гору, а он, улыбнувшись моей идее о помощи, показал, что горы не существует**.
Я считал себя несчастным, нуждающимся в помощи. Он открыл мне, что я богаче миллионера. Он показал мне, что я – источник всего. **Он заставил меня осознать безвременное, невообразимое, немыслимое «Я есть»**.

Просто оставаясь в своём сияющем естественном состоянии, он заставил меня почувствовать себя светом. Не скажу, что в его присутствии моё чувство «я» совершенно исчезло; оно просто стало менее значимым. Понадобилось ещё три или четыре года, чтобы полное воздействие безмолвия Багавана укоренилось во мне и стало, если можно так сказать, «моим собственным».

Багаван поощрял нас путём самоисследования выяснять, «Кто хочет реализации? Кто чувствует себя взволнованным или несчастным? Кто чувствует гнев, желанен или отвергнут?» Цель здесь не преследовать личность, которая имеет все эти чувства и эмоции, а обнаружить, что такой личности нет, и никогда не существовало.

В присутствии Багавана иллюзия противостояла истине, и в этом противостоянии иллюзия не могла удержаться. **Какое бы преобразование ни происходило в его присутствии, оно происходило само по себе, а не потому, что он хотел или желал этого. Темнота выставлялась на свет и переставала быть тёмной. Свет никак не управлял ею. Он просто выражал свою врождённую природу. Если вы спросите меня, как это происходило, мой ответ: «я не знаю».**

70. Аннамалай Свами (1906-1995) с детства имел естественную склонность к духовности. Он пришёл к Шри Рамане в 1928г. и получил работу в Ашраме. После десяти лет активного участия во многих строительных проектах под непосредственным руководством Шри Раманы, он переселился в Палакотту рядом с Ашрамом, чтобы жить в уединении и медитировать.

В 1928г. странствующий садху дал мне экземпляр *Upadesa Undiyar* Шри Раманы. В нём была фотография Махарши. Лишь только увидев фотографию, я почувствовал, что это мой Гуру. Одновременно возникло сильное желание пойти и увидеть его. В ту ночь мне приснился сон, в котором я увидел Махарши спускающимся с невысокого склона горы в сторону Ашрама. На следующее утро я решил пойти к нему на *даршан*.

Прибыв около часа дня, я подошёл к холлу и увидел, как мой сон повторяется в реальной жизни. Я увидел Багавана, спускающимся с горы, как и во сне. Я сел, и Багаван пристально смотрел на меня в тишине 10-15 минут. Я ощутил необыкновенное физическое расслабление и облегчение. Как будто погрузился в прохладный водоём после жаркого солнца. Я попросил разрешения остаться, и мне разрешили, и я стал работать слугой Багавана. В то время Мадхава Свами один занимался этой работой.

Примерно через десять дней после прибытия я спросил Багавана, как мне достичь самореализации. Он ответил: «Если перестанешь отождествлять себя с телом и будешь медитировать на Атмане, сможешь достичь самореализации». Пока я размышлял над этим замечанием, Багаван удивил меня, сказав: «Я ждал тебя. Я думал, когда же ты придёшь». Будучи новичком, я побоялся спросить, откуда он знает, и как долго он ждал. Но был счастлив услышать от него эти слова, потому что стало ясно, что моя судьба – оставаться с ним.

Несколько дней спустя, я спросил: «Учёные изобрели самолёт, который может летать в небе с огромной скоростью. Почему ты не даёшь нам духовный самолёт, в котором мы смогли бы быстро и легко пересечь море *самсары*?» Багаван ответил: «Путь самоисследования – вот самолёт, который вам нужен. Он прямой, быстрый и им легко пользоваться. Вы уже очень быстро продвигаетесь к реализации. Только ваш ум виноват в том, что вам кажется, что движение не происходит». В последующие годы было много духовных бесед с Багаваном, но его основное утверждение никогда не менялось. Он всегда говорил: «Занимайся самоисследованием, перестань отождествлять себя с телом и старайся осознавать Атман, который есть твоя подлинная природа».

Когда я пришёл в Ашрам, в округе ещё водилось несколько леопардов. Они редко приходили в Ашрам, однако по ночам часто появлялись в том месте, куда Багаван обычно ходил по малой нужде. Однажды, когда появился леопард, он совсем не испугался. Он просто посмотрел на леопарда и сказал: «*Poda*!» (Уходи!) и леопард ушёл.

Вскоре после моего появления, Багаван дал мне новое имя. Моё прежнее имя было Селлаперумал. Однажды Багаван заметил, что я напоминаю ему Аннамалая Свами, который был его слугой в Скандашраме. И в течение нескольких дней моё новое имя закрепилось.

Когда я был слугой около двух недель, на даршан к Багавану прибыл Коллектор Веллора и привёз огромную тарелку сладостей, которые мне велели раздать всем в Ашраме. Раздавая сладости снаружи холла, я пошёл туда, где никто не мог меня увидеть, и тайком съел примерно вдвое больше, чем давал другим. Когда я вернулся в холл и положил пустую тарелку под диван Багавана, он посмотрел на меня и сказал: «Ты взял себе вдвое больше, чем

другие?» Я был в шоке, потому что был уверен, что никто не видел, как я это сделал. Этот случай научил меня, что от Багавана ничего нельзя скрыть.

После того, как я пробыл слугой месяц, Багаван попросил меня присматривать за строительными работами в Ашраме. Важным для меня заданием было руководить строительством коровника, который оказался гораздо большего размера, чем рассчитывал *сарвадхикари*, потому что так захотел Багаван. Загвоздка была в деньгах, но они появились при почти чудесных обстоятельствах.

Редактор *The Sunday Times* в Мадрасе опубликовал длинную хвалебную статью о Багаване после его *даршана*. Эта статья попалась на глаза одному принцу в Северной Индии, на которого Багаван произвёл большое впечатление. Спустя некоторое время принц поехал охотиться на тигра. Ему удалось выследить тигра, но когда он поднял ружьё, чтобы выстрелить, волна страха парализовала его. Вдруг он вспомнил о Багаване и взмолился: «В случае успеха я не только пошлю тебе 1000 рупий, но и подарю голову и шкуру тигра». Паралич прошёл, и он убил тигра, сумев спасти свою жизнь, так как находился в пределах досягаемости тигра.

Через два дня после всех споров о размерах коровника появился почтальон с 1000 рупий. Я принёс деньги Багавану, который самым будничным тоном сказал: «Да, я ожидал этих денег. Отдай их *сарвадхикари*».

Наше финансовое положение всегда было шатким, однако мы никогда не переживали настоящего финансового кризиса. Пока шла работа, поступало достаточно пожертвований, чтобы покрыть все расходы. Если строительных работ не было, не было и пожертвований.[1]

Багаван с большим интересом следил за строительством, руководя мной на всех стадиях работы. Вечерами, когда я приходил к нему с ежедневным отчётом, он говорил, какую работу следует выполнить на следующий день. Если работа предстояла сложная, он даже объяснял, как именно её выполнить.

Для строительства столовой я нанимал мужчин и женщин. Некоторые из женщин были довольно привлекательны, и время от времени меня беспокоили сексуальные желания. Я сказал Багавану: «Я не хочу мокши, я просто хочу, чтобы вожделение не входило в мой ум». Багаван рассмеялся и сказал: «Все махатмы стремятся только к этому». Чтобы избежать сексуальных мыслей, я решил не нанимать женщин. Багаван не одобрил это. Он считал, что не следует лишать женщин заработка из-за того, что я не могу контролировать свой ум.

Багаван много часов проводил с нами на стройке и часто повторял: «Когда я нахожусь на свежем воздухе, я более здоров – тот диван длиной в шесть футов просто как тюрьма для меня». Он обычно возвращался в холл, когда ему сообщали, что кто-то пришёл на *даршан*. Однажды Багаван увидел, что идёт слуга сообщить ему, что пришли какие-то люди, повернулся ко мне и сказал: «Несут новый ордер на мой арест. Я должен вернуться в тюрьму».

В 1930-е годы Багаван один решал, когда и где должны быть построены здания, какого размера и из какого материала. Он рисовал планы строений Ашрама, и говорил мне что делать. Если инструкции были сложными, он иногда делал наброски на бумаге, чтобы пояснить или проиллюстрировать свои слова. Когда он передавал мне планы, то всегда говорил, что это лишь предположения. Он никогда не позволял себе давать приказания.

[1] То же самое происходило в отношении строительной деятельности в Шри Рамана Кендрам в Хайдерабаде. Преданный, ответственный за строительство, рассказал составителю-редактору, как мистическим образом деньги появлялись в ящике для пожертвований на строительство, и стройка не страдала от недостатка средств.

Багаван сам написал на листе бумаги большими буквами слово *pakasalai*[1] на тамили. Это слово, год *1938* и *Sri Ramanasramam* и сейчас написаны шрифтом *деванагари* на восточной стене столовой.

Багаван часто приходил посмотреть, как у нас дела. Он осыпал нас советами и указаниями, а иногда и сам присоединялся к работе. Но всегда говорил: «Я не связан ни с какой деятельностью здесь. Я просто свидетель того, что происходит».

Багаван приступал к проекту, когда денег на оплату не было, счастливо игнорируя все предсказания *сарвадхикари* о неотвратимой финансовой катастрофе. Он никогда ни у кого не просил денег и запрещал *сарвадхикари* просить пожертвования, однако каким-то образом каждый раз приходило достаточно пожертвований, чтобы закончить стройку.

Однажды, когда Багаван был сильно болен, Морис Фридман (№36) дал *сарвадхикари* 1000 рупий, чтобы для Багавана купили фрукты. Зная, что Багаван не будет есть фрукты, если каждый не получит такой же порции, *сарвадхикари* не стал тратить деньги с указанной целью. Несколько месяцев спустя, Фридман пожаловался Багавану, что его пожертвование не было использовано по назначению. Багаван довольно сердито сказал: «Когда вы что-нибудь отдаёте, вы должны считать вопрос закрытым. Как вы смеете использовать этот подарок для содействия своему эго?»

Багаван преподал нам урок, когда выполнил работу сам. Помещение возле кухни было грязным и пыльным и редко убиралось. Многие люди проходили через эту комнату, но никогда и не думали навести в ней порядок, пока Багаван сам не взял веник и полностью её не вычистил. Несколько преданных пытались остановить его, говоря: «Пожалуйста, Багаван, дай я это сделаю. Я уберу комнату». Отказавшись отдать веник, он сказал: «Теперь ваши глаза прозрели. А раньше вы не видели беспорядка?» С того дня комнату убирали регулярно.

Аннамалай Свами переселился в Палакотту (поселение, примыкающее к Ашраму) в 1938г. До конца жизни в 1995г он мирно жил в тишине в своём маленьком ашраме. Он также давал духовные наставления тем, кто приходил к нему за помощью и руководством. На видео* Guru Ramana *можно увидеть, как Аннамалай Свами делится некоторыми воспоминаниями.

71. Мауни Садху (М. Судовски), австралиец, автор классического произведения *In Days of Great Peace.* Он был привлечён к Шри Рамане книгой Брантона (№1) «*Путешествие в тайную Индию*» и жил в Ашраме несколько месяцев в 1949г.

В возрасте 25 лет моим вниманием завладела теософия. Я начал практиковать концентрацию и медитацию. Через несколько лет довольно бесплодных усилий мой энтузиазм начал угасать. Я экспериментировал со многими школами оккультизма, магии и т.д. Наконец, мне попалась книга *Путешествие в тайную Индию*, последние две главы которой убедили меня, что я нашёл своего настоящего Мастера. Я начал практиковать путь самоисследования в Римском Католическом монастыре в Париже. Спустя несколько месяцев я прочно утвердился на пути; однако лишь в 1949г. в присутствии Шри Раманы случилось жизненное преобразование.

Я был поражён мягкостью и спокойствием жеста, как бы приглашающего меня подойти немного ближе, такого простого и величественного, что я немедленно понял, что стою лицом к лицу с великим человеком. **Все теории, все приобретённые знания рассыпаются в пыль, когда стоишь лицом к лицу с Махарши. Ощущаешь покой,**

[1] Столовая.

превосходящий человеческое понимание. Мгновения внутренних переживаний с Махарши так преисполнены последствиями, что могут влиять не только на одно, но и на много рождений. Его лицо полно вдохновения, неземного покоя и силы, внутренней доброты и понимания. Он правит в безмолвии.

Атмосфера безупречной чистоты и покоя, постоянно исходящая от Мудреца, принуждает нас пересматривать и проверять, что мы и делали, все свои верования и мнения; это случается само собой, спонтанно, без усилий с нашей стороны; это не навязано, это просто результат внезапного расширения сознания. Внутренний процесс сопровождается чувством огромного счастья.

Сияние, отражение Реальности, которое я вижу через Мастера, освещает ум. Волна бесконечного блаженства вздымается и поглощает меня. Она уносит меня за пределы мысли, за пределы страдания и горя, ни смерти, ни перемен не существует там, только безграничное *бытие*. Время исчезает – в нём нет больше надобности.

Духовная алхимия Махарши могла превратить твёрдый материализм в нечто чистое и возвышенное. Временами, сидя возле него, впитывая невидимое излучение Его света, я думал: «Кому и когда смогу я отплатить за это блаженство? Кто тот, который убирает прочь бремя и долги моей жизни?» Бывший молодой мечтатель теперь сидел у ног и лицом к лицу с человеком, который решил все человеческие проблемы.

Трагикомедия земной любви теперь проявляется во всей своей непривлекательной наготе перед трибуналом его сознания. В храм моей души, только что оставленный мошенниками, вступило новое видение – светлый идеал, неподкупный, чистый, свободный от малейших пятнышек эгоизма, сверкающий духовной красотой и независимый от любых кратковременных физических форм. Здесь больше нет возможности для разочарований, противоречий и непонимания.

Махарши обладает необычной способностью пробуждать любовь к себе в сердце каждого. Преданность ему возвышает его учеников, неизмеримо поднимая их уровень жизни, принуждая их прикоснуться к чистейшей форме силы-энергии, которая, возможно и есть создатель вселенной.

Я никогда не видел и, без сомнения, никогда не увижу ни на каком другом лице такой невыразимо чудесной улыбки, как у Махарши, – необыкновенной красоты, отражённой в физическом облике.

В присутствии Святого ум настраивается на одну волну с тишиной, и не смеет потакать бесконечным вопросам, как обычно.

Невидимый, но самый действенный свет, излучаемый Махарши, вызывает полное изменение наших взглядов и переоценку ценностей мирской жизни. **Он как высший трибунал нашего сознания, Отец Исповедник, чьё одно лишь присутствие очищает нас от всех грехов.**

В присутствии Мастера наш ум переставал препятствовать видению Реальности. Я заметил про себя, что вопросы и проблемы, которые какое-то время назад были неразрешимы или отложены на потом, решились сами по себе.

Свет и жизнь постоянно струятся из глаз Махарши с энергией и величественностью, которые невозможно представить тем, кто не видел их сам. Поток покоя, мощный и свежий, льётся из его глаз. Они светятся совершенным пониманием всех слабостей, недостатков и внутренних трудностей тех, кто смотрит в них. Когда бы Махарши

ни говорил с нами, в его глазах было сочувствие, мудрость и понимание. **Они излучали непостижимую любящую доброту.**

Как высокий маяк, чьи лучи указывают путь в безопасную гавань всем в открытом море, кто ищет пристанища, так и этот великий Риши Индии дарит свет тем, кто имеет «глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать». Я чувствовал, что этот свет проходит сквозь нашу сущность, чтобы дать нам понимание всех ошибок и несовершенств нашего «эго», нашей мелкой незначительной личности.

Рядом с Махарши присутствие Бога ощущаешь как само собой разумеющееся – ни доводы, ни доказательства не нужны. Величайшее чудо – это сам Махарши. Я знаю, что не все способны почувствовать это или даже догадаться об этом. Такое чудо можно узнать, только погрузившись в тишину и в глубины своего существа. Близость Махарши делает усилия успокоить ум бесконечно легче, чем где-то в другом месте. В присутствии Махарши мы сами интуитивно можем найти правильный путь.

Я подхожу к нему прощаться. Он смотрит мне в глаза. Он увидел каждое слово в моём уме прежде, чем я связал их вместе. Я наклоняю голову и ощущаю прикосновение его руки к моим бровям, мягкое прикосновение его пальцев. Неуловимый ток силы и чистоты пробегает по всему телу. Как при вспышке молнии, я понимаю, что сила этого мгновения будет поддерживать меня все последующие годы, и его свет всегда будет освещать мою жизнь.

У его стоп я научился останавливать мысле-потоки ума, на что раньше уходили долгие годы тщетных усилий, и что никогда не удавалось окончательно, несмотря на многочисленные упражнения. Каким-то чудесным образом Махарши управлял нашими внутренними процессами, как оператор управляет работой сложной машины, которую досконально знает. Он загадочным образом помогал внутренним переживаниям, но как – остаётся для меня закрытым. Человек выходил из этих переживаний сильно изменившимся и часто с совершенно другим мировоззрением. Для себя я называю это «духовной алхимией Мастера».

В статье, вышедшей сразу после **маханирваны** ***Шри Раманы, он написал:***

Свет этих сияющих глаз навсегда запечатлелся в памяти, когда я покидал Ашрам. Нелепо говорить, что свет вечности погас. Я знаю, что этот свет не материальный, хоть он и проявляется через материальное тело. Поэтому его смерть не лишила меня его реальности.

В Ашраме были непостижимые и воодушевляющие вечера, когда в холле исполнялся прекрасный гимн «В Честь Господа Вселенной» (Пять Гимнов Аруначале). Шри Багаван явно обожал этот гимн, потому что на его лице появлялось особенное выражение неземного блаженства и счастья. И сейчас я снова услышал ту же прекрасную мелодию, которую ранее слышал физическими ушами.

Пришли письма от преданных с других континентов. Мои друзья изо всех сил пытались утешить себя и меня, говоря, что физический уход Мастера не может разорвать нашу духовную связь с ним. И всё же чернила на последних строчках этих писем часто расплывались, как будто от упавшей слезы.

В статье, вышедшей через шестнадцать лет после маханирваны, он написал:

Теперь прошло достаточно времени, чтобы мы смогли позволить себе попытаться дать желанную оценку яркому появлению Махарши на духовном горизонте нашей маленькой планеты.

Широко известен факт, что в присутствии Махарши каждый ощущал себя другим, лучшим, чем раньше в своей повседневной жизни. **Духовное притяжение того, кто сам нашёл окончательное умиротворение и мудрость, не могло не действовать на всех нас**,

так же, как солнце дарит лучи всему и всем – и хорошим, и плохим одинаково. Это не подлежит сомнению.

Осознав величие достижений Махарши, я невольно взглянул на себя и сказал: «Вот сидит мудрец и не хвалится никакими титулами и званиями; он – солнце, а я – бедная маленькая свеча». Тогда была выиграна первая битва – я осознал пустоту всех человеческих званий и титулов.

Он учил нас, что достижение возможно в шумной лондонской квартире так же, как и в уединённом ашраме. И всё же так много людей всё ещё озабочены тем, что не смогли отправиться в длительное дорогостоящее путешествие к «святому месту», где надеются достичь того, чего не могут достичь в другом месте.

72. Кумар, журналист из Бангалора.

Шри Махарши сидит на берегу времени и наблюдает за его течением, недвижимый и не затронутый. У него нет возраста, и поэтому день рождения не имеет значения для него. Он полон, завершён и совершенен.

Что за странная толпа собралась на его *jayanti* (День рождения)? Она состоит из людей, продвигаемых саморазрушительным стремлением их эго, которые сидят перед Шри Махарши в трансе, позволяя его милости выпекать их души настолько и так быстро, как только это возможно. Здесь также есть люди, которые пришли просить милости Мастера для сохранения того, что удалось завоевать в карусели жизни, и для получения большего, если это можно получить с помощью молитвы.

Шри Махарши – это притягивающий магнит, и люди пытаются использовать его в своих интересах, для достижения своих целей. Он – солнце, чьи лучи милости светят и танцуют в умах и сердцах, которые открыты.

Шри Махарши сегодня – хранилище и отражение духовных традиций Индии. Те, кто читает Упанишады и *Гиту* и спорят о непосредственном и высшем, могут увидеть в нём безмолвное достижение высочайшего. Те, кто вонзает шпоры в бока скаковой лошади-ума и подгоняет его к беспокойствам и неудовлетворённости, увидят в **Шри Махарши человека-Бога, который уничтожил ум и поэтому является совершенным покоем и блаженством.**

73. Свами Ранганатананда, известный санньясин Ордена Рамакришны был до своей кончины Президентом Миссии Рамакришны.

Я дважды был в Шри Раманашраме. Первый визит состоялся в 1936г. Багаван был необыкновенной личностью, которая привлекала умы и сердца людей со всего мира. Строки из *Srimad Bhagavatam* описывают природу святого человека, привязанность к которому становится освобождающей силой. Тот, кто крайне безмятежен, чей ум как спокойный океан без волн, кто наполнен состраданием – друг всех существ. Ещё одна черта – враг такого человека ещё не родился на свет. Это прекрасное описание больше всего подходит нашему Багавану.

Махарши вобрал в себя бессмертное, вечное. Отсюда потрясающее величие его жизни. Он жил среди нас как обычный человек. Его невозможно измерить, как столб света Шивы, который однажды появился в виде Аруначалы. Невозможно увидеть высоту, невозможно увидеть глубину.

Те, кто видел человеческий облик Багавана, поистине блаженны. **Его прикосновение было прикосновением бессмертного, прикосновением, возвышающим и заставляющим**

вас почувствовать, что вы тоже чего-то стоите. В этот век материализма мы находим в Багаване человеческий облик вечной истины.

Багаван постоянно находился в состоянии божественной осознанности – сидел ли он один, излучая безмолвное присутствие, проверял ли корректуру, читал ли газету, резал ли овощи на кухне – он всегда светился счастьем. **Он был воплощением безграничного, божественного. Каждое слово, которое он произносил, было заряжено мудростью** *atma* **vidya.** Он был примером великого поучения «Я есть то». Багаван говорит, что к этому переживанию легко прийти. Легко. Не нужно делать гимнастические упражнения. Надо просто изменить центр нашего осознания.

Мы видели Раману Махарши; мы читали о Шуке из *Bhagavatam*. Между ними так много общего. Они нашли счастье и наслаждались внутренним блаженством Атмана, свободные от привязанностей и всё же полные беспричинной любви. Именно вечную истину, проявленную в человеческом измерении, мы называем Раманой Махарши.

В *Вивекачудамани* Шанкарачарьи есть прекрасная строфа, которая так подходит к Махарши: «Совершенно бедный, но полный блаженства, не имеющий армии, но беспредельно сильный, не имеющий опыта удовлетворения чувств, но всегда счастливый, никто не сравнится с ним, но он считает всех равными себе». Я хотел бы привести всего один пример.

Когда я приехал, то сказал ему, что останусь три дня, и уеду поездом вечером третьего дня. Я забыл об этом. Он посмотрел на меня в нужное время и сказал: «Ваша повозка готова, вам пора ехать». Как человечно – говоря откровенно, и как колоссально.

То, что сказано о Шри Кришне в *Bhagavatam*, полностью подходит Багавану. «Чем больше мы слышим, тем больше желания возникает слушать ещё и ещё». Да будем мы все достойны этого **потрясающего духовного генератора, проникающего в сердце, даже если мы этого не замечаем.**

74. Свами Десикананда – санньясин Ордена Рамакришны, много лет был директором колледжа Веданты в Майсоре.

Божественная милость привела меня в присутствие Шри Раманы в 1927г. Войдя в Ашрам, я увидел на кушетке Махарши, окружённого преданными, сидевшими у его ног. Вся сцена напоминала о мудрецах древности. Махарши посмотрел на меня и расспросил, откуда я и как устроился.

На следующее утро я пришёл в Ашрам и сел перед Махарши в медитации. Я обнаружил, что могу легко сосредоточиться в его присутствии, а промежутки непрерывной медитации, какой я никогда и нигде раньше не мог достичь, становились всё длиннее и длиннее. Когда я сказал Махарши об этом и как это прекрасно, он спросил, не засыпаю ли я во время медитации. На мой отрицательный ответ он рассмеялся и спросил, каким способом я медитирую. Способ состоял в концентрации на свет в сердце и предложении цветка моему *ishta daivam* (избранному божеству), когда ум колеблется, как учил меня Свами Шивананджи Махарадж, второй президент Миссии Рамакришны. Махарши сказал, что это подходит мне, и я могу продолжать.

Багаван обычно сидел на кушетке до обеда, преимущественно в молчании, затем снова после обеда и короткого отдыха. Дважды в день он просматривал почту и ходил прогуляться на Гору. Однажды он сказал, что поскольку ума совсем нет, нет и представлений о чём-либо. Всё есть один бескрайний покой и счастье. Он быстро добавил, что мы даже не

можем сказать один, поскольку нет второго. Он был всегда погружён в *sat – chit – ananda* (бытие – сознание – блаженство).

На девятый день пребывания я сказал Багавану, что должен уезжать. Стоя перед ним на коленях, я умывался слезами. Утешая меня, он сказал: «Ты можешь остаться. Никто не не гонит тебя». Однако на следующий день я уехал.

Милостью Багавана я не только попал к мудрецу, достигшему высочайшей реализации, но мог с его помощью переживать периоды высшего покоя и блаженства. Это поистине моё прибежище в жизни, которое было, есть и всегда будет.

Безмолвная помощь и облегчение, данное мне Багаваном, остаются вечным источником духовного счастья и покоя.

75. Паскалин Мале, французская писательница и искатель, чью книгу *Turn Eastwards* оценил Шри Рамана, описывает своё девятимесячное паломничество в Индию в 1937г.

В Ашраме мы увидели молчаливую неподвижную фигуру, полулежащую на низкой кушетке в холле, потерянную в глубокой медитации, не осознающую, как могло показаться, никого и ничего. Мы тихо проскользнули внутрь и сели на пол в толпе. Я медленно оглядывала необыкновенную незабываемую сцену, моё внимание было сосредоточено на той центральной фигуре, чьё спокойное величие, сила и совершенное умиротворение, казалось, наполняют всё вокруг невыразимым покоем. **Посмотреть в его глаза, сияющие, как звёзды, означало, возможно, впервые узнать Вечность и быть захваченным блаженством, превосходящим понимание.**

Кто был этот Великий? На какой ступени человеческого или сверхчеловеческого развития стоял он? Такие вопросы имеют сомнительную ценность. Когда светит солнце, нужно ли знать, почему и как оно светит? Я открыла сердце Духовной Жизни, которая так ярко светила в Тишине. Мне казалось, что вокруг море огненной Силы объединяет всё сущее в огромное Пламя, поднимающееся к Небесам. Ни разу безмолвная фигура не повернулась и не пошевелилась и не проявила ни малейшего интереса к происходящему, а именно – к чтению Вед, которое было вечерней молитвой в Ашраме. **Он как будто жил вне времени и пространства.**

Позже, когда мы вошли в *pandal* (навес), сооружённый для ежегодного празднования дня рождения, Махарши был занят чтением и письмом (см. фото №7). Однако каким-то образом я почувствовала, что он всегда живёт в состоянии, где не существует времени и пространства, на просторах абсолюта, в самом сердце вселенной. Это вряд ли можно описать, ещё меньше доказать, и лишь смутно почувствовать, и всё же это был незабываемый опыт. **Его совершенная безличность и отчуждённость ни в коей мере не исключали безграничного сострадания, сочувствия и понимания** множества проблем и трудностей, с которыми к нему приходили усталые, опечаленные люди в надежде найти утешение и помощь.

Несомненно, просто жить в его присутствии – величайшая помощь, которую возможно получить. Факт – то, что ни один из пришедших в Ашрам не уходит с пустыми руками. Каждый получает в соответствии со своими возможностями, будь то большие или малые возможности, и многие получили внутренние переживания, изменившие их жизнь.

Ниже следует отрывок из письма, которое Мале написала Шри Рамане в 1939г из Версаля (Франция):

«Прошло два года с тех пор, как я переступила порог Твоего Ашрама, но душой я всегда оставалась там.

Хотя иллюзия всё ещё часто заслоняет видение Реальности, открытое в блаженном Безмолвии Твоего Присутствия, хотя Серебряная Нить Само-осознания часто теряется посреди сменяющих друг друга света и тени, всё же внутреннее стремление осознать Атман остаётся и становится сильнее, и становится более настойчивым, так как Милость и поиск идут рука об руку.

Временами, хоть и редко, без видимой причины возникает спонтанное осознание «Я», и блаженство наполняет сердце пылающим теплом.

Молю Тебя о свете и руководстве, которые, я знаю, есть всегда, и к Твоим стопам слагаю подношения неизменной любви».

76. Гунтуру Лакшмикантам был биографом выдающегося преданного Шри Раманы – Ганапати Муни (№91).

Мой гуру, Кавьяканта Ганапати Муни, все уши мне прожужжал о величии Багавана Раманы. Он обычно говорил: «Я всего лишь атом. Багаван – это несравненная *Меру*» (легендарная гора). Он уверил меня, что лично отвезёт к Шри Рамане, чтобы я научился у него *hridaya vidya*. Я с нетерпением ждал. Затем грянул гром среди ясного неба. Мой гуру обрёл *нирвану* в 1936г. Весь мир померк для меня. Я также потерял надежду узнать истину лично от Багавана.

В июле 1937г. я поехал на Аруначалу на *даршан* к Багавану. Он сидел на диване. Он был бесподобен. Его сияние затмило бы тысячу солнц. Он нас не видел. Не было ни единого признака, что он заметил меня. Я был обескуражен. Весь день я слонялся по Ашраму. Несколько раз переходил ему дорогу, чтобы привлечь внимание, но безрезультатно.

Вечером Багаван снова сидел на диване. Внезапно он окликнул Нарасимхама, который переписывал в тетрадь *Uma Sahasram* Ганапати Муни, и сказал: «Вы поняли смысл стихов?» Нарасимхам ответил: «Я понимаю их общую направленность, но не истинное значение». Багаван сказал: «Как же вы не понимаете? Вы же учёный», и затем он сказал:

«Свет Атмана идёт от сердца к уму, а оттуда к разным частям тела. Умеющий различать должен непрекращающимися усилиями повернуть свет обратно в сердце, откуда он появился. Тогда он ощутит блаженство Атмана. Хотя сердце всепроникающее, из-за того, что человек отождествляет себя с телом, указывают на телесное местонахождение с правой стороны». Произнося последние слова, Багаван посмотрел прямо на моё сердце.

Как описать чудесное переживание, которое последовало? Я просто утонул в счастье, какого никогда не знал раньше. Он благословил меня переживанием, которого даже величайшие *дэвы* (боги) ждут с нетерпением. Казалось, он как бы говорил: «Ты получил то, что обещал тебе Ганапати Муни и то, чего ты так страстно желал. Теперь в твоих руках сделать это своим с помощью постоянной практики»

77. Этель Мерстон, французская последовательница, приехала к Шри Рамане в 1939г. Она много лет жила рядом с Шри Раманашрамом до и после *маханирваны* Шри Раманы. О своих встречах с Шри Раманой она написала в книге *The Call Divine*.

В 1937-38гг небольшая группа искателей в Париже обсуждала учение Дж. Кришнамурти и других. Все мы читали книгу Брантона *Путешествие в тайную Индию*

(№1). Одна из нас – Паскалин Мале (№75), посетила Ашрам и получила огромное впечатление. Паскалин попросила меня помочь ей перевести «*Кто Я?*» на французский язык. Книга произвела на меня глубокое впечатление. Нам было интересно увидеть великого человека, так превознесённого Брантоном.

Багаван привлёк меня в Тируваннамалай в 1939г. Войдя в холл, я за несколько мгновений поняла, что **нахожусь в присутствии величайшего учителя, которого когда-либо встречала**. С первого же момента он заставил меня почувствовать себя как дома, и покой в том маленьком холле притягивал, как ничто другое. Мы планировали побыть два дня. Когда пришло время уезжать, я знала, что однажды вернусь. Возвращение состоялось через два года, и с тех пор в течение пяти последующих лет я посещала Ашрам каждое лето, чтобы сидеть в присутствии Багавана. Затем в 1944г., когда закончилась моя работа в Северной Индии, я приехала, чтобы постоянно жить рядом с ним.

В то время женщины сидели по обе стороны от входа лицом к кушетке, а мужчины садились по другую сторону, у подножия кушетки. На *даршан* приходили представители всех каст, верований и национальностей. Всем и каждому от махараджи до подметальщика Багаван был добрым другом. Новички, включая меня, начинали задавать ему вопросы, но вскоре обнаруживали, что нет необходимости озвучивать их; так или иначе, не будучи заданными, вопросы получали ответы, а проблемы разрешались.

Однажды я три дня размышляла над проблемой, не находя решения. На четвёртый день я сидела напротив Багавана, всё ещё обеспокоенная, Багаван внезапно обратил взгляд на меня. Через мгновение он попросил одного из слуг найти ему определённую книгу историй из *пуран*; он полистал страницы, нашёл нужный отрывок, передал книгу одному из тех, кто знал английский язык, и попросил его прочитать историю вслух. Эта история подсказала решение моей проблемы.

Он учил каждого искателя соответственно его потребностям. Он был ясновидящим и читал наши мысли. Из психических сил я не видела, чтобы он пользовался хоть одной, кроме **передачи мыслей безмолвно и так мощно, что вибрации иногда волнами прокатывались по холлу, почти причиняя боль, так сильно они ударялись о тело** не только получателя, кому эти мысли предназначались, но и многих из нас, сидящих там.

Взгляд Багавана очаровывал. Однажды в холл вошёл пожилой *санньясин*. Багаван сразу же отложил книгу, которую читал, и посмотрел прямо на него, а он сделал ещё два шага вперёд и стоял возле ног Багавана, тоже глядя ему в глаза. Во взгляде Багавана было столько любви и радости, что можно было почти услышать, как он говорит: «Наконец-то ты пришёл, мой любимый брат». **Оба пристально смотрели друг на друга, не говоря ни слова, но я буквально ощущала, что они разговаривают друг с другом**, между ними пробегали потоки электричества. Так они, молча, общались минут десять или пятнадцать, затем внезапно *санньясин* опустился на пол и ушёл в *самадхи* на следующие два часа. Багаван спокойно поднял книгу и продолжил читать, как будто ничего не произошло, и, несомненно, для него действительно ничего не произошло. Но для нас это было незабываемое переживание.

Кроме решения наших проблем или помощи в их решении, просто сидя в присутствии Багавана можно было понять или ощутить, что такое настоящее расслабление и спокойный ум. Это не означало запереть или изолировать себя, наоборот, это значило быть со всеми, и оставаться внутри, быть в миру, но не от мира сего.

В последние годы жизни Багавана мы многому научились у него. Но одно он не переставал внушать нам – что он не тело, тело может уйти, но он не уйдёт. Он всегда был и

всегда будет с нами, как теперь. Я видела только трёх людей плачущими, пока мы проводили ночь, бодрствуя у тела. Мы просто знали, что Багаван не ушёл, так зачем же плакать о нём, или, вернее, плакать о несуществующей потере? Мы, знавшие его в теле, не единственные, кто ощущает его присутствие. Даже после того, как он оставил тело, люди в Англии, которые никогда не знали его лично, говорили мне, что прочитав о нём, ощущают его реальное присутствие рядом, даже его прикосновение, милостиво готовое помочь.

78. Европейский Садхак, пожелавший остаться неизвестным.

Шри Багаван уникален, бесподобен. Один его милостивый понимающий взгляд и несколько сочувственных слов всегда несли океан смысла искреннему искателю, устремлённому паломнику. А какой искренний путешественник пришёл к нему и ушёл с пустыми руками?

Он быстро мог расправиться с интеллектуальным придирой. Сухой философ мог натолкнуться в нём на стальную стену. Вечный скептик мог вернуться от него, не став лучше. Но те, кто безоглядно отдал себя поиску истины, неизменно находили в нём великого руководителя. Иногда искомое руководство приходило в виде ответа на чей-нибудь вопрос. Иногда оно давалось прямым односложным ответом. А иногда оно приходило через подлинное переживание. Эти переживания интимны и даются только для личного духовного продвижения определённого искателя. Поэтому обычно нет необходимости привлекать весь мир в свидетели такого переживания. Однако поскольку меня попросили написать о том, как Шри Багаван помогает искателям, осмелюсь сослаться всего лишь на одно моё переживание.

Однажды я шёл по восточному склону горы твёрдо уверенный, что безоговорочно сдался Шри Багавану. Вдруг я увидел прокажённую женщину, идущую ко мне. Её лицо было ужасно изуродовано болезнью. Нос был полностью съеден, а на его месте зияли две дыры. Пальцы рук исчезли. Она приблизилась ко мне, и, вытянув обрубки рук, стала просить дать ей что-нибудь поесть. Вид её внушал отвращение и напугал меня. Я содрогнулся всем телом от ужаса при мысли, что она может прикоснуться ко мне. Охваченный отвращением, я поспешил прочь.

Внезапно я услышал громкий и ясный голос Шри Багавана, раздающийся из-за горы. Он говорил: «Сдаться мне означает сдаться всем, потому что Атман в каждом». Когда я услышал это, самообладание вернулось, и я предложил прокажённой бананы, лежавшие в моей сумке.

Через несколько минут я увидел, что стою не перед обезображенной женщиной, а перед высоким пожилым мужчиной с длинными седыми волосами и бородой. Мужчина был похож на *риши* и улыбался. Когда пришла мысль простереться перед ним, я снова увидел перед собой прежнюю прокажённую. Я поклонился, счастливый в сердце, хотя и немного смущённый в уме, а затем продолжил идти в гору. Это всего лишь один из способов, какими Шри Багаван учит, руководит и помогает.

79. М.А. Пигот была первой дамой из Англии, посетившей Шри Раману.

Я ездила в Индию и раньше, но впервые отклонилась от обычного маршрута 1932-33г. Я мечтала увидеть кого-нибудь из святых Индии, но пока безуспешно. Затем мне рассказали о Рамане Махарши. Друг, сообщивший приятные известия, предложил отвезти меня к нему, и мы прибыли в Тируваннамалай.

Он сидел на диване, перед которым дымились сандаловые палочки. В холле было около дюжины людей. Я села на пол, скрестив ноги, хотя для меня предусмотрительно приготовили стул. **Внезапно я осознала, что Махарши смотрит на меня. Мне казалось, что его взгляд буквально прожигает насквозь. Никогда раньше я не переживала ничего столь разрушительного – это было почти пугающе**. Трудно описать через что я прошла за эти ужасные полчаса самоуничижения и сожалений о никчемности своей жизни. **В свете совершенства проявились все мои недостатки.**

Когда мы вернулись на вечернюю медитацию, в холле стояла полная тишина. Глаза Святого больше не пылали. Они были спокойны и обращены вовнутрь. Все мои беспокойства, казалось, сгладились, а трудности растаяли. Ничто из того, что в миру мы называем важным, не имело значения. Время было забыто.

С этого дня жизнь пошла по накатанной колее. В шесть утра появлялась расшатанная повозка. Она доставляла меня в Ашрам и снова появлялась вечером, чтобы отвезти обратно. Вскоре я научилась удерживать равновесие, что обещало безопасность в повозке. Мне выделили в дневное пользование маленькую хижину, семь на семь футов; в те дни Ашрам не предоставлял женщинам жильё на ночь.

Среди тех, кто был в Ашраме, оказался известный автор Поль Брантон. Мы провели много возвышенных бесед. Задавать вопросы в холле было суровым испытанием, но при его поддержке я преодолела застенчивость. Всегда был под рукой переводчик; хотя Махарши понимает английский язык, он не говорит на нём свободно. Однако он сразу узнаёт, правильно ли переведён точный оттенок значения, и если нет, упорно добивается, чтобы его поняли до конца.

Однажды мы заговорили об *учительстве* и спросили: «Необходимо ли иметь гуру для духовного достижения?» Махарши сказал, чтобы прочитали определённый трактат, в котором говорится, что как при любой физической тренировке или интеллектуальном обучении ищут учителя, в делах духовных действует тот же принцип. «И», - добавил он, - «трудно достичь цели без помощи учителя». Я повернулась к нему и сказала: «Однако у Вас гуру не было».

По холлу прошелестела волна потрясения и ужаса. Но Махарши никак не потревожило мое бездумное замечание. Напротив, он посмотрел на меня с огоньком в глазах. Затем запрокинул голову и от души расхохотался. Это, как ничто другое, заставило меня полюбить его. Святой, который может посмеяться над собой, поистине святой!

Однажды один человек вбежал и бросился лицом вниз перед Махарши. Он горько плакал. Тело содрогалось от рыданий. Махарши ничего не сказал. Его голова была повёрнута в сторону, и он казался безразличным. Через короткое время сила горя утихла и постепенно человек замолк. Затем, наконец, он почтительно встал и с глубоким чувством поклонился. **Махарши повернул голову и улыбнулся ему. Мне показалось, что все цветы мира одарили нас благоуханием.**

В другой раз одного бедняка, которого укусила змея, принесли и положили перед ним. Мы наблюдали, скованные страхом. Но не он, который сидел, глядя вдаль, пока жертва корчилась от боли. Спокойствие и сострадание были в том взгляде и безграничное умиротворение. Через время, показавшееся долгими часами, судороги прекратились, и человек уснул. Затем тот, кто принёс страдальца, мягко коснулся его. Мужчина поднялся, простёрся перед Махарши и вышел, исцелённый.

Однако это было необычно. Махарши не излечивал в общепринятом значении этого слова. В беседе об этом однажды я спросила его, можно ли использовать духовную силу для

лечения. Он заметил: «Да, если считаете, что стоит это делать», - и добавил, - «Для этого нужно много энергии, которая может принести больше пользы, если направить её в другое русло».

В тот вечер состоялась прощальная беседа с Махарши. Он был так добр и человечен. Я снова спросила о соотношении тела и «я». Он улыбнулся и сказал: «Вы приехали сегодня из бунгало в повозке, однако не говорите «повозка приехала». Вы говорите: «Я приехала». Вы не допустили ошибки, отождествив себя с повозкой. Относитесь к телу, как к повозке. Заботьтесь о нём, и оно будет вам хорошим слугой и инструментом. Но не обманывайтесь, думая, что это «я». В конце нашей беседы он процитировал прекрасное высказывание из Упанишад: «Когда Атман стал всем, какие горести, какие беспокойства могут быть у того, кто однажды обрёл это единство?»

Я была в отчаянии, так как не могла застать Махарши одного. В толпе нелегко снять бремя с души. Однажды рано утром я вошла в холл и обнаружила его, излучающего чудесное безмолвие и покой. Я тихо спросила, можно ли с ним поговорить. Он кивнул и с улыбкой послал за переводчиком. Мой первый вопрос был: «Каковы препятствия для осознания подлинного Я?» Он сказал: «Память, привычка думать, накопленные склонности». Когда я спросила: «Как избавиться от этих препятствий?», он ответил:

«Ищите Атман через медитацию путём отслеживания каждой мысли вплоть до её источника, который есть только ум. Никогда не позволяйте мысли идти своим чередом. Если позволите, это будет продолжаться бесконечно. Возвращайте её назад к истоку – в ум – снова и снова, тогда и мысль, и ум умрут от бездействия. Ум существует только благодаря мысли. Остановите её, и ума нет. По мере возникновения каждого сомнения или уныния, спрашивайте себя: «Кто тот, кто сомневается? Кто испытывает уныние?» Постоянно возвращайтесь к вопросу Кто Я? Где оно находится? Отбрасывайте всё, пока не останется ничего, кроме самого источника. Живите всегда в настоящем; прошлого и будущего нет нигде, кроме ума».

Относительно медитации он сказал: «Медитируйте на том, кто вы есть в Реальности. Старайтесь осознать, что вы не есть тело, чувства или разум». Со временем я всё яснее и яснее видела, что это была не теоретическая философия. Он сам так жил постоянно и счастливо.

Он был одним из тех редких людей, кого я встречала, которые были не только счастливы, но и не обеспокоены. Не то, чтобы горести мира его не касались, но он знал, откуда они и не отождествлялся с ними. Его сострадание любому страдающему было безгранично.

Когда вечером я зашла попрощаться, жители Ашрама собрались вокруг проводить меня, и я почувствовала, что завела здесь и теперь оставляю верных друзей. Они были такими простыми и такими настоящими.

80. Дж.П. Васвани – глава Миссии Садху Васвани в Пуне.

Мне несказанно повезло иметь *даршан* Шри Багавана – сидеть в его очищающем присутствии – смотреть в глубину его мистических, сияющих, полных сострадания глаз – слушать его мудрые слова, сосредоточенные вокруг вопроса, поистине вопроса всех вопросов – единственного вечного вопроса, на который если вы однажды ответите, у вас не останется больше вопросов, а именно: Кто Я? Кто Я? Кто Я?

Это случилось в 1939г. Он сидел на кушетке в холле Ашрама. Когда я вошёл и сел среди преданных, мне вспомнилась картина: Дакшинамурти – вечный юноша – сидит на возвышении; у ног молодого учителя – пожилые белобородые *риши*; а под картиной подпись: «Учитель сидит в молчании. Его учение – безмолвие, и сомнения учеников рассеиваются».[1]

Шри Багаван сидел в молчании. Его учением было безмолвие. Многие приезжали к нему – многие с Востока и некоторые с Запада. Они приезжали с сотнями вопросов и сотнями сомнений в душе, но как только вступали в его очищающее присутствие, их ум замолкал. Они наполнялись необыкновенным покоем и забывали свои вопросы и сомнения. Его безмолвие было столь глубоким, молчание – столь возвышенным, тишина – столь уникальной. Шри Багаван говорит: «Молчание гуру более обширно и выразительно, чем все писания вместе взятые». Молчание Шри Багавана не было пассивным. Его тишина была полной и совершенной. Это было безмолвие ума и сердца вместе. Это было спокойствие чувств, эмоций и мыслей. Мы можем стоять, молча, но в уме скачут мысли, и внутри всё время бушуют неуправляемые страсти. Внутри нас шумят противоречивые желания. Безмолвие Мастера было глубоким. Это было абсолютное безмолвие реализованной души.

Шри Багаван осознал Бога, но он не отверг человечество. Он пришёл и жил среди людей, чтобы делиться с ними сокровищами духа. Он говорил на языке народа, жил как самый простой человек, одетый лишь в набедренную повязку, едва покрывающую его наготу. С утра до вечера, а иногда и до поздней ночи, вокруг него теснились люди. Каждому он был рад. Он был другом всех, кто приходил к нему. Он лично интересовался их делами – такими, как поезд, на котором они прибыли, еда, которую они едят, смерть или свадьбы, которые происходят в их семье.

Шри Багаван говорил, что все духовные пути можно объединить в две категории. Первая – Самоисследование – *атма вичара*. Сидя в молчании, войдя в тишину своего Я, снова и снова задавайте себе вопрос: Кто Я? Когда вы сидите в молчании, вы обнаруживаете, что поток мыслей кажется бесконечным. Они приходят и толпятся в уме.

По Шри Багавану, эффективным методом уничтожить всю армию мыслей, является – когда у вас возникает вопрос, спросите себя: «у кого возник этот вопрос?» Ответом, естественно, будет: «У меня». Тогда снова спросите себя: «Кто этот я?» «Кто я?» Каждый раз, задавая этот вопрос, вы обнаружите, что мысль, которая появилась, чтобы сбить вас с пути, сама незаметно исчезает. Таким путём вы сможете побороть все мысли, пока в один прекрасный день не обнаружите, что ум погрузился в Сердце, где сияет подлинное Я – божественный Атман. *Постоянной практикой* и *искренними усилиями* ум можно погрузить в его источник. Эго исчезнет, и истинный Атман один останется. Это путь *атма вичары*.

Второй путь – *саранагати* – отдача себя. «Отдайте себя полностью и всецело Единой Универсальной Силе», - говорил Шри Багаван, - «и вы станете едины с этой Силой».

В одной из его наиболее трогательных песен есть слова, на которые я медитировал, и пока я медитировал на эти слова, слёзы струились из моих глаз. Шри Багаван говорит: «Я пришёл, чтобы поглотить тебя, но ты сам поглотил меня. Теперь между нами мир, Аруначала!»[2]

Шри Багаван был *джняни* высочайшего порядка, какого когда-либо знал мир. Но помните, каждый подлинный *джняни* одновременно и *бакта*, и *карма йог*. Шри Багаван говорил: «Отдайте все свои заботы Богу. Бросьте свой груз к Его лотосным стопам. Помните:

[1] См. Приложение о Дакшинамурти.

[2] Поэма из 108 строф, адресованная горе Аруначале. *См*. Aksharamanamalai

Господь Вселенной один несёт всё бремя, почему вы должны нести свою ношу сами?» Это слова Шри Багавана, а каждое произнесённое им слово шло из глубин его реализации.

Можно прочитать все *шастры* (священные писания) в мире. Но всё, что вы приобретёте, изучая их, – ничто в сравнении с тем, что вы получите, услышав несколько слов, сидя у ног такого гуру, как Шри Рамана Махарши.

Какую удивительную любовь питал Шри Багаван к бедным, покинутым и несчастным! Когда постоянно жил на Горе, он однажды обнаружил, что несколько женщин низкой касты, возвращаясь каждый день после работы под жарким солнцем, мучимые жаждой, очень хотели пить. Но они принадлежали к низкой касте, поэтому им не разрешалось доставать воду из колодца. Шри Багаван сам – Шри Багаван – Шри Багаван – каково же было его величие! – он сам выходил и ждал их. Своими святыми руками он доставал воду из колодца и, когда они говорили: «Свами, Свами, мы хотим пить, дай нам немного воды», он давал им воду. Иногда я чувствую себя, как те женщины низкой касты, и снова и снова обращаясь к милостивому лицу Махарши, говорю ему: «Свами, Свами, дай мне воды жизни!», и он даёт её каждой ищущей душе.[1]

81. Свами Рамдас был основателем Анандашрама в Канангаде, штат Керала. Он автор книги «*Поиски Бога*»

История, следующая ниже, была рассказана Свами Рамдасом Дилипу Кумар Рою (№8), и опубликована в книге Роя **The Flute Calls Still*:***

Однажды Рамдас пришёл на *даршан* к Рамане Махарши и так обратился к нему: Махарадж, вот стоит перед тобой смиренный раб. Сжалься над ним. Его единственная молитва тебе о твоём благословении. Махарши обратил свой прекрасный взгляд на Рамдаса и несколько минут пристально смотрел ему в глаза, как бы вливая благословение в Рамдаса через эти очи. Затем он кивнул головой, как бы говоря, что благословил. Невыразимое счастье дрожью пробежало по всему телу Рамдаса, тело его трепетало, как лист на ветру. Рамдас пришёл к Махарши в состоянии полного отчуждения от мира. Он почувствовал дрожь экстаза в его присутствии. Махарши сделал пробуждение Рамдаса постоянным.

Люди просили Рамдаса: «Ты пошёл к Махарши и получил просветление. Дай нам просветление так же». Рамдас отвечал: «Вы должны прийти к Рамдасу в том же состоянии духа, в каком он пришёл к Махарши. Где было его сердце? Какой силы было его стремление? Что был для него мир в то время? Если вы придёте в том состоянии, тогда вы тоже получите это».

82. Свами Тапованам был гуру Свами Чинмайананды.

Безмолвие – это Истина. Безмолвие – это Блаженство. Безмолвие – это Покой. А следовательно, Безмолвие – это *атман*. Жить этим Безмолвием должно быть Целью. Это *мокша*. Шри Рамана Махарши был воплощением Безмолвия. Он был само Безмолвие.

Мне посчастливилось получить *даршан* Махарши в Тируваннамалае, когда он жил в пещере с матерью и братом. В то время молодой *брамачарья*, я взобрался на гору и увидел там Махарши. Махарши с любовью посмотрел мне в лицо. И всё. Он пребывал в Безмолвии. Ни одного слова не было сказано между нами. Царила высшая, динамичная, божественная Тишина. Прошёл час, в Молчании. Он поднялся, чтобы принять пищу (*бикшу*). Я тоже

[1] Этот эпизод был рассказан самим Шри Раманой Сури Нагамме (№39)

поднялся, поклонился и пошел вниз. Божественная Тишина всё глубже и глубже проникала в меня с каждым шагом! Кто-то побежал за мной, и просил взять *прасад*. Я был сыт – полон Тишины. Махарши окликнул его и сказал, чтобы он не принуждал меня. Тогда я покинул пещеру и ушёл.

Махарши был божеством Покоя и Тишины. Поверхность океана пляшет волнами, смеётся и искрится пеной, оглушительно ревёт, когда волны сталкиваются и ударяются! А в глубинах он пребывает в вечной Тишине и Покое. Без такой божественной и духовной глубины работа и активная деятельность этой вселенной станут бесполезными и бесцельными. Деятельность должна иметь целью и вести нас в конечном итоге к бездеятельному Пребыванию в Божественной Тишине и бесконечном Покое. Это тайная доктрина всех наших Вед и древних писаний.

83. Свами Чинмайананда (Балакришна Менон) был основателем Миссии Чинмайя.

Я окончил школу и сдал выпускные экзамены. По туристическому железнодорожному билету я путешествовал по Южной Индии. Поезд, спотыкаясь, дымил по сельской местности, и вдруг большинство пассажиров в моём купе в большом возбуждении стали выглядывать в окна и благоговейно кланяться великолепному храму за окном. На расспросы мне ответили, что это Храм Тируваннамалая.

Затем разговоры моих попутчиков обратились к Рамане Махарши. Слово «Махарши» вызвало в воображении древние лесные убежища и сверхчеловеческие существа божественного сияния. Хотя в то время я был убеждённым атеистом, у меня возник глубокий соблазн посетить Ашрам Махарши. Я предпочёл пересесть на ближайший поезд до Тируваннамалая.

В Ашраме мне сказали, что Махарши в холле, и каждый может свободно войти и увидеть его. Войдя, я увидел на кушетке пожилого человека, одетого в набедренную повязку, опирающегося на круглую подушку. Я сел у самого подножия кушетки. Махарши внезапно посмотрел мне прямо в глаза. Просто взгляд и всё. Я почувствовал в то самое мгновение, что Махарши смотрит глубоко в меня – и я уверен, он видел всю мою поверхностность, заблуждения, безверие, недостатки и страхи.

Не могу объяснить, что случилось в это единственное мгновение. Я был открыт, очищен, исцелён и опустошён! Беспорядочный вихрь: атеизм исчезает, но скептицизм наводняет вопросами, удивлением и поиском. Рассудок придал мне сил, и я сказал себе: «Это всё гипноз, моя глупость». Приободрившись таким образом, я встал и вышел.

Однако юноша, покинувший холл уже не был тем юношей, который вошёл в него десять минут назад. После окончания колледжа, спустя годы политической работы и спустя годы пребывания в Уттаркаши у ног моего мастера Тапованама (№82), я знал: то, что я обрёл на берегах Ганги, было тем, что дал мне много лет назад святой Тируваннамалая в тот жаркий солнечный день – одним лишь взглядом.

В беседе в 1982г. Свами сказал:

Шри Рамана - это не тема для обсуждения; он – переживание; он – состояние сознания. **Шри Рамана был высочайшей реальностью и сливками всех писаний в мире.** Он был здесь, чтобы мы все видели, как может жить Мастер в совершенной отрешённости. Хотя и в смертном теле, он жил как красота и чистота Бесконечного.

84. Свами Муктананда был основателем известного ашрама в Ганешпури, недалеко от Бомбея.

Багаван Рамана Махарши был великим святым, всегда занимающим особое место в умах людей; божественная личность сделала его любимым всеми существами. Слово «Рамана» означает «Играющий» (*rameti iti Ramana*). Вы можете называть его "*атман"* или "Гуру"; оба слова – синонимы, обозначающие одну божественную силу, чьей игрой является вселенная.

Рамана Махарши был божественной душой, полностью отрешённый, вне всех различий, крайне сдержанный и игриво живущий в океане трансцендентального сознания. Мне посчастливилось быть подле него всего лишь три дня. Даже за это короткое время я увидел, что каждый, кто входил к нему хоть на мгновение, переживал одно и то же состояние полностью реализованной души в трансцендентальном состоянии, вне мыслей. Одни считали, что он *сиддха*, или великий святой, другие верили, что он – воплощение Бога. **Любой, кто хоть раз приходил к Махарши, ощущал, что Махарши принадлежит ему. Потому, что он действительно принадлежал всем, а все – ему**.

Одетый лишь в набедренную повязку, он сидел расслабленно на кушетке, но выглядел более привлекательно, чем самые богато разодетые принцы, как говорил мой уважаемый гурудэв Нитьянанда**, Махарши был вне телесного сознания, вне всех определений и вне качеств**. Это означает, что он был на уровне, гораздо выше телесной боли и удовольствий, уровне, недостижимом для большинства из нас, смертных. Осознание Атмана было самым важным в его учении: каждому, кто спрашивал, он без колебаний давал совет медитировать на Атмане, поклоняться Атману и познать Атман. Это потому, что в соответствии с Ведантой, нет ничего, что стоит знать, слышать и видеть, кроме подлинного Атмана.

Путь исследования, указанный им, открыт для всех, потому что он провозгласил абсолютную истину, которая беспрепятственно доступна во все времена, в любом месте и при любых обстоятельствах. Его послание кому-то кажется древнейшим из древних, другим – новейшим из новых. В действительности, оно древнее и современное одновременно, так как понятия новое и старое накладываются на Атман другими, в то время как на самом деле он не имеет возраста и вечен. Кто-то называет настоящее время новым веком, но по Махарши всё, старое или новое – это отражение одной вечной истины.

Те, кто любил Махарши, получили от него подлинное высшее блаженство, обретённое путём *джняны*, *йоги* и *бакти*. Он – вечно обожаемая Великая Душа. Поклоняюсь ему.

85. Элиот К. Кларк был известным американским художником, посетившим Шри Раману в 1938г.

Махарши полулежит на высоком диване. На нём только набедренная повязка. У меня нет заранее составленного мнения, но я с уважением прохожу мимо него. Он, кажется, совсем не обращает внимания, и даже если заметил незнакомца, нет никакой реакции или осознания. Хотя я единственный иностранец из присутствующих, никто не проявляет видимого интереса или любопытства. Я сажусь на пол среди остальных. Ни слова.

Сначала меня разбирает чисто объективное любопытство. Я рассматриваю голову Махарши. Он – мужчина старше шестидесяти, с коротко остриженными седыми волосами, короткими усиками и бородкой, цвет лица довольно светлый. Его черты не являются типично индийскими. Затылок необычно закруглённый и выпуклый; лоб высокий, брови

находятся почти на середине головы, глаза высоко посажены, уши удлинённые и ярко выраженные, тело спокойное.

Входит высокий темнокожий паломник. Он полуобнажён. Затем входит женщина. Она встаёт на колени, трижды склоняет голову. Махарши не проявляет никакого интереса.

Общее спокойствие создаёт естественную тишину. Объективные мысли и осознание постепенно гаснут, и погружаешься в единство, царящее здесь.

В тот момент, когда я умышленно прекратил любопытствовать и собираюсь мечтательно закрыть глаза, голова Махарши слегка поворачивается, его взгляд встречается с моим, в нём невыразимое сияние, намёк на улыбку. Зрительное восприятие исчезает.

Учение Махарши очень простое. По содержанию довольно безличное, оно может быть понято путём личной практики и опыта. Настоящее учение в открытии тишины: когда улягутся беспокойство и колебания ума, само по себе начинает светиться внутреннее присутствие. Он говорит: мы узнаём ум только, когда он меняется; так же как узнаёшь о движении с точки зрения неподвижности. Ум, как и движение, - это относительное перемещение. Мы узнаём о его существовании по его изменению. Но когда ум направлен внутрь в поисках своих истоков, осознание «я» исчезает в своём Источнике. «Я» идентифицируется не со своим эгоистическим сознанием и изменчивым миром, а со своим Истоком, который вечен. Осознание «я» относительно и конечно; но Источник бесконечен и вечен. В лоне тишины вечно сияет свет.

Махарши не читает лекций. Он отвечает на вопросы; но в магии его присутствия вопросы начинают исчезать с успокоением ума.

86. Свами Абхишиктананда ранее был христианским монахом по имени отец Генри ле Сокс, который почувствовал, что христианским священникам как *санньяси*, есть место в Индии. Он изучал индуистские писания и экспериментировал с рекомендованными в них медитативными практиками и поклонением. Он автор книг *Sacchitananda, Guru and Disciple* и *The Secret of Arunachala*.

Последователь Шри Раманы Пуруша (Фр. Дж. Мончанин) и я вошли в холл, приветствовали Махарши с уважением и сели в толпе. Я сосредоточился, внимательно разглядывая Махарши, о котором так много читал и слышал. Однако, несмотря на мои пылкие ожидания – вернее, возможно, из-за них – я почувствовал разочарование, а вместе с разочарованием печаль наполнила сердце. Я продолжал пристально смотреть на Махарши.

В одиннадцать часов прозвучал гонг к обеду. Следом за Махарши мы все пошли в столовую. Мы с Пурушей, поскольку это был наш первый обед, имели привилегию сидеть прямо напротив Махарши. Всё время обеда я почти не сводил с него глаз; так сильно хотелось разгадать его тайну. Он сидел на полу, как и мы, ел руками с бананового листа, как и мы, и принимал точно такую же пищу, как и мы. Этого принципа он придерживался непреклонно; с самого начала своего *manaca* он наотрез отказывался прикасаться к чему-либо, что нельзя было поделить поровну между всеми без исключения.

Ещё раз и без сомнений я увидел в нём великолепного дедушку. Но где же нимб? Напрасно напрягал я глаза, пытаясь разглядеть его; все усилия были напрасны.

После обеда Пуруша отвёл меня знакомиться с Этель Мерстон (№77), с которой он познакомился в свой предыдущий визит. Она спросила о моих впечатлениях, и, поскольку мне не хотелось скрывать правду, я рассказал ей о своём разочаровании. Она сказала: «Вы

приехали сюда со слишком большим «багажом». Вы хотите узнать, хотите понять. Вы настаиваете на том, что то, что вам предназначено, должно появиться именно тем путём, который вы определили. Вместо этого, вам нужно сделать себя пустым и восприимчивым».

На самом ли деле я попытался сделать себя пустым, как советовала Этель? Или это лихорадка, которая взяла верх над всеми моими усилиями медитировать и мыслить здраво? Когда снова начались чтения Вед, их смысл гораздо дальше увёл меня от себя самого и от мыслей, одолевавших меня предыдущим вечером.

Лихорадка, сонливость, состояние полусна, казалось, высвободили во мне области сознания, в которых всё, что я видел или слышал, вызывало необыкновенно сильный отклик. Раньше, чем мой ум смог осознать этот факт, а тем более объяснить, невидимый нимб Мудреца был воспринят мною на уровне гораздо более глубоком, чем любые слова. Неведомые гармонии проснулись в душе… В Мудреце Аруначалы я разглядел уникального Мудреца вечной Индии, непрерывную линию её мудрецов; как будто сама душа Индии проникла в самую глубину моей души и вела с ней мистическое общение. Это был зов, проходящий всё насквозь, и открывающий бескрайнюю бездну.

К вечеру стало ясно, что мне придётся уехать. Лихорадка усиливалась. Снова получасовая тряска в повозке, запряжённой быком, изматывающая ночь в переполненном купе поезда. Следующим утром я просто рухнул в постель и три дня не мог пошевелиться.

Однако если тело было там, под одеялом, дух был всё ещё в Ашраме Шри Раманы. Пение Вед, которое я слышал там, всё ещё продолжало звучать в ушах. Перед глазами всё ещё танцевала картина: пожилой человек полулежит на кушетке и толпа, преданно теснящаяся вокруг него. В моих лихорадочных снах, когда я был между сном и бодрствованием, именно Махарши ясно виделся мне. Придя в себя после болезни, я понял, как глубоко во мне запечатлелась эта первая встреча с Шри Раманой, как часть тайны Аруначалы.

87. Раманадаса Садананда (Сешадри Айяр), преподаватель из Мадраса, впервые посетил Шри Раману в 1915г. Он написал *Sri Ramana Dasakam* (на тамили).

В пещере Вирупакша я стоял перед Шри Раманой, пылающим солнцем мудрости. Никогда раньше не видевший человека в таком блаженстве, я не мог ни думать, ни говорить, ни делать что-либо, только стоял ошеломлённый. Я простёрся перед ним, жадно испил нектара его пристального взгляда, почувствовал освобождение от пар противоположностей, парение над нескончаемым грохотом и страданием мирского существования. **Его блаженство было заразным! Он не только распространяет лучи света джняны фактом своего бытия, но одним лишь своим присутствием наполняет даже несчастных из нас счастьем и покоем.**

Я и сам, гонимый невзгодами, поначалу жил с тяжёлым сердцем, меня преследовали и улюлюкали заботы и тревоги, будоражили и волновали мысли, убивающие душу. Если есть место, где подобные угнетающие и удручающие идеи и чувства могут исчезнуть внезапно, как роса или темнота при появлении солнца, можно ли колебаться, чтобы назвать это место Кайлас и его Господь Махадэва?

Врач может вылечить пациента от болезни. Прекрасные виды природы на какое-то время могут вернуть жизнерадостность беспокойному уму. Но где ещё, если не в Тируваннамалае, можно найти место, которое легко освободит от земных несчастий и

перенесёт в Царство Божественного, радость от которого тот, кто не испытал его, не сможет описать!

В другой раз, когда я простёрся, устремив взгляд на священные лотосные стопы Багавана, и просил его спасти меня от разрушительных ударов жестокой майи, я нашёл панацею, которую так страстно желал, в словах, слетевших с божественных уст: «Кого все они (мирские несчастья) беспокоят? Задавай себе этот вопрос всегда, когда чувствуешь беспокойство. Ты не тело, которое исчезнет однажды. Знай, что ты есть *атма* неомрачённого счастья. Как тогда могут какие-то мирские проблемы влиять на тебя?» Его милостивые слова сотворили чудо. Я вдруг поднялся над облаком несчастий, окутывавшим и угнетавшим меня до той поры. В то самое мгновение уныние исчезло. Не могу сказать, каким образом оно ушло. Казалось, я никогда не знал печали или страданий в любой форме. Ум погрузился в море счастья**. Слово божественного волшебника тотчас оказало желанное целительное воздействие.**

В книге* День за Днём с Багаваном *Девараджи Мудальяра (№ 37) говорится:

Когда Багаван был в Скандашраме, я (Раманадаса) сидел на ступеньках, ведущих к Ашраму. Пришёл человек со своей семьёй и остановился у ворот. Он спросил, можно ли им получить *даршан* Свами, потому что неприкасаемые не смели даже подумать о том, чтобы войти в Ашрам. Я хотел спросить Багавана, но, поколебавшись, разрешил им войти. Вся группа зашла и простёрлась перед Багаваном. Я хорошо помню, как около десяти минут Багаван милостиво смотрел на того неприкасаемого и его семью; и как много богатых и выдающихся людей падали к его стопам на моих глазах, но не удостаивались такой милости.

88. Д-р М. Ананданарайяна Рао долгое время был главным врачом амбулатории Ашрама.

В январе 1929г. попутчик в поезде дал мне фотографию Шри Раманы и рассказал, где он живёт. Вскоре после этого я уехал учиться в Англию. По возвращении, занятый официальными обязанностями, я забыл про случай с фотографией. В мае 1932г., когда мне пришлось ехать в Тируваннамалай по делам, я вдруг вспомнил тот случай.

Я пошёл повидать Шри Раману. Он сидел на открытом пространстве возле колодца в ашраме. Я задал ему пару вопросов о своих проблемах во время медитации. Его ответы были короткими, ясными и по существу. Сразу чувствовалось его величие. Мой первый визит в Ашрам закончился через пару дней, но улыбка и сверкающие глаза Шри Раманы оказали на меня неотразимое воздействие.

В 1942г. я взял длительный отпуск перед отставкой и жил возле Ашрама. В сентябре этого года мне захотелось посмотреть Гурумуртам и прилегающий сад, где Шри Рамана жил и совершал тапас в 1890-е годы. Когда я вернулся после посещения этого места, Багаван расспросил меня о том, что я там видел.

Затем он описал, в каком состоянии тогда обычно находился. Он сказал, что в один момент понимал, что сейчас утро, а в следующее мгновение уже был вечер, и что он был в состоянии блаженства. Он добавил, как счастлив был тогда.

Слушая его рассказ, мы оказались в очень счастливом состоянии, а когда он закончил, почувствовали, как будто вдруг упали обратно в однообразную жизнь суетливого мира. Его милость, изливаясь на нас, сделала нас счастливыми.

Многие люди переживали счастье, сидя в присутствии Шри Багавана даже без слов!

Мне посчастливилось массажировать ноги и руки Шри Багавана. Однажды, когда у него были простреливающие боли в бедре, я попросил его разрешения растереть это место винтергриновым маслом. Ему стало легче. Тогда я попросил его лечь на кровать и не опираться на подушки, как он это делал обычно. Он улыбнулся и сказал, что не спал лёжа на полу или на кушетке с тех пор, как прибыл в Тируваннамалай. Он сказал, что за несколько мгновений может отдохнуть так же и даже лучше, чем мы, когда спим в хорошей постели несколько часов. Это озадачило меня на какое-то время, но потом я понял, что Шри Рамана мог уходить в *самадхи*, а у нас этого опыта не было.

Багаван всегда бодрствовал, хоть и пребывал в *самадхи*. Однажды я принёс ему маленький горшочек с мазью, которая была ему нужна. Услышав, что он негромко похрапывает, я решил, что он спит. Я стоял и думал, то ли тихо поставить горшочек на полку, то ли подождать, пока он проснётся. Он тут же открыл глаза, улыбнулся и спросил, почему я не отдаю ему горшочек. Я ответил, что он спал, а я не хотел его беспокоить. Шри Багаван тут же спросил, с чего я решил, что он спит. Я что-то пробормотал в ответ, отдал ему горшочек и сел в холле вместе с другими. Багаван снова закрыл глаза и стал слегка похрапывать.

В это время, когда один *бакта*, новичок в Ашраме, подошёл к кушетке и простёрся, он сразу открыл глаза и улыбнулся ему. Снова Багаван вернулся в сонное состояние. Когда пришёл и простёрся ашрамит, он не открыл глаз, однако практически следом за ашрамитом вошёл вновь прибывший и простёрся, Багаван тут же открыл глаза, посмотрел на него и улыбнулся.

В декабре 1948г., массажируя руку Багавана, я почувствовал маленький узелок выше локтя. В июле 1949 повреждённая ткань воспалилась. Я умолял его принять решение исцелить себя. Он улыбался и сидел, молча, пока я не повторил просьбу. Тогда он ответил: «Здесь нет ума, поэтому вопроса о решении не возникает».

Для Багавана тело с его болезнями не существовало. Когда обрабатываешь обширную рану, боль неизбежна, однако он не проявлял никаких признаков боли, и даже помогал делать перевязку правой рукой, как будто рука принадлежала кому-то другому.

Перевязывая опухоль, я должен был протирать её очищенным спиртом. Однажды спирт с тампона потёк ему на руку и тело. Он сразу же сказал, что принял «омовение духа» (spirit bath), и что всем нужно принимать такие ванны. Я не понял значения этого и попросил его объяснить. С улыбкой он сказал: «Рыба всегда в воде и не может жить без неё. Так же и мы находимся в Духе или Чистом Сознании, и всегда должны быть в нём, как рыба в воде. Надо всегда осознанно оставаться в Чистом Сознании или Атмане». Я понял, что он всегда находился в *сахаджа самадхи*. Часто по кажущемуся незначительным поводу он говорил великие слова наставления. Эти наставления захватывали нас.

В беседе в 1949г. он рассказал нам, что слёзы текут из внешних уголков глаз человека, если он очень счастлив, и из внутренних уголков, если он грустит. Это верное наблюдение. Вечером его *нирваны* (14 апреля 1950г.) я был в комнате среди остальных. По его просьбе мы помогли ему сесть, вытянув ноги. Он держал глаза закрытыми, дыхание постепенно становилось поверхностным. Преданные снаружи начали петь «Аруначала Шива»[1]. Он открыл глаза, посмотрел в направлении, откуда раздавались голоса и закрыл глаза. Слёзы покатились из внешних уголков глаз. Я подумал, что это очевидный признак Высшего Блаженства возвращения к ЕДИНОМУ, без второго. Тело было оставлено очень спокойно.

[1] Припев знаменитого гимна, сочинённого Шри Раманой в честь Горы Аруначалы. См. Приложение-I.

89. Н. Рамачандра Рао – автор первой биографии Шри Раманы на языке каннада.

Я был школьным учителем в Уригауме. После отставки я поселился в Бангалоре. Впервые узнал о величии Багавана в 1918г. Сразу же поехал в Тируваннамалай и увиделся с ним в Скандашраме. Он спросил моё имя и откуда я приехал, и милостиво просил меня разделить трапезу в Ашраме.

Его *даршан*, с какой добротой он расспрашивал, с какой любовью кормил – произвели огромное впечатление, которое нельзя описать словами. Как магнит притягивает иголку, так и меня притянуло к нему. С тех пор и до *махасамадхи* Багавана я приезжал и жил с ним, как только выпадала такая возможность.

Через несколько месяцев после первого посещения я привёз с собой жену. Багаван с любовью усадил нас на возвышение и подавал нам еду своими божественными руками. Нет слов, чтобы достойно оценить богатейшую сладость святого *прасада*, который мы ели из его рук. Моя жена часто болела и не могла принимать пищу. Когда мы посоветовались с врачами, они сказали, что у неё туберкулёз и ничего нельзя поделать. Однако однажды во сне ей явился Багаван и благословил её. С той поры, к величайшему удивлению всех, она совершенно выздоровела без каких-либо лекарств.

Вечером нам очень захотелось выразить почтение святым стопам Багавана. Несмотря на то, что это было против правил Ашрама, и его последователи не разрешили бы это, Багаван из безграничной милости, зная о нашем жгучем желании, создал такую ситуацию, когда все присутствующие вышли на время по той или иной причине. И мы смогли провести *pada puja* (поклонение стопам) от всей души.

Однако когда я снова приехал в 1923г., он твёрдо отклонил попытку повторить *пуджу*, которую мы совершили раньше. Кажется, Багаван избегал традиционных ритуалов поклонения ввиду увеличивающегося числа посетителей, которые тоже могли бы просить о такой привилегии. Более того, Багаван был категорически против любой формы поклонения его физическому телу.

90. Пападжи (Хариванш Лал Пунджа) (1910-1997), офицер индийской армии, родился в Лиалпуре, штат Западный Пенджаб. С детства глубокая преданность Кришне вызывала у него яркие видения Господа.

После того, как оставил офицерскую должность в индийской армии в пользу духовных достижений, Пападжи путешествовал с места на место и встречался с многочисленными духовными учителями, включая Свами Рамдаса(№81), Свами Шивананду, Свами Тапованама(№80) и Ананда Мойи Ма, преданную Шри Раманы. Но никто не мог ответить на его вопрос: «Вы видели Бога? Вы можете показать мне Бога?» После всех скитаний, когда он вернулся домой «утратив иллюзии и разочаровавшись», у двери появился садху, похожий на Шри Раману и попросил поесть. Его накормили, а затем спросили: «Вы можете показать мне Бога? Если нет, то знаете ли Вы кого-нибудь, кто может?» Пападжи рассказывает:

К моему великому удивлению, *садху* сказал: «Да, я знаю человека, который может показать тебе Бога. Его имя Рамана Махарши, и живёт он в Тируваннамалае». Он подробно рассказал мне, как добраться. Я тщательно всё записал. Однако я спустил все деньги, накопленные за короткую службу в армии на своё безрезультатное паломничество. По удивительному совпадению я натолкнулся на объявление, где предлагали работу в Мадрасе

для бывшего офицера армии. Когда я получил работу, наниматель дал мне денег на переезд в Мадрас и сказал, что мне надо приступить к обязанностям через месяц, таким образом предоставив возможность побыть в присутствии Махарши прежде чем я начну работать. Это было в 1944, и мне было тридцать четыре года.

По указаниям *садху* я добрался до Шри Раманашрама. Прежде, чем войти в холл, я заглянул туда через окно и увидел на диване того самого человека, который приходил в мой дом в Пенджабе. Мне стало противно. Я сказал себе: «Этот человек мошенник. Появляется у меня дома в Пенджабе, говорит, чтобы я приехал в Тируваннамалай, а затем прыгает в поезд, чтобы успеть сюда раньше меня». Я был так раздосадован, что решил покинуть Ашрам.

Я как раз собирался это сделать, когда один из ашрамитов спросил: «Вы ведь только что прибыли?» Я рассказал ему историю о том, как меня обманули. Человек сказал: «Вы ошибаетесь. Он не покидал город последние 48 лет. Вы либо перепутали его с кем-то, либо он проявился в Пенджабе, пока физическое тело было здесь. Однажды приезжали девушки из Америки и рассказали подобную историю. Иногда такое случается». Это пробудило моё любопытство, и я решил остаться.

Я пообедал в Ашраме. По окончании трапезы Махарши вошёл в холл в сопровождении слуги. Поскольку ему нужен был отдых, посетителям не разрешалось видеть его с 11.30 до 2.30 дня. Не зная об этом, я последовал за ним. Слуга стал просить меня прийти позже, но Махарши услышал это и разрешил войти.

Я приблизился к Махарши с воинственным видом. «Вы – тот человек, который приходил в мой дом в Пенджабе?» Махарши молчал. Я начал снова: «Разве Вы не приходили в мой дом и не говорили, чтобы я приехал сюда?» Снова Махарши промолчал. Поскольку он не хотел отвечать, я перешёл к главной цели своего визита. Я спросил: «Вы видели Бога? А если видели, можете сделать так, чтобы и я Его увидел? Я готов заплатить любую цену, даже отдать жизнь, но Ваша часть сделки – Вы должны показать мне Бога». Он ответил: «Нет, я не могу показать тебе Бога или сделать так, чтобы ты увидел Бога, потому что Бог – это не объект, который можно увидеть. Бог – это субъект. Он - видящий». Он также добавил: «Ты один – Бог». Его слова не произвели впечатления на меня. Я бы выбросил его из головы, не раздумывая, если бы не то, что я испытал. Он пристально смотрел мне в глаза, и моё тело начало дрожать и трястись. Нервная дрожь пробежала по всему телу. Казалось, что нервные окончания закружились в танце, и волосы встали дыбом. Я почувствовал духовное Сердце внутри. Это не физическое сердце; это источник и опора всего, что существует. В Сердце я увидел или почувствовал нечто, похожее на закрытый бутон. Он был очень яркий, голубоватого цвета. Махарши смотрел на меня, а я пребывал в состоянии внутреннего безмолвия; я почувствовал, как этот бутон раскрылся и зацвёл. Я использую слово бутон, но это не точное описание. Точнее было бы сказать, что нечто похожее на бутон, расцвело в моём Сердце. Это было необыкновенное переживание. Оно повергло меня в изумление.

Несмотря на переживание огромной силы, утверждение Махарши «Ты один есть Бог» и его совет выяснить, кто видящий, не возымели на меня особого действия. Я думал про себя: «Нет ничего хорошего в том, чтобы быть шоколадом. Я хочу попробовать шоколад на вкус». Я хочу оставаться отдельным от Бога, чтобы наслаждаться блаженством единения с Ним. Мои взгляды на различные религиозные практики были ограничены. Я думал: «Кажется, здесь в холле никто не повторяет имя Бога. Как могут они считать себя хорошими преданными? Все эти люди, может быть, и медитируют, но как по мне, они теряют время даром».

До вступления в должность в Мадрасе ещё оставалось время. Но я не хотел проводить его со всеми этими «духовными лентяями» в Ашраме. Я нашёл тихое место в джунглях по другую сторону Горы и устроился там, чтобы совершать Кришна *джапу* в спокойствии и уединении. Я жил там около недели, погружённый в практики преданности. Кришна часто являлся мне, и мы много времени проводили в играх.

Перед отъездом на работу в Мадрас я ещё раз навестил Ашрам, отчасти, чтобы попрощаться, а отчасти, чтобы сказать Махарши, что мне не нужна помощь для того, чтобы увидеть Бога, потому что я вижу Его каждый день с помощью собственных усилий. Когда Махарши спросил, где я был, я сказал ему с немалой долей самодовольства, что играл с Кришной.

Махарши сказал: «Очень хорошо, очень мило. Ты видишь его сейчас?» Я ответил: «Я вижу Его в видениях». Махарши сказал: «Какая польза от Бога, который появляется и исчезает? Если это реальный Бог, Он должен быть с тобой всё время». Отсутствие у Махарши интереса к моим видениям немного остудило меня, но не настолько, чтобы прислушаться к его словам. Всю свою жизнь преданный Кришне, я не мог понять духовное стремление в каком-либо другом виде, нежели стремление к личному богу. Не получив по моему предвзятому мнению у Махарши ничего, кроме хорошего переживания и плохого совета, я вернулся в Мадрас и приступил к своей новой работе.

Я поселился в симпатичном домике и начал работать. Всё свободное время и энергию я посвящал общению с Кришной. Я синхронизировал *джапу* с дыханием. Подсчитав, что совершаю около 24000 дыхательных движений в день, я решил, что должен повторять имя Господа, по крайней мере, с каждым вдохом. Однажды я обнаружил, что пытаясь начать повторение имени Кришны, не могу больше этого делать. Каким-то образом мой ум отказывался сотрудничать. Не найдя решения проблемы даже посоветовавшись с известными свами в Мадрасе, я обратился мыслями к Махарши. Я подумал: «Тот человек каким-то образом приехал в Пенджаб и направил меня в Тируваннамалай, чтобы я увидел его. Я поехал туда и получил очень хорошее переживание. Я могу снова поехать туда, и посмотрим, что он скажет теперь».

Приехав поездом в Тируваннамалай, я добрался до Ашрама. Чтобы поговорить с Махарши наедине, я вошёл в холл после обеда. Как и в предыдущий раз, слуга просил меня прийти позже. И снова Махарши вмешался, и я получил возможность рассказать ему, что двадцать пять лет совершал *садхану*, главным образом, повторяя имя Кришны. Теперь мой ум отказывается заниматься мыслями о Боге. Что случилось со мной, и что мне делать? Махарши посмотрел на меня и спросил: «Как ты добрался сюда из Мадраса?» Я не увидел смысла в его вопросе, но вежливо ответил: «Поездом». Затем он спросил: «Что случилось, когда ты добрался до Тируваннамалая?» «Я сел в повозку, которая доставила меня сюда».

Тогда Махарши объяснил, куда он клонит: «Поезд доставил тебя к месту назначения. Ты вышел из него, потому что он тебе больше не нужен. То же самое с повозкой. Теперь ты здесь, она тебе не нужна. Вот что произошло с твоей *садханой*. Твоя *джапа* и медитация привели тебя к духовному месту назначения. Ты не сам оставил практики; это они оставили тебя, потому что выполнили свою задачу. Ты прибыл».

Затем он пристально посмотрел на меня. Я ощущал, как всё моё тело и ум омываются волнами чистоты. Его безмолвный взгляд очищал их. Под этим чарующим взглядом каждый атом моего тела проходил очищение. Как будто для меня создавалось новое тело. Проходил процесс преобразования – старое тело умирало атом за атомом, а на его месте создавалось новое. Затем, внезапно, я понял – был внезапный импульс узнавания – что осознал Атман.

Безмолвный взгляд Махарши установил меня в том изначальном состоянии, которое стало постоянным. Я, так долго смотревшее наружу, исчезло в прямом знании и переживании Атмана, которое открыл мне Махарши. Не могу описать это переживание, но я определённо знал, что мои духовные поиски закончились; а источник этого знания навсегда останется неописуемым.

За всю жизнь духовного поиска я встречал сотни *садху*, свами и гуру, но ни один из них не смог открыть истину так, как это сделал Махарши. Должен сделать ещё одно замечание о величии Махарши: он смог увидеть, что я достиг того состояния, в котором больше невозможно продолжать *садхану*. Он знал, что я готов к реализации, и своим божественным взглядом установил меня в своём состоянии.

После окончательного переживания в присутствии Махарши моя внешняя жизнь продолжалась так же, как и раньше. Я вернулся в Мадрас, продолжал работать и обеспечивать семью. По выходным и когда накапливался отпуск, я приезжал в Тируваннамалай, сидел у ног моего Мастера и наслаждался теплом в его сияющем присутствии. Циничный искатель-скептик, агрессивно противостоявший Махарши во время первого визита, исчез навсегда.

В первые несколько месяцев после реализации у меня не было ни единой мысли, я мог прийти в офис и выполнять свои обязанности без единой мысли в голове. Очень быстро я понял, что ум и мысли совсем не обязательны для деятельности в миру. Когда человек пребывает в Атмане, некая божественная сила начинает руководить его жизнью. Все действия тогда происходят спонтанно и осуществляются очень эффективно, без большой мыслительной деятельности и усилий.

В один из визитов в Тируваннамалай я взял с собой семилетнюю дочь. Она сидела перед Махарши и вошла в глубокий медитативный транс. В этом состоянии она провела несколько часов, прежде чем вернулась в обычное состояние бодрствования. Майор Чадвик (№42), наблюдавший всё это, подошёл к Махарши и сказал: «Я прожил здесь десять лет, но ни разу не испытывал подобного. Эта семилетняя девочка, кажется, была в этом состоянии, не приложив никаких усилий. Как такое возможно?» Махарши просто улыбнулся и сказал: «Откуда вы знаете, что она не старше вас?»

Моя дочь не хотела возвращаться в Мадрас. Махарши посоветовал ей сначала получить образование, а затем приехать, если захочет. Когда кто-нибудь спрашивал её: «Что произошло в тот день, когда ты сидела в трансе перед Махарши?», - она не могла отвечать и только плакала.

Иногда я сопровождал Махарши в прогулках по Ашраму. Я видел, как он протестовал, когда работники, вместо того, чтобы продолжать работу, хотели простереться перед ним. Всё, что он делал, было уроком для нас. Каждый его шаг был поучительным. Махарши предпочитал работать скрыто, не производя впечатления. Он не демонстрировал свою силу, лишь неуловимая эманация милости проникала в сердца тех, кто соприкасался с ним.

Один случай, который я наблюдал, очень хорошо иллюстрирует, как утончённо и «окольными путями» работал Махарши. Женщина принесла в Ашрам мёртвого сына. Мальчик, очевидно, умер от укуса змеи. Женщина плакала и просила Махарши вернуть его к жизни, но он не отвечал на её просьбы. Спустя несколько часов управляющий Ашрама заставил её унести труп. Когда она уходила из Ашрама, ей встретился какой-то заклинатель змей и объявил, что может вылечить её сына. Он что-то проделал с рукой мальчика в том месте, где был укус, и мальчик тут же ожил.

Преданные приписали чудесное исцеление Махарши, говоря, что когда проблема попадает в поле зрения *джняни*, некая «автоматическая божественная сила» приводит к её решению. Соответственно этой теории Махарши ничего не сделал осознанно, чтобы помочь мальчику, но на более глубоком, неосознанном уровне, его осведомлённость о проблеме привела к тому, что нужный человек появился в нужном месте. Махарши, естественно, снял с себя ответственность за чудесное исцеление. «Ах, вот как?» - лишь обронил он, когда ему сообщили о драматичном оживлении мальчика. Это было его типичное поведение.

Махарши никогда не демонстрировал чудес. Единственное «чудо», которое он позволял себе, – это чудо внутреннего преобразования. Словом, взглядом, жестом или просто пребывая в безмолвии, он мог успокоить умы людей, окружавших его, заставляя их осознать, кто они на самом деле.

В июле 1947г. за месяц до Независимости, Девараджа Мудальяр (№35) рассказал мне о проблемах, с которыми я могу столкнуться, если не вывезу свою семью в Индию из Пенджаба, который вскоре станет частью Пакистана. Я сказал ему: «Я не поеду. Не могу оставить Махарши». Я достиг той стадии отношений с Махарши, когда так любил его, что глаз не мог отвести от него, и даже мысль о поездке в другой конец страны на неопределённое время была недопустима.

Когда Мудальяр рассказал Махарши, что семья Пунджи находится в затруднительном положении в Западном Пенджабе, а он не хочет ехать туда, Махарши сказал мне: «Там, откуда ты родом будут большие беспорядки. Почему бы тебе не поехать и не вывезти свою семью?» Хотя это было похоже на приказ, я всё ещё колебался. Тогда я объяснил главную причину нежелания уезжать: «Я слишком сильно привязан к твоей физической форме. Я не могу оставить тебя. Я так сильно тебя люблю, что не могу отвести от тебя глаз».

«Я всегда с тобой, где бы ты ни был», - был его ответ. По тому, как он говорил со мной, было ясно, что он определённо хочет, чтобы я поехал. Я принял решение, простёрся перед ним и впервые в жизни коснулся его стоп в знак поклонения, любви и уважения. Обычно он никому не позволял прикасаться к его стопам, однако этот случай был особенным, и он не возражал. Прежде чем подняться, я собрал немного пыли из-под его стоп и положил в карман как священное напоминание. Я также попросил его благословения, так как интуитивно чувствовал, что мы прощаемся навсегда.

Я покинул Ашрам и направился в Лахор. Обстановка там была очень нехорошая, как и предсказывали. Я пошел на станцию и купил билет в свой родной город Лайалпур. В те жестокие дни индусы и мусульмане ездили в разных вагонах, чтобы обороняться вместе, если что-нибудь случится. Индусы ехали в полупустых вагонах. Тогда внутренний голос, голос моего Мастера сказал мне: «Иди и сядь с мусульманами в их купе. С тобой там ничего не случится».

На первый взгляд это была хорошая идея, но я сомневался, что смогу одурачить своих попутчиков мусульман, чтобы они поверили, что я один из них. Я носил другую одежду, а на запястье была очень заметная татуировка «Ом». Однако прислушался к голосу и занял место среди мусульман. Никто не подверг сомнению моё право находиться там. Где-то в сельской местности мусульмане остановили поезд и всех пассажиров из индусских вагонов расстреляли. Никто не обратил на меня внимания, хотя я явно был индусом, сидящим в мусульманском вагоне.

Сойдя с поезда, я пошел в дом моей семьи и обнаружил, что там бедствуют 34 человека, в большинстве женщины. Мне удалось безопасно вывезти их в Индию.

Махарши отправил меня в Пенджаб, чтобы я исполнил свой долг. Это было типично для него, потому что он никогда не разрешал своим преданным бросать семейные обязанности. Сказав мне: «Я всегда с тобой, куда бы ты ни поехал», он послал меня исполнять мои обязанности.

Впервые услышав его замечание, я оценил только его философское значение. Мне не пришло в голову, что физически я тоже буду под его защитой и заботой. И вот это явно проявилось в том случае. Он сказал мне, куда сесть в поезде. Более двадцати часов после резни я сидел в мусульманском вагоне неузнанный, несмотря на классические отличительные признаки индуса – проколотые уши и «Ом» на запястье. Далее, в обстановке сплошной анархии я смог получить места для своего обширного семейства и вызволить его из беды последним поездом, отправившимся из Лахора в Индию.[1]

Я привёз семью в Лакнау, так как там жил мой армейский друг. О возвращении к Махарши не могло быть и речи, так как я был единственным потенциальным работником в семье. Мы прибыли в Индию в одной одежде, которая была на нас, и мне пришлось взять на себя ответственность по содержанию всей большой семьи. Мне пришлось работать день и ночь, чтобы как-то кормить семью.

В 8.47 вечера 14 апреля 1950г[2] я шёл по улице в Лакнау. Внезапно я почувствовал сильный спазм в груди, который чуть не сбил меня с ног. Я подумал, что это сердечный приступ. Через несколько секунд я увидел, как люди показывают на большой метеор, летящий по небу. Это был тот самый метеор, который наблюдали тысячи людей по всей Индии в первые несколько секунд после смерти Махарши.

Много лет спустя, сидя на берегу Ганги, я имел необычное видение своих различных инкарнаций. Я наблюдал, как Атман переходил из одного тела в другое, из одной формы в другую. В разных местах в разное время он прошёл через растения, животных, птиц, человеческие тела. Последовательность была очень длинной. Наконец, последним появилось моё тело, а за ним светящийся облик Махарши. Видение закончилось. Появление Махарши завершило это кажущееся бесконечным чередование рождений и перерождений. После его вмешательства в мою жизнь Атман, который, наконец, принял форму Пунджи, не мог больше перерождаться. Махарши уничтожил эту форму одним взглядом.

Некоторое время назад, на одном из *сатсангов*, который я проводил в Лакнау, в записке, которую мне передали, говорилось: «Смиренное уважение и благодарность Вам, особенно тому, кто был учеником Раманы Махарши». Я не мог пропустить это. Я воскликнул: «Пожалуйста, исправьте ошибку. Я есть его ученик! Он мой мастер. Как я могу отбросить его в прошлое? Я никогда не думаю, что это говорю я, Пунджа. Если бы я когда-нибудь подумал, что с вами разговаривает человек, которого зовут Пунджа, то не имел бы права сидеть здесь, так как что бы ни слетало с моих уст, было бы фальшиво. Говорит мой мастер. Я сижу здесь и представляю своего мастера и его учение. Учитель он; не я. Пунджа исчез навсегда, но Мастер остаётся и всегда будет. Он восседает в моём сердце как нерушимый Атман».

(Дэвид Годман, из книги которого *Ничего Никогда Не Случалось* взят вышеизложенный отрывок, рассказывает: В 1992г., закончив брать у Пападжи интервью о событиях, происходивших, когда он был в Шри Раманашраме в 1940-х, я спросил в

[1] На вопрос о том, был ли ещё какой-нибудь случай, когда Шри Рамана обеспечил физическую защиту преданному, как в случае Пападжи, Дэвид Годман, который провёл обширное исследование о Шри Рамане и его преданных, ответил, что ему не известно о других примерах такого рода.

[2] Время, когда Махарши вошёл в *махасамадхи*.

заключение, может ли он сказать несколько слов благодарности или оценки, подводя итог тому, что Махарши сделал для него. Пападжи открыл рот, но не вымолвил ни слова. Через две или три секунды по щекам его потекли слёзы. Отвернувшись, чтобы скрыть слёзы, он сказал: «Я не могу ответить на этот вопрос. Не могу говорить об этом. Никакими словами это не выразить». Годман упоминает стих, который Пападжи написал одному из своих преданных в 1982г.: «Мой Мастер говорил в безмолвии./ Мой Мастер говорил глазами./ Мой Мастер говорил словами./ Все три языка я слышал».)

91. Ганапати Муни (1878-1936), выдающийся поэт и знаток санскрита, известный по прозвищу Кавьяканта – тот, у кого из горла непринуждённо льются стихи. Встретив Шри Раману в 1907г. и убедившись в его духовном достижении, он впервые назвал его «Багаван» и «Махарши». Эти обращения со временем стали популярны. Он составил *Рамана Гиту*, основанную на ответах Шри Раманы на духовные вопросы, заданные Муни и его товарищами. Ему принадлежат две дюжины публикаций, большей частью на санскрите.

Избрав Тируваннамалай, священное место обитания Шивы, для своего тапаса в 1903г., Ганапати Муни, выдающийся *бакта* Шивы, вскользь встречался с Шри Раманой на горе. В 1907г., приехав в Тируваннамалай снова, он понял, что его суровый *тапас* не привёл ни к чему. Разочарованный, он поднялся на гору и пал ниц, держа обеими руками стопы Шри Раманы. Дрожащим от волнения голосом он воскликнул: «Всё, что можно прочитать, я прочитал. Я совершал *джапу* от всей души. И всё же до сих пор не понял, что такое *тапас*. Молю, просвети меня о природе *тапаса*».

Выслушав Муни, Шри Рамана, молча, пристально смотрел на него, пока тот сидел в нетерпеливом ожидании. Затем сказал по-тамильски: «Если повторять *мантру*, а внимание направить на источник, из которого происходит звук *мантры*, ум погрузится в это. Это *тапас*[1]». Это короткое поучение наполнило душу Муни радостью. Он остался на горе на несколько часов и сочинил в честь Свами[2] пять строф, в которых сократил его имя Венкатараман до «Рамана». С тех пор имя Рамана прилипло к Свами. Муни хотел, чтобы ученики называли Свами Багаван Рамана Махарши. Надо воздать должное Муни за это имя.

В 1908г. Муни 18 дней совершал суровый *тапас* в храме Ганапати недалеко от Мадраса. На 18-й день он лежал, бодрствуя, и увидел фигуру Махарши, вошедшую и присевшую рядом. С самого прибытия в Тируваннамалай в 1896г. Махарши никогда не покидал этого города. Когда Муни рассказал об этом случае Махарши в 1929г., последний вспомнил событие так:

«Однажды несколько лет назад, собираясь прилечь, я вдруг почувствовал, что моё тело поднимается всё выше и выше, пока все объекты не исчезли, и всё вокруг не превратилось в белый свет. Затем, внезапно, моё тело опустилось, и объекты начали появляться вновь. Я сказал себе: «очевидно, вот так сиддхи появляются и исчезают». Я оказался на дороге, а недалеко был храм Ганапати. Я вошёл туда и говорил там, но что именно я говорил и делал, не помню. Внезапно я проснулся и обнаружил, что лежу в пещере Вирупакша. Я сразу же рассказал об этом Паланисвами». (Слуга Шри Раманы)

[1] Источник, из которого возникает звук мантры – это не просто голосовой орган, но центральная сила, из которой возникают ум и дыхание, то есть, Атман.

[2] До тех пор Шри Рамана был известен под именем Брамана Свами.

Однажды в теле Ганапати Муни поднялась кундалини. Он страдал от невыносимого жжения. Муни был уверен, что боль утихнет, если Багаван прикоснётся к нему. Жена Муни, его сын и другие привели Багавана в пещеру мангового дерева, где жил Муни. Багаван вошёл и сел рядом с Муни, а тот взял руку Багавана, положил её себе на лоб и попросил благословения. Багаван некоторое время сидел в молчании. «Скоро всё будет хорошо», - сказал он и ушёл. Ганапати Муни немедленно почувствовал облегчение. Возвращаясь в Скандашрам, Багаван сказал: «Он рассказал мне, а кому могу рассказать я?» Преданный спросил Багавана, бывает ли и с ним такое. «Мм, мм», - сказал с улыбкой Багаван.

Муни, в совершенстве владевший санскритом и легко сочинявший великолепные стихи на санскрите, должно быть повлиял в какой-то степени на Махарши, который всегда почти неосознанно получал новые идеи и выучивал языки от людей или из книг. Пока Муни жил в Тируваннамалае, Махарши обсуждал с ним важные дела, особенно публикации и другую деятельность Ашрама.

Т.К. Сундареша Айяр в своей книге* У Ног Багавана *рассказывает:

Когда Ганапати Муни сочинил 700 из 1000 стихов *Uma Sahasram* в честь Божественной матери, он объявил, что законченное произведение будет освящено в определённый день в Храме Аруначалешвары. Вечером накануне назначенного дня он обнаружил, что нужно сочинить ещё 300 стихов. Когда Махарши спросил Муни, не отложит ли он событие, Муни заявил, что задание будет выполнено здесь и сейчас. Затем последовала невероятная сцена: Махарши сидел безмолвно в глубокой медитации, а взволнованные ученики Муни с восхищением внимали потоку сладостных стихов, льющихся из уст Кавьяканты, и записывали их. По завершении работы Багаван открыл глаза и спросил Муни, всё ли за ним записали. Благодарный ответ Муни был таков: «Всё, на что Багаван вдохновил меня, записано». Примечательно, что хотя Муни шесть раз редактировал первые 700 стихов этого монументального произведения, он не изменил ни один из последних 300.

92. Ф.Х. Хамфриз приехал в Индию в январе 1911г., чтобы работать помощником управляющего Департамента Полиции. Духовные наклонности его души привели его к встрече с Ганапати Муни (№ 91), и с помощью munshi[1] С.Нарасимхама, обучавшего его языку телугу, он вместе с Ганапати Муни встречался с Шри Раманой. Следующий отчёт взят из его писем другу в Англии, которые были позже опубликованы в *International Psychic Gazette*.

Вчера у меня был выходной, и вместе с munshi и Ганапати Муни мы отправились к Махарши. В два часа дня мы взобрались на Гору. Добравшись до пещеры, мы сидели у его ног и молчали. Я почувствовал, что меня вынули из себя. Полчаса я смотрел в глаза Махарши, в которых выражение глубокого размышления не менялось ни разу. Я начал понимать, что его тело – это храм Святого Духа; я мог только ощущать, что **тело Махарши – это не человек; это инструмент Бога, просто сидящий неподвижный труп, из которого потрясающе сильно сияет Бог.** Мои ощущения были неописуемы.

Затем Муни сказал, что мне можно говорить. Я просил просветления и поучения. На ломанном английском а затем на телугу Махарши произнёс несколько предложений, содержавших бездну смысла. Трогательнее всего было видеть, как несколько маленьких детишек в возрасте примерно семи лет, самостоятельно взбирались на гору, чтобы посидеть

[1] Munshi – глава деревни.

с Махарши, хотя он мог не сказать им ни слова и даже не взглянуть на них несколько дней подряд. Они не играют, просто сидят там тихо, в совершенном удовлетворении.

Невозможно описать Махарши, его выражение достоинства, мягкости, самообладания и спокойной силы убеждения.

Во время второго визита Хамфриза сопровождал Рагавачариар (см. след.). Оказавшийся в Ашраме А.С. Кришнасвами Айяр был переводчиком. Вот рассказ англичанина:

Я приехал на мотоцикле и поднялся в пещеру. Мудрец улыбнулся, увидев меня, но совсем не удивился. Он задал мне личный вопрос, известный только ему и мне. Очевидно, он узнал меня, как только увидел. **Каждый, кто приходит к нему, является открытой книгой, и единственного взгляда достаточно, чтобы открыть ему её содержание.**

«Вы не ели», - сказал он, - «и голодны». Я признался, что это так. Он сразу же позвал ученика и велел ему принести еду – рис, топлёное масло, фрукты и т.д., что обычно едят руками, так как индийцы не пользуются ложками. Хотя я и упражнялся в еде этим способом, мне не хватает сноровки. Поэтому он дал мне кокосовую ложку, улыбался и говорил, пока я ел. Вы не можете себе представить ничего прекраснее его улыбки. Когда я закончил, я всё ещё испытывал голод, а он знал это и велел принести ещё. Он знал всё, и когда я уже был сыт, а кто-то настаивал, чтобы я съел фрукты, он сразу остановил их.

Пока я обедал, он рассказал другим мою историю, и довольно точно. При этом он видел меня всего один раз раньше, и много сотен людей после этого. Он просто включил, если можно так сказать, ясновидение. Позже я захотел пить, так как ехал по жаре, но не показал этого, будь что будет. Он снова знал и сказал ученику, чтобы тот принёс лимонад. Около трёх часов я слушал его поучения. **Удивительно, какие перемены происходят в человеке, побывавшем в его присутствии**. (Через несколько лет Хамфриз оставил службу и стал католическим монахом).

93. Рагавачариар был управляющим Департамента общественных работ в Тируваннамалае с 1910г. Время от времени он посещал Шри Раману.

Когда бы Рагавачариар ни поднимался на гору в 1910г., он всегда заставал вокруг Махарши много людей, при которых ему не хотелось говорить. Однажды он пошёл на гору, намереваясь передать ему три вопроса или просьбы: (i) Можете ли Вы уделить мне несколько минут для личного разговора – без присутствия остальных?, (ii) Я хотел бы узнать Ваше мнение о Теософском Обществе, членом которого являюсь, (iii) Пожалуйста, покажите мне свою настоящую форму, если мне дозволено увидеть её. Вот что он рассказывает:

Когда я простёрся и сел возле него, там было около 30 человек; однако они постепенно разошлись. Итак, я был с ним наедине. Это был ответ на мой первый вопрос, а я его даже не задал. Затем он спросил, что за книгу я держу в руках, не *Гиту* ли, и не являюсь ли я членом Теософского Общества, а также заметил, прежде чем я успел ответить на его расспросы: «Оно проводит хорошую работу». Мой второй вопрос, таким образом, также был предвосхищён, и я с нетерпением ждал третьего.

Через полчаса я сказал: «Как Арджуна желал увидеть форму Кришны и просил о *даршане*, я желаю увидеть Вашу истинную форму, если это возможно». Он сидел на возвышении, а рядом с ним на стене был нарисован Дакшинамурти. Он, как обычно, смотрел молча, и я стал пристально смотреть в его глаза. Тогда его тело, а также портрет

Дакшинамурти исчезли из поля моего зрения. Перед глазами было лишь пустое пространство, даже стены не было. Затем появилось беловатое облако с очертаниями Махарши и Дакшинамурти. Постепенно появились очерченные молниеносными линиями глаза, нос, и другие черты. Они стали расширяться до тех пор, пока силуэты Свами и Дакшинамурти не запылали ярким нестерпимым светом. Я закрыл глаза. Подождав несколько минут, и открыв глаза, я увидел Махарши и Дакшинамурти на прежнем месте. Я простёрся и вышел.

Впечатление от вышеописанного переживания было таким сильным, что я не смел приходить к Махарши около месяца. Позже, когда я пришёл в Скандашрам, я рассказал о переживании и попросил его объяснить. Выдержав паузу, он сказал: «Ты хотел видеть мою форму. Ты увидел моё исчезновение. Я бесформен. У Ганапати Муни было подобное переживание, ты можешь обсудить это с ним». Я не обсуждал с Муни.

Б.В. Нарасимха Свами в своей книге «Самореализация» рассказывает:

Рагавачариар время от времени приходил к Махарши. Его жена и мать забеспокоились, что он оставит свои социальные обязанности и станет отшельником. Они пошли к Махарши и рассказали о своих опасениях. Махарши в свою очередь предостерёг Рагавачариара о том, что отшельничество без необходимой для него серьёзной подготовки чревато опасностями. Махарши многим давал подобные советы.

94. Манаваси В. Рамасвами Айяр был инспектором Департамента общественных работ в Тируваннамалае в 1908г. Ниже следует отрывок из его дневника:

Душа была обеспокоена, и я взмолился: «Господин, Иисус и другие великие души приходили в мир, чтобы очистить грешников. Есть ли какая-либо надежда для меня?» Свами сказал (на английском языке): «Надежда есть. Да, надежда есть». Это именно те слова, и вот родилось сочинение:

«Ты – моё единственное прибежище; у меня нет никого больше. О, Сладостный и Ароматный Букет Цветов, очаровывающий пчёл - преданных, роящихся у твоих ног».

С того времени я стал часто ходить к Свами. У меня вошло в привычку спать на Горе каждую ночь. Однажды я застал его сидящим безмолвно. Когда через полчаса он увидел меня, по моему телу пробежал обжигающий ток. До этого, когда я сидел под тамариндовым деревом, в меня проникло нечто, что я не мог тогда объяснить. Годы спустя обнаружилось, что ум вошёл вовнутрь. Тогда я почувствовал, что в тело проникло что-то ещё, и это было очень приятное ощущение.

Я всегда страдал диспепсией и не мог нормально переваривать пищу и спать. Я беспокоился, и Свами спросил меня об этом. Я рассказал ему о своём здоровье. Однажды одна преданная принесла сладости и еду для пира. Я жил на каше. Многие приглашали, но я отклонял приглашение, говоря: «Я не могу переваривать». Однако Свами настоял, и я наелся очень тяжелой и обильной для меня еды. В ту ночь, как ни странно, я спал очень крепко. Это побудило меня более полно полагаться на Свами. Семья, которая раньше была против того, чтобы я ходил к нему, начала присылать еду, чтобы я принимал её в его присутствии, так как я выздоравливал.

Один взгляд на Свами волновал душу. Я слышал о людях, которых благословлял их гуру, возложив руку на голову ученика; однако этот взгляд более мощный. Поучение Свами такое: Не забывай Атман; всё горе от того, что ты забываешь Атман.

Меня перевели в Бергампур, штат Орисса. Однажды на моих ногах появились раны, которые не поддавались лечению. Утром приехали двое посетителей из Тируваннамалая. Они сказали, что совершают паломничество на Север, и что Багаван специально попросил их проведать меня. Увидев мои неприятности, они посоветовали простые домашние лекарства, которые совершили чудесное исцеление. Уверен, они были посланниками сострадательного Багавана. Я сочинил песню в его честь – Saranagati – «Моё Прибежище».

95. Н.Н. Раджан (Н. Натараджа Айяр) (1906-94), начальник железнодорожной станции в Тируваннамалае, попал под влияние Шри Раманы в 1935г. Он автор *Sri Ramana Dhyanam* и *The Bloom of Inner Glory*.

Будучи семейным человеком, я считал, что неправильно заниматься духовным развитием одному, поэтому начал брать с собой в Ашрам жену и детей. В течение нескольких месяцев, к своему удивлению, я обнаружил в жене большие перемены и заметил, что она опережает меня в понимании Багавана. Она стала более преданной и получала от него больше умиротворения. Моим детям тоже нравилось быть с ним. Багаван особенно любил детей и часто шутил с ними и ласкал их, хотя тщательно избегал прикосновений взрослых и не касался их сам. Дети становились спокойны и счастливы в его присутствии, а иногда сидели неподвижно перед ним, как зачарованные, свободные от детской непоседливости.

Я не преувеличиваю, говоря это. Однажды моя дочь, чуть старше двух лет, спокойно сидела одна в углу холла около двух часов, скрестив ноги как взрослые, и не разговаривая. Мы с женой не заметили этого, так как были погружены в медитацию, а Махарши заметил. Когда я пришёл в Ашрам следующим утром, я с удивлением и радостью услышал, как Махарши рассказывает одному из преданных: «Маленькая дочка Раджана Кутти сидела, скрестив ноги, в стороне от родителей около двух часов и ни разу не пошевелилась за всё это время».

Было радостно услышать, как он рассказывает об этом случае и понять, что он внимательно наблюдал за ней, пока мы ничего об этом не знали. Конечно, это произошло благодаря его Милости; иначе ребёнок никогда бы так себя не повёл. Он был всемогущим, но крайне скромным. Он никогда открыто не проявлял своей силы и вёл себя совсем просто, как обычный человек.

Следующий отрывок взят из интервью Раджана, записанного на видео **Гуру Рамана*:***

Багаван – это Высшая Сущность во плоти, само совершенство. Говорят *аватар*, но он не *аватар*, он выше этого состояния. Он – воплощённая Высшая Сущность. Лицом к лицу он сидел с нами; мы спали с ним, принимали пищу с ним и сидели у его ног многие годы.

Мы слышали о *риши* в анналах истории, но мы ничего не слышали о таком великом мудреце. Он величайший мудрец нашего времени. В ведические времена тоже были *риши,* но у них были свои порывы: они испытывали гнев, испытывали вожделение. Можем ли мы что-нибудь подобное сказать о Багаване? Нет.

Как сказал майор Чадвик (№42): «Если и есть на свете кто-нибудь, достойный выразить величие Багавана, то это сам Багаван». Станет ли Багаван когда-либо делать это? В этом величие Багавана. Его чарующая улыбка, его сияющий лоб, сверкающие лучистые глаза, сладкий голос и выверенные слова, весь его величественный облик – бесподобны.

Отрывок из дневника Раджана, датированный 6 ноября 1943г.:

После короткой беседы между майором Чадвиком и Багаваном о необходимости периодических действий для поддержания здоровья в теле, наступила десятиминутная тишина. Затем один преданный спросил: «Итак, нужно нырнуть в себя сосредоточенным однонаправленным умом, контролируя речь и дыхание. Необходимо ли также контролировать дыхание?» Багаван ответил: «Когда все мысли под контролем, автоматически дыхание тоже оказывается под контролем. С помощью постоянной интенсивной практики это станет привычным. Контролировать дыхание с помощью разных упражнений йоги – всё равно, что тормозить поезд при работающем двигателе. Наблюдая источник ума с полным сосредоточением, можно контролировать мысли. Этот метод более эффективный и лёгкий. Это как выключить двигатель и таким образом добиться полной остановки поезда».

96. Его величество Рама Варма Аппан Тамбуран был Махараджей Кочина (штат Керала). Он приехал к Шри Рамане в 1930-е гг., когда ещё не был махараджей. Визит произвёл на него глубокое впечатление. Ниже следует отрывок из его предисловия к биографии Шри Раманы, написанной Аппуни на языке малаялам.

Нет предела волнениям беспокойного ума, нет предела тишине спокойного ума. И нет предела возможности ума наказывать или управлять, а также даровать блаженство. Ум – это причина счастья и несчастья, наслаждения и освобождения. Когда признаешь, что *самсара* – это не что иное, как работа ума, тогда тайна чередования рождений и смертей будет раскрыта.

Поиски ума надо осуществлять внутри. Самопознанию невозможно научить. Путь к Самореализации нелегко открыть, и крайне трудно ему следовать. Для этого необходима вера, преданность и пылкое стремление к освобождению.

Самореализация нахлынула на Махарши внезапно. Свет Атмана вспыхнул как молния. Высочайший Господь вселенной поднял его Своей священной рукой и поместил в самом центре у истоков Бытия, Сознания и Блаженства. Возможно, поэтому во многих поучениях Махарши мы находим скорее высшее знание, чем путь к нему, преобладание скорее цели, чем средств.

Горести несчастных, сомнения искренних искателей, неверие скептиков, приходящих испытать его, и гордыня высокопоставленных и сильных мира сего – всё исчезает в присутствии Махарши. Его священное присутствие дарует мир и даже приводит к духовному трансу, переходящему в Блаженство Самореализации.

Восхваление Махарши, как восхваление Шри Кришны, радостно и полезно как мирянам, погружённым в водоворот эгоистической привязанности и барахтающимся в канаве слепых страстей, так и тем, кто ищет освобождения. Нам очень повезло быть современниками этого выдающегося и великого Мудреца. Блаженны те преданные, которые проводят время в его присутствии.

Жизнь Махарши – это не биография личности, а сияние универсального атмана; не выражение телесной деятельности, но проявление Духа, который находится внутри.

97. Свами Раджешварананда родился в Мадрасе, получил имя санньясина Ордена Рамакришны. Он редактировал *The Call Divine* в течение первых двенадцати лет. Он автор книг *Erase the Ego* и *Teachings*.

Багаван Шри Рамана Махарши был воплощением освобождения, источником высочайшего покоя, и безграничным океаном свободы. Его святое присутствие выводило нас за пределы тела и ума к истинному Я. В его святом присутствии истина Самореализации будто текла по нашим венам, пульсировала в груди, звенела в каждой капле крови и звучала в такт биению сердца. Его слова даже сегодня заставляют нас покоиться в Величии Атмана, бесконечного, вечного и бессмертного. Своим безмолвным божественным взглядом он даровал нам Самоисследование, которое стало неотъемлемой частью нашей жизни и самой жизненной энергией. **Шри Рамана – чудо света с ароматом духовного покоя. Его жизнь – это исследование божественного просветления, основанное на динамичной тишине. Все печали и раны мира просто таяли в его присутствии как лёд у огня.**

Ни одна философская школа, культ, вероучение, йога и т.п. не могли заявить свои права на Шри Раману, так как он не подходит ни под одну готовую классификацию. Он жил свободно и оставался свободным и также позволял каждому быть свободным.

Мудрец, философ, отшельник, воплощение Бога – все эти термины не могут адекватно описать его. Все они неудачны, так как он превосходит их. Он был уникален в том, что неизменно оставался самим собой. Он заключал в себе и поиск, и его результат.

Он указал нам, что цель жизни и её величие – это полное достижение божественного осознания Атмана. Он провозгласил Абсолют, как «Я есть» в жизни каждого. Он сам был свидетельством этого величественного откровения, на пороге которого всегда стоят все до единого. Он - панацея, возвращающая человечеству утерянное наследие и счастье.

В каждом из нас Шри Рамана вызывает осознание внутреннего духовного величия. Учение Багавана – это практическое выражение Атмана, Реальности, Разума и Блаженства.

Шри Рамана утверждает единство существования, недвойственность Божественного и гармонию религий. Его поучения освежающе простые и мощные. Они распахивают шлюзы души и заставляют хлынуть живительные воды высочайшего сознания. Его учение, свободное от догм и доктрин, не обременено закостенелыми традициями. Оно обширное как небо, глубокое как море и универсальное как лучи солнца. Он пробуждает в каждом из нас скрытую Божественность.

Сама его жизнь была практической демонстрацией реальности Брамана, Высочайшего Бытия. Его учение ясно раскрывает божественность души, единство человечества и неделимость Божественного, не как догматы веры или мнение, культ или вероучение, догмы или доктрины, а как истину его собственного переживания.

Даже единственного слова, слетевшего со священных уст Багавана, было достаточно, чтобы запомнить его на всю жизнь, чтобы расшевелить душу, пробудив её к присущему ей бессмертию и безграничности.

98. Д-р П.В. Карамчандани был районным офицером медицинской службы округа Северный Аркот. Тируваннамалай находился под его юрисдикцией.

Однажды ночью в феврале 1949г. в Веллоре я не мог уснуть и ворочался в кровати. Это было очень необычно. В час ночи раздался телефонный звонок из Тируваннамалая, расположенного в 55 милях, и меня попросили приехать туда к 8 утра, так как Шри Рамана тяжело заболел. Положив трубку, я крепко уснул. Я приехал в Тируваннамалай, не

испытывая никаких чувств. Единственной мыслью было, что я приехал по долгу службы лечить пациента. Святость Шри Раманы не имела значения для меня.

Я провёл обследование в строго профессиональном ключе. У меня не было духовных чувств к нему. Он тоже ничего не сказал. Однако бросил на меня мгновенный пристальный взгляд милости, который глубоко взволновал меня. Непроизвольно я почувствовал, что передо мной открылись новые горизонты духовного сознания.

Этот чудесный взгляд Шри Раманы как будто окутал меня аурой блаженства. Я почувствовал к нему духовное влечение столь непреодолимое, что через несколько дней сам организовал поездку в Тируваннамалай, чтобы получить его *даршан*, и взял с собой жену.

Мы посетили Шри Раману с чувством любопытства и неопределённого ожидания. Мы поклонились и сели у его ног. Мы не сказали ни слова; он тоже. Казалось, речь не нужна. Он был так насыщен духовностью, что она изливалась, полностью окутывая нас. В нас проникло спокойствие. Наши умы вошли в состояние блаженной экстатической медитации.

Опухоль, должно быть, причиняла Шри Рамане мучительную боль. Такая сильная боль заставила бы самого выносливого человека морщиться и стонать. Но на его божественном лице не было ни малейшего признака страданий. Оно отражало только счастье и покой. Казалось, что он переключил ум от тела к божественному.

В следующий раз меня вызвали, когда у Шри Раманы развилась анурия (отсутствие мочеиспускания). Я поехал в Ашрам не как Окружной Медицинский Офицер. Со смиренным чувством преданности я поехал служить **святому колоссальной духовной величины.** Работу врача нужно было соединить с преданностью ученика. Мне сказали, что предыдущие 24 часа он ничего не ел и не принял ни капли воды, а горячие просьбы и уговоры потерпели неудачу. Меня попросили убедить его что-нибудь поесть.

Осмотрев его, я обнаружил, что Багавану необходимо принять хоть немного жидкости. Не могло быть и речи, чтобы я приказывал ему как врач. Скорее, я хотел просить его о привилегии принять мою молитву и молился про себя, держа перед ним стакан молочного напитка. Он секунду пристально смотрел на меня, взял дрожащими руками напиток и выпил. Моей радости не было предела. Все вокруг с облегчением возликовали. Меня без конца благодарили. А я чувствовал внутреннюю благодарность за безграничную милость Багавана. Он услышал мою безмолвную молитву и удовлетворил мою просьбу. **Духовное оживление, которое я испытывал в его святом присутствии, было необыкновенным.**

Меня снова вызвали в полночь. Когда я вошёл в его комнату, там были четверо учеников. Багаван захотел, чтобы они ушли. После их ухода я остался наедине с Багаваном. Как обычно, он не говорил со мной. Я тоже молчал. **Но вибрации, исходившие от него, были божественны.** Его тело, должно быть, испытывало ужасную мучительную боль. Но его божественная духовность не была затронута ею. Восторженная дрожь наэлектризовала всё моё существо.

Я ощутил сильное желание почтить эту светлейшую душу. Я знал, что Багаван не разрешает преданным прикасаться к его стопам. Но почувствовал глубокое стремление не только прикоснуться к его благословенным стопам, но и сжать их с любовью. Я осмелился и обеими руками сжал их. О, чудо из чудес! Он позволил мне сделать это! Его доброта была безгранична. Я почувствовал себя на седьмом небе. Благословенны те несколько минут моей жизни.

В следующий раз меня вызвали примерно в три часа утра. Боль, наверное, терзала его тело. И всё же он крепко спал. Священная тишина наполняла комнату. Это был

восхитительный час рассвета. Я не хотел его беспокоить и тихо сел у его ног. Внезапно он открыл глаза. Его милостивый взгляд упал на меня, и он мягко прошептал: «О.М.О.». (Окружной Медицинский Офицер) Особый тон, которым он упомянул меня, указывал, что я присутствовал в его священных мыслях, и что он ожидал меня. Я почувствовал себя благословлённым и, молча, поклонялся ему. Всё моё существо трепетало от счастья.

В то время меня беспокоило желание получить должность Главного хирурга, так как я был старшим медицинским офицером в Провинции Мадраса. Однако я старательно отгонял от себя мысли о продвижении по службе и сказал себе: «Зачем волноваться понапрасну? Когда в следующий раз увижу Багавана, попрошу его посодействовать».

Во время следующего визита я был настроен просить его оказать мне эту милость. Но случилось чудо. Как только я увидел его, ум растаял, решимость испарилась, и я наполнился необычайным спокойствием. Просьба сформировалась внутри, но это была совершенно другая просьба. Я внутренне молился: «Багаван, освободи меня от погони за продвижением. Я не хочу ничего мирского. Взамен подари мне развитие моей души». Моя просьба была тут же удовлетворена. Лучезарное счастье наводнило всё моё существо до самых глубин. Я почтительно склонился перед ним, а он благосклонно смотрел на меня.

Мой последний визит состоялся в день, когда Багаван обрёл *нирвану*. Увидев его, я понял, что его тело не переживёт этот день и молча молился, чтобы он сохранил тело, пока я привезу из Веллора жену, которая хотела увидеть, как великий святой оставит тело.

Теперь заключение: как моя жена привезла апельсиновый сок для Махарши, а он не принимал никакого питья, чтобы избежать посещения туалета; как я благоговейно молился, чтобы он выпил сок и избавил мою жену от глубокого разочарования; как он принял мою невысказанную молитву и попросил сок к необычайному удовольствию моей жены и моему; и как вскоре после этого в совершенной тишине он ушёл.

В течение двухмесячного общения с Багаваном я не произнёс с ним ни одного слова. Но что за чудесную милость он вливал в меня через божественный благосклонный взгляд! Поистине бесподобное духовное переживание.

99. Д-р Т.Н. Кришнасвами сделал многочисленные фотографии Шри Раманы. Дюжины его снимков воспроизведены в *Radiance of the Self* – альбоме фотографий Шри Раманы, опубликованном Центром в Бангалоре.

Когда я изучал медицину в Мадрасе, я взял фотоаппарат и с несколькими друзьями поехал на экскурсию в Веллор. Кто-то сказал, что храм в Тируваннамалае – огромное и впечатляющее произведение искусства, поэтому мы поехали туда и восхищённо любовались прекрасной резьбой по камню и огромными башнями.

Мы также нанесли визит Рамане Махарши, который жил в двух милях от храма. Когда мы прибыли в Ашрам, Махарши ушёл гулять на гору. Мы подождали и увидели цепочку людей, следующих за высоким человеком с палкой и сосудом для воды. Когда высокий величавый человек приблизился и спросил в чём дело, ему сказали, что группа из Мадраса хочет сделать несколько фотографий Багавана. «О! Вот как?» - сказал Махарши. «Пусть фотографируют», - сказав так, он стоял и позировал мне, держа руки на бёдрах и повернув лицо в полупрофиль. Я не терял времени даром. Открыл фотоаппарат и щёлкал. Я не искал духовности в лице и не осознавал святости атмосферы.

Багаван, как его называют, вошёл в холл и опустился на диван, заботливо приготовленный для него. Мы также вошли в холл и сели неподалёку перед ним. Махарши,

казалось, не замечает ничего вокруг. У него был спокойный и отрешённый вид. Глаза его сияли, и было что-то божественное в его облике.

Холл был плохо освещён для фотографирования, но я сделал несколько снимков Махарши. Затем мы встали, механически простёрлись и вышли из холла. Я вернулся в Мадрас, проявил плёнки и отправил несколько снимков в Ашрам, как они просили.

Я вернулся к учёбе и почти забыл Тируваннамалай. Однажды утром я получил письмо, где меня приглашали приехать и сделать групповое фото с Махарши, так как преданным понравились фотографии, которые я сделал. Я размышлял, не отложить ли это как-нибудь до окончания экзаменов, однако каким-то образом очутился в поезде на Тируваннамалай.

Когда я вошёл к Махарши, он с улыбкой поприветствовал меня и сказал: «Они хотят групповое фото и хотят, чтобы это сделал ты». Я был очень польщён. Стать предметом замечания Махарши было исключительно приятно. Я расставил группу, установил фотоаппарат и сделал несколько снимков. Затем Багаван позировал мне в падмасане. Он сидел почти как статуя, с чисто выбритой головой.

Когда бы я ни приезжал в Ашрам, хотя оставался там обычно только с утра до вечера, я старался сопровождать Махарши и фотографировать его, сколько возможно. За несколько часов, проведённых с Махарши, я заряжался невыразимым покоем и удовлетворением и всегда возвращался домой в приподнятом настроении. Короткие прогулки с ним давали мне редкую возможность слушать беседы и участвовать в них.

Однажды одна преданная, сильно верившая в Махарши, принесла труп своего единственного ребёнка прямо в холл. Плача и причитая, она говорила: «Мой сын умер. Прошу и умоляю тебя, даруй ему жизнь». Махарши сидел некоторое время, молча, как обычно, а затем мягко сказал: «Пожалуйста, унесите тело в ближайший коттедж и посмотрим, что произойдёт утром».

Ничего не случилось, и мальчик лежал мёртвый. Но что-то произошло с умами родственников, и они унесли тело и кремировали его, поняв, что нельзя ожидать, что мёртвые оживут. Махарши позже заметил: «Даже воплощённый Бог не может оживить всех умерших. У него нет индивидуальной воли, поэтому он не может решить совершить чудо. Если чудеса случаются в его окружении, он наблюдает их; это всё».

Однажды, поднимаясь на гору, Махарши поднял маленький блестящий камешек и, протянул его мне со словами: «Кто-то написал из-за границы и просит камень, взятый со священной части этой горы. Он не знает, что вся гора священная. Эта гора – Сам Шива. Как мы отождествляем себя с телом, так Шива выбрал отождествить Себя с этой горой. Искатель обретёт руководство и утешение, оставаясь рядом с этой горой». Эти слова проникли в мою душу. Мне никогда не пришло в голову оценивать или взвешивать, что он сказал. Гора священна. Это сказал Махарши, и это важно для меня.

Пока я виделся с Махарши, меня тянуло и влекло к нему. Огромным удовольствием было фотографировать его. Он был для меня важнее, чем его учение – каждое движение, каждое его действие и жест доставляли радость. Меня тянуло к нему как ребёнка к матери.

Его *маханирвана* стала для меня тяжёлым ударом. Я был в шоке. Я ничего не сделал в направлении духовной садханы. Неужели я потратил всё время, делая фотографии, когда должен был пытаться понять и практиковать его учение в его присутствии? «Нет», - подумал я, - «Это не так». Я уверен, что получил милость от Махарши. Он всё ещё здесь. Нам только надо научиться ощущать его присутствие. Нас никогда не бросят, потому что он сам уверил нас, что не уйдёт.

100. Р. Нараяна Айяр лично служил Шри Рамане. Он написал ряд статей в *The Mountain Path* под псевдонимом Вишну. Когда молодым человеком впервые пришёл к Шри Рамане, он был вольнодумцем и модернистом.

В 1929г, работая помощником регистратора в Четпуте, городе в 30 милях от Тируваннамалая, я был отъявленным скептиком без религии, высмеивал *садху*, *санньяси* и *свами*, которых считал мошенниками и паразитами общества, эксплуатирующими доверчивое население в личных целях.

Моим единственным другом и верным спутником был д-р Рамакришна Айяр, сын Лакшми Аммал из Тиручули,[1] подруги детства Шри Багавана.

Он был хорошо знаком с Багаваном и иногда ездил в Ашрам. Однажды он попросил меня сопровождать его в Тируваннамалай во время праздника *Картикай Дипам*[2].

Пышность и великолепие храмового фестиваля не привлекали меня, и всё же я согласился, не желая обидеть друга. Однако попросил его разрешить мне жить с родителями, которые тоже поехали на праздник и остановились в городе. Он согласился. Но увидев, как много людей теснится в маленьком домике в городе, я решил остановиться в Ашраме, где было не так многолюдно. По пути я повторил своё мнение о так называемых святых и сказал Д-ру Айяру: «Я не войду и не приму участия ни в одном из Ваших «глупых действий». Если случайно встречу Вашего *Свами*, то не стану простираться перед ним. Не хочу никого оскорбить, но не могу делать то, что противно моим убеждениям».

Мы вошли. Человек в белой набедренной повязке с полотенцем через плечо, сосудом для воды в одной руке и посохом в другой, остановился, увидев нас. Мой друг ускорил шаг, а я медленно следовал за ним. Его очень приветливо встретили и расспросили о матери и брате. Из вежливости я взглянул на Махарши. Какое чудесное лицо и какая доброжелательная улыбка; а также чарующий, пленительный и очень мощный взгляд!

В следующее мгновение я лежал на земле у его ног! Вскоре, когда вернулось самообладание, я устыдился. Приятно улыбаясь, он сказал: «У Вас два дня выходных, не так ли? Вы можете остановиться в Ашраме». Я не посмел ничего сказать. Я был ошеломлён. Придя в себя, я спросил, написал ли он какие-нибудь книги. Мне дали экземпляр *Реальности в Сорока Стихах* на тамильском языке. Я попытался прочитать первую строфу и не смог понять её. Слова, казалось, были слишком плотно упакованы и как-то намешаны, чтобы получилось в рифму. Я был изумлён. «Что это такое», - думал я, - «неужели он не мог сказать то, что хочет понятным языком?» Кто-то поблизости сказал, что сегодня вечером Махарши сам будет объяснять *Сорок Стихов*.

Вечером Махарши сидел на возвышении под навесом, где было *самадхи* его матери. Перед ним на земле расположились около полудюжины из нас. Торжественная тишина наполняла воздух. Тишина была абсолютной. Махарши прочитал первую строфу. Простое чтение строфы сделало её содержание простым, как сама простота! Строфа за строфой читал он и объяснял голосом, который был так сладостен и мелодичен и раздавался как бы «откуда-то». Наступила кульминация. Поясняя один стих, он сказал: «Бога нельзя увидеть глазами или познать через чувственное восприятие. Именно это имеется в виду, когда говорят: Увидеть Бога значит стать Богом». Рослый человек сурового вида по имени Дандапани Свами перебил: «Багаван говорит это из личного опыта?»

[1] Место рождения Шри Раманы.
[2] См. Приложение II.

Вопрос был задан прямо и с таким простодушием, и ответ был дан с той же искренностью: «Будь иначе, разве посмел бы я так говорить?» То, на обдумывание чего тратится столько времени, вспыхнуло как молния. Бога нельзя познать органами чувств. Единственный способ – это стать Богом. Если Бог и появлялся во плоти, то вот Он. Моё тело охватила дрожь, шедшая откуда-то из глубины. Снова и снова волна за волной дрожь пробегала по всему телу. Я вышел из-под навеса, чтобы прийти в себя.

Ну что ж, кажется, я попался в сеть! Чем дольше я был с ним, тем больше мне хотелось с ним быть. Но вскоре меня перевели в Арни, другой городок, также находящийся на расстоянии тридцати миль. Здесь мне не хватало компании друга доктора. Утеряв все радости от других вещей, я превратил ежемесячные визиты в Ашрам в еженедельные, совмещая воскресенья с другими выходными. И в Ашраме мне всегда были рады.

Шри Багаван брил голову раз в месяц в полнолуние. Парикмахером был Натешан. Обычно Багаван сидел на табурете, а Натешан, стоя, брил его. Однажды Шри Багаван со всей серьёзностью предложил, что парикмахеру будет удобнее сидеть на табурете, а он будет сидеть на полу!

Я обычно переводил с тамили на английский язык ответы Багавана на письма, которые ему приходили. Я подружился со слугами: Мадхавасвами, Сатьянандасвами, Кришнасвами, Рангасвами и другими. Они не протестовали, когда я постепенно стал оказывать личные услуги Шри Багавану – массировал ноги, делал припарки и т.д.

Иногда его мышцы становились жёсткими и болезненными. После нарезания овощей и руководства работой на кухне в ранние утренние часы он обычно сидел или полулежал на кушетке в холле, как статуя, вырезанная из алебастра или как позирующий художнику или скульптору. В результате такого сидения весь день мышцы становились твёрдыми и негибкими, поэтому ему нужен был массаж. Таким образом, мало по малу между Багаваном и мной развилась некая фамильярность и близость.

Однажды я спросил: «Багаван, ты покинул свой дом в Мадурае, где родственники любили тебя, были добры к тебе и тратили деньги на твоё образование. Ты не по назначению использовал их деньги, купив билет на поезд в Тируваннамалай. Ты тайком улизнул на железнодорожную станцию, чтобы тебя никто не заметил. Ты представлялся паломником, у которого украли сумку. Разве всё это было честно и правильно?» Он молчал некоторое время, а затем ответил: «Это можно объяснить. В Курале[1] говорится, что даже ложь сродни правде, если она – безупречная добродетель и никому не причинит вреда».

Однажды я сказал Багавану: «Я здесь уже много лет. Люди медитируют и уходят в *самадхи*. Я закрываю глаза на минуту, а ум десять раз обегает вокруг света, и появляется так много давно забытых вещей». На это он сказал: «Какое тебе дело до других? Они могут медитировать или спать и храпеть. Заботься о себе. Когда бы ум ни уходил в сторону, возвращай его к исследованию».

Однажды несколько очень умных знатоков санскрита сидели в холле и обсуждали с Багаваном отрывки из Упанишад и других писаний. В душе я почувствовал, какие великие эти люди и как им повезло, что они такие учёные и так глубоко понимают и могут дискутировать с нашим Багаваном. Я почувствовал себя несчастным. После ухода пандитов Багаван повернулся ко мне и сказал: «Что такое?», - глядя мне в глаза и читая мои мысли, - «Это всего лишь шелуха! Все эти книжные знания и способность повторять писания по памяти абсолютно бесполезны. Чтобы знать Истину, тебе не нужно подвергаться всем этим

[1] Древнее тамильское классическое произведение.

мукам обучения. Не чтением ты получаешь Истину. **Будь Спокоен** – это Истина. **Будь Безмолвен** – это Бог».

Затем очень грациозно он повернулся ко мне опять, и его тон и отношение тут же изменились. Он спросил: «Ты бреешься?» Озадаченный внезапной переменой, я, дрожа, ответил, что бреюсь. «А для бритья», - сказал он, - «ты пользуешься зеркалом, не так ли? Ты смотришь в зеркало и бреешь лицо; ты же не бреешь отражение в зеркале. Так же все писания нужны лишь для того, чтобы показать путь к Реализации. Они нужны для практики и достижения. Простое чтение книг и обсуждение можно сравнить с человеком, который бреет своё отражение в зеркале». С того дня моё давнее чувство неполноценности навсегда исчезло.

Однажды я плакал и говорил Махарши, что ничего не знаю о Веданте, и не могу практиковать аскетизм, будучи домохозяином. Я молился, чтобы он помог мне и показал Реальность или путь к ней. Я также честно сказал ему, что его метод самоисследования слишком труден для меня. Тогда он милостиво сказал: «Ты знаешь *Ulladu Narpadu* (Сорок Стихов о Реальности). Они сообщают Чистую Истину, имеют дело с ней и объясняют её. Читай и читай эти стихи один за другим. Слова со временем исчезнут, и лишь Чистая Истина (*сат*) будет сиять; так змея, сбрасывая старую кожу, выходит из неё сияющей».

Я был озадачен поучением, что всё в мире – это майя или иллюзия. Я спросил Багавана, как мы можем быть нереальными и несуществующими при всём физическом существовании перед глазами. Багаван рассмеялся и спросил, видел ли я какой-нибудь сон прошлой ночью. Я ответил, что видел спящими несколько человек. Он сказал: «Представь, что теперь я прошу тебя разбудить тех людей во сне и сказать им, что они нереальны, какой бы это был абсурд! Вот так же и для меня. Есть только спящий, где же возникает вопрос о людях во сне реальных или нереальных; и ещё о том, чтобы разбудить их и сказать им, что они нереальны. Мы все нереальны, почему ты сомневаешься в этом? Лишь То реально». После этого разъяснения я больше никогда не сомневался в нереальности объективного мира.

По поводу *дживанмукты* Багаван сказал: «*Дживанмукта* – это человек, у которого нет мыслей или *санкальп*. Процесс мышления у него совсем прекратился. Некая Сила заставляет его совершать поступки. Поэтому он не деятель, а тот, кого заставляют делать».

Много раз в жизни я удостоился сострадания Багавана. – В день смерти моей жены лил проливной дождь. Я опасался, что кремацию придётся отложить. Багаван послал нескольких работников Ашрама помочь мне. Когда Багавану сказали, что для похорон идёт слишком сильный дождь, он сказал: «Продолжайте, не обращайте внимания на дождь». Когда тело привезли на площадку для кремации, ливень прекратился, а как только тело сгорело дотла, он начался снова. В 1942г я хотел выдать замуж свою дочь. У меня был на примете подходящий молодой человек, но он выдвинул какие-то возражения. Взволнованный, я показал его письмо Багавану, который сказал: «Не волнуйся, всё образуется». Вскоре после этого молодой человек приехал сам, и мы отпраздновали свадьбу.

Нам несказанно повезло, что Высшее Сознание, появившись в человеческом теле, милостиво решило опуститься до нашего уровня понимания и выполняло огромную задачу передать нам *atma vidya***. Общение с Багаваном и его влияние были таковы, что я думаю, что вольно или невольно сделал что-то в прошлых жизнях, чем заслужил это необыкновенное счастье.**

101. Судананда Барати был патриотом, работал в сфере тамильской литературы, журналистики и социальной реконструкции в 1920-30-е годы. Его книга *Ramana Vijayam* (1931) – первая биография Шри Раманы на тамильском языке. Сборник *Arul Aruvi* (Потоки Милости) содержит песни, посвящённые Шри Рамане.

Моя последняя политическая речь была произнесена в Тутикорине на митинге под председательством знаменитого героя Чидамбарама Пиллая. Обращаясь к громадному собранию в Ваттакинар Майдан, я не мог сдержать слёзы. Моей темой была политика, а говорил я о религии: «Духовная Индия уже свободна. Материальная Индия получит свободу с помощью духовной силы. Начните массовые молитвы и медитации. Очищайте и электризуйте душу йогой. Рассылайте волны добрых и великих помыслов. Распространяйте послание Упанишад. Волны преобразуют мысли человечества. Безмолвная Сила Безмолвного Мудреца работает над судьбой Индии».

Я чувствовал это и ясно видел это. Я сошёл с платформы и уединился для медитации на весь день. Видение подтвердилось. «Требование времени»,- написал я Кавьяканте Ганапати Муни (№91), - «это Йога и безмолвное развитие силы».

К тому времени я получил *даршан* Махарши Раманы. Я поспешил к нему, завершая свою политическую деятельность. Я прибыл в Шри Раманашрам и вошёл в маленькое помещение, примыкающее к храму Матери. Ганапати Муни встал и воскликнул: «Добро пожаловать, добро пожаловать». Мягким голосом Рамана произнёс: «Позвольте Барати войти». Я не увидел человека. Я был потрясён. Сияние окутало меня. Мой ум исчез в тишине. Я сел, закрыл глаза и вошёл во внутреннюю пещеру сердца. Час пролетел, как пять минут. Я пришёл в себя, открыл глаза и увидел лотосный взгляд Раманы, устремлённый на меня. Он появился, как *линга*, сияющий лучами полированного золота. После всех этих лет *садханы,* здесь я переживал восхитительную внутреннюю реальность вне слов и мыслей. Я коснулся стоп Мастера и лил слёзы счастья, и пел вместе со Святым Маникавачагаром[1]: «Сегодня Ты взошёл в моём сердце как Солнце, разрушающее тьму». Муни поздравил меня со словами: «Как и я, ты нашёл правильного гуру в правильном месте!»

В своей книге* Самореализация *Б.В. Нарасимха Свами пишет:

Общение с Махарши обратило Барати вовнутрь; его эгоизм уменьшился настолько, что он стал говорить о себе в третьем лице. Так он провёл в Тируваннамалае шесть месяцев (в 1929г). Позже он написал прекрасное поэтическое произведение в прозе *Ramana Vijayam*, каждая строчка которого дышит безграничной преданностью Махарши.

102. Раманападананда, урождённый В.С. Куппусвами Айенгар, прибыл к Шри Рамане в 1928г., после того, как много лет занимался бизнесом.

Я был брокером и по делам колесил по всей Индии. Однажды, будучи в Кашмире, я услышал о Шри Багаване и его величии. Поэтому, вскоре после возвращения в Мадрас, поехал в Тируваннамалай и отправился в Ашрам. Когда я увидел Шри Багавана, он сидел на скамье в помещении, крытом кокосовыми листьями, которое было возведено над *самадхи* его матери. Это было в январе 1928г., когда весь Ашрам практически состоял только из этого строения, и больше ничего не было. В то мгновение, когда я увидел его, меня охватило необъяснимое ощущение счастья и преданности. Слёзы хлынули из глаз, и я долго не мог

[1] Великий тамильский поэт 9 века.

успокоиться. В моей жизни бывало всякое, и я не знал покоя. Но в присутствии Шри Багавана ощутил полный покой и необыкновенное блаженство.

Хотя мне пришлось вернуться в Мадрас, моё сердце осталось с Шри Багаваном. Поэтому я снова посетил его в 1930, и он благословил меня улыбкой и проникновенным взглядом. И в этот раз я залился неудержимыми слезами радости. То же самое произошло, когда я посетил дом в Тиручули, где родился Шри Багаван.

В 1930г. повинуясь внезапному решению, я отправился в Северную Индию. Я поехал в Варанаси, Харидвар, Ришикеш и Бадринат. В Бадринате я встретил Свами Тапованама (№82), который был так впечатлён моей преданностью Шри Багавану, что сочинил *шлоку* на санскрите, где говорится: «Да благословит Шри Багаван Раманападананду, который проливает обильные слёзы при одном лишь упоминании его имени». В Варанаси мне посоветовали носить одежды *санньяси*, как средство легко получать подаяние. Я продолжал носить их. Но однажды, когда я появился в них перед Шри Багаваном, он расхохотался и сказал: «Отказ от эго есть истинная *санньяса*, а не ношение оранжевых одежд». Я сразу отказался от них и с тех пор ношу только белое.

Убедившись, что Шри Багаван является основой вселенной и самым великолепным *аватаром* из всех, кого наблюдали до сего времени, я решил, что мой долг сделать так, чтобы везде узнали о его величии. С этой целью я оставил свой пост в известной фирме «Бомбейская Компания» в Мадурае. Далее я отправился в разные места праздновать Ramana *Jayanti* (День рождения Багавана) *пуджей*, музыкой, лекциями, процессиями и т.д. Я даже поехал на Цейлон, в Бирму и Малайзию и праздновал там Ramana *Jayanti*, или Ramana *Mela* и устанавливал портреты Шри Раманы везде, где побывал.

Однажды я повстречал Шри Багавана по пути на гору и простёрся перед ним и сказал: «Теперь, получив *даршан* Багавана, я могу идти». На что он улыбнулся и сказал: «Чей *даршан* кому? Почему ты не говоришь, что это я получил твой *даршан*?»

Именно милостью Шри Багавана я в конце концов попал в Ашрам, чтобы провести свои последние дни рядом с ним.

103. Мать полковника А.Н.С. Мурти была родом из Тируваннамалая. Он встретил Шри Раману, когда был ещё юношей.

Бывая вместе с матерью в её родном городе Тируваннамалае, я всегда поднимался на священную гору и ходил в пещеру Вирупакша, где жил Шри Рамана. Моя мать говорила, что этот Брамана Свами, как его тогда называли, необыкновенный, так как подростком достиг Самореализации. К тому времени он стал довольно известным в городе.

Однажды Свами говорил об обезьянах, сидевших очень близко к нему, как будто они были людьми. Он относился к одной из них как к «вожаку» и превозносил его качества ума и сердца, в то время как обезьяна скалила зубы и гримасничала, как будто была недовольна тем, как мы принимаем замечания Свами. Удивительно было наблюдать, как Свами предлагает еду из своих рук, а обезьяна с гримасами подходит и берёт еду из его рук, как из рук родителей. Как хорошо они себя вели с ним! Хотя в следующий миг срывались с места и уходили, прыгая по скалам, в свою обычную дикую беззаботную жизнь!

Я снова увидел Свами на горе, когда учился в колледже. Однажды я приехал поездом из Веллора и пошёл к нему. Золотистая кожа Свами, казалось, сияет ещё ярче, чем раньше, и я чувствовал, как его божественный взгляд охлаждает и успокаивает моё тело, разгорячённое полуденным летним солнцем, пока я взбирался к его жилищу. Поев фруктов, которыми он

угостил, я простёрся для благословения, вернулся в колледж и вскоре забыл о нём, возможно в приливе успеха и в соблазнах столицы, Мадраса, где учился.

Прошло много лет, прежде чем я увидел его снова. Хотя я читал некоторые его тамильские произведения и газетные статьи о нём, я также читал работы по атеизму Чарльза Брэдлоу и других авторов, кроме того, несколько статей о *садху*, которые являются проклятием нашей страны, и т.д. Поэтому я шёл к нему за благословением не без критического отношения. И увидев его полулежащим на диване, в силу своих идей об аскетизме я сразу же возмутился и не простёрся перед ним, и не сел возле него. Я сел поодаль, мысленно призывая его позвать меня, если он потрудится вспомнить меня, или умеет читать мысли. Он не позвал, лишь на секунду взглянул на меня почти пугающе лишённым выражения, но проникновенным взглядом незнакомца. Я спешно покинул Ашрам.

То, что он якобы строит храм, чтобы увековечить память своей матери; то, что он якобы подписывает чеки[1]; то, что он однажды получил побои от бандитов, и многое другое, услышанное о нём от толпы и от мэра города, у которого я жил тогда, добавило мне сомнений, и я отказался от него.

Однажды, когда я зашёл за какими-то книгами в библиотеку в Бангалоре, работавший там молодой человек, наверное, чтобы выразить восхищение моими лекциями, которые я давал иногда по разным предметам, быстро достал с одной из полок книгу *Учение Багавана Шри Раманы Махарши* Артура Осборна (№40) и попросил меня прочитать её. Увидев название, я чуть не отшвырнул её, но в какую-то долю секунды решил не делать этого. Я взял её домой, где она долго лежала среди других книг. Затем, однажды вечером, когда выпало свободное время, открыл её и, к своему удивлению, с тех пор везде носил с собой и читал жадно и почтительно, как *Гиту*.

На каждой странице находил я источник откровения и утешения. Я нашёл ответы на все свои вопросы и сомнения, не только о жизни в общем, но также и о жизни святых, которых знал, и особенно о Брамана Свами дней моей юности, который позже стал известен как Багаван Рамана Махарши, к которому я был слеп, пока Артур Осборн не раскрыл мне глаза.

104. В. Камешвара Рао, государственный служащий, встретился с Шри Раманой в конце 1940-х гг. после откровения, полученного во сне.

Однажды мне приснилось, что святой старик с сияющей улыбкой звал меня к себе. Я рассказал сон жене, но не мог узнать святого, которого видел. Мог ли это быть Рамана Махарши, о котором я читал в книге *Самореализация*?[2] Я попросил друга, часто ездившего в Шри Раманашрам, взять меня с собой, и он согласился. Мы отправились в тот же день и прибыли в Ашрам на следующее утро.

Мы вошли в холл, где на кушетке сидел Махарши, святой из моего сновидения. Я ощутил себя в присутствии Бога. Я пал ниц перед Багаваном (этим именем обычно

[1] Как был обманут автор в то время, думая, что Шри Рамана подписывал чеки. В действительности, после того, как покинул Мадурай, Шри Рамана никогда нигде не поставил свою подпись, так как он чувствовал, что у него нет своей отдельной индивидуальности. Даже на завещании, составленном в 1938г., в качестве подписи он нарисовал короткую линию, перечёркнув её четыре раза, в присутствии суб-регистратора, пришедшего в Ашрам зарегистрировать завещание.

[2] Первая биография Шри Раманы (1931г), написанная Б.В. Нарасимхой Свами.

называл его мой друг). Группа мужчин и женщин, молча, сидела на полу по обе стороны от него. Поближе к нему сидел пожилой бородатый мужчина, переплетавший небольшую книгу.

Багаван спросил, пил ли я уже кофе, и я вышел, чтобы принять душ и позавтракать. Вернувшись, увидел, что Багаван сам переплетает книгу. Я удивился, зачем он это делает, а затем заметил, как тщательно он работает и показывает бородатому мужчине, как надо это делать.

Будучи государственным служащим, я должен был в назначенный срок сдать экзамен по второму языку. Я решил выбрать тамили, хотя очень мало знал этот язык. Я немного волновался по этому поводу и хотел получить благословение Багавана. Когда я рассказал о своём затруднении Багавану, он ответил: «*parava illai*»(не беспокойся), и это вселило в меня огромную радость. Он посоветовал мне взять маленькую брошюру *Nan Yar*? (Кто Я?) и читать её с помощью учителя тамили.

На следующее утро я зашёл, простёрся перед Багаваном и попросил разрешения уехать. Он разрешил, но спросил, почему я так тороплюсь. Мой друг выразил сомнение, что я смогу уехать в этот день, ввиду того, что сказал Багаван; однако мне нужно было возвращаться. Я купил книги в книжной лавке ашрама и пошёл на станцию, где выяснилось, что на железной дороге двухдневная забастовка. Когда мы, вернувшись, сказали об этом Багавану, он улыбнулся.

Два дня спустя, когда я попросил разрешения уехать, он сказал: «Очень хорошо». В этот раз мы шли на станцию, а повозка с багажом сопровождала нас. Когда мы прибыли, поезд был уже на станции, а повозки не было видно, поэтому я подумал, что опоздаю на поезд и пошёл к начальнику станции и объяснил ему, что это моя вторая попытка уехать из Ашрама, и попросил его задержать поезд на несколько минут, пока прибудет мой багаж; он согласился.

Приехав домой, я нанял учителя и оставался дома в течение летних каникул в работе суда, чтобы читать *Кто Я?* на тамили. Наступил письменный экзамен. Мне нужно было перевести речь с английского на тамильский язык. Я без особого труда справился с заданием. Затем последовал более устрашающий устный экзамен в Мадрасе, однако он тоже оказался очень лёгким, и я сдал его.

В феврале 1949г мой старший сын заболел оспой. Через несколько дней врач предупредил меня, что многие умирают от оспы, и шансов на выздоровление мало. Я сидел возле мальчика и читал ему религиозные поэмы, чтобы удерживать его внимание на Боге, так как вряд ли он мог выжить. Затем внезапно мне пришла идея попросить благословений Багавана. Я написал ему: «Молю Вас благословить страдающего ребёнка и его родителей».

Рано утром на следующий день моя сестра, которая в свою очередь сидела ночью у постели мальчика, сказала нам, что у неё было видение Аммавару (духа оспы), покидавшего наш дом и велевшего ей позаботиться о мальчике. А из Ашрама пришло письмо, в котором говорилось: «Высылаем *Прасад* (священный пепел) с милостивым благословением Шри Багавана вашему ребёнку, болеющему оспой». Письмо взволновало меня. Как Багаван узнал, что у моего сына оспа? Как бы то ни было, сын выжил и находится в добром здравии. В результате этого случая вера в Багавана окрепла необыкновенно, потому что это был вопрос жизни и смерти для моего мальчика, и Багаван даровал ему жизнь.

В марте 1949г. в Ашраме состоялась большая церемония освящения храма над *самадхи* матери Багавана. Я решил поехать и взять с собой жену и мать. У дверей уже ждала машина, чтобы отвезти нас на станцию. Внезапно я почувствовал, что не должен ехать. Моя

жена и мать, конечно, протестовали. Все были раздражены, но я просто сказал: «Возможно, Багаван не хочет, чтобы я видел церемонию. Извините, но ничего не поделаешь».

Около девяти вечера я получил телеграмму, в которой говорилось, что единственный сын моей сестры опасно болен менингитом, и я должен немедленно отправить туда свою мать. Я посадил её в поезд вместе с моей сестрой. По прибытии сестра написала мне отчаянное письмо, что случай моего племянника безнадёжен и единственный шанс спасти его, если возможно, это привлечь благословение Багавана. Поэтому я опять написал в Ашрам.

В ответ я получил благословение Багавана для ребёнка и его родителей. Мой племянник выздоровел. Мы поняли тогда, почему я внезапно отменил поездку в Тируваннамалай. Если бы мы уехали, телеграмма не застала бы меня, мои мать и сестра не поехали бы вовремя, и я не написал бы просьбу о благословении Багавана. Странное решение, подсказанное мне чем-то неизвестным, спасло ребёнка.

105. Профессор В.Б. Атавали из Кирлоскарвади (штат Махараштра) был знатоком *Гиты*. Он написал много статей для журнала *The Call Divine*.

Мне посчастливилось встретить Раману Махарши в апреле 1944г, и в течение недели наблюдать его в состоянии Высшего Сознания, где мирские знания не имеют значения.

Я составил генеалогическую таблицу 350 человек, упомянутых в *Риг Веде* и намеревался показать эту таблицу Рамане Махарши и поговорить с ним об изучении *Гиты*. Однако увидев, что в холле никто не разговаривает, я оставил эту идею и решил не упоминать о ней, если Махарши не проявит желания сам. На следующий день, войдя в холл в 8 утра, я с удивлением узнал, что Махарши попросил одного из преданных дать мне томик *Гиты*, в котором было 746 стихов, а не 700, как обычно, и спросить, что я думаю об этой разнице. Таким образом, я получил возможность затронуть тему *Гиты*. Во избежание нарушения спокойствия в холле Махарши сказал, чтобы я встретился с одним пандитом после обеда и поговорил с ним о Гите, а пандит расскажет Махарши об этом позднее.

Мы с пандитом беседовали четыре дня. В один день Махарши посмотрел мою генеалогическую таблицу и спросил, что я скажу о "*tenaiva rupena chatturbhujena*", упоминании о четырёх руках Кришны в главе 11. Я объяснил пандиту, что Арджуна в 11-й главе дважды обращается к Кришне "Вишно". В 10-й главе мы читаем, что Кришна был Вишну Адитий. Хотя это выражение обычно интерпретируют как солнце в двенадцати знаках Зодиака, это не может быть правильным, так как далее следуют слова: «Я – солнце среди звёзд». Выражение *Риг Веды* "*Astau putraso Aditeh*" означает, что Адити имел восемь сыновей, а *Adhyaryn Brahmana* говорит: "*Narayanaya vidmahe vasudevaya dhimahi, tanno Vishnuh prachodayat"*. Это значит, что Васудева – это отчество Вишну. Таким образом, Кришна и Вишну имели одно и то же отчество Васудева.

Махарши был доволен, когда услышал разъяснения, благословил меня, и предложил, чтобы я написал комментарии к *Гите*. 24 апреля я сообщил Махарши, что вечером уезжаю и попросил дать мне автограф. Кто-то сказал, что Махарши никогда не пишет своё имя. Я выразил сожаление о своём незнании этого правила и сказал, что хотел получить образец почерка Махарши, а не подпись. Махарши взял ручку и бумагу и написал ответ на вопрос, который я задавал мысленно, таким образом, исполнив моё желание получить его автограф.

106. Г. Лакшми Нарасимхам много помогал управлению Ашрама в 1930-40-е годы. Он перевёл на телугу произведения Шри Раманы *Пять Гимнов Аруначале* и *Сорок Стихов о Реальности*.

Моё общение с Багаваном началось в 1930, и я провёл три года в Шри Раманашраме. Это было величайшее благословение.

Я был учёным и изучал атомарное строение вселенной и как материя в конце концов преобразуется в энергию, и что ум – это тоже форма энергии. Поэтому весь мир ума и материи, если смотреть в корень, это единая однородная Энергия Бога, или назовите это как хотите.

Таково было моё мировоззрение, когда я впервые приехал в Шри Раманашрам. Багаван тогда переводил на телугу *Ulladu Narpadu*. Закончив, он дал мне рукопись и сказал: «Вы андра, посмотрите, нет ли здесь грамматических ошибок». Именно этот перевод повернул мой ум вовнутрь и наставил на правильный путь.

Суть того, что говорил Багаван в моих беседах с ним такова:

«Вы говорите, что в результате окончательного анализа всё, что я вижу или думаю или делаю – одно; но это на самом деле включает два понятия: всё, что видимо; и «Я», которое видит, думает и действует и говорит «я». Которое из этих двух более реально, истинно и важно? Очевидно видящий, так как «видимое» зависит от него. Поэтому переключите внимание на видящего, который является источником Вашего «Я» и осознайте его. Вот настоящая задача. До сих пор Вы изучали объект, а не субъект. Теперь выясните, что в действительности означает это «Я». Найдите сущность, которая является источником выражения «Я». Это Атман, Суть всех существ».

Это прямое простое поучение подействовало на меня как тоник. Оно отмело беспокойство и смятение, преследовавшие мой ум. Это, конечно, суть *Ulladu Narpadu* и главная тема всех произведений Багавана. Простота его заставила меня воскликнуть: «Значит, Багаван, Самореализация очень лёгкая, как Вы говорите в поэме *Atma Vidya*!»

Багаван улыбнулся и сказал: «Да, да, сначала так и кажется, но есть одна трудность. Вы должны преодолеть Ваши ошибочные ценности и ложное отождествление. Исследование требует сосредоточенных усилий и постоянного пребывания в Источнике, когда он найден». Однако, предупреждая меня, он также добавил и слова утешения: «Но не позволяйте этому остановить Вас. Возникновение стремления искать «Я» - само по себе акт Божественной Милости, о котором должен молиться каждый».

Однажды моя мать сказала Багавану: «Вы – Бог. Пожалуйста, помогите мне». Он ответил: «Я – Бог? – я всего лишь верю в существование Бога. Не говорите, что я Бог. А то каждый будет стараться оторвать от меня хотя бы волосок».

Моего трёхлетнего сына, страдавшего острым заболеванием печени, на несколько дней привезли в Ашрам, но через два месяца он умер. Об этом рассказали Багавану. Когда Багаван явился во сне одному близкому родственнику, тот сказал: «Ребёнок умер, хотя его принесли к тебе». Багаван ответил: «К юристу в твоей семье приходит так много клиентов. Разве он не говорит всегда: «Сделаю всё, что смогу»? Разве он всегда выигрывает дело? Так же и с Богом».

Одному преданному не удалось получить подходящего жениха для своей дочери, и он обратился к Багавану за помощью. Ему дали стихотворение на тамили, чтобы он повторял его ежедневно определённое количество раз. Это стихотворение было молитвой к Шиве,

чтобы он взял Парвати в супруги. Через месяц или два преданный успешно отпраздновал свадьбу дочери.

Моя дочь также была в возрасте замужества, и я подумывал воспользоваться этим же приёмом. Чтобы получить разъяснение Багавана, я записал стихотворение на бумаге и показал Багавану, спросив, нет ли в нём ошибок. Багаван просмотрел его и сказал: «Зачем вам это? Вам не нужно совершать все эти вещи. Когда придёт время, жених явится сам и уведёт её за руку». Я оставил эту идею; а моя дочь вышла замуж, как и предсказал Багаван.

В декабре 1930г. новорождённую дочь моего брата привезли в Ашрам, чтобы Багаван дал ей имя. Два привычных для него имени были Лакшми и Сарасвати. Поэтому, глядя на ребёнка, Багаван сказал: «Почему бы не назвать её Сарасвати?» Когда ему сказали, что одна Сарасвати уже есть, он назвал её Бала Сарасвати (*Бала* означает младшая).

Багаван настаивал на *parayana* (повторение священных текстов). Он считал, что хотя человек может и не понять их с первого раза, постепенно высший смысл вспыхнет сам по себе. Багаван также говорил, что один раз написать – всё равно, что десять раз прочитать.

В начале 1930-х годов собака по кличке Джекки заболела. Багаван устроил ей мягкую постель в холле и с любовью ухаживал за ней. Через несколько дней ей стало хуже, и она стала издавать ужасный запах, но отношение Багавана никак не изменилось. Наконец, она скончалась у него на руках. Там, где она похоронена на территории Ашрама, стоит небольшой памятник.

107. П.В. Шастри, юрист, приехал к Шри Рамане в 1945г. после смерти 23-летнего женатого сына.

Случившееся было столь ужасно и вызвало такое горе, что я думал, что не переживу этого. На время я забросил практически все свои мирские обязанности. Позже я каким-то образом был привлечён в Шри Раманашрам и поехал туда вместе со всей семьёй. Прочитав о том, как Шри Кришна вернул к жизни сына своего гуру Сандипани, мы были столь безумны, что надеялись с помощью милости Багавана Шри Раманы оживить нашего сына.[1]

Мы достигли Тируваннамалая и вошли в холл, где обычно сидел Багаван. Единственным нашим желанием было умолять его вернуть сына; но, несмотря на сильное желание, мы не смогли высказать его. Мы просто тихо сидели, пока Багаван не встал к обеду и не вышел вместе со всеми. Тогда и мы вернулись туда, где остановились. После обеда мы снова пошли в холл с той же целью, но с тем же результатом.

Таким образом, мы ходили в холл утром и вечером семь дней подряд, чтобы умолять Багавана оживить нашего сына, но не смогли вымолвить ни слова в его присутствии. На восьмой день, выйдя из холла, мы посовещались и решили, что бесполезно оставаться дольше, поскольку цель не достигнута, и решили уехать следующим утром.

В это время нам встретился один джентльмен, Суббарао. Он раньше был адвокатом в Неллоре и приехал в Тируваннамалай и поселился здесь как один из преданных. Мы стали друзьями, возможно потому, что я тоже был адвокатом. Он спросил, о чём мы говорили, и я рассказал ему всю историю. Я признал, что мы ощущали покой в присутствии Багавана, но когда выходили из холла, горе захлёстывало нас снова, как извержение вулкана; и всё же мы не могли высказать своё желание Багавану.

[1] Легенда гласит, что Господь Кришна вернул живым сына своего гуру Сандипани, которого смыло в море.

Суббарао пообещал отвести нас к Багавану на следующий день и представить ему. Мы согласились. На следующий день, когда нас представили, мы рассказали Багавану о нашем горе и в общих словах попросили его помочь. Багаван кивнул головой и сказал *Seri, Seri* (Хорошо, хорошо), однако мы снова обнаружили, что не можем больше говорить, и тем более не можем сказать, чего хотим на самом деле. Снова мы были вынуждены сидеть молча. Тем вечером мы решили уехать, так как даже вмешательство Суббарао не помогло.

Однако Шри Рамана не позволил нам уехать. Мне пришла в голову мысль, что нужно купить какие-нибудь книги, опубликованные Ашрамом. Когда я пришёл в книжную лавку, работавший там джентльмен был в медитации, но сразу открыл глаза и пригласил войти. На его расспросы я снова рассказал всю свою историю. Он сказал, что Махарши может вернуть юношу к жизни, но так как юноша был очень религиозным и благочестивым, он ушёл в лучшие миры и не хочет возвращаться к нам. Я уверил его, что он так любил нас, а мы так любили его, что он, конечно, вернулся бы, если бы это было возможно. Тогда джентльмен задал мне другой вопрос.

«Представьте себе, что Багаван возвращает его к жизни, а потом вы оба умираете, каково будет тогда?» Этот вопрос рассеял густое облако иллюзии, которое окутывало нас и, наконец, мы увидели, что наша попытка вернуть сына была чистым безумием. Я почувствовал тогда и даже сейчас чувствую, что со мной говорил не продавец книг, но в действительности через него говорил Шри Багаван.

Мы оставили надежду вернуть сына, а также наш план уехать немедленно. Мы оставались ещё около двенадцати дней. Оставшееся время в Ашраме было только с целью обрести покой. «Хорошо» Шри Раманы обещало помочь нам единственным способом, которым помогает реализованный гуру. Нам была дарована его милость, и он начал безмолвно работать в наших сердцах, чтобы убрать плотные облака печали и положить конец вулканическим выбросам горя. Он начал вносить покой и растить истинное знание в нас. Безмолвно и медленно милость всё ещё работает в этом направлении. Мы получили благословение его милостью и почувствовали облегчение.

108. М.М. Менон из Палгата (штат Керала) приехал к Шри Рамане в конце 1940-х. Он писал статьи об адвайте и великих индийских мудрецах в журнале *The Call Divine*.

Во время второго визита в Ашрам в мае 1948г. я сидел в холле в нескольких ярдах от кушетки Багавана, погружённый в покой и умиротворяющую тишину, исходящую от него. После обеда я подошёл к молодому *санньяси*, прислуживающему Багавану, и попросил его узнать у Багавана, не рассеет ли он милостиво одно моё сомнение. Багаван с готовностью согласился и бросил на меня ободряющий взгляд. Решиться спросить было легко, однако я был так безнадёжно смущён, что не смог говорить. Я подумал, что нарушить тишину в холле обращением к Багавану будет непростительным преступлением, и люди в холле могут неблагоприятно отнестись к моей дерзости. Я был смущён и не знал, как начать. Я сильно вспотел от волнения и робости, но не набрался смелости открыть рот, несмотря на то, что очень хотел поговорить с Багаваном.

Через пятнадцать минут Багаван подозвал *санньяси* и велел ему передать мне, чтобы я высказал свои сомнения. Снова я был слишком робок и взволнован и не смог говорить. Прошла ещё одна четверть часа, а я всё ещё не обратился к Багавану, когда Багаван снова велел *санньяси* спросить меня, в чём мои сомнения. Видя, как милостив и заинтересован

Багаван, я не мог больше откладывать, и выпалил на малаяламе: «Багаван! Я слышал о *vichara marga*, но у меня нет ясного понимания. Это сидеть в тихом месте и задавать себе вопрос «Кто Я?» снова и снова или медитировать на этот вопрос, как на мантру?»

Услышав эти слова, все посмотрели на меня. Багаван ответил сжато и ясно на малаяламе: «Нет, это не повторение и не медитация на «Кто Я?» Это глубоко нырнуть в себя и искать место, откуда мысль «я» возникает в тебе и твёрдо придерживаться этого, чтобы исключить любую другую мысль. Продолжительные и настойчивые попытки приведут тебя к Атману».

Я был переполнен счастьем. Хотя мне смутно было понятно, что сказал Багаван, я чувствовал, что Он посвятил меня, и Его Милость снизошла на меня. Блаженство, которое я ощущал, неописуемо. Я не мог сдержаться и разрыдался. Счастье, которое я тогда ощутил, могу вспомнить даже сейчас во всей полноте и считаю себя особенно благословлённым Багаваном. Я не могу вспоминать этот случай без осознания того, как безгранично добр был Багаван.

109. Н.В. Гунаджи был адвокатом в Белгауме, штат Карнатака.

Услышав о Шри Рамане и почувствовав искреннее желание и решимость увидеть его, я раздобыл его адрес и прибыл в Ашрам в январе 1935г. Войдя в холл, я не нашёл там никого, кроме одного человека, который поприветствовал меня. Я спросил о Багаване и узнал, что Он пошёл на гору и скоро вернётся. Он вернулся через несколько минут. Я сидел перед Багаваном в холле около часа и обнаружил тогда, как и каждый раз после этого, что лишь присутствие Багавана излучает мир и счастье, и что мой ум успокаивается и становится лёгким и светлым.

Как Джнянешвар, первый мудрец-поэт Махараштры, попросил о благодеянии в конце знаменитого комментария к *Гите*, в том же ключе я попросил у Багавана о следующем благодеянии словами (песни) мудреца Джнянешвара. Сначала я объяснил смысл песни Багавану на английском языке следующим образом:

«О, Багаван, если ты собираешься что-нибудь дать нам, дай нам это – Наше эго должно разрушиться, наше зрение (видение) должно сосредоточиться (на атмане), мысль должна исчезнуть, а мир перестать существовать. Пусть мы обретём естественное счастье, которое не зависит от форм и объектов чувств. Как соль растворяется в воде, наши умы должны раствориться в Атмане».

Услышав это, Багаван был очень доволен. Он вытянулся и громким голосом провозгласил: «Берите, берите столько, сколько хотите, *входите, входите*». Черты Багавана при этом были достойны видения богов. Никогда не забуду радостный, счастливый и сияющий облик Багавана в эту минуту.

В марте 1949г. я воспользовался возможностью поехать в Ашрам в связи с церемонией освящения только что построенного храма Матери. Тогда я спросил Багавана: «Как войти и остаться там, когда войдёшь?» Багаван рассмеялся, посмотрел на меня и сказал: «Отбрось телесное сознание (идею, что я есть тело) и тогда где «внутри» и где «снаружи»? Всё осознание жизни – Одно». Какой точный и красивый ответ!

110. Сестра Лалита из Нильгирис внесла свою лепту в *The Call Divine*, описав свои впечатления от пребывания с Шри Раманой.

Так спокойно, так тихо сидит Багаван Шри Рамана. Золотистая фигура цвета слоновой кости, стройное пожилое немощное тело и лицо ребёнка. Я ощутила божественный покой, величие безмолвия.

Глаза являются наиболее замечательной чертой его лица. Они – окна вечного духа. В них светится спокойствие Бога. Ясные, широко открытые, добрые, беспристрастные глаза; вместе с тем глубокие, проникающие в Атман внутри; невинные и понимающие; сострадательные и всё же тщательно взвешивающие и понимающие игру жизни. Иногда этот взгляд мягко изучает людей вокруг, на мгновение выбирая того или другого из толпы, затем скользит дальше совершенно отрешённый, и всё же удаляющийся медленно, желая, чтобы и другие были довольны.

Иногда он сидит в глубоком размышлении, оперев подбородок на руку, дух его витает в неизвестных высотах. Иногда негромким мягким голосом он говорит несколько слов кому-то, чья мысль привлекла его внимание.

Что может этот молчаливый уединённый человек дать другим? Тот факт, что вокруг него присутствуют другие, доказывает, что он может дать нечто.

Вот мысли, которые пришли в голову, пока я сидела на полу в том тихом помещении, где председательствует тот молчаливый человек.

111. К.В. Субраманья Айяр, регулярно посещавший Ашрам, был заместителем Управляющего отделом здравоохранения в Мадрасе.

Однажды в Ашрам приехали четыре дамы и сидели в холле перед Багаваном. Одна из них, американка, спросила Багавана: «Можем ли мы получить Вашу милость для нашего духовного развития?» Багаван ответил: «Если бы не эта милость, у вас не появилось бы даже мысли о том, чтобы приехать сюда».

Тогда дама сказала: «Багаван, я уезжаю назад в Америку; Вы приедете туда?» Багаван улыбнулся и уверенным тоном сказал: «Я уже там. Я вне времени и пространства».

Искреннему искателю Багаван всегда говорил: «Вы уже есть То, только нужно убрать вуаль неведения». Свами Вивекананда говорил последователям: Не верьте хладнокровному учителю, который говорит: «Я вижу, но вы не можете увидеть». Багаван никогда не делал тайны из своего учения.

Его отношение было простое и всегда вдохновляло. Он говорил: «Вы уже реализованы, вам не нужно осознавать ничего нового. Ваши усилия должны быть направлены на то, чтобы убрать вуаль неведения с помощью исследования».

Господь Аруначала избрал Раману благоприятным полем или подходящим средством для того, чтобы проявиться через него. Господь Кришна говорит в *Гите* (IV.7): «Когда добро уменьшается, о, Бхарата, и поднимается зло, тогда прихожу я сам». И вот Господь Аруначала решил проявить себя как Рамана. Поэтому без каких-либо усилий, лишь благодаря божественной воле Рамана имел необыкновенное переживание, когда ему стало ясно, что тело отдельно от неумирающего Атмана.

Во всех своих последующих действиях Шри Рамана был просто инструментом в руках невидимой силы. Перед тем как покинуть дом, он оставил записку брату, в которой написал, что его позвал Отец. Он приехал в Тируваннамалай и полностью сдался Господу Аруначале. Он потерял свою отдельную индивидуальность и осознал, что он – единый

Атман. Когда Багавана однажды спросили, почему Он относится к Аруначале как к Своему Отцу, он не ответил, а просто улыбнулся.

Неверно было бы предполагать, что Шри Рамана предавался суровому аскетизму. Судя по всему, он исполнял трудный *manac*. Но он уже достиг цели без каких-либо усилий со своей стороны, ибо Аруначала уступил ему Своё место. Ему не нужно было совершать *manac*. Он молча сидел без усилий на Горе Аруне, безмолвно передавая Божественный Зов людям.

112. Джагадишвара Шастри (1894-1983) был выдающимся знатоком санскрита, общавшимся с Шри Раманой четыре десятилетия. Девараджа Мудальяр (№35) называл его придворным поэтом Багавана. Шри Рамана с любовью называл его Джагадиша.

А.Р. Натараджан вспоминает, что в 1945г. Шастри тяжело заболел, и никакое лечение не помогало. Шастри просил милости Шри Раманы, который к нему удивительно тепло относился. Поэт от природы, Шастри сдался Шри Рамане, сочинил восемь изысканных поэтических произведений, названных* Prapatti Ashtakam*, в которых излил свою душу. Шри Рамана вырвал его из когтей смерти и даровал ему долгую жизнь.

Шастри рассказал Джаганлалу В. Йоги(№55) следующее:

Я пошёл к Шри Багавану в пещеру Вирупакша[1] послушать его духовные беседы. Поскольку беседа продолжалась далеко за полночь, я решил заночевать возле пещеры и не возвращаться в город. Это было смело, так как в те времена по горе бродили дикие звери. Я крепко спал и храпел. Багаван, заботясь о моей безопасности, сунул мне под нос щепотку нюхательного табака. Я вздрогнул и проснулся и стал безудержно чихать. Посмеявшись от души, Багаван с любовью сказал, чтобы я шёл спать в пещеру. Полусонный, я, спотыкаясь, зашёл в пещеру и сразу уснул.

Джаганлал Йоги рассказывает, что однажды он с Шастри шёл по Бомбею. Асфальтовые улицы раскалились на солнце, и ему с трудом верилось, что можно по ним идти босиком. Он спросил Шастри, не жжёт ли ему ноги. Шастри ответил отрицательно и добавил: «Я уже получил от Багавана* ravi raksha *(защиту от солнца). Я могу ходить при любой жаре, и со мной ничего не случается». Затем Шастри рассказал, как он получил* ravi raksha*:

Однажды в самый полдень Багаван взял свой сосуд для воды и попросил меня пойти с ним на прогулку по горе. На мои возражения, мол, как можно передвигаться в такую жару, он сказал: «Ты можешь передвигаться так же, как это делаю я. Разве я не такой же человек с двумя ногами, как ты?» Видя, что спорить дальше бесполезно, я пошёл вместе с Багаваном (который никогда не носил обуви). Голые камни были ужасно горячими из-за палящего солнца, и идти по ним было больно. Какое-то время я терпел, но когда стало невыносимо, воскликнул: «Багаван, мои ноги так сильно горят! Я не могу больше ни шагу ступить. Даже стоять здесь трудно. Со всех сторон палящий зной! Если я останусь на этой ужасной жаре ещё немного, голова треснет, и я умру».

[1] Шри Рамана жил здесь с 1899 по 1916гг.

Багаван улыбнулся и сказал очень спокойным глубоким голосом: «Джагадиша, оставь свой страх и послушай. У тебя должна быть *bhavana* (мысленное убеждение и отношение), что ты – солнце. Начни повторять мантру *Suryosmi* (Я - солнце) с убеждением, что это правда. Скоро ты увидишь результат. Ты сам станешь *surya swarupa*, то есть, у тебя появятся свойства солнца. Разве может солнце ощущать жар солнца?»

Я последовал совету Багавана и начал повторять мантру солнца. Через короткое время я начал ощущать эффект *джапы*. Жар уменьшился, и в конце концов я ощутил вместо обжигающей жары приятную прохладу. Поскольку чувство жжения уменьшилось, я смог быстро идти наравне с Багаваном. Позже я с удивлением обнаружил, что эффект от повторения этой мантры оказался постоянным. Хотя больше не повторяю её, я никогда больше не страдал от жары. Теперь я легко могу ходить босиком по асфальту летом.

Именно Шастри вызвал появление знаменитой шлоки Шри Раманы на санскрите. Вот история, записанная в 1948г. Сури Нагаммой (№39), как её рассказал сам Шри Рамана:

«Однажды в 1915г. Джагадиша написал на бумаге "*Hridaya kuhara madhye*" и держал её в руке. Я спросил его, что это, и он сказал, что хотел написать *шлоку*, но смог написать только это. Я посоветовал ему написать остальное, он сказал, что не может, как ни пытался. Через некоторое время он куда-то ушёл, оставив листок под моим сиденьем. До его возвращения я закончил *шлоку* и написал внизу «Джагадиша». Когда он вернулся, я отдал её ему. Когда он спросил, почему я подписал её его именем, я ответил: потому что Джагадиша её начал».

(*Шлока* гласит: В глубине Сердца (с правой стороны груди) лишь одна Высочайшая Сущность – Браман сияет в виде *атмана* непосредственно как Я. Войди в Сердце сосредоточенным умом через самоисследование, то есть постоянно исследуя внутри кто я, либо глубоко нырнув внутрь, либо через контроль над дыханием и пребывай вечно в *атмане*)

113. Рамананда Сварнагири автор книги *Крошки с Его Стола* (1937). В предисловии к книге говорится: Вкуса лишь нескольких крошек будет достаточно, чтобы заставить читателей жаждать хлеба самой жизни из Его рук, и послужить моей цели вызвать такой интерес к Нему и Его учению.

В 1933г. я посетил Шри Авадхуту Свами в Сендамангаламе в Салеме. Совершая обход вокруг божества Шри Даттатрейи на вершине горы, где находилась пещера Свами, я случайно увидел фотографию очень молодого аскета, похожего на только что окончившего школу юношу не старше двадцати лет. Проницательный взгляд и юная внешность молодого йога покорили меня. Мне сказали, что мудрец живёт в Тируваннамалае и является безупречным *джняни*.

Я посетил Шри Раманашрам в марте 1934г. и простёрся перед Шри Раманой в холле. Багаван спросил меня: «Кто Вы?» Я сказал: «Я – Нараянасвами» (Его настоящее имя). Он сказал: «Это тело, рот или руки представляют то «я», о котором Вы говорите?», – и добавил, - «Вы отличны от тела. Вы – обладатель, а тело – это то, чем вы обладаете». Когда я сказал: «Я отличен от тела, но не могу ясно увидеть границу между моим телом и Атманом», Багаван предложил: «Задайте вопрос себе, и узнаете, кто вы, проследив источник, из которого появляется «я».

Шри Рамана дал мне работу. Я был доволен уроком и, купив книгу *Жизнь и Учение* (на тамили), прочитал её в ту же ночь в Ашраме. Чем больше я читал, тем больше меня привлекал Багаван, а его пример и учение оказали на меня огромное воздействие.

Я только собрался задать вопрос Багавану, как он ответил мне, отослав к книге *Тайный Путь* Поля Брантона, и заметил, что, как там сказано, речь лишь затуманивает общение и мешает безмолвной передаче мысли.

Шри Багаван помогал каким-то детям учить наизусть *Upadesa Saaram*. Я подивился бесполезности обучения этих малышей, которые не могли понимать азы философских стихов. Хотя я не произнёс ни слова, Шри Багаван повернулся ко мне и сказал: «Эти дети могут не понимать смысла стихов, и всё же они окажут им неоценимую помощь и вспомнятся с большим облегчением и радостью, когда они вырастут и столкнутся с трудностями».

На следующий день вместе с несколькими друзьями я посетил одного знатока санскрита и тамили, который некоторое время преподавал санскрит в одной из местных школ и жил поблизости от большинства тех мест, где, как говорили, Багаван провёл своё детство (речь идёт о Ганапати Муни (№91). Когда мы пришли к месту, где Багаван обычно сидел вечерами, он поднял немного земли и нанёс на лоб. А также бросил щепотку земли в рот и сказал: «Даже земля, на которой сидел такой святой человек, священна. Его следы ст**о**ят всех сфер небесных».

Во время моего третьего визита я увидел в холле образованного молодого человека в медитативной позе. Он сидел часами, и некоторые преданные почти завидовали его быстрому прогрессу. Возможно, чтобы рассеять сомнения, Багаван однажды сказал: «Парень не медитирует на Боге или Атмане, он молится ему (Шри Рамане), чтобы получить работу». Он добавил: «Миряне хотят получить исполнение желаний везде, где это возможно. Я – *санньяси*, у меня нет ни собственности, ни работы».

Безработный молодой человек, слышавший разговор, хотя внешне и казался отстранённым от происходящего вокруг, понял, что его вывели на чистую воду.

По поводу пищи, необходимой для *садханы*, Багаван часто говорил: «Искатели должны есть умеренное количество любой еды, которая к ним приходит, и не иметь предпочтений в питании». Он настаивал на сосредоточенном исследовании (Кто Я?) непрерывном, как *thailadhara* – струя масла, льющегося из одного сосуда в другой.

114. Мерседес де Акоста американка испанского происхождения, приехавшая к Шри Рамане в 1938г., была известной личностью в Голливуде и писала сценарии к фильмам. Много лет спустя после встречи с Шри Раманой она написала книгу *Here Lies the Heart*, посвящённую «*Тебе, Духовному Руководителю – Багавану Рамане Махарши, единственному полностью лишённому эго, независимому от мира чистому существу, которое я когда-либо знала*».

Книга *Путешествие в тайную Индию* Поля Брантона (№1) оказала на меня огромное влияние. Из неё я впервые узнала о Рамане Махарши, великом индийском святом и мудреце. Как будто какое-то излучение этого святого шло из книги на меня. Ни днём, ни ночью после того, как прочитала о нём, я не могла думать ни о чём другом. Он завладел моими мыслями. Я даже говорить ни о чём другом не могла. Ничто не могло отвлечь меня от мысли, что я должна поехать и увидеть этого святого. Вся жизнь развернулась в сторону Индии. Я чувствовала, что обязательно туда поеду.

Денег у меня было очень мало, слишком мало, чтобы рискнуть поехать в Индию, но что-то подтолкнуло меня к моей цели. Я отправилась в пароходную компанию и забронировала самую дешёвую каюту на С.С.Виктория.

В Мадрасе я наняла автомобиль и так стремилась попасть в Ашрам, что не ложилась спать и поехала ночью, прибыв около семи утра. Очень уставшая, я вышла из машины на небольшой площади перед Храмом Аруначалешвары. Водитель объяснил, что не может везти меня дальше, и под жарким солнцем по пыльной дороге длиной в две мили я направилась в сторону Ашрама, чтобы добраться до жилища Мудреца. Идя по этой дороге, в глубине души я знала, что иду навстречу величайшему переживанию своей жизни.

Войдя в холл, я сразу же узнала Багавана, сидящего в позе Будды на кушетке в углу. В это же мгновение я была охвачена какой-то мощной энергией в холле, как будто невидимый сильный ветер подул в лицо. На минуту у меня закружилась голова. Затем я пришла в себя и с изумлением услышала, как какой-то американец позвал меня: «Привет, входите». Это был голос американца по имени Гай Хейг, который уже год провёл с Махарши. Он подошёл ко мне, взял за руку и отвёл на место позади себя. Я смогла осмотреться в холле, но мой взгляд был притянут к Багавану, который сидел абсолютно ровно и смотрел прямо перед собой.

Его глаза не мигали и не двигались. Они так светились, что мне показалось, что они серые. Я узнала позже, что они карие, хотя по поводу цвета его глаз были разные мнения. Тело его было обнажено, не считая набедренной повязки. Он сидел, похожий на статую, и всё же нечто необычное исходило от него. **У меня было ощущение, что на невидимом уровне я получаю от него духовные импульсы**, хотя его взгляд не был направлен на меня. Он, казалось, ни на что не смотрит, однако я чувствовала, что он видит и осознаёт весь мир. Хейг прошептал: «Багаван в *самадхи*».

Через некоторое время Хейг предложил, чтобы я пересела ближе к Махарши. Он сказал: «Невозможно заранее узнать, когда Багаван выйдет из *самадхи*. Когда он выйдет, я уверен, ему будет приятно увидеть Вас».

Я пододвинулась и села у ног Багавана лицом к нему. Вскоре Багаван открыл глаза. Он повернул голову и посмотрел прямо мне в глаза. Невозможно описать это мгновение, да я даже и пытаться не буду. Лишь могу сказать, что в это мгновение почувствовала, что мою внутреннюю сущность подняли на новый уровень – будто внезапно моё сознание поднялось на гораздо более высокую ступень. Возможно, в эту долю секунды я больше не была человеком, а была Атманом. **Затем Багаван улыбнулся мне. Кажется, я никогда раньше не знала, что такое улыбка**. Я сказала: «Я проделала большой путь, чтобы увидеть тебя».

Стояла тишина. Я по глупости принесла листок бумаги, на котором написала ряд вопросов, которые хотела задать. Я пыталась нащупать его в кармане, но уже получила ответы на вопросы, просто находясь в его присутствии. Не было нужды в вопросах и ответах. И, тем не менее, я спросила: «Скажи, кому мне следовать – чему мне следовать? Я много лет пытаюсь это выяснить». И снова тишина. Через несколько минут, показавшиеся очень долгими, он заговорил: «Ты говоришь неправду. Ты просто используешь слова – просто говоришь. Ты отлично знаешь, кому следовать. Зачем тебе нужно, чтобы я подтвердил это?» «Ты имеешь в виду, что я должна следовать своей внутренней сущности?», - спросила я. Он ответил: «Я ничего не знаю о твоей внутренней сущности. Ты должна познать Атман. Нет больше ничего и никого, кому нужно следовать».

Я снова спросила: «А как насчёт религий, учителей, гуру?» Он сказал: «Да, если они могут помочь в поисках Атмана. Может ли религия, призывающая тебя смотреть наружу, обещающая рай и награды вне тебя помочь тебе? Только глубоко нырнув в духовное Сердце

можно обнаружить Атман». Он прижал правую руку к правой стороне груди и продолжил: «Здесь лежит Сердце, активное духовное Сердце. Оно называется *hridaya,* расположено с правой стороны груди и ясно видно внутреннему зрению искателя на духовном пути. С помощью медитации ты можешь научиться находить Атман в пещере этого Сердца».

Я сказала: «Багаван, ты говоришь, что я должна заняться поисками Атмана с помощью *атма вичары*, задавая себе вопрос «Кто Я?» Могу ли я спросить, кто ты?» Багаван ответил: «Когда познаешь Атман, «я», «ты», «он» и «она» исчезают. Они сливаются вместе в чистое Сознание».

Писать о моём опыте с Багаваном, вновь уловить и записать всё, что он говорил, или всё, что означало его молчание, - всё равно, что пытаться втиснуть бесконечность в яичную скорлупу. На меня он оказал и сейчас оказывает глубокое воздействие. Было бы дерзко с моей стороны сказать, что он изменил мою жизнь. Моя жизнь, возможно, не так важна. Однако я определённо стала смотреть на жизнь по-другому после того, как побывала в его присутствии – присутствии, лишь существование которого было достаточным духовным насыщением на всю жизнь.

Я сидела в холле с Багаваном три дня и три вечера. Иногда он говорил со мной, в другое время молчал, и я не нарушала его безмолвия. Часто он пребывал в *самадхи*. Я хотела оставаться с ним, но, в конце концов, он сказал, что мне надо возвращаться в Америку. Он сказал: «Будет то, что назовут войной, но что на самом деле будет великой мировой революцией. Каждая страна и каждый человек будут затронуты ею. Ты должна вернуться в Америку. Твоя судьба сейчас не в Индии».

Прежде, чем я печально простилась с Багаваном, он дал мне несколько строф, выбранных им из *Yoga Vasistha*. В них содержится суть пути чистой жизни:

(1) Устойчивый в состоянии наполненности, которая сияет, когда все желания отброшены, и умиротворённый в состоянии свободы в жизни, действуй игриво в мире, О, Рагава!

(2) Внутренне свободный от всех желаний, бесстрастный и невозмутимый, но внешне активный во всех направлениях, действуй игриво в мире, О, Рагава!

(3) Свободный от эгоизма, с умом отстранённым, как во сне, чистый как небо, всегда незапятнанный, действуй игриво в мире, О, Рагава!

Когда я вернулась из Индии, невнимательные люди видели во мне очень мало перемен. Однако произошло преображение всего моего сознания. Да и как могло быть иначе? Я побывала в присутствии лишённого эго, непривязанного к миру и безупречно чистого человека.

115. Т.К. Сундареша Айяр (1896-1965), школьный учитель в Тируваннамалае, был переводчиком для англоговорящих посетителей Ашрама. Он также помогал Ашраму вести переписку на духовные темы под руководством Махарши. Его воспоминания изложены в книге *У Ног Багавана*.

В 1908г., когда мне было 12 лет, Багаван жил в пещере Вирупакша. Мой кузен Кришнамурти каждый день ходил к Багавану и пел перед ним песни преданности и поклонения. Однажды, когда я спросил, куда он каждый день ходит, он сказал: «Там в человеческом облике сидит Сам Господь Горы. Почему бы тебе не пойти со мной?» Я тоже поднялся на гору и увидел Багавана, сидевшего на каменной плите в окружении примерно десяти преданных. Каждый из них спел песню. Багаван повернулся ко мне и спросил: «Ну, а

ты не споёшь?» Я согласился. В моей песне говорилось: «О, Господь, пусть мой язык повторяет Твоё Имя, даже когда ум блуждает». Багаван был рад и сказал: «Да, вот что нужно делать», а я воспринял это как его поучение для меня. С того дня я регулярно ходил к нему в течение нескольких лет, не пропустив ни одного дня.

Однажды у меня возник вопрос, зачем я вообще хожу к нему. Какова польза? Подниматься на гору было бессмысленным нелёгким делом, и я решил прекратить свои визиты. Спустя три месяца, не в силах больше терпеть страдания, я взбежал на гору. Упав к его ногам, я не мог сдержаться и разрыдался. Багаван поднял меня и сказал: «Больше трёх месяцев я не видел тебя. Где ты был?» Я рассказал, как решил, что видеть его бесполезно. «Хорошо», - сказал он, - «может быть и бесполезно, и что из этого? Ты ощутил потерю, не так ли?» Тогда я понял, что прихожу к нему не за выгодой, а потому, что вдали от него нет жизни для меня.

Поднимаясь на гору, я всегда приносил с собой еду для подношения. Однажды у меня не было денег. Я предстал перед Багаваном в подавленном настроении и сказал: «Этот бедный человек ничего не принёс». Багаван вопросительно взглянул на меня и заметил: «Почему же, ты принёс главное. Всё остальное неважно». Я удивился, не зная, что я принёс. Багаван, смеясь, сказал: «Не понимаешь? Ты принёс себя».

В те дни фигура Багавана была как статуя из полированного золота. Он просто сидел и сидел, и редко говорил. **Он был чарующей личностью, изливающей завораживающее сияние, и из него струился живительный поток, заряжавший всех поблизости, а его сверкающие глаза орошали всех вокруг нектаром его Бытия.**

С ранней юности меня очень привлекала мантра «*Om Namo Bhagavate Vasudevaya*». Придя к Багавану, я подумал, что поскольку Рамана есть сам Васудэва, зачем мне поклоняться Васудэве отдельно? Обнаружив, что «*Om Namo Bhagavate Sri Ramanaya*» содержит столько же слогов, я сказал об этом Багавану, и он одобрил новую мантру.

В день новолуния, поскольку я должен был провести церемонию по моему умершему отцу, я отказался завтракать в Ашраме вместе со всеми. Багаван сказал, что мой отец уже в раю, ничего больше не надо для него делать, и если я позавтракаю, это ему никак не повредит. Приверженец древней традиции, я всё ещё колебался. Багаван встал, усадил меня и заставил съесть несколько *идли*. С тех пор я перестал соблюдать церемонии по предкам.

Однажды кто-то дал Багавану в руки *Перияпураны*. Он начал читать. Багаван был непревзойдённым рассказчиком историй. Его сольные представления всегда приводили преданных в восхищение. То, как он голосом изображал разных персонажей, точными жестами и позами подкреплял каждую сцену, производило необыкновенный эффект. Мы всегда старались быть в холле в такие моменты.

Багаван начал с истории охотника Каннаппы, который поклонялся Шивалинге водой, принесённой во рту, цветами, вынутыми из волос и мясом, приготовленным себе на обед. То, как священник негодовал вторжению осквернителя священного Шивалинги, Багаван приукрашивал объяснением ритуалов и смысла мантр, используемых для поклонения. Затем настала кульминационная сцена. Господь Шивалинги испытывая преданного, заставил кровь сочиться из глаз Линги. Каннаппа бегал за целебными травами, чтобы вылечить глаза Господа. Убедившись в их бесполезности, он вынул свой глаз и вставил его Шивалинге. Увидев, что лечение помогло, он пустился в пляс от радости.

Когда Багаван дошёл до места, где лесной преданный собрался вынуть второй глаз, чтобы вылечить Господа, а Шивалинга протянул руку, чтобы остановить его, и сказал: «Стой, Каннаппа», - голос Багавана дрогнул, тело покрылось потом, волосы встали дыбом,

слёзы хлынули из глаз; он не смог больше вымолвить ни слова, и в холле наступила полная тишина. Все были ошеломлены тем, что этот великий *джнани* мог так поддаться эмоциям и восторгу от преданности охотника. Через некоторое время Багаван, молча, закрыл книгу, осушил слёзы краем полотенца и, отложив книгу, сказал: «Нет, я не могу продолжать».

Примерно в 1920г. Кавьяканта Ганапати Муни приехал жить в Тируваннамалай. Он обсуждал шастры с Багаваном и прояснял свои сомнения. Он был чрезвычайно учёным, а Багаван был едва грамотным, и всё же Муни говорил: «Без милости Багавана сложности писаний не доступны пониманию. Одно его слово может всё прояснить». Если Ганапати Муни видел кого-либо сидящим перед Багаваном в медитации с закрытыми глазами, он ругал этого преданного, говоря: «Когда Солнце сидит перед тобой, зачем ты закрываешь глаза?»

В Скандашраме один павлин обычно везде ходил за Багаваном. Однажды в Ашраме появилась огромная чёрная кобра, и павлин яростно напал на неё. Кобра раскрыла капюшон, и два природных врага приняли позу перед смертельной схваткой. Багаван подошёл к кобре и сказал: «Зачем ты пришла сюда? Павлин убьёт тебя. Лучше уходи сейчас же». Кобра убрала капюшон и уползла.

В 1933г. в свой 36-й день рождения я сидел в присутствии Багавана в грустном настроении. Я написал ему мольбу на тамили с жалобой: «О, Багаван, я завершил три с половиной десятилетия, и всё ещё не имел переживания тебя настоящего. Молю, пусть меня в этот день коснётся Твоя Милость». Я простёрся и вручил ему эту записку. Он усадил меня и стал пристально смотреть на меня; я всё ещё был в грустном и медитативном настроении. Внезапно я перестал осознавать тело и был поглощён Махарши. Я обратился внутрь, и Багаван показал мне всё, чего я желал.

Я был очень предан Шри Раме; я хотел получить его *даршан*. Сразу же я увидел Шри Раму с Ситой, Лакшманом, Бхаратой, Сатруганой и Хануманом. Восторг от видения не поддаётся описанию. Я просто продолжал сидеть, а Махарши смотрел на меня. Таким образом, в абсолютной тишине, растворившись в видении, возможно, прошли два часа, пока оно не исчезло. Я простёрся у ног Махарши, волосы стояли дыбом, а из глаз текли слёзы счастья.

Багаван ясно давал нам понять, что Бог всемогущий, всезнающий и вездесущий.

Хотя внешне мы, казалось, оставались теми же самыми людьми, внутренне он работал над разрушением в нас глубоких корней чувства отдельности и собственной важности.

В Ашрам приехала семейная пара из Перу, прослышавшая о величии Махарши. Будучи бедными, они должны были несколько лет копить деньги, чтобы купить билет на палубу. Для этой пары присутствие Махарши на земле было как второе пришествие Христа, и им не терпелось его увидеть.

Вечером, когда они сидели перед Багаваном, зашёл разговор о Перу. Они описывали побережье и пляж своего города. Тогда Багаван заметил: «А не тот ли это пляж, который вымощен мраморными плитами с посаженными между ними кокосовыми пальмами? Не стоят ли там рядами мраморные скамейки, обращённые к морю, и не сидите ли вы часто вместе с женой на пятой из них?» Это замечание вызвало изумление семейства, и они не могли понять, откуда Махарши мог знать такие мельчайшие подробности. Багаван улыбнулся и сказал: «Неважно, откуда я знаю. Достаточно вам знать, что Атман не ограничен пространством и временем».

Однажды в Ашрам приехал итальянец Ноулз, весьма начитанный в области как западной, так и восточной философии, и у него состоялось с Багаваном много интересных

бесед. Однажды утром Багаван описывал состояние *дживанмукты*: «Он – всегда осознающий Атман, свидетель-осознание, превосходящее пространство и время и причинную связь, полнота Бытия. Как Он, не являясь деятелем, не наслаждаясь, в то же время есть величайший деятель и величайший из наслаждающихся и так далее». Для Ноулза это было слишком. В самый разгар дискуссии он задал прямой вопрос Багавану: «Вы говорите сейчас с нами или не говорите?» Багаван многозначительно посмотрел на Ноулза и самым выразительным тоном сказал: «Нет, я не говорю с вами». В экстазе Ноулз повторил: «Нет, Багаван не говорит с нами. Он лишь существует. И всё».

В конце 1930-х, когда книга Багавана *Nool Thirattu* (вышедшая как *Сборник Произведений* на английском языке) была готова к печати, было предложено написать к ней предисловие. Однако никто не брался за эту работу, каждый оправдывался тем, что он не подходит для этой задачи. Багаван, молча, наблюдал эту драму, которая разворачивалась довольно долго. Около 10.30 вечера, когда я проходил мимо холла, Багаван посмотрел на меня и сказал: «Почему бы тебе не написать предисловие?» Я был застигнут врасплох, но робко сказал: «Я бы решился написать, только если Багаван благословит меня на эту задачу». Багаван сказал: «Пиши, всё будет хорошо». Итак, я начал писать глубокой ночью, и к моему огромному удивлению, за три четверти часа набросал черновик, как будто ведомый некоей Высшей Силой. Я не изменил ни единой запятой, и в три часа утра положил предисловие к ногам Багавана. Он обрадовался и одобрил его.

В книге* Беседы с Шри Раманой Махарши *в отрывке за 20 июля 1936г говорится:

Т.К.С. Айяр разволновался, потому что кто-то в городе неуважительно говорил о Мастере, а он не смог достойно ответить. Он спросил Мастера, какое наказание он должен понести за то, что не смог защитить его. Махарши ответил: «Терпение, больше терпения; терпимость, больше терпимости».

116. Дядя Т.Р. Канакаммал Рамакришна Айяр, судья в Тируваннамалае, был одним из первых преданных Шри Раманы. Её отец также поселился в городе. Её выдали замуж против воли, и она не вела семейную жизнь. В книге *Cherished Memories*, а также в видеофильме *Гуру Рамана* содержатся её воспоминания.

Я регулярно посещала Ашрам, но на постоянное жительство переехала туда в 1946г. За несколько дней до переезда у меня было странное и чудесное переживание. Обычно я вставала в четыре утра и проводила время в медитации. Однажды утром, ещё находясь в постели, я ощутила, что Багаван сидит рядом и гладит меня по шее. Он улыбнулся и сказал: «Что ты дала мне? Почему это я так сильно тебя люблю?» Всеми чувствами я осознавала присутствие Багавана. Не знаю, сколько это продолжалось. Даже после того, как встала, я продолжала чувствовать необычное ощущение в глубине души. Необыкновенный покой овладел моими чувствами. Хотя я выполняла повседневную работу, но была в состоянии оцепенения. Родители заметили перемену во мне. У них не осталось выбора, кроме как позволить мне жить по-своему и разрешить мне быть с Багаваном.

Жить одной в комнате рядом с Ашрамом, готовить еду и управляться с домашними делами было нелегко. Но каждое утро душа пела от одной мысли, что я проведу день в присутствии Багавана. Входя в Ашрам, я ощущала в себе преображение. Все мелкие заботы исчезали как по волшебству. Я также обнаружила, что каждое из чувств медленно успокаивается. Трудно описать это ощущение. Временами я как будто была полностью отстранена от тела. Я была в состоянии экстаза.

Иногда Багаван направлял свой взгляд на меня. Силу его взгляда иногда было почти невозможно вынести. Ум полностью погружался в Атман без малейших усилий с моей стороны. Покой и радость от этого переживания обычно сохранялись надолго после того, как я покидала холл.

Однажды, когда я простёрлась и уселась в холле, Багаван задержал взгляд на мне. **Пристальный взгляд Багавана не даёт вам возможности держать глаза открытыми. Сила его прямого взгляда слишком велика, чтобы его мог выдержать обычный человек. Как будто некая невидимая сила вошла в тебя и направилась в самую сердцевину твоего существа, и нет ничего, кроме блаженного осознавания Атмана.**

Когда это произошло, короткое время я смотрела на Багавана. Однако через несколько секунд глаза сами закрылись, и я полностью погрузилась в покой, который невозможно описать. Не знаю, сколько времени я оставалась в этом состоянии блаженства. Когда я смогла открыть глаза, взгляд Багавана был всё ещё направлен на меня. Затем я увидела, что Багаван встал и вышел из холла. Я тоже встала. Камешварамма (одна преданная) обняла меня и со слезами на глазах сказала: «Канакаммал, ты правда счастливая. Багаван всё время смотрел на тебя. Ни на мгновение не отвёл глаз. Я всё время наблюдала за тобой и Багаваном. Багаван сегодня особенно милостив к тебе. Чего ещё можно желать!» Я ничего не могла ответить на эти слова, потому что была в состоянии вне речи. Состояние ума было неописуемо. Я чувствовала глубокое умиротворение, которое продолжалось ещё много дней. Каждый раз, когда я думаю о переживании того дня, я ощущаю тот же прилив экстаза.

Однажды к Багавану пришёл хорошо образованный молодой человек, простёрся и сел. Обращаясь к Багавану, он сказал: «Рамакришна Парамахамса мог поднять Вивекананду до состояния *нирвикальпа самадхи* простым прикосновением. Может ли Багаван сделать то же для меня?» Багаван ничего не сказал. Молодой человек с явным нетерпением ожидал ответа. Через несколько минут тишины Багаван взглянул на молодого человека и мягким голосом спросил: «Вы, надо полагать, ещё один Вивекананда?» Молодой человек был ошеломлён. Он не нашёлся, что сказать. В огромном смущении он тихо покинул холл.

Тогда Багаван сказал нам: «Нелегко оценить необходимость самоанализа и самокритики. Обычно себя считают совершенством. Хотя этот человек очень хотел увидеть, имею ли я такую же силу, как Шри Рамакришна, он не удосужился задуматься, достоин ли он сравнения с Вивеканандой. Это потому, что он решил, что он совершенен. Шри Рамакришна одного лишь Вивекананду наградил этим редким состоянием, потому что тот был человеком редких духовных достоинств».

Однажды Суббалакшми Аммал (№68) давняя преданная и повар Ашрама без разбора срывала цветы с куста. Багаван спросил: «Что ты делаешь, Лакшми?» Она ответила: «Собираю цветы для *пуджи*». Показывая на полотенце, расстеленное ею на земле, чтобы собирать цветы, Багаван сказал: «У тебя уже так много цветов. Зачем срывать ещё?» Женщина беззаботно ответила: «На этом кусте так много цветов. Я подумала, лучше собрать их, чем они увянут понапрасну». Багаван ответил: «Ты уже увидела и насладилась видом куста, усыпанного прекрасными цветами. Теперь тебя не волнует, сможет ли кто-нибудь ещё полюбоваться на это радующее душу зрелище. Или может у тебя какое-то исключительное право на этот куст. Разве ты сажала и выращивала его сама, сделав, таким образом, своей личной собственностью?» Суббалакшми Аммал рассказала нам, что после этого случая она каждый раз вспоминает слова Багавана при виде цветущих кустов!

117. Шрикришнапрем, бывший профессор Роналд Никсон из Англии преподавал литературу в университетах Бенареса и Лакнау прежде чем стал *вайшнавским санньяси*. Он жил в Алморе в ашраме Яшоды Маи. История его визита в Тируваннамалай в 1948г. рассказанная его другом Дилип Кумар Роем (№8):

Он вошёл в помещение, где сидел Махарши, и сел медитировать с другими преданными. Начав медитировать, он услышал голос, который повторял снова и снова: Кто ты? Кто ты? Кто ты? Он попытался проигнорировать голос, но, в конце концов, мысленно ответил: «Я – слуга Кришны». Голос продолжал спрашивать: «Кто Кришна?» Он ответил: «Сын Нанды. Он *аватар*, один-во-всём, живёт в каждом сердце».

На следующее утро, когда он сел в холле с другими преданными, Махарши бросил на него молниеносный взгляд и улыбнулся. Он закрыл глаза. Затем, повинуясь внезапному импульсу, молча, стал спрашивать Махарши: «Кто Вы?» Когда что-то заставило его открыть глаза, он увидел, что кушетка Махарши пуста. Он снова закрыл глаза; но через мгновение открыл их. Махарши, сидевший в своей обычной позе, одарил его мимолётной улыбкой и многозначительным взглядом.

В. Ганешан в книге* Moments Remembered *вспоминает:

Шрикришнапрем всегда носил на плече сумку, в которой был стеклянный сундучок с портретами Радхи и Кришны. Только ложась спать, он снимал сумку с плеча. Он был непоколебимым вайшнавитом. Однажды он процитировал "*sarvam Vasudevamayam jagat*"[1] и спросил Багавана: «Разве это не высочайший идеал?»

Багаван согласно кивнул и сказал: «Да, да! Это возвышенное состояние Сознания. И всё же кто тот, кто думает, что всё, что воспринимается, есть Васудэва? Разве это не Вы сами? Видя землю, деревья и растения как Васудэву, разве Вы не желаете видеть себя Им? Если Вы, кто видит всё как Васудэву, научитель видеть себя как Васудэву, Вы станете Самим Васудэвой. Если тот, кто видит, преобразится в Васудэву, тогда и то, что видимо, автоматически становится Васудэвой! *Drishtim jnanamayeem kritva* (пропитай восприятие знанием) Ачарьи Шанкары – именно это и есть».

***Баларама Редди в книге* My Reminiscences *пишет*:**

Однажды вечером Шрикришнапрема попросили спеть баджаны перед Багаваном. Около семидесяти пяти преданных собрались послушать его пение. Он пел с глубокой истинной преданностью, даже произнося слова на индийский манер. Все были тронуты его исполнением. Багаван позже сказал: «Вот европеец, воплощающий силу и преданность истинного индийского *бакты*».

118. Профессор Принс Хопкинс (1885-1970) американский социальный психолог, написал много книг по своей специальности. Он посетил Шри Раману после того, как прочитал *Путешествие в тайную Индию* Брантона (№1).

Меня пригласили сесть в переднем ряду, а рядом сел переводчик. Махарши говорил, что мы можем узнать объект только с помощью ощущений, полученных от него на расстоянии. Физики уже доказали, что на месте того, что мы считали твёрдым объектом, есть только пляшущие электроны и протоны.

Я спросил: «Если внешние явления, которые я воспринимаю, не имеют реальности отдельно от моего эго, как же тогда их воспринимают другие? Например, не только я

[1] Всё проникает Господь Васудэва, т.е. Кришна.

повыше поднимаю ногу, чтобы не споткнуться о вон тот табурет, вы тоже поднимаете ногу выше, чтобы не споткнуться. Разве это простое совпадение, что каждый из нас независимо пришёл к заключению, что там находится табурет?»

Махарши ответил, что табурет и наши два эго взаимно создали друг друга. Когда человек спит, он может увидеть во сне табурет и людей, избегающих споткнуться об этот табурет, так же, как происходит при бодрствовании, однако разве это доказывает, что табурет во сне реален? И так мы препирались в течение часа, ко всеобщему веселью.

Махарши продолжал, что необходимо разделить наше ощущение Атмана и то, что чувствуют или делают наши эго и тело. Мы должны думать: «Чувства имеют место, это тело поступает так или иначе», но никогда не «я чувствую, я поступаю».

Я возражал: «Вы сказали нам, что все животные наклонности – это свойства эго. Если человек, достигший *дживанмукти*, перестаёт нести ответственность за поведение эго и тела, разве они тогда не станут совершенно неуправляемы?» Махарши ответил: «Когда достигнете *дживанмукти*, вы узнаете ответ на этот вопрос. Сейчас ваша задача не волноваться об этом, а познать Атман».

Я сказал: «Вот перед нами Махарши, который достиг *дживанмукти*, и таким образом ушёл от ответственности за поведение эго и тела. Однако, хотя он и объявляет их вместилищем всех вредных наклонностей, его эго и тело продолжают вести себя вполне благопристойно, вместо того, чтобы пуститься во все тяжкие». Он ответил: «Пусть Махарши разберётся с этой проблемой, если она возникнет, а мистер Хопкинс пусть выясняет, кто он, мистер Хопкинс».

119. Генерал-майор В.Н. Рамешваран Пиллай ушёл в отставку из вооружённых сил бывшего государства Траванкор (Керала). Ещё в период службы он имел глубоко религиозный склад ума. После *санньяса дикши* (посвящения в санньясу) в 1958г. он стал Свами Паресанандой.

В 1936г я был капитаном вооружённых сил Траванкора и адьютантом Его Величества Махараджи. Его Величество и Королева Мать поехали в Мадрас, а оттуда нанесли визит в Шри Раманашрам. Когда Махараджа вернулся, я подумал, как мне не повезло, что меня не взяли в эту поездку. Тем временем мой друг Нараяна Пиллай, Управляющий Канцелярией, сказал однажды утром, что отправляется в Шри Раманашрам на следующий день и спросил, не хочу ли я присоединиться к нему. Однако я не был уверен, что смогу в такой короткий срок получить разрешение Его Величества.

Несколько часов спустя, когда я заступил на службу во дворце, Его Величество сам сказал, что если я хочу посетить Шри Раманашрам, то могу поехать с Нараяной. Это внезапное и неожиданное позволение лишило меня дара речи на несколько секунд.

Мы с Нараяной добрались до Ашрама. Он был частым посетителем, и с размещением проблем не возникло. Мы вошли в холл на *даршан* к Багавану. Холл был почти полон посетителей. Мы вошли и в памяти возникли шлоки из *Dakshinamurti Stotra*. Мне показалось, что Сам Дакшинамурти полулежит на кушетке.

Багаван заметил нас, и через некоторое время он выпрямился и сделал мне знак подойти. Мы не знали, кого он зовёт. Я был незнакомцем, Нараяна подумал, что зовут его и встал. Багаван сделал знак: «Нет». Когда указали на меня, и Махарши согласно кивнул, все удивились и заинтересовались мной. Я тоже удивился. После того, как я простёрся, он подозвал меня ближе и некоторое время, улыбаясь, пристально смотрел на меня. Затем он

сказал своему слуге: «Принеси ту книгу». Книгу принесли, и Махарши подарил её мне. Это был перевод на малаялам тамильской книги Махарши *Gitasaram*. Я был вне себя от счастья и преданности.

Затем наступило время обеда. В столовой Махарши попросил меня сесть напротив него. Во время трапезы он мягко расспрашивал, как еда и т.д. Он также говорил: возьми ещё риса, карри, ешь медленно и т.д. Он всё время разговаривал только со мной. Это вызвало у остальных любопытство, кто же этот любимчик. Я решил, что это всё благодаря каким-то добродетелям, накопленным в прошлых жизнях. «Всеведающий Махарши понимает душу каждого» - это моё убеждение подтвердилось.

Нараяна был регулярным посетителем Ашрама, но Махарши никогда не говорил с ним. Когда я получил такую благосклонность от него, Нараяна, естественно, подумал, что в нём чего-то не хватает. Махарши легко понял это. В тот же день он подарил Нараяне книгу и заставил его почувствовать себя удовлетворённым.

120. Н.О. Мехта был преданным из Гуджарата.

Дилип Кумар Рой (№8) и я приехали в Ашрам 17 февраля 1949г. и сразу пошли в холл к Махарши. Багаван, как Махарши здесь все называют, полулежал на кушетке, окружённой невысокой деревянной оградой, чтобы удерживать посетителей от прикосновений к нему. Рядом с кушеткой всё время дымились благовония. Была ещё одна подставка для благовоний. Очистительный дымок вился в воздухе.

Люди заходили и, простеревшись перед Махарши, выходили. Однако все эти почести не затрагивали его, или это была лишь моя иллюзия, так как эти удивительные глаза, казалось, впитывают всё, несмотря на то, что взгляд был отрешённым, направленным вдаль.

Трое молодых учеников декламировали молитвы из Упанишад. Я почувствовал великолепный ритм санскрита ярче, чем когда-либо раньше. Чтение было замечательным, интонация была безупречной и «лишённой эго» и непосредственно погружала в благоговейную тишину.

Я чувствовал, что нахожусь лицом к лицу с Реальным, превзошедшим всё, что я когда-либо представлял себе о нём. Здесь был великий мудрец, чей *даршан* несомненно был привилегией. Я инстинктивно ощущал, что здесь была Индия в своём высочайшем проявлении, здесь было глубочайшее осознание Реальности, превосходящее все мирские факторы и приносящее непостижимое умиротворение. Мы находились в мире совершенно ином, чем тот, из которого пришли.

Накануне отъезда мы посетили вечерние песнопения. Прощания быть не могло, так как присутствие Багавана мы никогда не забудем. Когда мы прощались с Ашрамом, один друг сказал, что мы не можем уехать, не получив разрешения Багавана. Мы застали Багавана выходящим из столовой. И получили огромное вознаграждение: Багаван одарил нас проникновенным взглядом неизмеримой милости, который даже сейчас является одним из самых ярких воспоминаний нашего духовного паломничества. **Удивительно, как присутствие Багавана и его внешне непримечательная деятельность наводят такие магические чары на всех, кому посчастливится приблизиться к нему.**

121. Мадави Аммал – искренняя преданная, которая добилась *дикши* от Шри Раманы.

Я прекрасно знала, что Багаван не даёт формального посвящения, но продолжала выпрашивать его, когда только представлялась возможность. Багаван неизменно отвечал: «Кто Гуру и кто *sishya* (ученик)? Они не двое. Есть лишь Одна Реальность. Это внутри тебя и это нельзя ни дать, ни забрать».[1]

12 марта 1934г я вошла в холл. Там был только слуга Мадхава Свами. Когда я высказала обычную просьбу, Багаван отложил газету, которую читал, и сел в *падмасану*. Тогда я прочитала хвалебный гимн гуру на телугу, а также *Aksharamanamalai*.[2]

Багаван повернулся к Мадхаве Свами и сказал: «Она помолилась Аруначале». Меня осенило, что Шри Аруначала даст посвящение и также что Багаван и Шри Аруначала – не двое. Багаван вновь ушёл в себя, а я продолжала просить *упадешу*. Но он продолжал сидеть неподвижно. Наконец, я взмолилась ему: «Я не достойна получить? Багаван должен сам сказать мне об этом».

Как только я это сказала, яркий свет стал исходить от лица Багавана, и сияние заполнило весь холл. Я не видела Багавана, лишь яркий свет. Обильные слёзы полились из моих глаз. Всё длилось несколько секунд. Я простёрлась перед Багаваном. На его лице была улыбка, но больше никакого движения. Через некоторое время он повернулся ко мне, как бы спрашивая: «Ты избавилась от своей мании?» Затем он взял листок бумаги, написал на нём шлоку и дал её мне со словами: «Ты можешь воспользоваться этим в медитации». В шлоке говорилось: «Поклоняюсь Гухе, Обитателю Пещеры Сердца, Сыну Защитника Вселенной, чистому свету Сознания вне мысли, владеющему орудием *джняна шакти* и устраняющему неведение у безупречных преданных».

122. Д-р Шанкар Рао, Окружной медицинский офицер в отставке, лечил Шри Раману почти с самого начала его болезни.

Служить Багавану в качестве врача – это не обычная привилегия и не обычный опыт. Это обучение высочайшего уровня, обучение необыкновенного характера. Это дало мне возможность ясно увидеть человеческую, а также сверхчеловеческую и божественную личность Шри Махарши.

Когда я впервые приехал в Ашрам в декабре 1948г., у Багавана был небольшой узелок под кожей выше локтя. Его удалили в феврале 1949. Исследование под микроскопом показало, что это злокачественная опухоль. Рана не заживала и через несколько дней появилась новая опухоль. Она немного уменьшилась в результате радиевой терапии, но потом снова начала расти. В августе опухоль удалили с помощью хирургов из Мадраса. В

[1] Интересно отметить здесь ответ Шри Раманы на просьбу Брантона принять его в ученики в 1930г. Брантон пишет: «В душе я знаю, что жажду стать учеником, и что мне не знать покоя, пока не услышу решения Махарши. Я изложил свою просьбу коротко и прямо. Он продолжает улыбаться мне, но ничего не говорит. Я повторяю вопрос с некоторым нажимом. Следует ещё одна затянувшаяся пауза, и, наконец, он отвечает мне, пренебрегая услугами переводчика и выражаясь напрямую на английском. «К чему весь этот разговор о мастерах и учениках? Все различия существуют только с точки зрения ученика. Для того, кто осознал Атман, нет ни мастера, ни ученика. Он смотрит на всех людей одинаково» Я слегка предчувствую отказ, и хотя упорствую в просьбе другими путями, Махарши не уступает. Однако, в конце он всё же говорит: «Вы должны найти Мастера внутри, внутри своего духовного я. Вы должны относиться к его телу так, как он сам к нему относится, тело не есть истинное я». *Путешествие в тайную Индию*, глава XIV.

[2] 108 стихов Аруначале Шри Раманы.

декабре 1949г. на прооперированной руке вновь появился небольшой узелок. К середине февраля 1950г. опухоль опять начала увеличиваться. Всё лечение, включая гомеопатическое и аюрведическое, оказалось напрасным. Здоровье Багавана продолжало ухудшаться, и 14 апреля 1950г. наступил конец.

Отношение Багавана к телу было совершенно отвлечённое. Болезнь и боль не оставили впечатлений на его уме. Он позволял себя лечить скорее потому, что этого хотели его преданные, чем потому, что желал облегчения. Он всегда был в высшей степени безразличен к телесным недомоганиям. Для всех, кто был рядом, было чудом то, как он без следов страдания на лице переносил боли, временами крайне мучительные.

Однажды днём один из моих друзей сделал фотографии Шри Багавана. Ночью, когда мы были вместе, и я перевязывал рану, он, ссылаясь на фотографии, провёл глубоко духовную беседу, пользуясь искусством фотографирования для иллюстрации. Он сказал: «Для того чтобы фотографировать, на плёнку в темноте наносятся соли серебра, а когда плёнка экспонируется в фотоаппарате, вы получаете изображение, оставленное светом снаружи. Если плёнку засветить до того, как поместить в фотоаппарат, на ней не может быть отпечатка. Так же происходит и с нашей *дживой*. Пока она ещё находится в темноте, на ней может появиться отпечаток от небольшого просачивающегося света. Но когда свет знания уже затопил её, невозможно получить никаких изображений внешних объектов». Таким же образом он обычно развлекал медицинский персонал шутками, перемежающимися с глубокими духовными поучениями.

Для тех, кто был рядом с ним, наблюдать Багавана и слушать его повседневные разговоры – было обучением. Не было необходимости читать книги по религии или философии. Вся его философия и философия тысячелетий была в жизни Багавана. Его жизнь была демонстрацией высочайшей философии.

123. Эммануэль Соренсен (Сунья Баба), датский преданный, был однажды назван Шри Раманой «прирождённым мистиком». Он много раз посещал Ашрам в 1936-46гг. Большую часть жизни провёл в ашраме близ Алморы в штате Уттаранчал.

В 1929г, будучи в Англии, Рабиндратат Тагор пригласил меня в Индию. Он разглядел в простаке качество Сунья-Шанти-Тишины и интуитивное осознание, которое считается врождённым и ценится в Индии. Приглашение послужило необходимым толчком, и я отважился жить в Индии просто и уединённо, а предполагаемые 3 или 4 месяца пребывания затянулись на 45 лет ананды – милости в Гималаях. Одинокий паломник Сознания пришёл «Домой». В Индии я читал Веды, Упанишады и произведения настоящих Мастеров. Я слышал о Шри Рамане Махарши в Кашмире и Тибете от Лам, а потом от Поля Брантона (№1) и Д-ра Эванса-Вентса.[1] Проведя несколько лет в Гималаях, я приехал к Шри Рамане Махарши в 1936г. и был представлен ему Полем Брантоном. Позже в течение нескольких лет я приезжал ещё три раза или больше. Но первый *даршан* Махарши остаётся незабываемым переживанием, особенно случайное, если можно так сказать, утверждение Махарши: «Мы всегда осознанны», которое произвело на меня самое сильное впечатление. Оно раздавалось в моём сознании как звон курантов и продолжало звучать в памяти как мантра или эхо. Я также помню цитаты из Библии, которые он упоминал: «Я есть то, что я есть», «Будь спокоен и знай, что Я – Бог», «Не ведаешь, что ты есть Бог».

[1] Он был профессором философии в Оксфордском университете в Англии.

Я понял, что Рамана Махарши – это чистое переживание Адвайты, и его основным языком было сияющее безмолвие, на которое могли легко отзываться только зрелые души знакомые с уединением. Когда Шри Раману допрашивали официальные представители и потом его спросили, не устал ли он, он сказал: «Нет; я не пользовался умом!» Он был свободен от ума, свободен от эго.[1]

124. Локамма работала на кухне Ашрама.

Я случайно познакомилась с Тенаммой (помощницей на кухне в Ашраме), которая была в Шри Раманашраме. Её рассказы о жизни и учении Шри Раманы разожгли во мне страстное желание увидеть его. Вся моя семья была категорически против, и это повлияло на моё здоровье. Наконец, согласие, в котором мне долго отказывали, было дано, и я пошла в Ашрам с группой паломников.

Просто взглядом Багаван передавал свою энергию. Я чувствовала, как она течёт по моим венам. Глазами, полными слёз счастья, я смотрела на Багавана, и он спросил Муруганара: «Это о ней рассказывала Тенамма?» Через неделю, вернувшись, я сказала: «Багаван, мне некого называть своим, кроме тебя. Пожалуйста, благослови меня, чтобы я могла всегда быть рядом с тобой». Как раз в это время вошёл Муруганар, и Багаван попросил его прочитать мне *Upadesa Saaram*. Я попросила себе копию, и мне её дали.

Постепенно я стала приходить регулярно. Я обычно помогала на кухне. Однажды я должна была приготовить дал и карри. Я пришла рано утром, чтобы было больше времени. Однако Багаван опередил меня. Он сказал, что дал уже готов, и мне нужно только сварить карри. Багаван спросил Тенамму, что она делает, и узнав, что она готовит отдельную еду для одной дамы, у которой были менструации, с досадой сказал: «Почему она должна есть пищу, приготовленную отдельно? Не делайте различий и дайте ей еду, приготовленную для всех».

После вечерней трапезы Багаван спросил меня, получила ли та дама общую еду. Как раз когда я уверяла его в этом, подошёл управляющий Ашрама и стал мне шептать, что если меня кто-нибудь ещё спросит, какую еду подают женщинам в период месячных, я должна говорить, что для них готовят пищу отдельно. Багаван услышал управляющего и поругал его: «Зачем ты просишь её лгать? Ашрам даёт пищу всем и не делает различий. Здесь нет неприкасаемых. Те, кому не нравится, могут питаться в другом месте».

Он продолжал: «Та же проблема была в Скандашраме с Матерью. Здесь у нас менструации, а там были парии (представители низшей касты). Она не хотела давать еду человеку, приносившему нам дрова, потому что боялась осквернения! Она настаивала, что сначала должен поесть я, потом она, и лишь затем дровосек мог поесть остатки, которые ему положат на землю снаружи Ашрама. Я отказывался принимать пищу, пока как следует не накормят дровосека. Сначала она не сдавалась и страдала, плакала и даже оставалась без еды. Но я был непреклонен; и ей пришлось примириться с моей точкой зрения. Какая разница между человеком и человеком? Разве не правильно видеть Бога в каждом?»

Мы все были поражены. Упрёк, адресованный управляющему, глубоко проник в душу.

[1] Здесь упоминается о вопросах, заданных Шри Рамане Комиссией, прибывшей в Ашрам в 1936г. допросить его в связи со спором по поводу владения собственностью Ашрама. Подробнее см. *Living by the Words of Bhagavan* Дэвида Годмана, с.136-143.

125. Раджа (В. Раджасубраманья) Айяр был первым начальником почтового отделения в Шри Раманашраме.

Моя мать и старшая сестра глубоко почитали Багавана. В первые несколько лет после прибытия Багавана к Аруначале они не упускали возможности предложить ему еду.

Я впервые встретился с Багаваном в 1911г. С тех пор я время от времени приходил увидеть его. С 1935г я стал жить в Ашраме постоянно. Обстоятельства, при которых я стал постоянным обитателем Ашрама, довольно интересны. Однажды мне приснился сон, в котором Багаван велел мне обмахивать его опахалом. Я с огромной радостью повиновался. Во время моего следующего визита Багаван взглянул на меня, как только я простёрся, и попросил меня обмахивать его опахалом. Это было удивительно, и я тут же связал это со своим сном. Я с радостью обмахивал его некоторое время, пока Багаван не остановил меня. Этим Багаван мягко привлёк меня к себе на службу.

Правило было такое: в обмен на позволение жить в Ашраме обитатели должны были выполнять какую-нибудь работу. Мне поручили приготовление *идли*. В процесс входило перемалывание, и это было трудной задачей. Багаван иногда давал полезные советы, как облегчить работу. Часто Багаван работал вместе с нами, нарезая овощи и т.д. Он тщательно следил за тем, чтобы не было излишних расходов. Он показал мне, как пользоваться черпаком, чтобы не проливать жидкость, и как разжечь огонь всего несколькими каплями керосина.

В 1937г. открылось почтовое отделение при Шри Раманашраме, и меня назначили его первым начальником. До этого я обычно приносил почту из города. Багаван с юмором заметил: «Вчерашний почтальон сегодня – начальник почты».

Багаван обычно просыпался в четыре утра. До девяти вечера не прекращался поток посетителей, и его забота о каждом из них была трогательной. Чтобы немного обеспечить ему отдых, управление решило закрывать двери холла на два часа после обеда. Когда Багаван узнал об этом, он садился снаружи холла после обеда и говорил, что люди приезжают издалека, чтобы увидеть его; у них могут быть другие срочные дела. Управление может закрывать двери, а он имеет право принимать посетителей снаружи. Багавана долго пришлось убеждать уступить.

126. Рода Мак Айвер была родом из состоятельной семьи парсов из Бомбея.

Я впервые услышала о Багаване в 1940г от госпожи Талейаркан, выдающейся преданной. Она дала мне некоторые книги и фотографии и сказала, что Махарши великий человек. Я не смогла понять книги, но фотографии оказали на меня сильное воздействие. Я почувствовала желание поехать и увидеть Махарши, и со временем это желание становилось всё сильнее. Для этого желания не было особой причины; моё положение в Бомбее было хорошим и финансово и социально, но почему-то я не была удовлетворена. Я была беспокойна, мне хотелось всё бросить и уехать. Так я и поступила в 1942г.

Когда я прибыла в Ашрам, Махарши ушёл на гору. Мне предложили подождать его на тропинке. Я ожидала увидеть человека, спускающегося с горы, но **когда, наконец, появился Махарши, я не могла поверить своим глазам, наблюдая великолепный восход солнца: проблески света, приближаясь, становились всё более и более яркими, пока само сияющее солнце не оказалось передо мной. При виде этого совершенного великолепия благоговейный страх и смирение овладели мною.** Я стояла в отблесках этого сияющего

присутствия, и что-то внутри меня менялось, проявилась некая новая осознанность, которой раньше не было. Я была поймана им и его любовью, и в это мгновение моя душа стала его.

В течение следующих двух лет я регулярно приезжала в Ашрам. Однажды в 1944г я вошла в холл, Багаван что-то читал, я села и стала смотреть на него. Вдруг он отложил бумаги и направил на меня сияющий взгляд. Я не смогла выдержать его пристального взгляда и закрыла глаза, по щекам текли слёзы. Когда я открыла глаза, он всё ещё смотрел на меня. Душа наполнилась счастьем и внутренним покоем!

На следующее утро в холле кто-то спросил Багавана, какая польза сидеть возле него, если он не даёт посвящения. Багаван ответил, что посвящение можно дать тремя способами: «безмолвно», «взглядом» и «прикосновением». Говоря «взглядом», он посмотрел на меня. Несомненно, я получила инициацию от Багавана, моего самого почитаемого Мастера!

Через месяц, когда я вернулась в Бомбей, моя жизнь полностью изменилась. Меня перестали привлекать мирские удовольствия, хотелось подольше бывать одной. Я решила уехать из Бомбея и поселиться в Тируваннамалае, но не знала, где остановиться. Однако я знала, что Багаван ведёт меня, и не очень беспокоилась. И так случилось, что за два дня до отъезда из Бомбея я познакомилась с будущим мужем[1]. Он сказал, чтобы я остановилась в его доме в Тируваннамалае, и я благополучно отправилась в путь. Вскоре после этого с благословения Багавана мы поженились в Шри Раманашраме. Багаван проявил заметный интерес к этим событиям.

С самого начала у меня было сильное желание коснуться стоп Багавана, но я знала, что его слуги не разрешают этого делать. Я поделилась своим желанием с госпожой Талейаркан, думая, что она сохранит это в тайне. Но в холле перед всеми она сказала Багавану: «Рода очень хочет коснуться твоих стоп». Я была очень смущена. Багаван тогда ничего не сказал; после обеда в этот день он остановился возле меня, сказал что-то по-тамильски преданному, оказавшемуся рядом, и попросил его перевести мне эти слова. Преданный сказал: «Багаван говорит: «почему она хочет коснуться моих стоп? Мои стопы всегда у неё на голове». Я была вне себя от счастья. Все вокруг поздравляли меня с удачей, что я получила такое благословение. Люди, прожившие с Багаваном много лет, говорили, что никогда не слышали, чтобы он кому-нибудь ещё говорил подобное.

Однажды чем-то обеспокоенная, я сидела перед Шри Багаваном. Он вынул из урны несгоревший уголёк и сказал: «Не сжигай свой ум. Держи ум свежим и чистым как этот уголь». С тех пор я перестала волноваться по любым проблемам.

Однажды к Багавану пришли двое посетителей. Один из них, обращаясь к Багавану, сказал: «Мой друг принял в качестве гуру человека, который даже не *садху*. Я привёл его сюда, чтобы показать, каким должен быть *садгуру*». Багаван строго сказал: «Кто ты такой, чтобы решать, кто правильный гуру для него? С помощью какой способности можешь ты определить, кем является человек на самом деле? В действительности, гуру не так важен, как сам ученик. Если поклоняться с величайшей преданностью, даже камень станет Высочайшим Господом».

Однажды я решила, что Багавану нужна симпатичная серебряная коробочка для орешков, которые он держал для белок и птиц. Маленькая жестяная коробочка, которая была у него, была старая и некрасивая. Как только эта мысль пришла мне в голову, кто-то принёс серебряную коробочку, как раз такую, какую я хотела, и предложил её Багавану. Багаван воскликнул: «Серебряная коробка! Нет. Пожалуйста, заберите её обратно. Что мне делать с

[1] Дэвид Мак Айвер, у которого жил Артур Осборн с семьёй в начале сороковых гг.

серебряными коробками?» При этом, он посмотрел на меня, как бы говоря: «То же самое было бы и с твоей серебряной коробочкой!»

Морис Фридман (№36) однажды принёс стакан апельсинового сока Багавану, который сказал: «Это всё? Этого не хватит», - и добавил после паузы, - «для всех!» Фридман сказал, что он принёс сок только для него, так как его здоровье ухудшается. Однако Багаван даже не притронулся к нему. Если что-то нельзя было поделить на всех, это было для него как яд.

Слуга Кришнасвами бил обезьян, которые проказничали в холле или пытались украдкой стащить фрукты. Однажды Багаван сказал ему: «Твои побои достаются не обезьянам, а мне. Страдаю я». Когда некоторые преданные жаловались Багавану на обезьян, он говорил: «Вся эта земля была когда-то джунглями, где свободно жили обезьяны. Это веками было их естественное место обитания. Мы вторглись в их владения. Разве справедливо жаловаться? Почему бы не примириться с небольшим неудобством?»

127. Минакши была женой Муруганара, выдающегося преданного Шри Раманы и великого поэта. (№53)

Хотя мою свадьбу отпраздновали с большой помпой, я вряд ли имела так называемую семейную жизнь. Вскоре после моего замужества отец покинул дом, стал постоянным обитателем Шри Раманашрама и жил там под именем Дандапани Свами. Мой муж, работавший учителем тамили в миссионерской школе, получил от отца экземпляр *Aksharamanamalai*. Прочитав его, он покинул дом, пришёл в Шри Раманашрам и был полностью поглощён Багаваном. Придя туда, я нашла его, и всё же не нашла, потому что он теперь целиком принадлежал Багавану и наотрез отказался принять меня как свою жену. И всё же я осталась в Ашраме.

В те дни в Ашраме было всего два коттеджа, расположенных в самых живописных окрестностях. Фоном была Аруначала во всём своём великолепии. Багаван готовил пищу, а я помогала ему. Обитателей было около десяти, и мы буквально упивались Багаваном. Шри Рамана каждый день учил меня новой тамильской песне преданности и заставлял на следующий день исполнять её, чтобы убедиться, что я всё хорошо выучила.

Однажды все медитировали, а мои мысли блуждали. Мне захотелось чашечку кофе. Багаван знал мысли каждого. Он сказал: «Пока все медитируют на Атмане, Минакши медитирует на кофе». И тут как раз пришёл Манаваси Рамасвами Айяр (№94) и принёс *идли* и кофе для нас. Багаван в шутку сказал: «*Tanac* Минакши принёс плоды, пожалуйста, подайте ей первой».

Отверженная Муруганаром, который даже после вмешательства Багавана не принял меня как жену, однажды я горько плакала перед Багаваном. Он спросил: «Тебя кто-нибудь поругал?» «Нет, Багаван, это я проклинаю свою судьбу». Полный любви, он сказал: «Минакши, почему ты не веришь моим словам? Что такого в семейной жизни, чем ты так очарована? У тебя всегда есть моё покровительство».

128. Нагая В. Читур был легендарным киноактёром телугу. Он известен по фильмам *Bhakta Pothana* и *Bhakta Thyagaraja*. Посетил Шри Раману в 1930-е гг.

После смерти жены весь мир померк для меня. Всё казалось выжженной пустыней без оазиса на обозримом пространстве. Я читал и перечитывал *Гиту*. Малейшая мысль о жене повергала меня в глубокую печаль. Чтобы преодолеть её, я позволил друзьям уговорить себя давать музыкальные концерты.

Однажды я ушёл из дома, и, путешествуя по разным местам, достиг Шри Раманашрама. Для меня это было как вхождение в рай на земле. Атмосфера глубокого покоя, окружавшая Махарши, и окутавшая всю местность, проникла в меня. Наконец, мой ум получил успокоение. Величественная тишина Багавана положила конец моим страданиям и печали об утрате.

Мы подружились с Полем Брантоном (№1), и время проходило счастливо. Однажды один друг из Читтора стал уговаривать меня принять участие в записи программы для его фильма. Я сказал, что если Махарши не даст согласия, я не сдвинусь с места. За всё это время я не сказал ни слова Багавану, он мне тоже. Но между нами существовала незаметная, но крепкая нить любви. Было невыносимо даже подумать о том, чтобы покинуть величественного мастера, наполнившего покоем мою душу. И всё же семена желания были посеяны. Я искал возможности получить разрешение Махарши. Когда я попросил разрешения, он сказал: «Да, ты можешь ехать. У тебя ещё много работы». Тогда я не мог понять значения этого заявления. Запись программы привела меня в мир кино, где меня ожидали успех и слава.

Я бы зачах, непризнанный и невоспетый, если бы не милость Багавана Раманы. Он вдохнул в меня новую жизнь. Махарши обладал сверхъестественным восприятием нужд каждого человека и вёл по пути, наилучшему для этого человека.

129. Падма Ситапати была дочерью Джанаки Маты из Танджора, известного мистика и выдающейся преданной Шри Раманы.

Мать привила мне глубокую любовь и почтение к Багавану. Я с детских лет множество раз посещала Багавана.

Мой трёхлетний сын Джанакирамана сильно заболел и потерял зрение. Мы не могли вынести эту трагедию. Моя мать пришла в мой дом и сказала: «Не бойся. Господь богов и защитник нашей семьи Шри Рамана восстановит ему зрение». Эти утешения не помогли. И всё же из уважения к матери я написала письмо Багавану и, объяснив наши затруднения, просила его вмешаться. Пришёл ответ: «Милостью Багавана зрение ребёнка Джанакираманы будет полностью восстановлено».

Мой отец, доктор Ганапати Айяр, был у нас и лечил мальчика. Шли месяцы, и перед лицом суровой реальности вера у всех нас, кроме матери, пошатнулась. Мы начали сомневаться в её «слепой вере».

Был день Картикай Дипам. Мать совершила усердную *пуджу*. Выйдя из комнаты для *пуджи*, она сказала: «Падма, Шри Рамана, наш Шри Рамана восстановил зрение твоего сына. Отведи его вечером в храм Шивы». Со смешанными чувствами мы пошли в храм. К нашему удивлению и огромной радости, сын пролепетал: «Мама, я вижу перед собой Багавана. Я вижу». По моим щекам потекли слёзы радости.

Моя мать велела нам поехать в Раманашрам и выразить благодарность Багавану. Багаван сидел на диване, когда мы вошли в холл. Он выслушал всю историю, как будто не участвовал в восстановлении зрения. Это было типично для Багавана; он никогда не ставил себе в заслугу чудеса.

Вечером я снова вошла в холл и села возле Багавана. Когда стемнело, мой сын сказал: «Мама, я вижу только тело Багавана, а не его лицо». Услышав это, Багаван расспросил меня. Я сказала, что хотя сын теперь ясно видит днём, он всё ещё страдает куриной слепотой. Багаван посмотрел на моего сына и сказал ему: «Рамана, внимательно посмотри на меня. Ты

видишь голову Багавана». С этими словами он завершил чудо, совершённое им. Мой сын видел Багавана полностью, ясно и нормально. Куриная слепота исчезла.

130. Свами Пранавананда (до *санньясы* – С.Нарасимхам), дядя д-ра С. Радакришнана, бывшего Президента Индии, работал в полицейском колледже и преподавал местные языки европейцам. Среди прочего, он написал *Ramana Maharshi Charitramu*, *Sri Ramana Stutipaatalu* и *Sri Guru-Anugraha Avataramu*. Он первым перевёл на телугу *Кто Я*?

Я приехал в Ашрам из Гудивады (штат Андра Прадеш). Багаван с любовью спросил, как поживает Калатури Ситарамайя. «Кто это?», - спросил я. «Д-р Калатури Ситарамайя», - сказал Багаван и подробно описал его. Я был поражён его любовью и заботой о преданных. Тот человек посетил Багавана один или два раза. Он был не из тех, кто свободно общался с Багаваном; он лишь проявлял уважение и тихо сидел в углу.

За две недели до *маханирваны* Багавана мы все получали *даршан*, проходя перед ним по очереди. Сарвадхикари сказал мне: «Багаван внимательно смотрит на тебя, и ты можешь позволить себе немного фамильярности. Шри Раджендра Бабу прислал из Калькутты врача, доктора Кавираджа, специально для Багавана. Пожалуйста, порекомендуй доктора ему». Я выполнил просьбу. Багаван сказал: «Разве кто-нибудь станет хранить после обеда лист, с которого он поел?» Тогда я понял, что его тело как лист. Когда цель, для которой это тело приняло форму, достигнута, его нужно выбросить, как лист, с которого принимали пищу.

Т.Р. Канакаммал в своей книге* Cherished Memories *пишет:

Однажды Багаван сидел на веранде с несколькими преданными. Внезапно на большой скорости влетела раненая ворона и упала к ногам Багавана, который поднял её и стал ласково гладить. Когда ворона умерла в его руках, Багаван сказал: «Какой-то *сиддха пуруша* оставил тело сегодня», и велел похоронить ворону[1]. Пранавананда, наблюдавший эту сцену, заплакал и сказал: «Багаван, разве ты не даровал освобождение Джатайю в минувшую *югу*[2]? Теперь ты сделал это для вороны». Услышав это, все были растроганы преданностью Пранавананды Багавану.

131. Т.Р. Раджагопал был преданным из Виджаявады (штат Андра Прадеш).

В 1947г в связи с потерями в бизнесе мои финансовые дела были в упадке. Друзья, родственники и даже жена охладели ко мне. Я понял, что, в конце концов, каждый одинок в жизни.

В это время затруднений в июле 1947г мне приснился яркий сон, в котором появился божественно сияющий мудрец и уверял меня в своём покровительстве. Я узнал в нём Раману Махарши, потому что видел его фотографию в *The Sunday Times*. Я не мог доверять сновидению. Я ведь даже не ездил к нему. Почему он должен заботиться обо мне, совершенно незнакомом человеке? Кто для него этот Раджагопал? Я отгонял желание увидеть его, и сопротивлялся зову его сияющих глаз. Наконец, он победил.

30 ноября 1947г я отправился из Виджаявады в Шри Раманашрам. У меня не было ни копейки. Я питался тем, что мне предлагали в дороге и 10 декабря явился к Багавану. Было восемь утра. От его проницательного взгляда на меня нахлынуло счастье. Мы посмотрели в

[1] Могила вороны находится в северной части возле старого холла.
[2] Ссылка на известный эпизод с Джатайю из *Рамаяны*.

глаза друг другу, но я не смог выдержать силу взгляда Багавана и закрыл глаза. Я полностью сдался ему. Внутри поднялась новая уверенность. Я знал, что Багаван будет мне покровительствовать.

По возвращении я предпринял искренние усилия найти работу. 19 февраля 1948г на улице Абидс Роуд в Хайдерабаде я встретил своего старого друга Черуву Партасарати, работавшего главным бухгалтером в Департаменте энергетики штата Андра Прадеш. К моему удивлению, он ласково расспросил и устроил меня работать на бумажную фабрику в Сирпуре с зарплатой в пятьсот рупий в месяц. Я прекрасно устроился в Сирпуре, Кагазнагар, Андра Прадеш. Разве можно объяснить тайну покровительства Шри Раманы? Почему он должен беспокоиться? И всё же он вошёл в мою жизнь в трудный час и сделал её прекрасной вне всякого сравнения.

132. Сантанам Айенгар был директором школы в Танджоре. После отставки служил бухгалтером в Ашраме.

Вплоть до тридцать второго года своей жизни я ничего не знал ни о Боге, ни о Гуру, ни об Освобождении. Внезапно произошла полная перемена. Я утерял всякий интерес к мирским ценностям. Я ясно видел их бесполезность. Я чувствовал, что единственное, что имеет значение – это обрести Себя, так как лишь *атман* и Бог вечен.

Через некоторое время мне довелось прочитать книжку Свами Рамтирты *The True Atma*. Она навела меня на размышления. Разве писания не подчёркивают необходимость *садгуру* для обретения знания Себя? Где мне найти такого *садгуру*? Я знал только один источник – молиться Шри Раме, моему избранному божеству. Я молился: «О, Господи, пожалуйста, приведи меня к *садгуру*, такому же безупречному, как ты».

Однажды ночью мне приснился восхитительный сон. Я увидел два коттеджа, окружённые лесом, расположенные у подножия горы. В одном из коттеджей сидел в *самадхи* святой. Я услышал голос, повелевший мне идти туда, говоривший: «Это Рамана Махарши, истинный *джнани*, которого ты так жаждешь».

Сон произвёл на меня столь сильное впечатление, что я, не медля, отправился в Тируваннамалай, чтобы сдаться к ногам Шри Раманы. Чудо из чудес: то, что я увидел, было точным воспроизведением моего сна. Яркие звёзды сформировали нимб над головой Шри Раманы. Это убедило меня, что нет разницы между «Рамой» и «Раманой», и с тех пор эта уверенность не покидает меня.[1]

133. Профессор Систа Субба Рао (1909-1980) преподавал английский язык в индуистском колледже в Мачлипатнаме, штат Андра Прадеш. Он написал воспоминания на телугу, а позже на английском языке.

Я впервые узнал о Багаване в начале 1936г от Рамарао Пантулу, моего первого руководителя на духовном пути. Он рассказал случай в Ашраме, который убедил меня в таинственных способностях Багавана. В помещение заползла кобра. Несколько человек собрались вместе и пытались выгнать её, когда появился Багаван. Он обратился к змее и сказал: «Пожалуйста, уходи, эти люди боятся тебя». Змея сразу же уползла. Пантулу предположил, что я вылечусь от потери зрения, если получу благословение Багавана.

[1] Интересно отметить, что Шри Рамана сам подтвердил, что слова «Рама» и «Рамана» - это одно и то же.

3 июня 1936г я простёрся перед Багаваном и рассказал о своём положении. Багаван заметил, что моё внешнее зрение будет в порядке, если и когда я достигну внутреннего видения. Я не понял и попросил его разъяснить. Его ответом было: «Не иметь внешнего зрения означает иметь внутреннее зрение». Тогда я умолял его просветить меня по вопросу развития внутреннего зрения, и он это сделал. Это был поворотный пункт в моей жизни. Ухудшающееся зрение до того момента было моей навязчивой проблемой. Однако *упадеща* (наставление) Махарши изменила моё мировоззрение. С этого времени вопрос улучшения зрения отошёл на задний план, а я с усердием приступил к *садхане* для обретения внутреннего видения.

Однажды вечером у меня было необычное переживание в медитации. Дыхание стало продолжительным и шумным, пока не стало походить на шипение змеи. Тело стало лёгким, а руки, лежавшие на бёдрах, повисли в воздухе. Каждая частичка моего тела вибрировала, и я чувствовал какое-то невыразимое блаженство. Однако я не потерял внешнего осознания. Это моё необычное переживание вскоре привлекло внимание тех, кто был в холле. Мою жену попросили принести воды и побрызгали мне в лицо. Через некоторое время моё тело и дыхание пришли в норму. Я вышел из холла и отправился домой. После моего ухода преданные спросили Багавана, что со мной было. Багаван, кажется, ответил, что я не смог удерживать интенсивность *садханы* внутри, и поэтому она проявилась внешне. Так мне сказали, когда я пришёл на следующее утро.

Несмотря на крайне скромную жизнь, вскоре мои финансы истощились. В физическом зрении не было абсолютно никаких признаков улучшения. Напротив, оно становилось всё хуже. Перспектива казалась очень мрачной. Всё шло к полной потере зрения. Как я буду зарабатывать на жизнь? Более того, у меня на иждивении жена. Меня часто посещали мысли о самоубийстве. На горе и вокруг неё было много водоёмов. Под покровом ночи мы легко могли броситься в любой из них.

Я собирался изложить Багавану все факты и просить его о решении; однако, мужество изменило мне. С одной стороны, Багаван всегда сидел в холле в окружении преданных; было невозможно встретиться с ним наедине. С другой стороны, я не решался беспокоить Багавана личными мирскими проблемами. Но выбора не было. Однажды днём я изложил на бумаге своё финансовое, физическое и ментальное состояние и молил его о милости. Я вручил ему бумагу и стоял рядом. Он прочитал её и вернул мне, но ничего не сказал, и я вернулся на место.

Вскоре в моём мировоззрении произошла перемена. Я сказал себе: «Страдание – это результат греховных поступков в настоящей или прошлой жизни, и каждый должен платить за свои проступки, так как каждое действие имеет свои последствия. Покончив с жизнью, мы добавляем проценты к основному капиталу. Наши прошлые грехи – это основной капитал, а самоубийство будет процентами к нему. Все *кармические* долги должны быть выплачены до последней копейки. Пытаться избежать трудностей жизни – это трусость». Это изменившееся отношение к жизни положило конец всем мыслям о самоубийстве, не дававшим покоя раньше. Я стал другим человеком, готовым сражаться в битве жизни на любых условиях и при любых обстоятельствах.

Этот случай дал мне слабое представление о том, как действуют *махатмы*. Они обычно не совершают физических или материальных чудес, а привносят чудесные перемены в умственное состояние преданных.

За несколько дней до *джаянти* Багавана в 1940 или 1941г. на меня нашло вдохновение сочинить стих о Багаване на санскрите. Я сочинил и послал его *сарвадхикари*

Ашрама. В ответе он написал, что стих прочитали в день *джаянти*, и он очень понравился преданным. В нём говорилось: «Обитая на склонах Аруначалы, Шри Рамана, Солнце Мудрости и Воплощение Блаженства без усилий научил *atma vidya*. Я всё время размышляю об этом несравненном и неизмеримом Гуру».

Через какое-то время я увидел Багавана во сне восседающим на возвышении, похожем на трон. Его тело светилось, как расплавленное золото. Стоя перед ним, я спросил о своём зрении. Он ответил: «Это не в моей власти, тебе может быть придётся пойти к кому-нибудь другому». Сон закончился.

Мой брат был адвокатом. Его клиентура была весьма ограничена, и он хотел перенести практику в другое место в надежде на лучшую участь. Он спросил мнения Багавана об этом. Багаван мягко ответил: «Вот как? А почему бы тебе не посоветоваться об этом с астрологом?» Мы все рассмеялись.

Один преданный пожаловался: «Я не могу достичь покоя ума и собираюсь поехать в Гималаи в поисках покоя». Багаван сказал: «Ты проехал 250 миль из Мадурая и прибыл сюда. Сколько умственного спокойствия ты получил? Умножь это на расстояние отсюда до Гималаев, чтобы измерить счастье, которое ты получишь, поехав туда». Даже спросивший не удержался от смеха.

Отвечая посетителю, который заметил: «Я сыт по горло этими семейными проблемами, моё единственное убежище – это *санньяса*», Багаван сказал: «Сейчас ты плачешь от семейных забот; а тогда получишь свою долю проблем *санньяси*. Простая смена одежды не поможет. Узнай того, для кого существует печаль».

Однажды я просил благословения Багавана на том основании, что все мои усилия пребывать в источнике ума оказались тщетными. Когда Багаван спросил: «В чём затруднение?», я ответил,- «В моих глубоко укоренённых наклонностях. Я нуждаюсь в твоей милости». Он сказал: «Постоянные усилия непременно их сотрут. Вся *садхана* предназначена только для этой цели». И продолжил: «Продолжай практику. Не надо напоминать Богу о Его обязанностях, которые заключаются в том, чтобы всегда присматривать за твоим благополучием. Ошибка, которую склонен совершать человек, состоит в том, чтобы прекратить усилия под ошибочным впечатлением, что милость Божия отсутствует. Но медлить нельзя, так как милость Божия должна сработать в нужное время».

134. Махапатра Дэйв родился в 1915г. в Махбубнагаре, штат Андра Прадеш, и был учителем в гуджаратской школе в Секундерабаде.

Г.В. Раджешвара Рао, один из основателей Шри Рамана Кендрам в Хайдерабаде, близко знавший Дэйва, пишет:

Религиозно настроенный с самого начала, когда Дэйв прочитал *Кто Я?* в 1939г, он решил, что Шри Рамана – его гуру. Он очень хотел получить *даршан*. Возможность представилась лишь в 1943г, когда отец одного из учеников Дэйва попросил его отвезти сына в путешествие, чтобы расширить его кругозор. Отец согласился, что путешествие может пройти через Тируваннамалай. Багаван, таким образом, обеспечил его столь необходимыми деньгами, появившимися в связи с предпринятым путешествием.

Когда Дэйв вошёл в холл и сел перед Багаваном, на все вопросы, которые он хотел задать, были получены ответы в тишине. Внезапно он почувствовал, как будто кто-то выкручивает правую часть его сердца. Не было больше вопросов, не было больше сомнений; было только блаженство – он отдал себя Багавану. Прожив там почти месяц, Дэйв

благополучно вернулся домой, осуществив заветную мечту. После этого, несмотря на худой кошелёк, Дэйву удавалось посещать Ашрам каждые шесть месяцев. Чтобы рассеять опасения своих родителей, что вследствие столь частых посещений Дэйв может стать *садху*, он начал брать с собой жену.

Дэйв организовал Рамана Медитационный Центр, который стал известен как *Ramana Bhakta Mandali*. Это была первая Рамана группа в Хайдерабаде. Множество преданных, включая д-ра Субраманьяна (№ 33), профессора Систу Субба Рао (№ 133) и профессора Шиву Мохан Лала (№156) принимали участие в сатсангах, которые проводились вечером по четвергам в доме Дэйва. *Mandali* также опубликовал *Ramanasthuthi* в 1956г.

Дэйв упоминал много случаев, через которые ему проявлялась милость Багавана:

У матери Дэйва была предрасположенность к артриту. Он просил её с верой применять пепел от сгорающих перед портретом Багавана ароматических палочек. Она делала это и избавилась от болезни. Уверовав в Багавана, она поехала с сыном в Ашрам в 1945г. После того, как Дэйв представил её Багавану, она села в холле. Ей очень хотелось попросить Багавана улучшить их финансовое положение и здоровье Дэйва, которое всегда было слабым. Но оказавшись перед Багаваном, она забыла обо всём и поняла, что всё происходит в соответствии с *prarabdha* (судьбой).

Горячо преданная Господу Кришне, она молилась Багавану, чтобы он благословил её Его *даршаном*. Внезапно Багаван и все люди в холле исчезли, и появился ослепительный Кришна. Она была глубоко взволнована. На следующий день она помолилась о *даршане* Шри Рамы и богини Лакшми, и они оба появились перед ней во всём своём великолепии, а через некоторое время, превратились в круглый шар света, который остался в её сердце. Она была вне себя от счастья и стала пылкой преданной Багавана.

Дэйв и профессор Шива Мохан Лал хотели поехать в Ашрам на Празднование Золотого Юбилея в сентябре 1946г. Они задержались в Веллоре в связи с забастовкой автобусов. Праздник был назначен на следующий день, предстояло преодолеть пятьдесят миль. Когда профессор Лал предложил пойти пешком, Дэйв спросил: «А как же багаж?» Немного позже к гостинице, где они остановились, подъехал неизвестно откуда взявшийся военный грузовик, который довёз их до окраины Тируваннамалая. Они достигли Ашрама вовремя и успели на Празднование.

Отец Дэйва не верил в Багавана. Молитвы Дэйва были услышаны, когда в связи с притеснениями Разакара индусы стали покидать Хайдерабад. Семья решила переехать в Тируваннамалай. Два месяца, проведённые в Ашраме, превратили отца Дэйва в последователя Багавана.

В 1946г, когда дирекции гуджаратской школы в Секундерабаде, где он преподавал, надоели его частые отлучки, Дэйв уволился.

Сразу после этого он получил предложение стать управляющим печатной мастерской Секундерабада; новая дирекция была согласна на любые его условия. Так напечатали перевод на гуджарати *Upadesa Saaram*.

Однажды, когда Дэйв обедал в столовой Ашрама, Багаван попросил слугу дать ему немного блюда из арахиса, сказав, что это полезно для его здоровья. Однако, полагаясь на медицинские указания, что земляной орех вреден для астматиков, он поел лишь малую часть того, что ему предложили, а остальное передал жене. Он всегда сожалел, что не съел всё полностью, тогда он излечился бы от астмы.

Дэйв вспоминал день, когда помог Багавану, который чуть не упал возле старого дома для гостей. Багаван сказал: «Оставьте это». Когда он спросил у слуг, почему они не помогли

Багавану, те ответили, что им запрещено. Дэйв вспоминал, что, хотя тело Багавана было открыто солнцу и любой погоде, оно было очень мягкое и нежное.

В 1947г Дэйв получил работу бухгалтера в правительстве Сауращтры. В 1949, услышав о болезни Багавана, он хотел поехать в Тируваннамалай. Когда начальник отказал ему в отпуске, он начал голодовку и получил 15 дней отпуска. Он поехал в Ашрам в сентябре 1949. Позднее он оставил работу и оставался там до *маханирваны* Багавана. Рокового 14 апреля 1950г они с женой всю ночь пели *Aksharamanamalai* и *баджаны*.

Дэйв купил участок земли в Тируваннамалае, чтобы жить возле Ашрама. Поскольку он не мог оставаться после *маханирваны* Багавана, он отдал участок Натешану, который служил парикмахером Багавана 22 года.

Дэйв обычно говорил: «**Багаван не был человеком, который знал *Браман*. Где тот, кто знает, и где то, что познано? Он был Самим *Браманом***».

135. Суббалакшми была женой доктора М.Р. Кришнамурти Айяра (№155)

Мой муж, д-р Кришнамурти Айяр, первый врач ашрама, встретил Шри Багавана в 1924г. В один из праздников Дипама он представил меня ему. В начале нашей семейной жизни, живя в Тируваннамалае, мой муж (работавший тогда в больнице) часто убегал к Багавану и оставляя меня совсем одну. Он никогда не думал ни обо мне, ни о детях. Однажды я ужасно боялась, что муж станет *садху*. Следующей ночью мне приснился Багаван и заверил: «Не бойся; твой муж знает, в чём его обязанности. Оставь все беспокойства». Когда муж рассказал сон Багавану, тот милостиво улыбнулся!

В один день внезапно я сильно заболела. Соседи и друзья подумали, что моя кончина близка. В это время муж был в Ашраме. Когда о моём состоянии сообщили в Ашрам, Багаван, читавший газету, на некоторое время вошёл в транс. Одновременно я пришла в норму. Это было настоящее чудо. Позже, когда я встретила Багавана, он шутливо сказал мне: «Кажется, у тебя новая жизнь».

Однажды Багаван рассказывал историю жизни святого Сирутондара Наянара. Его голос срывался от волнения, а из глаз то и дело капали слёзы. Несомненно, он был главным образом *джняни*, но какое у него было сердце!

Багаван обычно называл моего мужа «городской доктор». Он интересовался им даже в день *маханирваны*. Я не могла получить *даршан* Багавана в этот день из-за длинной очереди. Багаван, однако, милостиво явился мне во сне и сказал: «Амма, сколько мне носить это тело? Смерть для него естественна. Оно как лист, с которого приняли пищу. Его нужно выбросить».

136. Ваджрешвари была дочерью одного из выдающихся преданных Шри Раманы Ганапати Муни, известного поэта и знатока санскрита (№ 91).

Моя мать имела привычку без конца глотать *вибхути* (священный пепел). Все наши попытки отучить её от этой привычки потерпели неудачу. Она и сама хотела избавиться от неё, но не могла. Она позволяла себе фамильярничать с Багаваном и относилась к нему как к своему отцу, а он в свою очередь, обращался с ней как с ребёнком. **Настоящий секрет в том, что отношение Багавана к нам соответствовало нашему отношению к нему.**

Однажды моя мать рассказала Багавану об этой своей привычке и просила его помочь избавиться от неё. Багаван сказал: «Почему ты не сказала мне об этом раньше? Ладно,

попробуй этот *вибхути*». Что за странное лекарство! Но оно подействовало. С той поры моя мать совершенно избавилась от своей привычки.

Однажды одна преданная принесла умершего сына в ящике и горячо молилась Багавану, чтобы он вернул его к жизни. Багаван легко увидел веру и надежду в её молитве. Он нежно сказал ей: «Амма, разве ты не понимаешь, что если я оживлю твоего сына, Шри Раманашрам завалят трупами?» Затем он долго говорил с нею о жизни, смерти и необходимости осознать состояние, превосходящее их. Он объяснял, что все переживания сосредоточены вокруг индивидуальности, и что лишь поиск источника «Я» положит конец страданиям. Эти слова утешения попали в цель, и женщина вернулась домой, успокоившись душой. Это было естественно, так как в словах Багавана была сила и доброта.

Когда женщина ушла, один преданный спросил: «Можно ли оживлять мёртвых?» Багаван ответил: «*Джняни*, *сиддхи* и *йоги* могут восстановить жизнь, но для этого ли они пришли?»

137. Кундалмал А. Махатани жил в Карачи (ныне территория Пакистана). После первого визита в 1944г он стал регулярным посетителем Ашрама. В книге *День за Днём с Багаваном* содержатся ответы на многие вопросы, заданные им Шри Рамане.

В 1942г. мне посчастливилось впервые услышать о Багаване от друга, который одолжил мне книгу *Путешествие в тайную Индию* Брантона (№1). Я был крайне впечатлён, узнав, что такой великий мудрец, как Багаван, действительно существует в нашей стране. Я заказал все книги, содержавшие учение Багавана и, прочитав их, понял, что учение глубокое, и его легко понять. Во мне разгорелось страстное желание получить его *даршан*, однако я смог посетить Ашрам лишь в январе 1944г. А пока любые сомнения, возникавшие при чтении книг, я прояснял в переписке с Ашрамом.

Я наслаждался присутствием Багавана одиннадцать месяцев кряду. Затем приезжал в Ашрам каждую зиму, а также жил там три – четыре месяца в период *маханирваны* Багавана в апреле 1950г. С точки зрения наблюдателей он казался страдающим. Когда многие преданные сокрушались о его болезни, он смеялся и говорил: «Они ещё не поняли, что я не тело, и что я никуда не ухожу».

Для меня Багаван больше, чем все боги и пророки, до сих пор воплощавшиеся на этой земле, такие как Рама, Кришна, Будда, Христос, Мухаммед, Нанак и другие. О них я только читал и слышал и не могу иметь надлежащего представления. Даже многочисленные их портреты лишь воображаемые и, естественно, отличаются друг от друга. Поэтому невозможно получить точное представление ни об одном из них. С другой стороны, я видел Багавана и поэтому имею очень ясное представление об идеале, на который медитирую.

По моему скромному мнению Багаван был *дживанмукта*. Многие слышали и много читали о состоянии *дживанмукты*, но он в действительности показал это состояние пребывания над телесным сознанием.

Даже сейчас, когда вижу его большой портрет на кушетке в старом холле, я ощущаю его присутствие, совсем как раньше. Как будто он сидит там, как обычно, улыбаясь, глядя с состраданием, с той единственной разницей, что теперь он не говорит, он в *мауне*.

138. Санта Рангачари была журналистом. Она служила в редакции журнала *The Mountain Path* в 1980-88гг.

Я отчаянно нуждалась в доверенном лице, советчике, в ком-то предпочтительно вне семьи, и совершенно неожиданно мне пришло имя Рамана Махарши. Его имя было единственным из всех, которое мой отец – упрямый, нетерпимый скептик – произносил без какой-нибудь неблагоприятной подоплёки. Поэтому я решила написать мудрецу и прямо попросить его: «Пожалуйста, прошу Вас, помогите мне справиться с моим характером». Не прошло и недели, как я получила ответ, подписанный *сарвадхикари*, содержавший послание Махарши, что если я приложу постоянные и искрениие усилия, чтобы преодолеть свой характер, то избавлюсь от него, и что он шлёт мне благословение.

Моей первой реакцией на это письмо было удивление, что со мной обращаются как со взрослой, так как мне всегда указывали, что делать, руководили, наставляли, предупреждали, но никогда не провоцировали, кроме как в День Спорта. И вот этот великий Гуру говорит мне: «Это же твой характер, не так ли? Поэтому сама с ним и разбирайся». Он просто отбил мяч на мою сторону площадки самым приятным способом, обратившись ко мне как к человеку со своими правами. Мне это очень понравилось.

Рамана Махарши снова появился в моей жизни через год или позже, когда сестра повезла нашу семью в паломничество. Мы собирались остановиться в Шри Раманашраме лишь на два дня. А провели там целую неделю, и я плакала, как потерявшийся ребёнок, когда настало время уезжать. Визит оказался для меня сокрушительным переживанием. Думаю, я буквально влюбилась в Раману Махарши. Кружилась голова, я была в трансе, язык онемел, ум исчез, я находилась в состоянии потрясающего экстаза. Эта пробудившаяся любовь полностью выходит за рамки физического плана и даёт понимание другого осознания, которое можно описать как восторг при отсутствии ума, чистое счастье. Это не имеющее определённого места проникновенное состояние возгорания от какого-то узнавания, и оно остаётся с тобой, и ты никогда уже не станешь прежней.

Когда мы пошли в холл Шри Раманы, мать, брат и сестра шли впереди и быстро исчезли в холле. Я отстала, необъяснимо встревоженная. Затем, когда, наконец, собралась с духом, подошла к двери и заглянула, я увидела полулежащую на диване золотисто-коричневую фигуру с самым сияющим ликом, который когда-либо видела до этого и после, и пока я стояла там, как вкопанная, Махарши посмотрел на меня. Когда я вспоминаю это даже сейчас, сорок лет спустя, на глаза, как и тогда, наворачиваются слёзы. Я стояла там, Бог знает сколько, просто глядя на это лицо. Затем, как в трансе, я прошла вперёд к нему и коснулась его стоп. Продираясь сквозь неодобрительные взгляды, так как посетителям не разрешалось прикасаться к Багавану, я заняла место возле окна.

Усевшись, я дала волю слезам. Помню, что провела добрую часть того утра, утирая слёзы. Это не были слёзы горя или радости. Может быть, это были слёзы по тому, что я мимолётно увидела в Махарши, и чего я тоже хочу, и буду всегда искать. Да, я плакала по себе тогда и всё ещё плачу теперь.

Никогда раньше я не видела в выражении человеческого лица более мощной внутренней жизни, и при этом оно оставалось открытым и невинным. Он обладал неотразимой и неописуемой духовной силой, которая просто поразила меня. Я понимала, что вокруг меня сидят люди, но совершенно не интересовалась ими. Через час, прошедший в молчании, я внезапно захотела петь. Без колебаний и смущения я принялась своим 12-летним голосом исполнять *Ninne kori Yunnanura* Тиагараджи, мягко отбивая ритм

пальцами по своей коленке. Через несколько минут с новой вспышкой страсти я бросилась в *Thelisi Rama Chintana.* Когда начался куплет, в котором уму предлагается остановиться на мгновение и осознать истинную суть имени Рамы, я увидела, как Махарши взглянул на меня тем безличным и всё же притягательным своим взглядом, моё сердце защемило, и я подумала: «Хочу оставаться здесь всегда».

Три часа каждое утро и каждый вечер длилось моё дежурство в холле в течение семи дней. Я сидела на своём месте возле окна, тихо и без мыслей, просто глядя на Махарши. Временами кто-нибудь задавал вопрос, Махарши поворачивался, смотрел на него, и создавалось ощущение, что ответ на вопрос получен. Или кто-нибудь спрашивал значение определённой фразы из строфы на санскрите или тамили, а Махарши отвечал мягко и кратко.

Махарши был немногословен. Долгие годы уединения сделали его речь абсолютно краткой. Он хорошо знал классическую тамильскую литературу; он умел сочинять и сочинял стихи. Его просветление не было направлено Гуру, а пришло через Самоосознание. Самым эффективным способом его общения было межличностное общение через зрение и молчание. Он был очень человечен, смеялся и иногда шутил, но мог внезапно глубоко погрузиться в себя, сидя в холле, полном людей, и оставаться в этом покое духа, и он сам называл это быть в Боге.

Однажды вечером кто-то показал Махарши стихи. Махарши прочитал их и коротко прокомментировал. В красноречивые промежутки тишины, разделявшие его короткие замечания, чувствовалось, как невысказанная мысль плывёт по холлу, прикасается к каждому и вовлекает в свой светящийся поток. Это было незнакомое мне переживание. **В присутствии Махарши речь казалась излишней**. Я была полностью счастлива и удовлетворена, просто находясь в его присутствии.

Всю ту неделю я практически ничего не делала и лишь сидела в холле. Никогда раньше я не проводила так много времени, так мало разговаривая, просто сидя подолгу, или глубоко погружённая в целеустремлённый поиск Махарши.

Не стану утверждать, что вся моя жизнь переменилась после этой встречи. Нет. Я вернулась в школу, затем в колледж, вышла замуж, начала вести семейную жизнь, имела детей, начала карьеру журналистки. Моя *грихасташрама* (выполнение семейных обязанностей) стала моим основным занятием. Однако посещение Шри Раманашрама что-то сотворило со мной. Оно оставило отпечаток в уме и в сердце. Вид Ашрама и Махарши всегда присутствовал в уме, как задняя кулиса на сцене. Когда я чувствовала усталость, уныние или растерянность, мною, как голод, овладевало желание поехать в Шри Раманашрам. Даже когда я бывала столь занята, что не знала, ухожу я или прихожу, лишь мимолётный взгляд на портрет Махарши, висевший на стене, моментально пригвождал меня к месту и ум внезапно становился пустым.

Когда бы я ни захотела уехать куда-нибудь, уйти из дома, от семьи, друзей, книг, ошибок, страхов и печалей, ум автоматически обращается к Шри Раманашраму[1]. И тело следует. Я еду в Тируваннамалай, прихожу в Ашрам, вхожу в холл, и я «дома» и в совершенном покое.

У каждого человека на самом деле есть только один гуру, как одна мать. Кому-то достаточно везёт, и они встречают своих гуру; кто-то проходит мимо, как корабль в ночи. Я

[1] Д-р Поль Брантон выражает это же чувство, когда говорит: Я путешествовал по многим странам, но всегда мыслями обращался к Тируваннамалаю, как мусульманин поворачивается лицом к Мекке. Я знал, что где-то в пустыне этого мире есть священное место для меня. The Silent Power, с.76.

наткнулась на своего, когда мне было двенадцать лет; теперь я стою одна в себе. В некотором смысле я всё та же, двенадцатилетняя, стою на пороге, помню, жду.

139. Т.Р.А. Нараяна был менеджером крупной британской фирмы в Мадрасе. Он услышал о Шри Рамане во время путешествия поездом в 1948г.

Я совершал поездку по небольшим городам. Когда мы с моим помощником Партасарати садились в Виллупураме на поезд до Тируваннамалая, мы обратили внимание на молодого человека, пытавшегося войти в вагон. Он был такой толстый, что кое-как перемещал своё грузное тело до тех пор, пока другой человек на платформе, очевидно, его слуга, не протолкнул его в двери.

Поезд тронулся, и через несколько минут молодой человек подошёл к нам и представился. Это был Ратилал Премчанд Шах из Гондала (штат Гуджарат), единственный сын богатого торговца.

Страдающий ожирением с девяти лет, в двадцать пять он представлял из себя огромную массу жира и несчастья. Он рассказал, что во сне увидел улыбающегося аскета, который манил его к себе. Это продолжалось долгое время, и ясно отпечаталось в уме, даже когда он проснулся. Два дня спустя его жена читала гуджаратский журнал. Заглянув через её плечо, он увидел фотографию того аскета из своего видения. Он узнал, что аскет – это Багаван Шри Рамана Махарши. Он сразу пошёл к отцу и организовал своё путешествие в Тируваннамалай с доверенным слугой семьи. Он чувствовал уверенность, что его страдания закончатся, как только он приедет к Багавану; улыбка и приглашение знаками из его видения вселили в него эту твёрдую уверенность.

Партасарати раньше много раз видел Багавана, а также много читал о нём. Они с Ратилалом говорили о Багаване всю двухчасовую поездку. Я делал вид, что читаю английский роман, но внимательно и с интересом слушал их разговор.

Около 5 часов, когда мы с Партасарати прибыли в Ашрам, мы пошли на веранду, где сидели около пятидесяти человек, и среди них Ратилал и его слуга. Багавана не было на кушетке. Подождав минут десять и увидев, что Багаван так и не пришёл на своё место, Партасарати предложил прогуляться и посмотреть коровник и другие места Ашрама.

Возвращаясь из своей короткой прогулки по Ашраму, мы услышали, как голос, похожий на детский, говорит: *«Chee, asatthe!»* (Не шали). Мы заметили движение среди листьев баклажан, язвенника и других растений, растущих в огороде. Присмотревшись, мы увидели маленькую козу, маленькую обезьянку, белку и Багавана, сидящего на корточках. Багаван держал в левой руке бумажный пакетик, доставал из него орешки пальцами правой руки и кормил козу, обезьянку, белку и себя по очереди. Его возглас относился к обезьяне, попытавшейся выхватить орех, который он собирался положить в рот белочке. Мы наблюдали, как четверо товарищей наслаждаются едой. Все четверо казались одинаково счастливыми; трогательно было видеть, как они смотрят друг на друга и держатся близко друг к другу. Мы видели, что все четверо были добрыми друзьями, несмотря на различия их формы. Никакими словами не описать чувства, охватившие меня при виде этой сцены.

Когда орешки закончились, Багаван выбросил пакет и сказал: *«Pongoda!»* (Идите!), совсем как дедушка, который обращается к внукам. Коза, обезьяна и белка ушли, и Багаван встал. Мы поспешили прочь, чувствуя вину, но отнюдь не сожаление за то, что преступили порог Божественного.

Вскоре Багаван вернулся на кушетку. Его взгляд был направлен куда-то далеко за пределы всего земного. Он был как экран, заслоняющий материальный мир от света, горящего в нём. Искорки света, пробивающиеся временами сквозь волокна экрана, искорки, успокаивающие того на кого они падали, проникали сквозь толстую оболочку и поджигали фитиль внутри.

Багаван откинулся на подушку, поддерживая голову левой ладонью. Мы все сели и стали смотреть в его лицо. Мы долго сидели и всё смотрели. **Никто не разговаривал и не шумел. Но это не была мёртвая тишина; это было очень живое переживание, где глубинная сущность каждого из нас общалась с Высшим Сознанием, которым был Багаван**.

Я всё время вспоминал эту картину: как коза уютно прислонялась к груди Багавана совершенно уверенная, что ему это нравится; как обезьяна радостно гримасничала, и как Багаван строил гримасы в ответ, когда они разбивали орешек; как белка всматривалась своими глазками-бусинками в мечтательные глаза Багавана и нежно потирала нос крошечной лапкой. Видение Высшего Духа, лежащего в основе и превосходящего чувственное восприятие, было приправлено милой сценой с земляными орешками в огороде.

Багаван поднялся с кушетки. Мы тоже встали. Без слов было понятно, что мы уезжаем. Мы уехали. Я испытывал доселе неизвестный покой и счастье; на лицах остальных было написано нечто подобное.

Я увидел, как Ратилал и его слуга садятся в повозку у ворот Ашрама. В движениях Ратилала была новая энергичность. Обещание Багавана из видения, казалось, придаёт ему правильное направление.

В 1953г я был в Раджкоте и остановился в гостинице. Однажды в столовой ко мне обратился мужчина лет тридцати: «Вы не узнаёте меня? Я Ратилал из Гондала. Помните *даршан* Багавана Раманы Махарши пять лет назад?» Я снова посмотрел на мужчину. Он был худой, но сильный. Лицо светилось здоровьем и счастьем. Я сердечно пожал ему руку. Он сказал: «Шри Багаван прекрасно выполнил обещание. Я теперь управляю семейным бизнесом. У меня есть двухлетний сын».

Я снова вспомнил огород и четверых друзей с земляными орешками.

140. К.Р.К. Мурти был главным инженером-электриком Управления энергетики правительства штата Андра Прадеш. Он – автор книги *Sri Ramana Bhagavan*.

Однажды в 1937г я прочитал в газете, что один известный человек собирается в Тируваннамалай на *даршан* Шри Раманы Махарши. Я питал к этому джентльмену большое уважение и очень хотел его увидеть. Поэтому решил отправиться в Тируваннамалай.

Я прошёл прямо в холл и, положив пакетик с конфетами, купленный для подношения Махарши, на табурет, стоявший рядом с ним, сел среди других. Все сидели, как безмолвные статуи, и единственным нарушителем тишины были часы на стене. Физической активности в холле было ноль, лишь ароматические палочки оживлённо выбрасывали клубы дыма. Я терпеливо подождал некоторое время, но тишина всё продолжалась. Было очень необычно и странно, так как я никогда раньше не видел такого молчаливого собрания. Я захотел узнать что-нибудь о Махарши, но кого спросить?

Заходили несколько человек, простирались перед Махарши и, молча, садились в холле. Это тоже было необычное зрелище, и оно произвело на меня глубокое впечатление. Через некоторое время Махарши поднялся, и все присутствовавшие в холле поднялись и

простёрлись. Когда Махарши ушёл на прогулку в сторону Аруначалы, люди стали принимать свой обычный вид, и я наблюдал обычный повседневный мир.

Один посетитель Ашрама однажды сказал мне, что Шри Рамана просто сидит безмолвно, не разговаривает и ничего не делает ни для кого. Мои личные переживания, очень живые, убедили меня, что Багаван всегда активно и безмолвно протягивает руку помощи своим характерным способом. Он помогал преданным так скрытно, что никто, кроме получателя, ничего об этом не знал.

Однажды, входя в холл, я заметил, что Махарши держит правой рукой указательный палец своей левой руки. В холле в это время было несколько человек. Кто-то, может быть, заметил это, кто-то не придал этому значения. Но для меня это было незабываемо, поскольку боль, которую я долгое время испытывал в левом указательном пальце, навсегда исчезла.

Я был также исцелён от боли в локте, которая не поддавалась никакому медицинскому вмешательству. Однажды мне приснилось, что Багаван обедает в нашем доме. После обеда я подал ему кружку воды помыть руки. Он взял кружку и полил немного воды на мой локоть, прежде чем помыл руки. Со следующего дня боли в локте больше не было. Если это был просто сон, мог ли он так подействовать на физическое тело?

Однажды в Ашраме готовились кормить бедных. Люди спешили попасть на специально отведённое для обеда место. Тогда кто-то из управления громко объявил, что *садху* должны выйти. Когда пришло время подавать еду, обнаружилось, что Багавана нигде нет. Стали везде искать и оказалось, что Багаван сидит под деревом снаружи. Когда его попросили присоединиться к преданным, Багаван сказал: «Вы не хотели, чтобы *садху* оставались там. Я *садху*, вот я и ушёл оттуда». Багаван отождествлял себя с низшими. Он обычно поправлял неправых не путём проявления гнева, а самоотречением и самобичеванием.

В Ашраме разводили сад. Некоторые обитатели приложили много усилий, чтобы достать растения и выращивать их. Однажды ашрамские коровы зашли в сад и попаслись на соблазнительных саженцах. Ашрамиты очень опечалились. Событие вызвало много шума и достигло ушей Багавана, который с улыбкой сказал: «За что винить коров? Разве они знали, что им нельзя пастись в определённых местах? Если огородить сад, коровы не войдут». Багаван видел обратную сторону вещей, которую обычные люди не замечали.

Желая записать голос Багавана, некоторые преданные завели речь о звукозаписывающих устройствах. Видя, что Багаван благосклонно к ним настроен, они решили продолжить тему и назначить дату записи голоса. В этот момент Багаван сказал: «Мой настоящий голос – безмолвие. Как вы сможете записать это?»

Однажды Багавана спросили, правда ли, что милостью гуру можно мгновенно достичь высочайшего состояния. Багаван ответил: «Да. Если ученик находится в зрелом состоянии, незнание будет удалено лишь взглядом гуру». Он добавил: «Милость течёт к человеку в соответствии с его качествами. Если сосуд мал, полученной милости будет мало; если сосуд большой, милости, соответственно, будет больше».

Однажды вечером слуга Багавана читал ему писания. Слуга услышал звук похрапывания и прекратил чтение. Тут же Багаван спросил, почему он перестал читать. Слуга продолжил чтение, и снова раздались похожие на похрапывание звуки, и он остановился. Но Багаван был настороже и попросил его продолжать.

Однажды в холл на *даршан* к Багавану вошёл принц с несколькими друзьями. Поскольку для Багавана не было разницы между принцем и крестьянином, принц занял место позади нас. Один из его друзей хотел задать вопрос, но колебался и смущался. К его

великому удивлению и изумлению, почти тот же самый вопрос задал Багавану кто-то другой. Ответ Багавана доставил посетителю огромную радость. Принц некоторое время сидел тихо, и, кто знает, что случилось, он залился слезами и плакал до тех пор, пока не покинул холл.

Однажды, как обычно просматривая английскую ежедневную газету, Багаван прочитал вслух сенсационный репортаж о новом изобретении и улыбнулся. После паузы, он мягко заметил: «Можно обрести сколько угодно сил, но без осознания истины невозможно обрести *yathartha* (покой ума)». Когда кто-то спросил, что такое *yathartha*, Багаван ответил: «То, что существует всегда», - и добавил после паузы – «Покой – это наша природа. Как человек, который держит в комнате много вещей и жалуется, что там нет места, мы говорим, что нет покоя. Разве место не появится автоматически, когда вы уберёте вещи?»

В ранние годы Ашрам был уединённым коттеджем в джунглях. Однажды ночью в Ашрам ворвались воры. Они били палками всех без разбора, включая Багавана, который удержал преданных от попыток отплатить им той же монетой. Он сказал: «Sahanam (терпеть) – это sadhu dharma», - и добавил – «Разве мы вырываем зубы, если они кусают язык?»[1]

Багаван говорил нам: «Если человек хочет совершить самоубийство, для этого хватит даже маленького прибора или ножика. Для того чтобы убивать других, необходимы более крупные вещи. Подобно этому, для себя хватит и двух слов, но чтобы убедить других, нужно писать книгу за книгой».

Когда один европеец привлёк внимание Багавана к нищете среднего индийца и его бедно обставленному жилищу, Багаван ответил, что хотя индийцы не обладают многими материальными удобствами, они не менее счастливы; так как они не испытывают желания иметь всё это, они способны наслаждаться жизнью с тем, что у них есть.[2]

Почерк Багавана был похож на напечатанный. У меня было жгучее желание сохранить что-нибудь, написанное Багаваном. Но я не решался просить его об этом при всех. Тогда кто-то в холле громко сказал, что я записал на языке телугу песни тамильского святого Таюманавара, отобранные Багаваном. Багаван захотел посмотреть их. Попросив меня передать ему тетрадь, он терпеливо исправил несколько ошибок. Таким способом он удовлетворил моё желание раньше, чем я выразил его, не показав при этом, что уделяет мне особое внимание.

141. Шримат Пурагра Парампанти, известный *свами* своего времени, написал много книг, среди них *Адвайта и Современная Физика*, *Кардинальные Доктрины Индуизма* и *Значение и Тайна Реинкарнации*.

Я впервые увидел Шри Раману 10 декабря 1949г. Это был высокий худощавый человек в набедренной повязке; тело было пропорционально и хорошо сложено; кожа гладкая и блестящая, а подрагивающая голова склонялась на правую сторону. На левой руке, там, где удалили опухоль, была белая повязка. Его глаза сияли добротой и любовью, лицо светилось блаженной улыбкой благословения. Я увидел перед собой **йога высочайшего**

[1] Д-р Поль Брантон в *Путешествии в тайную Индию* рассказывает: «Мудрец не только терпеливо снёс их нападение, но предложил им поесть, прежде, чем они уйдут. Он действительно предложил им еду. У него в душе не было ненависти к ним. Он позволил им свободно убежать, но в течение года их поймали во время совершения другого преступления в другом месте и вынесли суровый приговор».

[2] Профессор Голбрайт, бывший посол США в Индии, заметил: «Жители индийских деревень богаты в своей бедности».

уровня – мистика высшей реализации, излучающего живое присутствие божественного внутри и вовне.

Следующим утром я снова увидел его. Его всегда улыбающееся лицо было совершенно свободно от разрушительной деятельности болезни, которая медленно и неуклонно уничтожала его тело. **Его духовное присутствие было динамичным и ясно ощутимым. Оно трогало и воодушевляло нас и одновременно поднимало нас в высокую и редкостную сферу духовности. Внезапно я ощутил присутствие духовной силы, окружающей и наставляющей, доводящей всеобщие надежды до высокого уровня. Атмосфера в холле была чётко настроена на высшую волю и силу, которая воздействовала на всё собрание**.

Все взгляды были устремлены к Махарши. Я хотел знать, как и благодаря какой непреодолимой силе стало возможно людям – молодым и пожилым, богатым и бедным, мудрым и простым, принадлежащим к разным расам и религиям – собраться у ног этого великого йога. Я хотел знать, как и почему упрямое многообразие преобразилось здесь в единство, стойкое несходство – в совершенную гармонию, «множественность» – в единение!

Я понял, что это стало возможным только благодаря объединяющему присутствию Махарши. Он был не только проповедником истин единства и объединения, идентичности человека и Бога, духовного братства человечества – независимо от каст или верований, расы или должности – он был живым символом этих истин. Поэтому его всеобъемлющая личность стала центром всеобщей истины и объединяющей силой, приводящей разные расы и религии в гармоничное созвучие.

Наше узкое мышление не может полностью постичь его; его величие слишком обширно – слишком огромно, чтобы охватить его нашей ментальной орбитой. Нам видна лишь часть его духовной сущности, крошечная частичка её, и мы наслаждаемся частичным видением его, потому что находимся во тьме и связаны печальными оковами наших чувств.

Он скончался, и всё же он вечно живёт в неувядающей памяти тысяч его преданных по всему миру, в своих бессмертных наставлениях и посланиях, которые будут продолжать вдохновлять, воодушевлять и руководить всеми на верном пути к верной и высочайшей цели – Богореализации.

142. К. Аруначалам, общественный деятель – последователь Ганди, был родом из Мадурая. Он служил председателем Отделения Кади в Мадурае.

Летом 1932г. я работал с группой молодых людей в трущобах Бангалора. Я побывал в своей деревне в районе Мадурая и возвращался в Бангалор, чтобы вновь приступить к работе в школе Ганди, которую содержала Дина Сева Сангха. По дороге по предложению друга я остановился в Тируваннамалае, чтобы получить *даршан* Раманы Махарши. Я прибыл в Ашрам и прошёл в холл, где на кушетке сидел Махарши. В углу холла на серванте я увидел восемнадцатидюймовую статуэтку Махатмы Ганди. Я сел перед Махарши в медитацию вместе с другими. Некоторые читали про себя религиозную литературу. Сам Махарши был в *самадхи*. Кто-то декламировал *шлоки* мягким мелодичным голосом. В целом атмосфера была приподнятой.

Я сидел в молчании несколько часов. Когда наступило время вечерней трапезы, все преданные встали и пошли в прилегающую столовую, и я тоже пошёл вместе с ними. После

еды некоторые из нас вернулись в холл. Я решил спать в холле, как это делали некоторые, но не мог уснуть: мне было интересно, что будет делать Махарши.

Он встал с кушетки в 3.00 утра и пошёл к водоёму. После утреннего туалета он окунулся в водоём. Сменил набедренную повязку и, постирав использованную, оставил её сушиться. Затем вернулся в холл и прилёг на диван. Через некоторое время встал, пошёл на кухню и стал нарезать овощи вместе с другими. Он руководил завтраком и поел вместе с посетителями и ашрамитами.

Днём был поток посетителей, которые простирались перед Махарши. Иногда он открывал глаза и благословлял их с улыбкой. Иногда говорил несколько слов. Когда принесли ежедневную газету, он просмотрел её. Большую часть времени его глаза были полузакрыты. Во всём окружении был запредельный безмолвный покой. Я тихо сидел, наблюдал и наслаждался святым присутствием Махарши и так провёл целых три дня.

Перед отъездом я спросил Махарши, кому следовать. Он поинтересовался, чем я занимаюсь. Я описал работу в трущобах Бангалора и рассказал, как мы работаем над развитием *хариджанов* (неприкасаемых). Он благословил работу и просил меня продолжать трудиться так, как этого хочет Махатма Ганди. Я попросил у Махарши автограф. Он не согласился, но велел *сарвадхикари*, который стоял рядом, записать моё имя. Когда я продиктовал своё имя без отчества, *сарвадхикари* спросил, как зовут моего отца. Махарши тут же сказал: «Разве может быть отец у Аруначалы?»,- и рассмеялся.

Я попросил Махарши разъяснить один вопрос. Широкой улыбкой он дал понять, что готов. Набравшись храбрости, я сформулировал следующую проблему: «Махарши своим примером учит последователей быть спокойными, а Махатма Ганди, чья статуя есть здесь, своим примером принуждает всех быть постоянно активными». Лицо Махарши расплылось в бесподобной улыбке. Он спросил: «Кто тебе сказал, что я сижу спокойно?» Со смирением я сказал, что видел это своими глазами. Он сказал: «Почему ты считаешь, что то, что видишь физическим зрением, есть истина?» У меня не было ответа на этот вопрос. Я простился с ним и уехал в Бангалор.

В 1951-52гг во время путешествия по Соединённым Штатам я познакомился с группой Белых, которые были глубоко вовлечены в движение десегрегации. Они не делали различий между белыми и чёрными. В кабинете их лидера я обнаружил фотографию Раманы Махарши, которого он никогда не видел. Он сказал, что именно учение Махарши было движущей силой всей его деятельности, осуществляемой для установления равенства между двумя расами – белых и цветных. Он проявил глубокую заинтересованность в способе самоисследования для самореализации. Теперь я понял истинный смысл поучения Гиты: «Тот, кто видит недеяние в деянии и деяние в недеянии, есть мудрый среди людей; тот йог, кто завершил всю деятельность».

143. Пантулу Лакшми Нараяна Шастри был учёным и мастером сочинять стихи экспромтом.

В 1943г. близкий родственник попросил меня перевести на телугу произведение Ганапати Муни *Uma Sahasram*, написанное на санскрите. Я сразу согласился. Так я впервые увидел фотографию Багавана, и она притянула меня как магнит. В 1946г. во время летних каникул в колледже, где я работал, мы с женой отправились в Тируваннамалай.

Когда мы вошли в холл, там декламировали Веды. Багаван величаво сидел на диване. Первый взгляд на него пробудил огромную веру и неописуемое блаженство в моём сердце. Я

был так тронут, что когда Багаван поднялся, чтобы пойти на завтрак, я не удержался и пал ниц к его ногам. При этом книги, которые я принёс, чтобы подарить Багавану, упали на пол. Один преданный поднял их и помог мне пройти в столовую. После завтрака я пошёл в свою комнату и сочинил в честь Багавана двадцать строф на санскрите под названием *Atmabhishta Nivedanam*.

Снова войдя в холл, я представился Багавану на санскрите, не зная, что он говорит на телугу. Когда я сказал: «*Uma Sahasram maya Andhrikritham*» (я перевёл *Uma Sahasram* на телугу), он ответил: «О, Вы переводите *Uma Sahasram* на телугу», и даже исправил неправильно употреблённое мною слово *Andhrikritham*. Багаван откуда-то знал, что я не закончил работу, и когда он поинтересовался, как далеко я продвинулся в переводе, я признался, что перевёл только сто шлок. Затем я попросил разрешения прочитать вслух поэму, которую сочинил в своей комнате. Багаван согласно кивнул, и я прочитал стихи в сильном эмоциональном ключе.

На третий день мне посчастливилось прочитать вслух мой перевод *Uma Sahasram* и сообщить Багавану, что я просил у издателей разрешения опубликовать перевод и ожидаю ответа. Багаван посоветовал: «Если Вы встретитесь с Капали Шастри в Пондичери, он поможет получить необходимое разрешение».

Беседуя с Девараджей Мудальяром (№35), я сказал ему, что не смогу поехать в Пондичери, так как поклялся совершить паломничество в Чидамбарам, и если поеду туда, то мне не хватит денег посетить Пондичери.

Приехав в Чидамбарам, я поселился в гостинице для паломников. Ввиду скудных финансов я всё время очень бережливо тратил деньги. Разговорившись со стюардом гостиницы для паломников, я рассказал ему о визите к Багавану и что не могу последовать его указанию поехать в Пондичери. Он сказал, что поездка в Пондичери будет стоить недорого, и убедил меня продолжить путешествие. Он даже проводил меня на автобусную станцию и добровольно купил билет из своего кармана.

Я прибыл в Пондичери 10 мая 1946г. и отправился к Капали Шастри. Я представился ему на санскрите и подарил экземпляр *Andhra Dhyanalokam*. Вечером я прочитал ему свой перевод *Uma Sahasram*. Внимательно выслушав и похвалив мой перевод как полный и ясный, он пообещал, что сделает всё необходимое, чтобы мою работу опубликовали. Когда я собрался уходить, он мягко сказал: «Я живу один без семьи, и не могу предложить Вам гостеприимство, пожалуйста, примите хотя бы это». С этими словами он вложил мне в руки пять рупий. Оглядываясь назад, подсчитывая дополнительные расходы на поездку в Пондичери, я обнаружил, к своему удивлению, что оно обошлось мне в пять лишних рупий!

Перед расставанием Капали Шастри сказал, что по пути назад в Виджаянагарам я буду проезжать Тируваннамалай. Я не осознавал этого раньше и обрадовался предстоящей возможности снова увидеть Багавана.

У входа в Ашрам я увидел нескольких преданных, один из которых говорил остальным: «Шастриджи приехал из Пондичери». Я удивился тому, что они знают о неожиданном изменении моего маршрута. Я подошёл к ним и спросил, откуда они знают, что я был в Пондичери. Они рассказали, что после моего отъезда в Чидамбарам один из преданных сообщил об этом Багавану, на что он ответил: «Он поедет в Чидамбарам, оттуда в Пондичери, а затем вернётся сюда. Он уедет в Виджаянагарам только после того, как даст нам представление стихотворной импровизации».

Преданные попросили меня устроить в Ашраме поэтическое представление; избранной темой стал Багаван. Когда я начал сочинять стихи, то почувствовал, как будто

какая-то божественная сила овладела мной. Один адвокат из Гунтура записал стихи, двадцать штук, пока шла декламация. Когда чтение было закончено, он дал мне бумагу и попросил заполнить пропуски. Я сказал, что стихи приходили ко мне спонтанно милостью Багавана, и не помню, что говорил. Багаван также заметил: «Даже если он попытается, оригинал не может быть восстановлен».

Позже мне передали, что Девараджа Мудальяр сказал Багавану: «Кажется, Шастри великий поэт». Багаван ответил: «Да, я согласен». Однако сразу добавил: «Всё это лишь деятельность ума. Чем больше упражняешь ум и чем большего успеха достигаешь в сочинении стихов, тем меньше у тебя покоя. Какая польза от такого мастерства, если не обретаешь умиротворение? Но если такое говорить людям, им это не нравится. Как говорил Ганапати Муни, вперёд человек может бежать с большой скоростью, но когда дело касается возвращения, то есть нужно двигаться внутрь, трудно предпринять даже один шаг». Узнав мнение Багавана по поводу сочинения стихов экспромтом, я сильно поубавил свои поэтические амбиции.

144. Б.Н. Датар, знаменитый философ, жил в Хубли, штат Карнатака. Он писал книги для *Bhartiya Vidya Bhavan*.

В течение моих 16 или 17 ежегодных посещений Ашрама я обычно был молчаливым наблюдателем в группе преданных, собиравшихся в поисках благословений Багавана. Я особенно внимательно наблюдал отношение преданных к Багавану и то, как он им отвечал в своей неподражаемой манере.

Однажды приехал духовный искатель из Европы, сильно возмущённый сгущающимися тучами в международной обстановке (где-то перед Второй Мировой Войной). Он вошёл в холл в довольно враждебном настроении и почти призвал Багавана к ответу за то, что «он понапрасну тратит время и энергию в отдалённом уголке земли и не принимает активных мер, чтобы переключить внимание мира с путей дьявола на путь божественного».

Его бунтарское настроение поразило нас. Он требовал немедленного ответа от Багавана, который спокойно сказал, что он его получит, и продолжал оставаться в безмолвии. Мы все с волнением сидели в этой напряжённой атмосфере, пока через полчаса внезапно он не нарушил тишину, воскликнув, что получил ответ. Багаван попросил его записать ответ. Он записал, и когда его прочитали, от него веяло чувством полной сдачи Багавану. Он признал в записке, что **Багаван служит лучшим интересам человечества своим ненавязчивым безмолвным способом, и что от искателя требуется быть в состоянии не вызова, а сдачи высшим силам, которые действуют своими необъяснимыми путями через выдающихся мудрецов, как Святой Аруначалы**. С тех пор этот искатель стал одним из самых кротких преданных Багавана.

За несколько дней до того, как Багаван покинул этот мир, меня пригласили на Всеиндийское радио в Дарваре провести короткую беседу о великих личностях, повлиявших на мою жизнь. Я решил рассказать о Багаване; дату, когда будут передавать мою речь, должны были назначить позже. Так было угодно судьбе, что передачу назначили на 14 апреля 1950г между 7.30 и 7.45 вечера. Я приехал в Дарвар и выступил с речью. Таким образом мне повезло передать миру свою дань уважения лишь за час до того, как Багаван покинул этот мир. Я расцениваю это как высочайшее благословение от Багавана и считаю самым дорогим сокровищем своей жизни.

Хотя Багавана и нет с нами в человеческом облике, я никогда не ощущал его отсутствия, потому что он живёт в моём доме и перед моими глазами, куда бы я ни шёл. Я ощущаю, что он руководит каждым моим действием в каждое мгновение моей жизни.

145. И.Н. Атавали (по прозвищу Баурао) был одним из нескольких преданных Шри Раманы из Махараштры. Он обычно пел баджаны на (языке) маратхи перед Шри Раманой в холле.

Ещё до того, как получил *даршан* Багавана, я был воспитан в религиозной духовной атмосфере, царившей в нашем доме. С 1939 по 1942гг вследствие перенапряжения на работе я страдал от ишиаса и очень ослаб. Обычно я молился о том, чтобы получить *даршан* великого *махатмы*, такого, как *свами*, которому поклонялся мой дед, и чья милость принесла много добра моей семье.

В феврале 1942, будучи в состоянии крайнего уныния, я увидел на рассвете удивительно яркий сон, похожий на видение. В горной пещере великий *махатма* и толпы людей, поднимающихся в гору, чтобы послушать его. Я был одним из них. Подождав, я спросил людей вокруг: «Почему лекция до сих пор не началась? Где Святой?» Возле меня сидел пожилой человек, который поднял руку и сказал: «Безмолвие – речь Мастера, и у учеников не остаётся сомнений». Я спросил: «Где же Мастер?» Он ответил: «Он сидит рядом с тобой». Поискав по сторонам, я увидел стройного молодого человека в белой набедренной повязке. Я поклонился ему и спросил его имя. Указывая пальцем на сердце, он сказал на маратхи: «Это известно как Рамана Махарши». Сказав так, он улыбнулся чарующей улыбкой, и внезапно я проснулся, радостный. Я принял это за ответ на мои мольбы и был счастлив.

Я не очень много слышал о величии Раманы Махарши, так как его имя тогда (в 1942) ещё не было широко известно в Махараштре. В течение десяти или двенадцати дней я пытался что-нибудь разузнать о нём. Вдруг однажды один знакомый рассказал мне, что во время паломничества в Рамешварам он ездил в Тируваннамалай и имел благостный *даршан* Раманы Махарши. Он советовал мне поехать туда. Я добрался до Шри Раманашрама в 6 утра и увидел, как Багаван приближается к нам. Радости моей не было предела. Когда я простёрся перед ним, он спросил: «Ты приехал из Пуны? Кажется, ты сильно утомился». Мне было удивительно слышать это.

После обеда, когда я сидел перед ним в холле, он поинтересовался моим здоровьем. Я ответил, что три года ужасно страдаю от ишиаса, не сплю, у меня нет аппетита, и мне становится всё хуже, несмотря на лечение у лучших врачей. Он милостиво сказал: «Можешь спокойно оставаться здесь. Твоя болезнь не является неизлечимой». Он процитировал *Гиту* (II.14): «О, сын Кунти, контакты между чувствами и их объектами, дающие жизнь ощущениям жара и холода, удовольствия и боли и т.д., преходящи и скоротечны. О, Арджуна, превозмогай их», - и успокоил меня. Я почувствовал необычайное облегчение. Через три или четыре месяца я полностью излечился от болезни. С тех пор до 1950г. я приезжал повидать его три – четыре раза в год и сблизился с ним. Он обновил меня физически и духовно и навсегда привёл меня под сень своей благодатной Милости, для описания которой у меня нет слов.

Получив телеграмму, я поехал в Ашрам в день его *махасамадхи*. Каким-то образом мои чувства и эмоции сдерживались в тот день, когда он покинул тело. Но на следующий день, ночью я начал горько плакать, от того, что никогда больше не увижу телесную форму

Багавана, не буду наслаждаться блаженством его присутствия. Вдруг среди ночи послышались шаги, и, о чудо! Вошёл Багаван с фонарём в руке! Он подошёл прямо ко мне и мягко с любовью сказал: «Почему ты плачешь? Разве я не говорил тебе, что я здесь?» Я сдержался и поклонился ему. Когда я поднял голову, он уже исчез, оставив меня в крайнем изумлении и одиночестве. Тысячи *pranamas* (поклонений) Рамане Багавану.

146. Д-р Харибай М.Адалья был учеником Свами Мадхаватирты (№51).

В 1946г я поехал в Шри Раманашрам на *даршан* к Багавану. Преданные сидели в холле перед Багаваном. Я написал записку и положил её перед ним. В ней говорилось: «Я чувствую, что имею переживание Атмана, но ум с этим не согласен». Прочитав её, Багаван попросил подать *Ulladu Narpadu*, и показать мне стих 33: «Говорить, что я не знал себя или я узнал себя, смешно. Что? Разве есть два себя, один из которых определяет другого? У всех одинаковый опыт, что Атман только Один».

Через год, когда я спускался с Горы Аруначалы, а Багаван поднимался по узкой тропинке, я отступил в сторону, чтобы дать ему пройти и стоял с закрытыми глазами и сложенными руками. Когда Багаван подошёл ко мне, к моему крайнему удивлению, он сказал: «Вы всё ещё видите двоих?»

Однажды я спросил Багавана: «Если состояния сна и бодрствования не отличаются друг от друга, может ли человек осознать Атман во сне?» Он ответил: «Сначала осознайте Атман в состоянии бодрствования, а потом задайте этот вопрос».

Багаван пояснял пример соотношения золота и орнамента, что только золото настоящее, а имя и форма золота, проявляющиеся в орнаменте, нереальны. Я поднял вопрос: «Хотя орнамент нереален, мы видим и золото, и орнамент, который нереален, однако в случае с миром всё не так: когда мы видим мир в многообразии форм, мы не видим Реальности, субстрата». Багаван объяснил: «Во сне нет мира, и всё же вы видите его, совсем как в бодрствовании. И имя, и форма являются иллюзией; вы видите их, только если видите себя формой и отождествляетесь с эго».

147. Садху Браманьян, ранее д-р Р. Субраманьян, был Управляющим Отдела здравоохранения в Правительстве Мадраса. Он доставал лучшие лекарства в течение болезни Шри Раманы.

Однажды д-р. Анантанараяна Рао (№88) принёс Багавану спелую гуаву и сказал, что это первый плод из его сада. Багаван попросил нож и молотый перец чилли. Он разрезал гуаву на маленькие кусочки, посыпал их перцем, взял один кусочек себе, а остальные велел раздать присутствующим. Это было единственное блюдо, приготовленное Багаваном, которое я поел. И это был самый вкусный кусочек, который я когда-либо пробовал.

Однажды у Багавана случился лёгкий приступ желтухи. Частью лечения было сокращение его диеты до молочного напитка и риса. Д-р Шива Рао из амбулатории Ашрама обнаружил, что Багаван становится слабее. Он предложил ему принимать протеиновую пищу и витамины, но тот отказался. Мне довелось быть в это время в Ашраме. Однажды, когда Багаван вышел из туалета, я простёрся перед ним и сказал: «Д-р Шива Рао и другие в Ашраме очень беспокоятся о здоровье Багавана и хотят, чтобы Багаван принимал протеиновую пищу и витамины. Хотя бы ради них я прошу Багавана согласиться». Он улыбнулся и сказал: «Да, можете организовать всё, что нужно». Я пошёл и рассказал об этом д-ру Шиве Рао.

Витамины были в наличии в амбулатории ашрама, но протеиновой пищи не было. Я немедленно вернулся в Мадрас и обыскал все известные аптеки. Было военное время, и лекарств было мало, а протеиновая пища нашлась только в одной аптеке. Я купил все семь бутылочек, которые там были, и привёз их в Ашрам. Я вошёл в холл с одной бутылочкой и ложкой и дал по одной ложке каждому из присутствовавших там нескольких преданных, а затем дал одну ложку Багавану. Он принял её и спросил, что это. Я сказал, что это протеиновая пища, и он может добавлять по одной ложке в еду трижды в день. Он сказал, чтобы я отдал бутылочку вместе с инструкцией слуге. Через несколько дней один слишком рьяный преданный положил на его тарелку из листа две ложки. Он немедленно прекратил принимать её и велел отнести бутылочки в амбулаторию для пациентов.

После последней операции посетителям запрещалось входить. Но Багаван, несмотря на указания врачей, настаивал на том, чтобы лежать снаружи амбулаторной палаты, где его прооперировали. Он считал, что это необходимо, чтобы не разочаровывать преданных, многие из которых приезжали на *даршан* издалека.

148. М.В. Кришнан был сыном Мунагалы С. Венкатарамайя, знаменитого преданного, который составил известный двухтомник *Беседы с Шри Раманой Махарши*.

29 августа 1896г. Венкатараман (позднее Шри Рамана) покинул Мадурай и отправился в Тируваннамалай. Через неделю мой отец вернулся домой из Мадурая в Шолавандан и рассказал моей бабушке, что один мальчик – брамин, который учился в соседней школе в Мадурае, убежал из дома. В то время он вряд ли понимал, что встретит этого убежавшего мальчика и станет его учеником, будет жить рядом с ним с 1933 по 1950, и станет составителем классических *Бесед с Шри Раманой Махарши*.

В 1930г. д-р Т.Н. Кришнасвами (№99) хотел посетить Ашрам и побыть с Багаваном на выходные. У дороги он увидел женщину, продающую овощи *kovai kai* и купил всё (1,5 кг.) за несколько *ан*.[1] Когда Багаван увидел это, он сказал, что если *kovai kai* приготовить с баклажанами, будет очень вкусно. На следующее утро преданный, приехавший из Мадраса, привёз баклажаны! Карри приготовили утром и всем нам оно очень понравилось.

В 1937г. к Багавану приехал один пожилой американец вместе с группой. Темой беседы была необходимость держать под контролем пять чувств. Так как пожилой американец был глухим, он не поспевал за дискуссией. Багаван заметил, что американцу нужно контролировать только четыре чувства, так как пятое (слух) уже под контролем. Кто-то в холле объяснил это американцу, и тот просиял от радости.

В декабре 1940г я поехал в Дели в поисках работы, но до февраля 1941г работу найти не смог. Моё письмо, где говорилось, что мне придётся вернуться, так как работы нет, показали Багавану. Он просмотрел его и сказал: «Пусть останется в Дели». В марте я получил работу. С тех пор дела у меня идут очень хорошо.

Сначала над *самадхи* матери была лишь тростниковая крыша. Преданные решили построить холл и стали приносить кирпичи. Багаван тоже хотел работать, но преданные не позволяли ему. Однажды лунной ночью, когда все спали, один преданный проснулся и увидел, как Багаван носит кирпичи из печи для обжига, находившейся напротив Ашрама.

[1] Одна *ана* равнялась одной-шестнадцатой рупии.

149. Н. Понная из Малайзии услышал о Шри Рамане в 1938г., когда преданный Шри Раманы Раманападананда (№102) посетил Малайзию с целью распространения Учения Шри Раманы. Он приехал в Ашрам десять лет спустя.

Лишь в 1948г. мне выпала возможность посетить Ашрам. Меня разместили в домике для гостей. Лишённый всех признаков так называемых цивилизованных стандартов, этот коттедж, крытый тростником, подарил мне невыразимое ощущение домашнего уюта в компании живущих здесь *садху* и преданных посетителей. Вдали от шума и суеты городской жизни, Ашрам идеально расположился посреди естественного окружения. Там нет никакого разделения, основанного на кастах, верованиях, цвете кожи или на чём-либо ещё. Фоном этого образца древних уединённых поселений стоит священная гора Аруначала во всём своём великолепии.

В приподнятом благоговейном настроении я вошёл в холл. Багаван полулежал на диване безмолвный и спокойный, погружённый в Атман. Я занял место среди остальных. Стояла полная тишина. **Ничего, казалось, нет более радостного в этом благословенном мире, чем сидеть в молчании здесь, в святом присутствии Махарши.** *Даршан* не был монополией только людей. В определённые часы потребовать свою справедливую долю с большого дерева неподалёку спускались белки. За ними следовали прекрасные павлины. Багаван милостиво смотрел на них. «Ах, вы голодны!», - говорил он, давал им немного зёрен, и они удалялись счастливые как дети, получившие еду из рук матери!

Однажды адвокат из Бомбея нарушил тишину, задавая приводящие в замешательство вопросы, на которые невозможно дать ясный ответ. Последовала дискуссия на высоком интеллектуальном уровне. Когда она зашла в тупик, Махарши сказал адвокату о бесполезности теоретического вопрошания. Он предложил посидеть в тишине и вникнуть, чтобы найти ответ. Вечером адвокат сказал, что он прояснил один вопрос, но не может разобраться в нескольких других. Багаван ответил: «Это хорошо, продолжайте поиски; будут найдены ответы на все вопросы». Через полчаса после того, как адвокат ушёл, Багаван улыбнулся и сказал: «Он думал, что находится в суде в Бомбее». Всех развеселило это наблюдение. Дневную программу завершили ведические песнопения.

Даршан Мудреца Раманы – это уникальное переживание, которое вряд ли можно описать словами. Я лишь могу сказать, что почувствовал необычную вибрацию, своего рода электрический заряд, мгновенно пробивший меня. Незабываемы мелодичные и воодушевляющие фразы Багавана на тамили, которые часто гармонировали с его Святым Жилищем и до сих пор звучат в моих ушах.

150. Свами Сатьянанда был личным слугой Шри Раманы с 1946г. до *маханирваны* Махарши в апреле 1950г.

Я родился в 1916г. в Керале. Моя религиозно настроенная мать обычно служила *садху* и помогала им. Её набожность способствовала тому, что я встал на духовный путь в восемнадцать лет. Однажды в компании нескольких *садху* я отправился в паломничество в Рамешварам. По дороге мы остановились в ашраме, которым руководил некий Нараянасвами. Он рассказал мне о величии Багавана и написал на бумаге адрес Ашрама.

Из Рамешварама я поехал в Тируваннамалай. Когда мы прибыли, Багаван сидел в холле один. Он посмотрел на нас и улыбнулся. Мне никогда не забыть этой улыбки. Я провёл в Ашраме семь лет, прося еду в городе. Затем милостью Багавана мне посчастливилось служить ему.

Вечером 14 апреля 1950г мы массажировали тело Багавана. Около 5 часов вечера он попросил помочь ему сесть прямо. В этот самый момент преданные начали петь «Аруначала Шива»[1]. Когда Багаван услышал пение, его лицо озарилось радостью, а из глаз полились слёзы. Я утирал их время от времени. Я также подавал ему ложечкой кипячёную воду с имбирём. Постепенно дыхание Багавана становилось всё медленнее и в 8.47 тихо прекратилось. Не было борьбы, не было спазмов, никаких признаков смерти. В это самое мгновение преданные, находившиеся снаружи, увидели в небе яркий метеор, который достиг вершины священной горы Аруначалы и исчез высоко в небе.

151. Генри Хартунг (1921-88) много лет руководил Центром Раманы в Швейцарии. Его перевод на французский язык *Ulladu Narpadu* переиздавался несколько раз. Под влиянием французского философа Рене Генона он написал книгу *Интересные Аналогии между Геноном[2] и Раманой Махарши*.

Я приехал к Багавану в 1947г. Долгий путь в Ашрам стал для меня королевской дорогой открытия себя. Я узнал, что Рамана Махарши настоящий представитель традиционной мудрости. В Бомбее я встретил брамина, который, даже не поздоровавшись, сказал без удивления, как будто это было одной из ежедневных новостей: «Я ждал тебя, я должен проводить тебя к Махарши».

Затем последовали два дня и две ночи в поезде. Восхищаясь индийскими пейзажами и особенно шумными и яркими сценами на остановках, я пытался определиться. Наконец, сформулировал примерно десять важных для меня вопросов: смысл моего присутствия на земле, что происходит после смерти? Почему? Как? И т.д. Я прибыл в Ашрам.

В течение следующих десяти дней я принимал участие в обычной жизни Ашрама, часами сидя в медитационном холле перед Шри Раманой. В день отъезда я получил точные ответы на все десять приготовленных мною вопросов, хотя и не задавал их. Несколько слов, написанные им самим, ответы на вопросы, хозяйственные дела, выполненные вместе, особенно на кухне, чаще всего в тишине; всё это на самом деле было неуловимой передачей исключительной духовной реальности.

До последнего дня Махарши будет давать возможность посетителям из соседнего города или из отдалённых мест, пешим и безденежным или в роскошных автомобилях, видеть его и даже говорить с ним. Они приходили поклониться живому воплощению божественной реальности в человеческом облике. Он был среди нас, никогда не выказывая никаких амбиций, ни капельки гордости. Улыбку любви и умиротворения и взгляд, который я ощущаю, пока пишу эти строки, невозможно описать словами.

Через тридцать лет после первой встречи я снова в Тируваннамалае со своей женой. Паломничество в глубины моей души, как и тридцать лет назад в 1947г. Жизнь Махарши служит точным указанием нашего духовного роста. Он был последним звеном в цепи мудрецов и святых, находящихся вне времени, чьё влияние придаёт смысл нашей жизни, вносит гармонию в наше поведение и мир в наши сердца.

[1] Поэма из 108 куплетов, адресованная горе Аруначале.

[2] Артур Осборн – ещё один преданный Шри Раманы, на которого оказал влияние Генон, (см. №40).

152. Свами Чидбавананда был главой Ашрама Шри Рамакришны в Утакамунде с 1926 по 1940гг.

В 1923г мы, религиозно настроенные студенты колледжа, отправились в паломничество из Мадраса в Тируваннамалай, чтобы получить *даршан* Раманы Махарши. Ашрам был тогда в самом начале своего существования. Величественный человек сидел на возвышении. Вокруг него на полу сидели преданные и внимательно смотрели на него. Царствовала тишина. Это было новое переживание для нас.

Мы тихо сидели. Махарши время от времени обращал на нас свой проникновенный взгляд. Мы почувствовали себя на седьмом небе от его дружеского доброго взгляда. Иногда он говорил одно – два слова, всегда уместные и точные. Однако его молчание было более красноречивым.

Будучи главой Ашрама Шри Рамакришны в Утакамунде, я использовал любую возможность, чтобы посетить Махарши. Мне не хотелось разговаривать с ним; **сидеть в его присутствии было более чем достаточно. Иногда он говорил, но именно его безмолвие я искал и ценил каждый раз, когда приезжал к нему**. Чистый искатель пожнёт богатый урожай блаженного покоя, преобладающего в его присутствии.

Махарши занимал диван в углу холла в Ашраме. Однажды вошёл один человек, следовавший пути преданности, и занял место рядом с мудрецом. Затем он излил всё, что лежало у него на сердце. Речь прерывалась от чувств. Он рассказывал: «Я прошёл паломником всю страну. Регулярно занимался духовными практиками. Много бессонных ночей провёл в молитвах. Всё же до сего дня нет мне милости Божьей. Я покинут». Он горько заплакал, но Махарши сидел невозмутимо. Когда все его жалобы иссякли, сдержанным тоном мудрец сказал: «О чём здесь рыдать? Вместо того чтобы удерживать равновесие в блаженном Атмане ты продолжаешь причитать». Это простое замечание произвело ошеломляющий эффект. Посетитель увидел, что его проблема создана им самим; в его жизни началась новая глава.

В другой раз появился один разговорчивый человек. Он выбрал место рядом с мудрецом и бесцеремонно спросил: «Багаван, каково твоё мнение о контроле рождаемости?» Не дождавшись ответа, этот человек долго объяснял важность темы. Снова не получив ответа, он продолжал до тех пор, пока мог говорить, а затем замолчал. В холле царила тишина. Посреди тишины Махарши спросил: «А знаете ли вы что-нибудь о контроле смертности?» Ответа не было.

Однажды Махарши заявил, что невозможно достичь духовного прогресса без *садханы* или дисциплины. После паузы он сделал следующие наблюдения: Ум связывает человека, и этот же ум освобождает его. Ум состоит из *санкальпы* и *викальпы* – желания и расположения. Желание формирует и управляет расположением. Желание бывает двух видов – возвышенное и базовое. Базовые желания – это вожделение и жадность. Возвышенные желания направляют нас к просветлению и развитию. Базовые желания загрязняют и затуманивают понимание. *Садхана* легка для искателя с возвышенными желаниями. Спокойствие – это основа духовного прогресса. Погрузите очищенный ум в Сердце. Тогда работа закончена. Это суть всей духовной дисциплины!

Во время одного из моих визитов я сидел на некотором расстоянии от Махарши. Я вспомнил его указание: «Погрузите очищенный ум в Сердце», и решил попробовать сделать это. **Я пристально смотрел на него, а он смотрел на меня. Затем произошло неописуемое. Его тело казалось стеклянным сосудом, из которого вытекало блаженное**

сияние. Так прошло более получаса. Это было уникальное и незабываемое переживание. Оно подтвердило утверждение Шри Рамакришны, что духовное переживание может быть передано от одного человека другому так же, как передаются материальные вещи.

153. К.Р. Патаби Раман был министром. Он был сыном сэра К.Р. Рамасвами Айяра, правителя Траванкора.

Моя первая встреча с Раманой Махарши состоялась в начале 1930-х, когда я вернулся после учёбы из Англии. Я сопровождал молодого Махараджу Траванкора в Тируваннамалай. Махарши был божественно спокойным, с добрым и дружеским взглядом. Когда Махараджа спросил его, каков первый шаг в *атма вичаре*, он сказал, что сам факт приезда в Тируваннамалай и был для него первым шагом.

В следующий раз я приехал в Тируваннамалай за несколько дней до того, как Махарши оставил тело. Я сопровождал своего отца, д-ра К.Р. Рамасвами Айяра вместе с другом. Нас провели к мудрецу, которого прооперировали по поводу раковой опухоли на левой руке. Помимо нескольких капелек пота на лбу, на его лице не было ничего, указывающего на недуг или на то, что он страдает от боли. **Он несомненно доказал, что боль или печаль не влияют на реализованную душу. Ведущий гражданский хирург из Веллора выразил величайшее удивление, что мудрец не захотел обезболивания во время операции и смог перенести боль и шок.** Рамана Махарши сказал моему отцу несколько слов, и мы ушли.

Когда мы готовились обедать, мой отец сказал, что не хочет есть и выпьет немного молока. В этот момент подбежал слуга и передал послание от Махарши: «Пожилой человек скажет, что выпьет только молоко. Пусть также поест фруктов». Это было чудо, потому что Махарши был далеко и не мог слышать того, что говорил мой отец.

Махарши уникален во многих отношениях. Как Даттатрея из *пуран*, он не имел гуру. На его лице можно было видеть выражение радости во время декламирования Вед и Упанишад в Ашраме. Его путь знания не был суровым или исключительным.

Шри Рамана не собирался создавать новый культ, он лишь указывал прямой путь к Самореализации. Он учил как *дживанмукта* (освобождённая душа), являясь примером *Tat tvam asi* (*Ты есть То* из Чандогья Упанишады). Как Шуку из *Багаватам*, его характеризовала *samatva* (одинаковость в радости и печали и свобода от качеств).

Он часто обращался к стихам из *Yoga Vasistha*, где Мудрец Васишта советует молодому Шри Раме исполнять его миссию *аватара пуруши*, все время пребывая в Атмане. Идеал Самореализации не призрачен, он является целью жизни. Непоколебимое пребывание в Атмане, одной вечной Истине, что бы человек ни делал, хорошо описано в *Yoga Vasistha*: Твёрдо установленный в видении, которое сияет/ Отказавшийся от всех желаний и укоренённый / В своём Существе, как *дживанмукта*/ Действуй игриво в миру, О, Рагава.

Нам несказанно повезло видеть Махарши во плоти и слышать его слова. Это наши самые драгоценные воспоминания.

154. Маша Кришна Свами, основавший «Багаван Шри Раманашрам» в Бразилии, жил в Ашраме в 1938-40гг.

В 1938г меня привезли к Багавану. Его лицо сияло бесконечной любовью и покоем. Я простёрся перед ним. Он сказал: «Кажется, тебя сюда позвали». Поприветствовав меня таким образом, он ушёл в себя. Не глядя ни на кого и ни на что, он проник в самую глубину моей

сущности. **Внезапно он повернулся ко мне и взглядом неописуемой силы установил во мне тишину, глубокое умиротворение и великое сострадание ко всем живым существам вселенной. С того дня я знаю, что Багаван не обычный мастер, он Универсальный *Садгуру*.**

Тогда я начал настраиваться на его *упадешу*, которая, как я понял, оживляла и преобразовывала меня. Я знал, что смогу воспринять столько света инициации, сколько позволят мои усилия. Нужно было научиться ещё лучше контролировать мысли, чтобы получать тонкие вибрации, исходившие от Багавана.

Однажды Багаван сказал: «Тишина – это самая мощная форма учения, передаваемого мастером ученику. Беззвучный голос есть чистая интуиция. Это голос духовности, который звучит в самой глубине нашей сущности. Самоисследование – это единственный путь, с помощью которого можно убрать широко распространённую духовную бессознательность. Самоисследование несёт осознание божественного, универсальную истину и свет, управляющий вселенной. Всё это надо знать, чувствовать, переживать и осознавать. Для того чтобы осознать эту истину, мы должны устранить мыслящий ум, растворить его в Универсальном Атмане».

Забыть эго и обнаружить Универсальное Бытие – прямой путь, которому учил Багаван. Практикуя Самоисследование, со временем человек пробуждает поток сознания, высшего сознания. Багаван рекомендует: «Необходимы усилия, чтобы продвигаться глубже и глубже в практике Самоисследования. Необходима твёрдая решимость, чтобы достичь переживания».

Погружаясь в правую сторону груди, последователь вступает в пространство тишины. Мысли исчезают и возникает состояние сознания «Я есть то, я есть то».

Багаван говорил очень мало и показал миру, как много можно передать с помощью тишины. Своим отношением спокойной благожелательности он всех располагал к себе. Я совершенно ясно чувствовал, что всё необходимое знание будет просто усвоено из его святого присутствия, так как я уловил истину, что он является связующим звеном с бесформенным Бытием.

155. Д-р М.Р. Кришнамурти Айяр был первым врачом амбулатории Ашрама, открывшейся в 1929г.

В конце 1930-х Шри Багаван страдал от продолжительной икоты, а я лечил его. Шли дни, я перепробовал все известные лекарства; всё напрасно. Я очень расстроился. Я не говорил Ему ни слова, но стоя в Его присутствии, мысленно молился, чтобы Он показал мне, как вылечить Его.

Я вернулся домой убитый горем, плакал и плакал, как дитя, пока не уснул. Ранним утром Багаван явился мне во сне и спросил: «Почему ты плачешь?» Рыдая, я ответил: «Багаван, ты знаешь, почему. Я не знаю, как избавить тебя от икоты. Что мне делать?» Шри Багаван утешил меня, сказав: «Не плачь. У тебя во дворе растёт *Seenhikodi*. Собери немного листьев, обжарь их в топлёном масле, затем растолки их вместе с сушёным имбирём и сахаром, сделай шарики и принеси мне. Не беспокойся!»

Я проснулся счастливый. Мы с женой вышли с фонарём во двор искать траву. Весь двор был залит цементом кроме одной маленькой полоски. На этой полоске росло много кустиков. Среди них мы нашли нужную траву; приготовили лекарство и поспешили в Ашрам. Войдя в холл рано утром, мы увидели Багавана на диване. Улыбаясь, он

поприветствовал нас и протянул руку со словами: «Дайте то, что вы мне принесли!» Он проглотил часть лекарства. Когда я рассказал ему о своём сне, Он смотрел невинно, как будто ничего об этом не знает! Нет необходимости говорить, что икота прекратилась, как и ожидалось, и Его здоровье пришло в норму (см. № 135 – воспоминания его жены).

156. Профессор Шива Мохан Лал (1900-83), глава философского факультета Османского Университета Хайдерабада, знаток языка урду. Он перевёл на урду *Кто Я?* и другие книги Шри Раманы. Большинство членов его семьи являются преданными Шри Раманы.

Я часто посещал Ашрам, особенно во время каникул. Я был очень предан и привязан к Багавану. Однажды я послал в Ашрам телеграмму: «Моя жена очень страдает от родовых схваток. Прошу благословения Шри Багавана». После того, как телеграмму прочитали Багавану, он заметил: «Неужели достаточно лишь известить меня, и всё пройдёт хорошо?» При этом присутствовали Муруганар (№53) и другие.

Снова, в 3 часа того же дня, я прислал следующую телеграмму, где говорилось, что жена родила, и роды прошли гладко. Багаван просто принял новость своим обычным «М-м, М-м!» Муруганар спросил: «Багаван, утром ты сказал, случится ли это, просто потому, что тебе сообщили об этом. Но разве не благодаря тому, что тебе сообщили и просили твоего благословения, роды у госпожи Шива Мохан Лал прошли легко? » Багаван понимающе улыбнулся, но не ответил. Он, как обычно, смотрел спокойно и молчал.

Однажды на обратном пути из Ашрама через Катпади, у меня закончились английские деньги. Монеты государства Низам на станции не принимали, и мне не на что было купить билет. Сидя на скамье, я стал вспоминать Багавана, и вдруг ко мне подошёл совершенно незнакомый человек и спросил, не из Хайдерабада ли я, возможно, из-за моей типично хайдерабадской одежды. Ему нужны были несколько монет государства Низам. Это помогло мне купить билет в Хайдерабад.

Моя сестра очень беспокоилась из-за бесплодия своего сына. По моему настоянию она попросила вмешательства Багавана по этому поводу. Мы поехали в Ашрам вместе с её невесткой, которая поднесла Багавану горсть миндаля. Ни слова не говоря, он выбрал два орешка из всего миндаля. Со временем у неё родились двое детей.

Некоторые воспоминания, записанные Г.В. Раджешвара Рао, основателем Шри Рамана Кендрам в Хайдерабаде:

Профессор Лал впервые услышал о Багаване от одного из своих коллег в Османском Университете. Однако, уже повидав много фальшивых *садху*, он не заинтересовался Махарши. Позже в газете *The Hindu* появилась статья о жизни и учении Багавана с его фотографией. И снова тот же коллега привлёк внимание профессора Лала к статье. Но тот остался равнодушен. В тот день вечером, собираясь принять дома ванну, он удивился, увидев Багавана в ванной комнате в той же позе, в какой видел его на фотографии в газете. Он был ошеломлён, и радости его не было предела. Все прежние сомнения испарились, и его неудержимо потянуло к Багавану.

Профессор Лал рассказывал о своих посещениях знаменитого Свами Чинмайананды (№83), который посоветовал ему поехать в Тируваннамалай и получить *даршан* Багавана. Во время первого визита в Ашрам он купил в Мадрасе две корзины фруктов, чтобы предложить их Багавану. В поезде сама мысль о Багаване привела его в экстаз, он утерял ощущение

происходящего вокруг, и кто-то стащил обе корзины. Профессор Лал приблизился к Багавану с сильно бьющимся сердцем и со слезами на глазах. Он простёрся перед Багаваном и стоял как вкопанный, пока кто-то не попросил его сесть.

Впоследствии в каждое посещение происходили чудеса. Багаван осыпал его благословениями, и он всегда пребывал в блаженном состоянии в его присутствии. Он обычно садился как можно ближе к Багавану и закрывал глаза, а слёзы катились по щекам. Однажды, сидя перед Багаваном, он увидел лишь пустой диван и понял, что бесформенное приняло форму из сострадания к преданным.

Во время одного визита профессор Лал дал *сарвадхикари* некоторую сумму за фотографию Багавана. Когда он приехал в следующий раз, слуга Багавана Венкатаратнам[1] сказал, что фотография готова. Когда проф. Лал и его жена подошли к Багавану, профессор протянул руки, чтобы получить фотографию из Святых рук. Багаван с улыбкой отдал фотографию госпоже Чандрани Лал. Фотография со *шлокой*, написанной внизу самим Багаваном, и теперь находится в Шри Рамана Кендрам в Хайдерабаде.

Однажды зимним утром проф. Лал принёс Багавану красивую шаль и отдал слуге, поскольку Багаван редко принимал дорогие подарки. Профессор был приятно удивлён, увидев Багавана завёрнутым в эту шаль со сладостной улыбкой на лице. Проф. Лал был вне себя от счастья. Т.П. Рамачандра Айяр (№54) с любовью заметил: «Вы поистине счастливчик».

Однажды, когда проф. Лал встал рано утром, чтобы идти *гири прадакшину*, шёл дождь. Всё же он решил последовать своему плану, и пошёл к Багавану, чтобы сказать ему об этом. Багаван кивнул, сказав: «Да, хорошо», несмотря на дождь. Когда проф. Лал дошёл до ворот Ашрама, он с удивлением увидел, что там ждёт человек с зонтиком для него! Всю дорогу вокруг священной горы он думал о том, как Багаван заботится о преданных.

Другой случай, иллюстрирующий необычную способность Багавана знать нужды преданных, произошёл, когда одной преданной пришлось в одиночку возвращаться в Котагудем. Багаван попросил проф. Лала сопровождать её по пути в Хайдерабад и помочь ей в дороге. Она добралась домой благополучно.

Когда Багаван увидел перевод на урду книги *История Индийской Философии*[2], выполненный проф. Лалом, он предложил ему подумать о переводе на урду *Кто Я?* Профессор сделал перевод и привёз книгу в Ашрам. Он с чувством читал её перед Багаваном и вернулся в гостиницу обессиленный. Вскоре слуга Багавана пришёл к нему с просьбой вернуться в холл, где его ждала госпожа Талейаркан[3]. Поскольку она хорошо знала урду, Багаван попросил проф. Лала прочитать ей перевод. Она рассыпалась в похвалах прекрасно выполненной работе. Впоследствии Багаван попросил профессора перевести на урду *Евангелие Махарши*[4]. Профессор Лал также написал на урду книгу *Махарши и Его Послание*, которая была опубликована Институтом Востоковедения имени Абул Калам Азада в Хайдерабаде.

[1] Профессор Лал вверил его заботам Багавана, когда тот был ещё мальчиком.

[2] До 1949г урду был языком обучения в Османском Университете для всех предметов, включая медицину и инженерное дело.

[3] Выдающаяся преданная Багавана, которая добилась восстановления Патала Лингама (где Багаван сидел, совершенно не осознавая тело), и открытия его тогдашним генерал-губернатором Индии К.Раджагопалачари в 1949г. (см. №165)

[4] Эта публикация Шри Раманашрама содержит ответы на некоторые вопросы, заданные Шри Рамане в разное время.

Когда бы проф. Лал ни говорил о Багаване, из глаз его всегда текли слёзы. В. Критивасан рассказал составителю-редактору о своём визите к проф. Лалу в Хайдерабаде. Профессор прослезился, узнав, что родным языком Критивасана является тамили, и ему повезло читать в оригинале документы, написанные рукой Багавана.

157. Прабакар, убедившись в величии Багавана, написал на санскрите *Prapatti Satakam*.

Когда я приехал к Багавану в 1949г, я был чистым рационалистом, не расположенным ни к чему духовному. Я слышал о Багаване и видел его фотографии, но не обратил на него внимания. Однако внезапно в моей жизни произошла полная перемена. Однажды ночью Багаван явился мне во сне. В этом сне мой босс, показывая на Багавана, спрашивал, знаю ли я его. Я ответил отрицательно, и мне сказали, что это Багаван Шри Рамана Махарши, и что я должен поехать к Аруначале и получить Его *даршан*. Я ответил, что не чувствую подобной необходимости, и что в любом случае, у меня нет денег на путешествие. Мой босс предложил дать мне нужную сумму, которая составляла 60 рупий. В этом месте я проснулся. Я не решался рассказать свой сон боссу, но рассказал его одному близкому другу, а он настоял, чтобы я обратился с этой историей к боссу.

Однажды я набрался храбрости и рассказал свой сон боссу, опустив ту часть, которая касалась денег. Босс остался невозмутим. Он сказал: «Уделяй работе больше внимания и накопи деньги на поездку к своему Багавану». Но прежде, чем я сдвинулся с места, внезапно босс переменился и спросил: «Ты действительно очень хочешь посетить Багавана?» Я ответил утвердительно, и он спросил, сколько денег мне понадобится. И не успел я открыть рот, как он выписал чек на 60 рупий! Получив ровно столько, сколько было обозначено во сне, я понял, что всё это Милость Багавана, и тотчас отправился в Тируваннамалай.

Ещё более необычным был тот факт, что входя в холл, я заметил, что Багаван внимательно смотрит на вход, как будто ждёт кого-то. Как только я вошёл, Он широко улыбнулся и приветливо кивнул! Впервые в своей жизни я исполнил *ashtanga namaskaram*. При первом же взгляде на Шри Багавана я стал законченным *бактой*!

Я спросил Багавана: «Ты звал меня?» Он согласно кивнул. Я повторил вопрос дважды; Багаван кивал каждый раз. Это укрепило мою связь с Багаваном. Во время моего пребывания я обычно задавал вопросы, а Багаван отвечал на каждый из них. Однажды Багаван сказал мне: «Ты говоришь: я Прабакар. Кто такой этот Прабакар? Почему ты соглашаешься, что ты Прабакар? Тебя так звали родители; ты же рационалист, почему ты это принял? Кто этот Прабакар? Используй свои логические способности и найди, кто ты на самом деле. Тогда Прабакар этой конкретной формы и имени отпадёт, и будет сиять лишь реальное бытие».

Несмотря на все разногласия и препятствия, я вёл спокойную жизнь благодаря моей вере и преданности Багавану. Я получил всё это не из-за отличной рассудительности или духовной зрелости, а благодаря сиянию, которым освещал меня Багаван.

158. Лакшми Ранганадам Шри Рамана с любовью называл «наша Лакшми».

Я пришла к Багавану через брата, Нараяна Рао. Я жила в Тируваннамалае с матерью и приходила в Ашрам. Чиннасвами тогда один готовил еду. Меня попросили помогать ему на кухне. Однажды, когда я перемалывала рис для приготовления *идли* на следующий день,

вдруг вошёл Багаван и спросил: «Почему ты работаешь одна?» Потом он сел и вместе со мной закончил молоть. Даже сейчас волосы встают дыбом, когда я думаю об этом!

Багаван мог быть строгим, если мы допускали ошибки. Однажды я приготовила на обед пури. Я пожарила их в обычном масле, а несколько штук пожарила на топлёном масле. Их я положила поверх всех остальных, чтобы спокойно предложить Багавану. Всё было роздано. Когда обед закончился, Багаван подозвал меня и сказал: «Лакшми, больше так не поступай. Если ты попытаешься делать различия, я никогда больше не притронусь ни к чему, что ты приготовишь». Откуда Он узнал, что я сделала? Я никогда не повторила ошибки. Слова Багавана имели такую силу, что всё твоё существо могло измениться от одного Его слова.

159. Рамасвами Пиллай (1895-1995) долгое время общался с Шри Раманой.

Я впервые увидел Багавана, когда учился в школе. Он выглядел неописуемо величественно. С тех пор Он был для меня Богом в человеческом облике. Я ничего не просил. Он направил на меня взгляд бесконечной милости, которым часто смотрел на новичков. Я был наполнен до краёв, просто увидев Его.

В присутствии Багавана действительно случались чудеса. Странно, но такие люди, как я, очень близкие к Багавану, никогда не заботились о том, чтобы заметить, что что-то *происходит*, так как мы все были столь поглощены Им в Его Присутствии! Я помню одно «чудо», которое произошло. Один человек из городка близ Тируваннамалая потерял зрение из-за оспы или сильной лихорадки. Ему посоветовали, что если он поедет в Шри Раманашрам, Рамана Махарши вернёт ему зрение. Он прибыл в Ашрам и нашёл дорогу в холл к Шри Багавану.

Через несколько дней два молодых врача прибыли на *даршан* к Багавану. Они были полностью им очарованы. Они пришли попрощаться с Багаваном, прежде чем ехать в Мадрас. Они вошли в холл, простёрлись и уже подошли к своему автомобилю, когда почувствовали желание ещё раз взглянуть на Багавана. Тем временем слепой вошёл в холл и молился Багавану о том, чтобы Его Милостью ему как-нибудь вернулось зрение. Багаван слушал, но хранил молчание. Врачи, которые стали свидетелями этого, добровольно отвели слепого в машину, отвезли в Мадрас и вылечили.

Через несколько месяцев я увидел, как этот человек простёрся перед Багаваном с глубокой искренней благодарностью за восстановленное зрение. Багаван слушал его бесстрастно, как будто Он тут ни при чём. Вот так естественно Он творил чудеса.

Другое «чудо» произошло, когда Он жил в Скандашраме. В те дни Он принимал пищу только один раз в день. Вечером один ученик принёс рис и кокос, полученные в качестве подаяния. Багаван сказал, чтобы мы приготовили кашу, размолов рис с кокосом и добавив сахар. Но сахара в Ашраме не оказалось. Даже соли, которую Багаван предложил взамен сахара, не было.

Около девяти вечера в дверь Ашрама постучали, и я открыл. К нашему огромному удивлению, мы увидели двух молодых людей, пробравшихся сквозь тьму и моросящий дождь, чтобы принести пакетик сахарных сладостей и связку бананов. Багаван шутя сказал: «Айя! Вот и сахарные сладости с бананами впридачу». Сладости растёрли в порошок и добавили в кашу.

Багаван спросил посетителей, почему им пришлось прийти в такое время. Один из них ответил: «Багаван, мне посчастливилось прочитать три статьи м-ра Хамфриза (№92),

напечатанные в *International Psychic Gazette*. С тех пор я мечтал увидеть Багавана и получить Его *даршан*. Так получилось, что только сегодня нам представилась такая возможность. Мы, студенты колледжа в Коимбаторе, приехали сюда на экскурсию и уезжаем обратно завтра утром. Не желая упустить эту посланную Богом возможность, мы пришли сюда, невзирая на дождь и темноту. Мы никогда не забудем эту самую памятную встречу».

В. Ганешан в своей книге* Moments Remembered *пишет:

Однажды, когда в холл вошёл Рамасвами Пиллай, там шёл спор о том, кто более велик: Шива или Шакти. Багаван с весёлым видом, как обычно, сидел в молчании. Беседа склонялась к тому, что Шива ничего не может сделать без Шакти, и этот довод казался неопровержимым. Рамасвами Пиллай также вступил в перепалку и сказал: «Да, да! Он содержится в Ней!» Сторонники Шакти возликовали. «Однако», - перебил их Пиллай, - «Он может быть независимым и существовать без Неё; но Она не может существовать без Него!» Сторонники Шивы праздновали триумф. Багаван смеялся до слёз; он сполна насладился этой игрой слов!

Дэвид Годман рассказывает:

Багаван мог самое обычное событие превратить в возможность духовного наставления. Например, однажды Рамасвами Пиллай искал ключ. Через некоторое время он пришёл в холл и сказал Багавану о потере ключа, на что тот сказал: «Ключ там же, где был всегда. Он не потерялся. Потерялась лишь твоя память. *Атман* всегда здесь, но вследствие *аджняны* (незнания) мы тратим время на его поиски».

160. Морарджи Десаи, премьер-министр Индии (с марта 1977 по июль 1979), был президентом Шри Рамана Кендры в Дели в 1968-70гг.

Мне посчастливилось увидеть Раману Махарши в августе 1935г в холле, где он обычно сидел. Он сидел на диване одетый лишь в набедренную повязку. Я увидел сияние на его лице, дышащем покоем и счастьем. Я сел напротив, но ничего не спрашивал. Он тоже ничего не сказал. Я сидел больше часа и просто смотрел ему в лицо. До сего дня я больше ни на чьём лице не видел той ауры, того счастья и умиротворения. С тех пор этот час совершенной тишины в безмолвном присутствии всегда был драгоценным воспоминанием.

Пока я сидел там, у меня не возникло ни одного вопроса, и не появилось желания что-нибудь спросить. Я был полностью в ладу с самим собой. Именно это переживание убедило меня, что Рамана Махарши осознал Бога или Истину. Некоторые из его учеников задавали вопросы, на которые он отвечал. Однако он ничего не говорил сам.

Я должен был уехать поездом на следующий день около двенадцати. Примерно за полтора часа до отъезда я подошёл к Рамане Махарши, чтобы просить разрешения уехать. Он сказал, что я могу уехать после того, как поем. Мы сели обедать вместе с Махарши около одиннадцати часов. После обеда я поклонился ему и уехал.

Этот визит произвёл на меня глубокое впечатление и убедил, что Рамана Махарши был реализованной душой и что идеал «деяния в недеянии», провозглашённый в *Гите*, действительно достижим.

Председательствуя на праздновании 99й годовщины со дня рождения Раманы Махарши в Рамана Кендре в Нью Дели 13 января 1979г, премьер-министр Морарджи Десаи сказал:

Кажется, Махарши знал всё. Он знал язык животных. Он слушал их жалобы. Он относился ко всем существам одинаково, будь то корова или собака, ворона или обезьяна.

Все были равны в его глазах: нищий и миллионер. Он никогда не покидал Тируваннамалая. Он отказался выходить и проповедовать. Он говорил: «Если я *джняни*, я каждого тоже считаю *джняни*. Что давать?» Он всех считал такими же, как сам. Он никого не пытался обратить. **Благодаря лишь его присутствию человек преобразовывался.**

Многие цивилизации процветали, а затем исчезли. Однако в этой стране наша древняя культура и древняя религия всё ещё живы. И именно благодаря этому жива страна. Именно личности, такие как Махарши, хранят её живой… Все знания должны приходить изнутри. Это путь, который указал Махарши. Он не критиковал образ жизни других. Он говорил: «Придерживайтесь своей религии и следуйте ей искренне». Рамана Махарши учил, что человек должен выполнять *садхану* своим избранным способом и достичь цели.

161. М.В. Раманачалам (1921-2003), сын М.С. Венкатарамана Айяра, друга детства Шри Раманы.

Мой отец Венкатараман был на несколько лет младше Багавана. Он жил с Багаваном в одном доме, расположенном недалеко от реки Вайгай в Мадурае. Он участвовал вместе с Багаваном и его друзьями в их ночных вылазках. Улизнув из дома под покровом ночи, мальчики отправлялись на берег реки и упражнялись в «*чиламбам*» (вид боевого искусства с использованием бамбуковых шестов.)

Однажды, когда мой отец вернулся домой поздно ночью, дедушка поймал его, привязал к дереву напротив дома и побил палкой. Шри Рамана всё это видел. Позднее, когда мой отец услышал о молодом Брамана Свами, обитающем в пещере Вирупакша на Аруначале, он из любопытства нанёс ему визит. Но в тот момент, когда он ступил в присутствие Багавана, из глаз его рекой потекли слёзы. К своему удивлению, он ничего не обнаружил от прежнего Венкатарамана, своего друга детства. Когда он собрался уходить, Брамана Свами приглушённым голосом спросил: «То дерево ещё растёт перед твоим домом?»

С тех пор мой отец, работавший в окружном управлении, мчался в Тируваннамалай, как только хотел увидеть Багавана. Иногда его сопровождала моя мать. В Скандашраме Мать Алагамма, очень любившая мою мать, учила её песням глубокого духовного содержания. Позднее, когда моя мать пела их перед Багаваном, он говорил: «О! Это мама тебя всему этому научила?»

Мой отец считал Багавана Высочайшим Вечным. Каждый раз, когда речь заходила о Багаване или просто упоминалось имя Багавана, он начинал лить слёзы. Поскольку он не мог удержаться от слёз в присутствии Багавана, Багаван дал ему прозвище *алугани сидда* – тот, кто обретает освобождение, плача о Боге.

Я помню посещение Ашрама, когда мне было пять лет. У меня была высокая температура, и я спал возле входа в холл Багавана. Я бредил. Багаван время от времени поднимал голову и говорил мне, чтобы я спал.

Однажды ещё мальчиком, покидая Ашрам, я вдруг сильно опечалился и начал плакать. Я отказывался идти с матерью и говорил, что хочу остаться с Багаваном. Багаван мягко сказал мне: «Иди сейчас с матерью, и возвращайся, когда тебе будет 21год».

Мой отец умер в 1939г, когда мне было всего 17. Через несколько месяцев мать отвезла нас на *даршан* к Багавану. Простеревшись, она заплакала. В соответствии с традициями того времени, на матери не было украшений. Она обрила голову и покрывала её

сари. Она гадала, узнает ли её Багаван и спросила: «Багаван, ты узнаёшь меня?» Он улыбнулся и сказал: «Почему нет? Изменился лишь грим. (*veyshamdhaan maari irukku*)»

В возрасте 21года, получив должность в местечке близ Тируваннамалая, я смог приезжать в Ашрам по воскресеньям и праздникам, чтобы сидеть у его ног. Однажды я получил его разрешение подняться на вершину горы. Там я соскрёб со скалы немного сажи, оставшейся после Картикай Дипама, и нанёс её на лист. Я хотел преподнести это Багавану. Когда я спустился, *сарвадхикари* позвал меня и воскликнул: «Где ты был? Багаван ждёт тебя. Иди обедать с ним». После обеда я подошёл к нему, когда слуги Кришнасвами не было рядом, так как он никогда бы никому не позволил так легко приблизиться к Багавану. Я вынул масло *Дипама*, собранное на вершине, и предложил его ему. Он притянул мою руку ближе, взял предложенный *прасад*, с благоговением нанёс его на лоб и сказал: «Теперь ты доволен?»

Иногда моя мать помогала Багавану на кухне. Однажды она помогала ему *перемалывать*. Проворачивая каменный пестик, Багаван и моя мать столкнулись головами. Багаван тут же потёр голову и воскликнул: «Ай! Парватам, разве надо *перебаливать*?»

Я любил читать религиозные книги. Однажды я читал книгу, разъяснявшую *чинмудру* Дакшинамурти. Чудо из чудес, когда я вошёл в холл в выходной день, он объяснял *чинмудру*. Суть его речи была: «Это как если бы вы показывали на Бога указательным пальцем. Мы обычно указываем на себя большим пальцем. Соединив указательный палец с большим пальцем, получаете *чинмудру*, которая символически означает: «То есть ты»(*tatvamsi*), союз *дживатмы* и *Параматмы*».

В брошюре *Arunachala Stuti Panchakam* была допущена опечатка. Багаван написал на листочках бумаги правильную букву и поместил листочки в каждый экземпляр книги.

Моя мать написала письмо Багавану, в котором жаловалась, что я отказываюсь рассматривать предложения о женитьбе. Когда я приехал в Ашрам, Багаван серьёзным тоном спросил меня: «Ты видел письмо своей матери?» Я был ошарашен неодобрительным тоном Багавана и ушёл в слезах. *Сарвадхикари* показал мне письмо матери. Увидев письмо на стене, я вскоре после этого женился и приехал в Ашрам с женой в марте 1950г. Сарвадхикари позволил нам пройти на *даршан* к Багавану в комнату Нирваны. Когда я простёрся, Багаван заговорил с моей женой на малаяламе. Для меня до сих пор загадка, откуда он узнал, что она из Кералы.

162. Свами Раманананда Сарасвати, ранее Т.Н. Венкатараман (1914-2007), был президентом Шри Раманашрама более сорока лет до 1994г. Уйдя в отставку со своей должности в банке, он приехал в Тируваннамалай в 1938г помогать своему отцу, *сарвадхикари* Свами Нираджанананде, управлять делами Ашрама.

Я был рождён по благословению Багавана. Когда мать Багавана (моя бабушка) Алагамма пришла на гору в 1913г вместе с моей матерью, она сказала Багавану, что Нагасвами (старший брат Махарши) умер бездетным, Аламелу (младшая сестра Махарши) также не имеет детей, а жена его младшего брата Нагасундарама, то есть моя мать уже дважды потеряла ребёнка. Она молила, чтобы мою мать благословили ребёнком мужского пола, чтобы семейная линия продолжилась. Багаван милостиво улыбнулся, и она восприняла это как благословение. Я родился год спустя.

Моя мать скончалась, когда мне не было и трёх лет, и мой отец Нагасундарам, который был *сарвадхикари* (управляющим) Ашрама, оставил меня в доме моей тёти Аламелу (сестры Махарши) и её мужа Пичу Айяра.

Я получил благословение первой *упадешей* (поучение) от Багавана, когда мне было шесть лет: в 1920г в Скандашраме для хромой обезьяны по кличке Нонди отложили в сторону тарелку с фруктами и сладостями. Когда рядом никого не было, я подошёл к тарелке, взял одну конфету и положил в рот. Вдруг появилась обезьяна, подошла ко мне, прихрамывая, шлёпнула меня и схватила тарелку. Затем появился Багаван и сказал: «Это урок для тебя; пойми сейчас, что мы не должны хотеть то, что принадлежит другим». Я сполна осознал глубокий смысл этой *упадеши* спустя долгое время, когда был президентом Ашрама.

За исключением одетой в шафрановые одежды бабушки Алагаммы, ни одной другой женщине не разрешалось оставаться на ночь в Скандашраме. Поэтому мои тётя и дядя возвращались по вечерам в город и уводили меня с собой. Так как им приходилось нести меня на руках, иногда они оставляли меня в Скандашраме. В такие дни Багаван укладывал меня спать рядом с собой и следил, чтобы мне было удобно. Утром он чистил мне зубы и купал. Он сидел снаружи на каменном сидении и просил меня сидеть рядом. Спрашивал: «Во что ты играешь дома?» Когда из города приходили дядя и тётя, он смотрел в их сторону и говорил: «Смотри, вот идёт твоя тётя» и вставал, посмеиваясь.

В мае 1922г, когда моя бабушка (мать Махарши) была при смерти, она хотела увидеть меня, своего единственного внука. Нам послали телеграмму. Мы прибыли лишь на следующий день после того, как бабушка оставила тело, которое к тому времени отнесли к подножию горы для захоронения. Мне выпал счастливый жребий хоронить ту блаженную мать, которая дала жизнь такому великому *джняни*.

Вскоре после моей свадьбы тётя Аламелу и дядя Пичу Айяр отвели мою жену Нагу (Нагалакшми) к Багавану за благословением. Когда она вышла из холла после *даршана* Багавана, ей очень понравилось сари на одной молодой даме, приехавшей из Мадраса, и она сказала: «Какое красивое у Вас *сари*!» Отец девушки, услышавший это, вернувшись в Мадрас, купил два похожих *сари* и прислал их в Ашрам с просьбой передать пакет Нагу. Все письма, адресованные Ашраму, неизменно приносили и клали перед Багаваном, принесли и этот пакет с приложенным письмом.

На следующий день, когда Багаван увидел Нагу в кухне Ашрама, он сказал: «Нагу, когда ты видишь на ком-то красивые украшения или красивое сари, ты должна думать, что это ты одета в них». Нагу со слезами на глазах дрожащим голосом сказала: «Багаван, я не просила сари, я только сказала, что оно красивое». Но Багаван повторил *упадешу* и ушёл. С того дня и до последнего мгновения жизни спустя 55 лет, Нагу никогда ни у кого ничего не просила. Благодаря милостивой *упадеше* Багавана она находила удовлетворение, будучи лучшей из богатых.

Именно Багаван дал имена всем моим трём сыновьям и четырём дочерям. Он выбирал подходящее имя и объяснял причину выбора.

За неделю до *маханирваны* раковая опухоль над левым локтем Багавана сильно распухла. Несколько врачей и многие важные люди были в комнате Нирваны. Тётя Аламелу принесла моего младшего ребёнка, около 11 месяцев от роду, к Багавану. Ребёнок начал необычно громко лепетать «инге, инге». Аламелу унесла ребёнка подальше от Багавана, но лепетание было слышно Багавану. В эти дни любое малейшее движение доставляло Багавану невыносимую боль. Но он поворачивался во все стороны и говорил: «Я слышу «инге»

ребёнка. Она здесь? Бедное дитя! Если она повышает голос, её уносят подальше!» Кто-то побежал к тёте Аламелу, и она принесла ребёнка к Багавану, который с сочувствием смотрел на неё и говорил: «инге». Ребёнок крикнул «инге» и лицо Багавана расплылось в улыбке.

Перумалсвами служил Багавану, когда он жил на горе. Он также играл со мной, когда я был ребёнком. Позднее он обернулся против Ашрама и доставлял нам много неприятностей, даже вовлёк Ашрам в судебную тяжбу. Когда в 1945г он заболел и был выселен из своего дома, он переселился в хижину в ашраме Сешадри Свами. Я жалел его и с благословения Багавана носил ему еду и лекарства. Однажды Багаван сказал мне: «Бедный Перумалсвами! Он натворил всяких бед, но мы должны помнить то хорошее, что он совершил в прошлом. Однажды, когда я страдал от серьёзного расстройства желудка и диареи, он со всей преданностью ухаживал и убирал за мной».

Я встретил Махатму Ганди в Мадрасе в январе 1946г и подарил ему фотографию Багавана и несколько изданий Ашрама. Гандиджи долго смотрел на фотографию и сказал на хинди: «Какой великий Мудрец!»

163. Роберт Адамс (1928-97гг.), американец, имел видение небольшой индийской фигуры, появившейся у его кровати. Он посоветовался с Парамаханса Йогананда[1], который показал ему фотографию Шри Раманы. Он узнал в нём фигуру из своего видения. Он посетил Раманашрам и жил с Шри Раманой три года – 1947-50. В его книге *Безмолвие Сердца* содержится краткое изложение *сатсангов*, которые он провёл в США.

В возрасте 19 лет я прибыл в Бомбей, а затем в Тируваннамалай. Было около 8.30 утра, когда я вошёл в холл. Шри Рамана был на своём диване и читал почту. Я сел перед ним. Он взглянул на меня и улыбнулся, я улыбнулся в ответ. В холле было примерно 30 человек. Махарши спросил, позавтракал ли я. Я сказал, что нет. Он позвал слугу, который принёс два огромных листа; один с фруктами, другой с кашей и перцем. Я был очень утомлён и после еды просто лёг на пол.

У Махарши в то время (1947г) был артрит, и он с трудом мог ходить. Слуги помогли ему встать, и он вышел из помещения. Выходя, он сказал что-то слуге, который позвал меня. Махарши отвёл меня в маленькую хижину, которой я мог пользоваться, пока жил там. Он вошёл вместе со мной. Могу поспорить: вы думаете, что мы беседовали на какие-нибудь глубокие темы. Наоборот, он был естественным. Он был Сущностью вселенной. Он спросил, как прошло моё путешествие, откуда я и что привело меня сюда. Затем он сказал, что я должен отдохнуть. Я улёгся на кровать, и он ушёл.

Меня разбудил около пяти вечера сам Рамана, который принёс еду. Можете себе это представить? Мы немного поговорили. Я поел и уснул. На следующее утро я пришёл в холл. Все сидели вокруг и просто смотрели на Раману. Он просматривал почту и иногда читал её вслух, разговаривал с некоторыми преданными, но его уравновешенность никогда не менялась. **Никогда и нигде я не видел такого сострадания и любви.**

Затем люди начали задавать вопросы. Его ответы были очень краткими. Они не были такими, как пишут в книжках. Очевидно то, что вы читаете в книгах, это его ответы троим или четверым. Это всё сжимается в один вопрос и ответ. Люди обычно задавали вопрос или делали заявление. Если он соглашался, то кивал или говорил «да». И всё. Если не соглашался, то предлагал объяснение может быть в одном-двух предложениях.

[1] Йогананда посетил Шри Раману в 1935г.

В Ашраме были мусульмане, католические проповедники и люди разных рас и национальностей. Когда я провёл там около недели, двое учеников в шутку спорили о чём-то за обедом. Я спросил переводчика, о чём они говорят. Он сказал: «Диван Раманы покрыт вшами, а он не разрешает их убивать. Они ползают по нему, а ему всё равно. Мы хотели продезинфицировать диван, но он не позволил». На следующий день, когда он ушёл на утреннюю прогулку, они побрызгали диван ДДТ. Вернувшись, он понюхал диван, улыбнулся и шутливо сказал: «Кто-то обхитрил меня». **Он никогда не злился и не гневался; Я думаю, он не знал, что означают эти слова.**

Через несколько дней одна немка, приехавшая в Ашрам и внесшая пожертвование, была чем-то недовольна и жаловалась Рамане, а он хранил молчание. Я спросил переводчика: «Чего она хочет?» Он рассказал: «Она хочет получить обратно своё пожертвование и уехать в Германию». Когда она начала спорить с управляющим Ашрама, Рамана сказал по-английски: «Отдайте ей пожертвование и добавьте 50 рупий сверху», что было сделано, и она уехала. Таков был его характер. **Он никогда не видел ничего дурного; он никогда не лишал никого своей любви, что бы ни сделал человек. Он любил всех одинаково.**

Рамана часто цитировал писания; Иисус и Рамана говорили по сути одно и то же. Иисус сказал: «Царство Божие внутри вас». Рамана говорил: «Атман внутри вас. Ищите и найдите его и пробудитесь». Иисус сказал: «Сын, я всегда с тобой и всё, что я имею, твоё». Рамана говорил: «Я никогда вас не покину, я всегда с вами». Его никогда не покидало сострадание.

В апреле 1950г. я был в Бангалоре на встрече с Папой Рам Дасом. Когда мне сообщили, что Рамана оставил тело, я поехал в Тируваннамалай. Уже стали собираться толпы, тысячи и тысячи людей. Поэтому я поднялся на гору, нашел одну из пещер и оставался там пять дней. Когда я спустился, толпа уже рассеялась. Его уже похоронили. Я спросил у преданного, который видел его последним: «Каковы были его последние слова?» Он сказал: «Когда он покидал тело, на стену взлетел павлин и стал кричать. Рамана спросил своего слугу: «Павлина ещё не покормили?» Это были его последние слова».

Я был у многих учителей, многих святых и мудрецов. Я был с Нисаргадаттой, Анандой Майи Ма, Папой Рам Дасом, Ним Кароли Бабой и многими другими, но никогда не встречал никого, кто бы излучал такое сострадание, такую любовь, такое блаженство, как Рамана Махарши.

164. Рамакришна Мадавпедди из Андры, адвокат в Мадрасском верховном суде, посетил Шри Раману в апреле 1948г.

Я впервые посетил Раманашрам в возрасте 24 лет. В то время я был очень подавлен в связи с внезапной смертью в возрасте двадцати двух лет моей очень близкой родственницы (жены). Мой отец настаивал, чтобы я посетил Махарши. Он уже был у него дважды с целым списком сомнений, которые рассеялись, хотя он не успел произнести ни слова. Он также испытал полный покой в присутствии Махарши.

Было около 9 утра, когда я добрался до Ашрама. Меня попросили остановиться в гостевом доме для мужчин. Так было угодно судьбе, что я расположился на полу рядом с Н. Баларамой Редди (№34), авторитетным преданным. Помимо работы в суде я писал статьи для различных журналов по литературе телугу и пробовал перо в поэзии. Это помогло начать разговор с ним.

Он отвёл меня туда, где Шри Рамана полулежал на диване и сказал, чтобы я сидел с закрытыми глазами. Хотя в холле стояла полная тишина, я не мог сидеть с закрытыми глазами. Я беспокоился, и мне казалось, что время тянется очень медленно. Понемногу ум начал перебирать все мои несчастья, одно за другим. Каждый день в течение трёх дней я сопровождал Редди в холл и каждый раз, когда я садился, мысли начинали мчаться с огромной скоростью, а печаль возрастала. Поэтому на третий день я сказал Редди, что приехал к Махарши ради покоя, но боль и печаль лишь усилились. Он попросил меня остаться ещё на один день.

Утром четвёртого дня я сидел в холле с закрытыми глазами. В какой-то момент я случайно открыл глаза и увидел, что Махарши внимательно смотрит на меня. Вдруг все мысли исчезли, и я почувствовал восхитительную пустоту или чистоту. Затем меня полностью окутал ослепительный свет. Я был лишён мыслей, но полон огромного счастья. Я был един с неким неописуемым покоем и восхитительным великолепием. Через некоторое время я снова стал осознавать своё тело. Это переживание заставило меня впервые поверить в Бога. Несмотря на все свои теории марксизма, диалектического материализма и атеизма, я не мог отрицать истины этого чудесного переживания.

Это состояние длилось три дня. Я наблюдал, как моё тело осуществляет повседневную деятельность, но неизменно оставался в том безмерном покое. Взгляд Махарши проникал в меня, когда я сидел перед ним и даже когда я не был перед ним. **Взгляд Махарши – добрейшая и самая мощная энергия вселенной**. Я покинул Ашрам через шесть дней. Воспоминания о тех днях с Махарши даже сегодня приводят меня в экстаз.

165. Тамильская биография *Рамана Махарши – Жизнь и Учение*, написанная М.Г. Шанмугам была опубликована в 1937г. Его отец, офицер полиции, вместе со Свами из Исанья Матт в Тируваннамалае в 1926-7гг работал над строительством старого холла, где Шри Рамана жил два десятилетия.

В течение 24 лет личного общения с Багаваном я убедился, что он редко давал подробные наставления. Он делал намёки, которые увлечённые искатели должны были бережно впитывать. Однажды он категорично заявил, что для практики *атма вичары* каждый день является благоприятным. Все другие *садханы* требуют внешних объектов и соответствующей обстановки, но для *атма вичары* ничего внешнего не нужно. Направить ум вовнутрь – это всё, что необходимо. Занимаясь *атма вичарой*, человек может также заниматься другими делами.

Традиционное воспитание постепенно вовлекло меня в изучение *шастр*, исполнение *джапы*, *баджанов* и регулярной *пуджи* три раза в день. Я пришёл к убеждению, что высшим достижением человека является состояние *дживанмукты* (полностью просветлённый, всё ещё находясь в теле). В течение 1921-25гг, будучи студентом колледжа, я страстно молился о встрече с *дживанмуктой* и получении его благословения.

Мои молитвы вскоре были услышаны! Моего отца перевели в Тируваннамалай. В Катпади, во время путешествия в Тируваннамалай, у меня было поразительное видение Багавана. Так мой *садгуру* явился и поглотил меня даже раньше, чем я смог получить Его физический *даршан*!

Когда я прибыл в Ашрам, Багаван тепло встретил меня ласковой улыбкой. Поскольку Он видел меня впервые, два Его спонтанных высказывания удивили меня. Как любящая мать, Он спросил: «Когда ты приехал?» и «Как твоя правая рука?» Моя правая рука была

сильно повреждена, когда мне было 14 лет, и, хотя я выздоровел, рука осталась согнутой и укороченной. Я обычно скрывал её длинными рукавами, и даже друзья не знали об этой серьёзной деформации. Откуда Багаван знал об этом? И какую любящую заботу Он проявил! После того, как Багаван спросил об этом, моё чувство неполноценности, связанное с дефектом, полностью исчезло. Более того, Он попросил меня сесть перед Ним. Я сел, пристально глядя на Него, и не знаю, что со мной случилось тогда. Когда я встал, оказалось, что пролетело два часа. Это было переживание, которого у меня никогда раньше не было, и я бережно храню его в памяти в первую очередь, как *прасад* и благословение, полученные от моего *садгуру*. В тот день я понял суть утверждения «*Садгуру* всегда даёт без просьбы!» В тот момент я понял, что принят в Его окружение. Он позволял мне наслаждаться этой сильной привязанностью до *махасамадхи*, и даже потом.

Каждый день я приходил к Нему около двух часов дня и возвращался домой лишь в 8 вечера. Багаван цитировал из Рибху Гиты, Кайвалья Навaниты, Йога Васиштам и других адвайтических текстов и объяснял мне их величие. Всё это время я ощущал, что нахожусь в блаженном присутствии *brahmajnani* (тот, кто осознал Себя), столь высоко превозносимого в наших писаниях.

Однажды, когда я сидел перед Ним, в голове с силой возникли и долго крутились мысли: «Не спорь о противоречивых пунктах философии и не читай слишком много философских книг». «Молча, практикуй *атма вичару* или *дхьяну* (медитацию)». «Не делай ничего такого, что, ты знаешь, является неправильным».

Некоторые личные указания от Багавана: 1. Если будешь сосредоточенно наблюдать за дыханием, такое внимание приведёт тебя к *кумбхаке* (задержке), это *джняна пранаяма*. 2. Чем больше смирения, тем лучше для тебя. 3. Ты должен рассматривать мир, как всего лишь сон. 4. Кроме выполнения своих обязанностей в жизни, остальное время должно быть посвящено *атма ниште* (погружению в Атман). 5. Не доставляй ни малейшего беспокойства или препятствия другим. 6. Всю свою работу выполняй сам. 7. Надо избавиться от любви и нелюбви и избегать оценок. 8. Сосредоточив внимание на сердце внутри, надо неустанно практиковать «Кто Я?» Во время этой практики ум может внезапно появляться; поэтому нужно бдительно следовать *вичаре* «Кто Я?»

Шри Рамана был *сарваджняни* (всезнающий). Я получил этому много доказательств. Мой отец давал мне три *аны* в день на карманные расходы. На эти деньги я покупал *самбрани* (благовония), которые возжигались в холле Багавана. Однажды я не получил карманных денег и поэтому воздержался от похода к Багавану. На следующий день Багаван ласково заметил: «Вчера ты не пришёл, потому что не смог достать самбрани. Поклонения в сердце достаточно».

Моего отца внезапно перевели в Веллор. Никто из нас, особенно я, не хотел уезжать из Тируваннамалая, потому что тогда *даршан* Багавана стал бы невозможен. Мы высказали свою жалобу Багавану. Он одарил меня ласковой улыбкой. Через несколько дней перевод странным образом отменили!

Я заметил, как необычно разрешались сомнения. Чудесным образом сомнения, возникшие у вас, высказывал Багавану кто-нибудь другой в холле, а Он не только давал ответ, но и с улыбкой посматривал на вас, как бы говоря: «Твои сомнения рассеялись?»

Багаван часами сидел, как скала с открытыми глазами и безмолвие царило в холле; а сердце каждого наполнялось покоем и тишиной. Эта тишина и была Его настоящим учением!

166. Талейаркан Фироза (1898-1984) родилась в Хайдерабаде. Её отец служил Низаму Хайдерабада. Она принадлежала к богатой семье парсов из Бомбея и с детства имела духовные наклонности.

Я совершала *садхану* в Будда Гайе. У меня были чудесные переживания, но сердце томилось в ожидании встречи с человеком, который смог бы показать мне Бога. Однажды кто-то рассказал мне о Рамане Махарши. Как только я открыла книгу, которую мне дали, меня поразила красота его лица.

Впервые я посетила Тируваннамалай в 1937г. В то время я планировала открыть ашрам в Бомбее и назвать его «Дом Преданности». Я думала, что прежде чем приступить к этому начинанию, должна получить благословение Махарши. Я провела в Ашраме четыре дня и показала ему намётки проекта. Я покинула Ашрам, думая, что получила его благословение, так как он обычно не говорил определённо «да» или «нет», когда люди рассказывали ему о своих планах. Но к своему огромному удивлению, я получила от правительства отказ в обещанной аренде земли для строительства в горах Кандивли. Я очень рассердилась на Багавана и лишь много времени спустя поняла, что его милость всегда была со мной.

Тем временем одна польская дама (№194) приехала в Ашрам и сказала Багавану, что много работает, чтобы собрать деньги, чтобы помогать людям в беде и спросила его, хорошо ли это. Багаван взял *Kalyan Kalpataru* (ежемесячный журнал издательства Гита пресс, в Горакпуре) и показал ей отрывок, который надо прочитать. Так как я сидела рядом с ней, я тоже смогла его прочитать и не сдержала улыбку. Багаван взглянул на меня и сказал: «Это и тебя тоже касается». В отрывке говорилось: «Одна хрупкая женщина, знающая, как найти Божественный покой в молитве, поможет стране или человечеству больше, чем вся интеллигенция вместе взятая».

В это самое мгновение что-то внутри сказало мне, что Махарши прав. Он знал, что я ещё не созрела для ответственной работы по оказанию помощи другим. Прежде чем лечить других, надо было выздороветь самой. В первый раз я встала и простёрлась перед ним, и с того момента моя жизнь, ум и сердце переменились, и я почувствовала его безграничную милость.

Однажды *сарвадхикари* попросил меня поехать в Мадрас и встретиться с министром Бактаватсаламом по вопросу проведения железнодорожной ветки в Тиручули, место рождения Багавана. Я поехала, но была шокирована, услышав, сколько это будет стоить. Я решила оставить это Багавану и больше не думала об этом. Однако представьте мою радость, когда несколько лет спустя Бактаватсалам стал премьер-министром Мадраса, и дорога была построена. Милости Багавана достаточно, чтобы сделать всё, большое или малое, если положить жизнь и душу к его ногам. Он осуществил много вещей, казавшихся мне невозможными.

Его Милостью мой друг парс Т.Х. Тарапор принял мой план реставрации Патала Линги, подземной пещеры, где Багаван сидел, когда впервые прибыл в Тируваннамалай. Он прекрасно всё сделал, а К. Раджагопалачари (№192), в то время генерал-губернатор Индии, провёл церемонию открытия 14 мая 1949г.

В своей книге[1] Талейаркан пишет: В тот вечер по Всеиндийскому Радио передавали запись церемонии. Когда она закончилась, Багаван сказал со вздохом облегчения, что три или четыре дня он жил в страхе, что я возьму и отвезу его на

[1] «*Мудрецы, Святые и Аруначала Рамана*» – Багаван Прия Ма Ф. Талейаркан, Ориент Лонгман, 1970г.

церемонию. «Какую возможность я упустила!»,- воскликнула я. Но Багаван сделал мне знак вернуться на место и сказал, что получил большое облегчение.

Больше недели после *маханирваны* я чувствовала себя одиноко и скучала по физическому присутствию Багавана. Я не знала что делать. Сквозь слёзы в уме часто появлялись мысли о самоубийстве. Однажды днём я уснула и увидела, как Багаван спускается с горы со своей палкой и входит в мой дом. Он спросил меня: «Почему ты плачешь?», - и велел вытереть слёзы, уверяя, что он всегда здесь, со мной. Затем он вышел в дверь напротив. Этот сон всё ещё жив в моей памяти, и будь я художником, нарисовала бы эту сцену.

Некоторые мои слуги-мусульмане, протестовавшие даже против фотографий Багавана, удостоились видения Багавана. Теперь они не только не возражают, но сами стали его преданными.

167. Шанкарлал Банкер, близкий товарищ Гандиджи, был арестован вместе с ним за то, что печатал его противоречивые статьи в 1922г. в *Молодой Индии*, издетелем которой был. Недавняя публикация гласит:

В 1934г Шанкарлал познакомился с высокопоставленным офицером Воздушных Сил Германии, представителем немецкой аристократии. В ходе беседы офицер поинтересовался, слышал ли он о Рамане Махарши, который, как он сказал, является редкой личностью и предложил его посетить.

В 1935г во время визита в Мадрас Шанкарлал встретился с редактором *Sunday Times* М.С. Каматом, выдающимся преданным Шри Раманы, который согласился отвезти его к Махарши. Шанкарлал присоединился к другим гостям и посетителям в холле, где был Махарши. Голова его была занята разными мыслями. Но в холле все волнения исчезли и, как он пишет, «У меня было чувство, что я тот «чистый Браман» и в голове проносились слова «*Шивохам, Шивохам»* (я – Высочайшее Бытие). Я был удивлён этим явлением». Считая себя не очень духовным человеком, он удивился, откуда взялись эти мысли. Он переживал чувство «необычайной уверенности в себе» и был убеждён, что переживание реально.

Он уехал от Махарши с ощущением покоя и воодушевления. Позже он рассказал о своём переживании Гандиджи, который не только выразил радость, но также предложил в следующий раз провести в Ашраме больше времени.

Летом 1936г Шанкарлал снова оказался в присутствии Махарши. На этот раз он набрался храбрости спросить Махарши: «Какие книги мне нужно читать для духовного продвижения?» Ответ ошарашил Шанкарлала: «Книги? Зачем вам книги?», - спросил Махарши и повторил: «Зачем книги?» Затем Махарши добавил: «Очисти своё сердце, и ты обязательно увидишь свет!» Это произвело на него глубокое впечатление, и он размышлял над этим весь день, проведённый в Ашраме. «В поезде в Мадрас, - рассказывал он позже, - Около 4 утра я внезапно проснулся и увидел образ Махарши! Я широко открыл глаза, протёр их, и, о чудо, я ощутил, как будто он стоит передо мной… Долго ощущал я восторг и радость, и что не нужно думать и беспокоиться ни о чём в мире!»

Он снова рассказал об этом переживании Гандиджи, который порекомендовал ему чаще ездить в Тируваннамалай. Гандиджи также сказал ему: «Послушав тебя, я предложил Раджендре Бабу и Джамане Лал Джи также съездить туда» (см. групповое фото № 6 вместе с Махарши).

Шанкарлал вернулся в Тируваннамалай в 1937г. На этот раз он взял с собой фотографии голодающих в Тирупуре, штат Тамил Наду. Он сидел в холле вместе с другими, когда Шри Рамана говорил о Самореализации и блаженстве души. Это опечалило Шанкарлала, который видел голод в Тирупуре. Как может, говорил он вслух своему другу д-ру Саиду (№23), сидевшему рядом, человек примирить горе с блаженством души? И он показал фотографии голодающих, которые привёз с собой.

Неожиданно д-р Саид подошёл к Махарши и, положив фотографии ему на колени, сказал: «Этот джентльмен говорит: когда так много горя в мире, как можем мы думать о блаженстве души?» Совершенно не обескураженный вопросом, Махарши мягко ответил, что направляя все усилия на помощь страждущим, человек не должен ставить эту деятельность себе в заслугу. Один лишь Господь спаситель людей. Махарши добавил, что он видит людей, которые не ели два или три дня, но светятся какой-то внутренней радостью. Откуда исходит эта радость? Лишь Всемогущий мог дать её им! Получив назад снимки и взглянув на них ещё раз, Шанкарлал обнаружил то, чего не замечал раньше! Оказалось, что на лицах голодающих бедняков, занятых раскалыванием камней, сияют улыбки! Это было откровением для Шанкарлала.

На следующий день Шанкарлал неожиданно встретил Махарши. На этот раз он сказал, как было бы чудесно, если бы встретились Махарши и Гандиджи. На что Махарши с мягкой улыбкой сказал: «Расстояния не существует!» Когда Шанкарлал очередной раз посетил Вардху и пересказал этот диалог Гандиджи, тот сказал: «Вы не поняли? Расстояния, как мы себе его представляем, не существует. Я написал по этому поводу всего лишь три дня назад!» Гандиджи попросил эту статью и прочитал её.

В 1939г, когда здоровье Шанкарлала пошатнулось, ему порекомендовали посвятить себя *manan* и *chintan* – медитации и размышлению, и сторониться мирской деятельности, но ему было трудно это практиковать. Здесь снова Шанкарлал получил наставление от Махарши, когда наблюдал, как тот занят уборкой и нарезанием овощей на кухне. Он заметил, что Махарши выполняет всю работу весьма умело. Он даже слышал, как Махарши поясняет преданному, как правильно разрезать тыкву! Это тоже, думал Шанкарлал, урок для меня. Делай дело, делай его хорошо, и делай его с совершенной непривязаностью!

Он не мог устоять, и проснулся на следующее утро в 4 часа, чтобы пойти на кухню. На этот раз он услышал, как Шри Рамана спросил кого-то по-тамильски: «Банкер здесь?» Когда ему сказали, что Банкер здесь и сидит снаружи, Махарши вышел с половником, полным варёной чечевицы и, лукаво глядя на Шанкарлала, предложил ему попробовать. «Немного горячо. Но я приготовил это сам», - объяснил Махарши. Шанкарлал попробовал и воскликнул: «Очень вкусно!» На что Махарши расхохотался и ушёл обратно на кухню. Шанкарлал получил решение мучившей его проблемы о том, чтобы даже во время духовных поисков заниматься ещё чем-нибудь. Разве Махарши не показал ему своим примером, что активно трудиться так же важно, как и искать духовного блаженства?

168. К. Венкатаратнам (1921-76) из Андры, с детства имел религиозный склад ума. После церемонии священного шнура в возрасте семи лет он не пропустил ни одного дня, повторяя Гаятри мантру. Религиозный наставник посоветовал ему поехать в Тируваннамалай и служить Шри Рамане. Далее следует рассказ Рознера[1], который приехал в Раманашрам в 1968г и прилежно служил Венкатаратнаму до его кончины.

Когда Венкатаратнам пришёл к Махарши в 1944г, он встретил профессора Шиву Мохан Лала (№156), которого знал раньше. Лал представил его Махарши. Он сел и начал *джапу*. Но, странное дело, не мог вспомнить мантру, хотя повторял её много сотен тысяч раз до этого. Внезапно он почувствовал безграничное Расширение Чистого Сознания, *атму*. Через несколько дней он вернулся в родные места; во время поездки всю дорогу с ним снова и снова случалось это переживание.

Позднее он приехал в Ашрам служить Багавану и работал в книжной лавке и в библиотеке Ашрама. Багаван сам учил его сшивать книги, а также читать и писать на тамили.

В 1949г. Лал спросил Багавана, можно ли Венкатаратнаму стать одним из личных слуг Багавана. Багаван ответил, что не возражает, если офис даст своё разрешение. Разрешение было дано.

Однажды Венкатаратнам тихо встал позади Махарши в холле и стал обмахивать его, забыв, что тот ясно дал понять, что его не нужно обмахивать. Махарши рассердился и сказал: «Ого, очень хорошо, очень особенно, этот парень думает, что служит великую службу. Почему бы ему не пойти обмахивать всех *бакт* и не получить *пунью*, обмахивая всех преданных Гуру». Обращаясь к преданным, он продолжал в том же духе. Наконец оставшись наедине с Махарши, Венкатаратнам не выдержал и стал просить Багавана простить его за то, что Багавану пришлось приложить столько усилий, чтобы исправить его ошибку. Багаван ласково сказал: «Ничего, любой может ошибиться».

У Багавана было несколько слуг, которые работали по очереди. Венкатаратнам выбрал смену с 10 вечера до 4 утра. Это было время, когда он мог удовлетворить заветное желание быть поближе к Багавану. Много ночей провёл он в духовных беседах, или просто глядя на Божественное лицо Махарши.

При виде крови, перевязывая рану на руке Багавана, Венкатаратнаму становилось дурно. Багаван упрекнул его: «Не подходи ко мне. Вы, люди, приходите сюда и думаете, что Багаван болен и умирает. Я не хочу, чтобы ты приближался ко мне с такими мыслями». Когда он спросил Багавана, как же он может служить ему, не думая, что нужно сделать то-то и то-то для облегчения его страданий, Багаван сказал, что он должен просто исполнять свою роль в драме и делать всё с мысленным отношением свидетеля, выполняющего работу по обстоятельствам. Следуя наставлениям Багавана, он начал понимать, что всё есть *атма виласа* (Божественная игра) и что Багаван просто играет роль больного, хотя в реальности он – Сам *Параматма*.

После *маханирваны* Махарши, когда он думал о любви и заботе Махарши по отношению к нему, его охватывала печаль и иногда он плакал. Через десять дней после *маханирваны* он уехал обратно на родину, но продолжал приезжать в Ашрам.

[1] Нил Рознер, американец, под руководством Венкатаратнама погрузился в духовное наследие Индии. Это подробно описывается в его книге *На Пути к Свободе: Паломничество в Индию*, Кассандра Пресс, п.я.2044, Боулдер, США. Рознер жил в Ашраме Амританандамайи в Керале как Свами Параматмананда.

169. Свами Лакшман Джу Райна, скончался в 1991г. Он признан последним выдающимся мастером Кашмирского Шиваизма.

Когда мне было двадцать с хвостиком, кто-то рассказал мне о Багаване Шри Рамане Махарши. Тотчас же я покинул Кашмир и отправился в Тируваннамалай. Войдя в холл, я увидел Багавана сидящим на диване, вытянув ноги. Меня охватило счастье. Багаван попросил меня сесть перед ним. Я сел и смотрел на его Стопы и вошел в блаженное состояние *самадхи*. Эти золотые дни были поистине божественны.

Однажды, будучи вне себя от радости от близости Багавана, я сочинил несколько шлок ему в подарок. В них говорилось: «Есть четыре вида тела: грубое (*sthula*), тонкое (*sukshma*), причинное (*karana*) и пустота (*sunya*). Превосходит их (четыре вида) великая Гора Аруначала, восхваляемая как воплощение всезнающего Высшего. Мы поклоняемся Шри Рамане, который блаженно обитает в Своей истинной природе (*swarupa*), которую зовут Аруначала, самая главная из самых главных Гор. Прибегаю к стопам великого Раманы, который осознал своё единство с Богом. Повторяю имя совершенного йога Раманы непрерывно. Я всегда размышляю о Махарши Рамане, реализованной душе. От всего сердца предлагаю приветствия божественному существу Махарши Рамане». Когда эти *шлоки* положили перед Багаваном, ему так понравилось, что он объяснил их значение преданным, сидевшим в холле.

Я обычно ходил на Гору Аруначалу вместе с Багаваном, он сидел на скале, а я – у его Стоп. Однажды один преданный приготовил фотоаппарат, чтобы сфотографировать Багавана. Тогда Багаван обратился ко мне: «Лакшманджу! Лакшманджу! Садись здесь, рядом. Этот человек собирается нас сфотографировать». Не могу выразить, как Божественны были те дни моего пребывания с Багаваном и как он был добр ко мне.

Я получил журнал *Путь Горы* (за апрель 1983г), где сижу рядом с Багаваном на фотографии. На групповом снимке также видно Элеонору Полину Нои (№11). Она плакала от счастья, когда Багаван попросил меня сесть рядом с ним. То были золотые дни, когда я был рядом с Багаваном, моим Божественным Господом!

170. Свами Рама (1925-96гг.) известная духовная личность, был главой Карвипитам в Южной Индии с 1949 по 53гг. В 1969г. он поехал в США и основал Институт Гималаев, чтобы навести мост между древними учениями Востока и современным научным подходом Запада. Он автор книги *Жизнь с Гималайскими Мастерами*.

Проведать меня в Насике, где я остановился, приехал видный терапевт из Гаджипура, штат Уттар Прадеш, д-р Т.Н. Датта. Он сказал, что очень хочет взять меня с собой к Аруначале на *даршан* Махарши Раманы. Это было зимой 1949г. Моё пребывание в Ашраме было коротким, но очень приятным. В те дни Махарши Рамана соблюдал молчание. В Ашраме жили несколько иностранцев.

В присутствии Махарши я обнаружил нечто очень редкое, что редко находил в других местах. Для тех, чьи сердца открыты голосу тишины, постоянно звучащему в Ашраме, просто сидеть рядом с Махарши было достаточно, чтобы найти ответы на вопросы, возникающие внутри. Воистину, находиться в присутствии великого человека – то же самое, что переживать *самадхи*. «Он величайший и святейший человек, рождённый на земле Индии за сотни лет», - сказал д-р С. Радакришнан. Мимолетный взгляд такого великого человека очищает душу.

Согласно Махарши размышление над единственным вопросом «Кто Я?» может привести искателя в состояние самореализации. Хотя этот метод размышления есть краеугольный камень философий и Востока, и Запада, Махарши возродил его. Всю философию Веданты он превратил в практику. Он уместил *Илиаду*[1] в ореховую скорлупу: познав себя, человек познает всё.

Через пять дней, проведённых в духовно вибрирующей атмосфере Ашрама, мы вернулись в Насик. Мой визит к Аруначале и даршан Махарши добавили топлива в огонь, горевший во мне. «Отрекись и обретёшь» - это так мощно звучало в моей душе, что оставаться в Насике становилось всё менее возможно. Мне было нелегко сбежать, резко отбросив всю ответственность – но однажды мужество пришло, и я покинул Насик и уехал в свой Гималайский дом.

Я твёрдо убеждён, что никто не может получить просветление от кого-то – но мудрецы воодушевляют и дают внутреннюю силу, без которой просветление невозможно. Сегодня в мире у людей нет примера, которому следовать. Нет никого, кто бы вдохновил их, и поэтому просветление кажется таким трудным. Великие мудрецы являются источником воодушевления и просветления.

171. Свами Парамаханса Йогананда, известный духовный гуру, посетил Шри Раману в ноябре 1935г. Он – автор книги *Автобиография Йога*.

Прежде чем покинуть Южную Индию, я совершил паломничество к святой горе Аруначале, чтобы увидеть Шри Раману Махарши. Мудрец с любовью приветствовал нас и показал на стопку журналов *Восток-Запад*. В течение тех часов, что мы провели с ним и его учениками, он в основном молчал, а доброе лицо его излучало божественную любовь и мудрость.

Чтобы помочь страдающему человечеству вновь обрести забытое состояние Совершенства, Шри Рамана учит, что нужно постоянно спрашивать себя: «Кто Я?» - поистине Великое Исследование. Неумолимым отказом от всех других мыслей преданный вскоре обнаруживает, что глубже и глубже погружается в истинное Я, и уводящая в сторону путаница других мыслей перестаёт возникать. Просветлённый *риши* Южной Индии написал:

Двойственность и тройственность ослабляются.
Без поддержки они никогда не появятся;
В поисках этой поддержки они ослабляются и спадают.
Вот Истина. Кто видит, никогда не дрогнет.

Свами Йогананда задал следующие вопросы:

Свами: Как можно повлиять на духовный подъём людей? Какие наставления им давать?

Махарши: Они отличаются в зависимости от характера людей и духовной зрелости их ума. Не бывает наставлений, одинаковых для всех.

С.: Почему Бог допускает страдания в мире? Разве Он, всемогущий, не должен одним ударом расправиться с ними и утвердить всеобщую реализацию Бога?

М.: Страдание – путь к Реализации Бога.

С.: Разве Он не должен распорядиться иначе?

[1] Илиада – греческая эпическая поэма, приписываемая Гомеру.

М.: Именно таков путь.

С.: Является ли йога, религия и т.п. лекарством от страдания?

М.: Они помогают преодолеть страдание.

С.: Почему должно существовать страдание?

М.: Кто страдает? Что страдает?

Нет ответа!

Секретарь свами К.Р. Райт задал множество вопросов. Вот два из них:

Вопрос: Как осознать Бога?

Ответ: Бог – это неизвестный объект. Более того, он внешний. В то время как Атман всегда с Вами и он – это Вы. Почему Вы не обращаете внимания на то, что присуще Вам и занимаетесь тем, что вне Вас?

В: И всё же, что такое Атман?

О: Атман знаком каждому, но не очевидно. Бытие есть Атман. Из всех определений Бога ни одно так хорошо не сформулировано, как библейское утверждение «*Я есть то, что Я есть*» в Исходе (Глава 3). Познав Себя, познаете Бога. В действительности Бог – это не что иное, как Атман.

172. Свами Тапасьянанда, ранее Рамакришна Менон (1904-91) был хорошо образованным учёным эрудитом. Его переводы включают Gita, Adhyatma Ramayana, Saundarya Lahari и многое другое. Два десятилетия он возглавлял Миссию Рамакришны в Мадрасе.

Махарши произвёл на меня впечатление, как редкий тип человека. **Он, кажется, просто существует, не ожидая ничего, не волнуясь ни о чём**. (Свами вспомнил *Гиту*, в которой Господь говорит: «Эти действия не связывают меня. Как тот, кого они не касаются, я остаюсь непривязанным к этим действиям» XI.9)

Единственная деятельность в Ашраме, к которой он проявляет интерес – это приготовление еды. Он нарезает овощи и готовит некоторые блюда на целый день. Добавление приправ и другие процессы кулинарного искусства проходят под его руководством.

Другое, что поразило меня, - это его молчание. Когда я попросил его рассказать мне что-нибудь о духовности, первое, что он сказал, было: тишина – высшее учение! Его идея заключается в том, что «у адвайтиста нет положения, которое необходимо утвердить, нет *siddhantas*(теорий), чтобы предлагать к обсуждению». Он сожалеет, что в наши дни даже адвайта стала *siddhanta* (теорией), в то время как она таковой являться не должна. Когда я спросил его о книге, купленной в магазине, насколько идеи, изложенные в ней, являются его учением, он сказал, что очень трудно утверждать это, так как у него нет определённого учения.

Он сказал, что у него совершенно нет желания писать книгу; но по настойчивым просьбам некоторых людей он написал несколько стихотворений. Он добавил, что часто беспокоят люди, которым хочется перевести их на тот или иной язык, и они спрашивают его о достоверности перевода.

Большей частью Махарши остаётся в безмолвии. Люди приходят, простираются, сидят перед ним несколько минут или часов, а затем уходят, возможно, не обменявшись ни единым словом! Интересно, получают ли они пользу от этих поучений тишиной. И всё же

люди приезжают издалека, чтобы услышать это безмолвное красноречие и уезжают *удовлетворёнными*.

Хотя он говорит очень мало, всегда поучительно наблюдать его лицо и глаза. В его личности нет ничего располагающего, но **есть в его глазах луч понимания и невозмутимый покой, и это уникально.** Его тело почти неподвижно, лишь иногда он меняет позу или вытирает пот в жару. Я внимательно наблюдал за его лицом; и обнаружил, что он редко моргает и никогда не зевает. Говорю это, чтобы показать, что я вполне удовлетворён тем, что отсутствие деятельности у него не является следствием вялости.

Я оставался в Ашраме три дня. Махарши очень доброжелательно и свободно беседовал со мной по нескольким вопросам, которые я задал. Хотя его манера отвечать оказалась не так впечатляюща, как я ожидал, его мысли всегда ясны, лаконичны и свободны от любых признаков узости. Я убеждён, что **он – приятный любимый человек, который безразличен ко всему вокруг, которому нечего достигать, который всегда бдителен, даже когда полностью ушёл в себя, и о ком можно сказать, что он совершенно лишён алчности и тщеславия. Глядя на него, я убеждён, что видел уникальную личность – *джняни*, совершенного мудреца.**

173. Дж.К. Молони был окружным коллектором правительства Мадраса.

Я гулял на горе с собаками и наткнулся на ашрам, уединённое прибежище, расположенное в расселине среди деревьев. Вода из ручейка собиралась в каменную ванну. Внутри ашрама я обнаружил отшельника, мои собаки тоже его заметили; и в мгновение ока три из них кинулись к нему, а четвёртая плюхнулась в прохладу каменного водоёма. Я ожидал взрыва гнева; наспех приготовил лучшее оправдание, которое могло прийти в голову в тот момент. Улыбаясь мне и моим повизгивающим спутникам, появился высокий худощавый аскет. «Вы любите собак?», - сказал он, - «я тоже их люблю, но отослал их на летнюю жару. Почему бы собаке не понравилась чистая прохладная вода? Никакого вреда не будет, если собака запрыгнет в водоём. Через десять минут после того, как она уйдёт, водоём очистится и наполнится свежей водой». Так мы сидели на парапете ашрама и смотрели вниз на жаркий пыльный город.

Когда я добрался до дома, одной из моих собак не было. Вечером прибыл святой человек, ведя беглеца на верёвке. «Он вернулся ко мне, и мне бы хотелось оставить его», - сказал он, - «но почему я должен красть его у вас?»… Сейчас, когда я пишу эти строки, поля перед моими глазами белы от мороза; но мысли возвращаются к доброму отшельнику на залитой солнцем горе. Вы узнали, что человек ничего не добавит к своей праведности неестественным пренебрежением к бессловесным божьим созданиям.

174. Т.С. Ананта Мурти, судья из Бангалора, посетил Шри Раману в 1937г. Позднее он опубликовал книгу *Жизнь и Учение Шри Раманы Махарши* (1972г).

Мы с женой вошли в холл и почувствовали благоговение, глядя на великого мудреца. Около тридцати минут четыре брамина декламировали стихи из *Tattiriya Upanishad*. Махарши слушал чтение священных стихов. Его ум был, как мы легко могли заметить, погружён вовнутрь. Я был удивлён, что мудрец держл глаза широко открытыми и не моргал так долго. Я также почувствовал, что **Шри Рамана**, сидевший передо мной столь поглощённый Атманом, **был Браман в человеческом облике и в нём заключён духовный свет. Он не только внушал благоговейный трепет, но и был воодушевляющей фигурой**.

В тот вечер после ужина Махарши взял палку и медленно пошёл в холл. Поскольку мне очень хотелось поговорить с ним, я пошёл следом. Он сел на диван. Холл освещала керосиновая лампа. Больше никого не было. Это была возможность, о которой я мечтал, и которая была дана мне его милостью без малейшего усилия с моей стороны. Не было необходимости привлекать его внимание. Добрый мудрец поднял голову и слегка улыбнулся. Он не произнёс ни слова, не сделал ни одного жеста. Однако его мягкая улыбка придала мне достаточно мужества, чтобы обратиться к нему.

Сложив ладони, я сказал: «Господин, я не знаю тамили. Пожалуйста, позволь мне говорить по-английски. Несколько месяцев мне нездоровится. Причиной моих страданий является расстройство пищеварения. Врачам не удалось вылечить меня. Глаза всегда горят, и иногда кружится голова. Я приехал сюда получить твоё благословение». Шри Рамана терпеливо выслушал эти слова, поднял спокойное лицо и сказал: «Все твои проблемы исчезнут сами собой».

Это были девять английских слов, произнесённых им мягким голосом. Услышав благословение, так легко данное мне великим мудрецом, я был вне себя от восторга и благодарности. Я почувствовал себя преображённым. Я простёрся перед ним и вышел из холла с сердцем, полным радости и облегчения, и вернулся в гостевую комнату. Это было поистине запоминающееся событие. Моя давняя мечта получить *даршан* Шри Раманы осуществилась. Вдобавок, в течение нескольких часов после того, как я ступил в Раманашрам, все мои телесные недуги прекратили мучить меня в результате великого благословения, так легко данного мне милостивым святым.

Однажды во время моего десятидневного пребывания, практикуя медитацию в холле, я не мог сосредоточить ум, несмотря на все свои усилия. Желая узнать, как преодолеть эту трудность, я приблизился к мудрецу и сказал по-английски: «Багаван, мой ум сегодня неспокоен. Что делать?» Великий мудрец поднял голову и прочитал стихи 5 и 26 из главы VI *Гиты*[1]. После цитаты мудрец с безграничной милостью сказал по-английски: «В этих двух строфах есть необходимые указания. Надо приложить все усилия, чтобы стать без усилий». Затем он закрыл глаза.

175. Сюзанна Александра родилась в Париже в 1896г. и с раннего возраста занималась поисками Истины. В 18 лет она вступила в Теософское общество. Талантливая танцовщица и врач, она приехала в Индию в 1925г. на ежегодный теософский съезд в Адьяре, где встретила буддийского монаха и стала буддийской монахиней. Прочитав статью в газете, она посетила Шри Раману в 1936. После замужества она стала Суджатой Сен. Несколько лет руководила бесплатной клиникой для бедных в Тируваннамалае.

Её привел к Махарши Раджа Айяр, почтмейстер Ашрама. Она нашла, что холл украшен и обставлен очень просто. Вдоль стен шёл бордюр голубых цветов. На стене висели часы. Под ними на полке стояло несколько жестяных коробочек. Она увидела, как Махарши достаёт из одной коробочки орешки для подбежавшей к нему белки. Рядом с диваном стояла вращающаяся этажерка с книгами, а подальше ещё два шкафа с книгами и канцелярскими принадлежностями. Никаких попыток создать мистическую или духовную атмосферу вокруг Махарши не было, и всё же окружающая обстановка не могла отвлечь внимание от величия

[1] В них вкратце говорится, что нужно подняться с помощью собственных усилий и что мы сами себе друзья и сами себе враги. По какой бы причине ни колебался неспокойный ум, его необходимо возвращать к Атману.

мудреца. **Он был исключителен, будучи просто собой**. Каждое его движение, будь то правка рукописи или чтение письма, дышало полной естественностью и отсутствием позы. Такое очень редко увидишь в другом месте.

Махарши ел очень мало. Он спросил Сюзанну, не слишком ли остра для неё еда. Эти заботливые слова были первыми словами, обращёнными к ней. Махарши не вёл бесед. Он отвечал на вопросы, заданные ему, обычно очень кратко, как бы позволяя одному или нескольким словам, которые он сказал, проникнуть прямо в ум того, кто спросил. С другой стороны, когда один молодой человек старался понять, что такое Атман, Махарши с огромным терпением руководил его рассуждениями, пока тот, наконец, не уловил то, что имел в виду Махарши. Помимо этих исключений из тишины, были долгие спокойные промежутки, когда Махарши ничего не говорил и не делал, но они были более эффективными для раскрытия запредельной Истины, чем любые лекции или проповеди.

Вечернее собрание началось с декламации Вед. Пока в холле вибрировали мощные слоги на санскрите, во внешности Махарши произошла заметная перемена. Выражение лица стало строгим, взгляд обращён внутрь. Его лицо казалось полупрозрачным, как бы освещённым внутренним светом, а постоянное лёгкое подрагивание тела теперь полностью прекратилось. И даже в этом состоянии было очевидно, что он не забыл о том, что его окружает, и осознавал как внутреннюю, так и внешнюю реальность… **Махарши – Мастер высочайшего порядка, король Йогов. Великолепие его Реализации сияет как солнце. Он поднимает нас высоко над миром.**

Когда женщины должны были покинуть Ашрам на закате, Сюзанна отказалась уходить, считая это проявлением дискриминации и чтобы выразить свой протест, объявила, что если ей нельзя остаться в Ашраме, она проведёт ночь на Горе. Она поднялась на Гору, немного опасаясь диких зверей, и нашла небольшую пещеру, где и осталась. Гнев вытеснил из её головы все остальные мысли. Именно тогда у неё было видение Аруначалы как Горы Огня и она увидела много других миров, существующих внутри Горы (другой преданный, С.Н.Тандон, описывает подобное переживание в журнале *Путь Горы* в апреле 1970г). Чтобы уберечь Сюзанну от диких зверей, Махарши попросил Коэна (№37), знавшего её ещё по Адьяру, убедить её спуститься. Без дальнейших возражений она согласилась провести остаток ночи в гостиничном номере в городе.

Сюзанна долго была привязана к идее взаимоотношений мастер-ученик через формальное посвящение, чего никогда не давал Махарши. В 1945г. она решила поехать к Свами Рамдасу (№81), чтобы стать его *shishya* (ученицей) формальным способом. Она с грустью сообщила о своём отъезде Махарши, который хранил молчание. Однако затем произошло нечто необычное и чудесное, так как она увидела в Махарши Дакшинамурти, великого безмолвного гуру. Она написала: «Когда я говорила с ним, его внешность изменилась, и я подумала, что передо мной сидит Дакшинамурти. В тишине я услышала: «Нет разделения, все гуру едины. Они – это обитающий внутри каждого Атман. Я всегда буду оставаться Сокровищем, сияющим в лотосе твоей души». (На групповом снимке с Багаваном Сюзанна в одеянии буддийской монахини, журнал *Путь Горы*, Арадана, 2003г.)

176. Анонимный хроникёр, студент последнего курса обучения на бакалавра науки, встретил Шри Раману в 1946г.

Я поклонился и сел перед Махарши. В холле было много людей, но стояла тишина. Я не мог долго сидеть молча, но не знал, что сказать Махарши. На полке возле Махарши было несколько книг. Я взял одну из них и начал читать. В книге содержались такие понятия, как «Бытие едино», «Мир нереален». Я не мог понять этого, так как мои знания сводились к науке. Я не мог не почувствовать смущения по поводу ряда мыслей: «Зачем Бог создал меня? Где я был? Где я буду? Разве всё, что я вижу, ложно? Я знаю о наличии объектов вокруг меня. Разве я не вижу Махарши сидящим передо мной?»

Я не мог больше читать книгу и впал в созерцательное настроение. Как раз в этот момент Махарши обратился ко мне: «В чём твоё сомнение?» Я поднял голову и сказал: «На диване человек. На полу ещё один. Глазами я воспринимаю этих двоих очень ясно. Но ты говоришь, что в реальности есть только Одно. Как это может быть правдой?» Махарши улыбнулся и промолчал. Через несколько минут он сказал: «Ты, должно быть, привык проводить эксперименты в своей лаборатории. Когда ты изучаешь объект, количество деталей, которые ты получишь, зависит от качества инструмента, используемого для изучения объекта. Даже если инструмент точен, но зрение у тебя плохое, ты узнаешь об объекте очень мало. Если зрение хорошее, но не в порядке мозг, истинная природа объекта останется неизвестной тебе. И даже если мозг в порядке, но ум не уделяет внимания тому, что ты наблюдаешь, ты узнаешь об объекте ещё меньше. Короче, сколько ты знаешь об объекте, зависит от того, что называется умом.

Что такое ум? Это мысли. Все мысли возникают из одной единственной мысли. Эта мысль – «я – тело». У неё две части. Одна – тело и вторая – я. Тело преходяще, оно подвержено переменам, и его существование зависит от внешних факторов, таких как пища. Но природа «я» отличается от природы тела. То, что действительно существует, существует всегда. Тело не может существовать всегда, поэтому оно не есть истина. «Я» существует во всех состояниях, включая бодрствование, сон и глубокий сон. Поэтому «Я» – это истина, а тело ложно. Эти две вещи не могут существовать как одно целое. Как могут сосуществовать ночь и день, свет и тьма? Подобным образом нет реально существующей вещи, состоящей в своей основе из «Я» и тела. То есть мысль «я есть тело» не является истиной. Если мы будем изучать мир, исходя из этой ложной мысли, как можем мы познать Истину?»

В это мгновение я почувствовал, что фундамент моих знаний основательно пошатнулся, и моя уверенность в том, что научное исследование может привести к высшей реализации, вдруг исчезла. Далее Махарши сказал, что истину о мире можно осознать после того, как осознаешь Истину о себе. Эта у*падеша* изменила моё мировоззрение и, соответственно, мою повседневную деятельность. Я продолжал жить в том же окружении, но по благословению Махарши искал реализации жизни на духовном пути. Я чувствовал, что милость Махарши позволяет мне вести гармоничную жизнь.

177. П.Л.Н. Шарма, сторонник Ганди, встретил Шри Раману в 1932, когда приехал в Тируваннамалай на конференцию сотрудничающих организаций.

В приглушённом свете холла тело Багавана сияло как полированное золото, а глаза излучали свет очень глубокой внутренней жизни. Чем больше я смотрел на него, тем больше его лицо, казалось, излучает мистический свет, исходящий откуда-то из глубины. Нельзя было понять, осознаёт ли он окружающий мир, видит ли он меня, находится ли он в

йогическом трансе или размышляет о чём-то далеко за пределами моего видения и понимания.

Холл был наполнен тишиной, покоем и умиротворением. На полу сидели около двадцати человек, видимо, в глубокой медитации. Когда позвонили к обеду, Махарши кивком головы пригласил всех нас, и мы проследовали за ним в столовую.

На следующее утро я сидел лицом к Махарши. В холл вошёл правительственный чиновник вместе с сопровождающими и сразу начал рассказывать Багавану о коррумпированности чиновников, о том, как они злоупотребляют своим положением, и что ему поручили навести порядок в чиновничьем аппарате, а он, стремясь добиться успеха, совсем потерял покой. Он приехал к Багавану, чтобы вернуть себе спокойствие и удовлетворённость. Было ясно, что он считает себя очень важной персоной, и его просьба должна быть непременно удовлетворена. Закончив свою длинную речь, он выжидающе смотрел на Багавана, как бы говоря: «Теперь твоя очередь показать, что ты умеешь». Багаван даже не взглянул на него. Время шло, а Багаван оставался в совершенном безмолвии. Чиновник потерял терпение, встал и сказал: «Ты молчишь, Багаван. Значит ли это, что и я должен молчать?» «Да, да», - сказал Багаван. И всё.

Однажды все делегаты конференции, на которую я приехал в Тируваннамалай, в полном составе пришли в Ашрам. Председатель конференции сказал: «Багаван, мы все социальные работники и ученики Махатмы Ганди. Мы поклялись посвятить себя работе по искоренению неприкасаемости. Будь милостив, скажи своё мнение по этой теме». Снова не было ответа. Невозможно даже было понять, услышал ли он вопрос. Шло время. Делегаты начали уставать сидеть молча. Когда обстановка стала неловкой, директор Колледжа Пачаяппа в Мадрасе Ягнанараяна Айяр встал и сказал: «Багаван, наш вопрос касается мирской жизни. Наверное, было неуместно задавать его тебе. Пожалуйста, прости нас». «Прощать нечего», - сказал Багаван, с готовностью и светлой улыбкой. «Когда вздымается океан и сносит всё, что на его пути, кого заботит ваше или моё мнение?» Делегаты не уловили особого смысла в ответе. Лишь великие события, произошедшие годы спустя, раскрыли его смысл.

Мне сказали, что в присутствии Багавана сомнения проясняются без необходимости задавать вопросы или слушать ответы. Со мной ничего такого не произошло. В течение трёх предыдущих дней я пытался поймать его взгляд, но не смог. На четвёртый день мне удалось обратиться к нему, когда его взгляд был устремлён в бесконечность пространства. «Багаван, мой ум не слушается меня. Он бродит как хочет и доставляет мне беспокойство. Смилуйся, скажи, как управлять им». Багаван с любовью посмотрел на меня и ласково заговорил, а слова его искрились смыслом. «Все религиозные и духовные практики имеют целью не что иное, как управление умом. Три пути – Знание, Преданность и Долг имеют целью это и только это… Путь Преданности – самый лёгкий. Медитируй на Боге или на каком-нибудь ментальном или материальном Его образе. Это успокоит твой ум, и он сам по себе станет управляемым». Я был доволен и, когда взглянул на него в последний раз, мною владел глубокий покой.

178. Б.С. Сенгупта, директор колледжа в Хетампуре, штат Бенгалия, приехал к Шри Рамане в начале 1940-х гг.

Мой визит в Ашрам совпал с днём рождения Махарши. Он сидел снаружи холла. Непрерывный поток людей проходил перед ним пару часов. Я ждал, ждал и подошёл поближе, но не смог привлечь его внимания. Всё моё существо непреодолимо тянулось к нему. Я мечтал выложить ему свою проблему, но возможности не было.

На третий день я упросил одного из жителей Ашрама помочь мне довести своё дело до сведения Махарши. По его совету я написал на бумаге всё, что хотел сказать. Он взял листок и пошёл в холл, я – за ним, и положил листок перед Махарши, что-то сказав ему на тамили. Махарши прочитал и улыбнулся. Я сидел там. Когда он взглянул на меня, я был поражён, и тело содрогнулось от сильных эмоций, что вызвало смех Махарши. Он весело посмеялся, затем свернул записку и положил её на книжную полку, стоявшую рядом. Он не говорил со мной, и, казалось, не обращал больше на меня внимания. Это очень расстроило меня. Делать было больше нечего. Я должен возвращаться домой. После ужина я сидел в холле и почувствовал, как наполняюсь приятной прохладой. Это ли тот самый духовный аромат, о котором говорят, что он исходит от Махарши? (см. переживание Брантона, №1).

На следующий день, сидя перед Махарши, я почувствовал внезапный толчок в области сердца. Я удивился и захотел понаблюдать, но всё прошло. На пятый день пребывания в Ашраме я решил, что получил всё, чего заслуживаю, и ничего больше не приобрету, оставаясь дольше. Я написал о своём желании уехать домой и положил записку перед Махарши. Он прочитал и отложил её в сторону. Я воспринял это как отказ.

На следующее утро я пришёл, как обычно, на утренние молитвы. В холле что-то обсуждали. Поскольку говорили на тамильском языке, я не обратил внимания, пока не увидел, что некоторые поворачиваются в мою сторону и смеются. Расспросив, я узнал, что они обсуждали содержание моей записки Махарши. Хотя я и стал посмешищем, мне было приятно, что Махарши заметил меня. Я сидел в заднем ряду, и меня попросили подойти поближе к Махарши. Когда обсуждение закончилось, я услышал, как Махарши сказал: «Он сосредоточен на отражении и жалуется, что не видит оригинала». Это поразило меня. Что он подразумевает под отражением, и что такое оригинал? Я закрыл глаза и старался найти ответ. Немедленно я почувствовал толчок в области сердца. Ум совершенно остановился, но я был бдителен. Внезапно, без перерыва в сознании вспыхнуло «Я»! Это было само-осознавание, чистое и простое, прочное, непрерывное и очень яркое, настолько ярче, чем обычное сознание, насколько солнце ярче приглушённого света лампы. Мира не было, не было ни тела, ни ума – ни одной мысли, ни одного движения; время также перестало существовать. Существовало лишь Я, это Я – самоосознание, светящееся само по себе и единственное, без второго. Вдруг без перерыва я был возвращён в своё нормальное, обычное сознание.

Великое чудо произошло средь бела дня на глазах у столь многих людей, а они даже не узнали об этом. Никакие доводы величайших философов и учёных мира теперь не смогут меня убедить в невозможности переживания «Я» в чистом виде или чистого сознания без субъектно-объектных отношений. Я, никчемное существо, барахтающееся в грязи мирского существования, без всякой *садханы* получил это высочайшее переживание! – переживание, которое редко обретают даже великие йоги после самых суровых духовных практик, неукоснительно исполняемых веками. Таково чудо Его Милости – неизмеримой и

непостижимой Милости! Воистину сказано: «Не просят, а Ты даёшь и это Твоя нерушимая слава».

Придя в обычное сознание, я открыл глаза и посмотрел на Махарши, но он казался совершенно безразличным, как будто ничего не случилось. Он даже не взглянул на меня. Как смог он совершить такое чудо? Кто может постичь? Это переживание так поразило меня, что я даже забыл выразить сердечную благодарность Махарши. Я не смог тогда даже как следует оценить высшее переживание, вызвавшее во мне радостное настроение. Я почувствовал себя совершенно беззаботным.

Я оставался в Ашраме ещё несколько дней. Мысли о доме больше не беспокоили меня.

179. К.Р. Раджамани занимался в Мадрасе печатным делом, впервые посетил Шри Раману в начале 1940-х.

Мне было немногим больше двадцати, когда я впервые получил *даршан* Махарши. Я увидел его на диване. Чугунная жаровня с горящими углями излучала приятное тепло, и в холле витал приятный запах благовоний, регулярно подкидываемых в неё. На полу лицом к Махарши сидели около тридцати человек. Никто не разговаривал даже шёпотом. Меня поразило, что никто даже не выказывал намерения разговаривать. Некоторые медитировали с закрытыми глазами.

Тело Шри Раманы сияло, как полированное золото. Он был одет в обычную набедренную повязку и небольшое полотенце на груди. Иногда он, казалось, засыпал, и ему часто приходилось поддерживать голову. Он часто протягивал ладони к огню и растирал свои длинные пальцы. Несмотря на видимую сонливость, его взгляд не был вялым. Напротив, он был необычно ясен и бдителен. Он не смотрел ни на кого определённо. Я почувствовал себя в присутствии крайне любезного человека огромной естественной доброты, совершенно непринуждённого и без какой бы то ни было претенциозности.

Я увидел белокожего мальчика лет десяти, сидящего слева от меня. Рядом с ним сидел белый мужчина, вероятно, его отец. Дальше сидела белая женщина, я решил, что это мать мальчика. Затем я увидел, что взгляд Багавана на минуту задержался на мальчике. Я подумал, что это был случайный взгляд. Мальчик всё время смотрел на Багавана, как будто хотел задать вопрос. Но нет! Он расплакался. Слёзы хлынули из его глаз. Это не были слёзы боли, так как лицо светилось счастьем. Я заметил, что короткий взгляд Багавана открыл в сердце мальчика настоящий источник чистого счастья.

Я узнал, что мальчик прибыл с родителями, которые приехали на съезд Теософского общества в Адьяре, Мадрас. Родители мальчика устроили поездку в Тируваннамалай, но он категорически отказывался ехать. Однако переменил решение в последнюю минуту и всё-таки поехал. За один час, проведённый лицом к лицу с Багаваном его мысленные преграды сошли на нет. Он довольно долго лил слёзы, а потом сказал матери: «Я так счастлив. Не хочу уезжать от него. Я всегда хочу быть с ним!» Его мать очень расстроилась. Она умоляла Багавана: «Свами, пожалуйста, отпусти моего сына! Он наш единственный ребёнок. Мы будем несчастны без него». Багаван улыбнулся ей и сказал: «Отпустить? Я не держу его на привязи. Он – зрелая душа. Простой искорки хватило, чтобы разжечь его духовный костёр». Повернувшись к мальчику, Махарши сказал: «Иди со своими родителями. Я всегда буду с тобой». Он сказал это по-тамильски, но мальчик всё понял. Он поклонился Багавану и неохотно ушёл вместе с родителями.

Когда бы я ни вспоминал этот случай, возникает ощущение близости к чему-то поистине Божественному. Конечно, я получил свою долю милости Шри Багавана в течение последующих лет. У меня тоже было несколько ярких видений, которые я не смею недооценивать как творение лихорадочного воображения, поскольку они усилили мою веру в Багавана. Некоторые из них случились десятилетия спустя после *маханирваны* Шри Багавана. Они явились твёрдым доказательством его продолжающегося Присутствия и подтверждением его бессмертных слов: «Говорят, я ухожу! Куда я могу уйти? Я всегда здесь!»

180. Раджалакшми была внучкой Вену Аммал, младшей сестры выдающейся преданной Эчаммы (№60). Она живёт с сыном в Ченнае.

После смерти моей матери бабушка была совсем раздавлена горем и никак не могла смириться с потерей единственной дочери. Она пешком прошла всю дорогу из Тируваннамалая до Раманашрама в 11 ночи. Горько рыдая, она упала к ногам Багавана. *Сарвадхикари* Ашрама, младший брат Багавана, выразил протест против того, что она пала ниц по мирской причине. На это Багаван ответил вопросом: возражал ли бы он, если бы его сестра Аламелу сделала то же самое в подобных обстоятельствах. Багаван по-своему разделил её горе и утешил её.

Я впервые увидела Багавана в 1923г, когда мне было три года. Моя бабушка, служившая в Ашраме, приводила меня с собой каждое утро, а вечером мы возвращались домой. Однажды я играла в «повара» и предлагала маленькие камешки вместо варёного риса Багавану, и просила его скушать их. Багаван охотно клал камешки в рот и притворялся, будто ест. Когда бабушка запротестовала, Багаван сказал, что девочка предлагает ему камешки как еду, а он не хочет её разочаровывать.

Однажды сидя рядом с Багаваном в столовой, я попросила бабушку положить мне ещё какого-то блюда. Она отказала. Когда она собралась положить добавки этого же блюда Багавану, он отказался, сказав, что то, что применимо к ребёнку, применимо и к нему.

Багаван учил меня тамильскому языку, телугу и санскриту, начиная с алфавита. Он также учил меня арифметике. Первая *шлока* на санскрите, которой он меня научил, была из *Upadesa Saram*. Со временем я выучила все тридцать шлок и декламировала их перед Багаваном, которому это очень нравилось. Багаван подарил мне книгу *Ramana Vijayam* Суддананды Барати (№101), написав на ней моё имя. В книге рассказывается о том, как Багаван жил в Патала Линге. Заинтересовавшись, я посетила это место в храме Аруначалешвары, но не смогла войти внутрь из-за летучих мышей, летавших повсюду, и неприятного запаха. Я рассказала Багавану об этом и спросила, как он мог находиться в таком месте так долго. Он ответил, что не сознавал, как он там жил и узнал об этом от других. Это говорит о том, что он совершенно забыл о времени и пространстве, когда находился внутри Патала Линги.

В моей школе дети любили играть в *kolattam* (игра с использованием двух палочек). У меня не было палочек для игры. Бабушка не хотела тратить на палочки две пайса (1/32 рупии). Когда я сказала о своей проблеме Багавану, он попросил своего слугу Мадхава Свами принести ветку дерева, из которой сделал две прекрасные палочки *kolattam* и подарил их мне.

Кто-то сказал мне, чтобы я не обращалась к Багавану «Тата» (дедушка). Багаван сказал, что поскольку я с детства в Ашраме, нет ничего страшного в том, что я называю его дедушкой.

В 1950г, когда Багаван тяжело заболел, я была в Лакнау. Моя бабушка, работавшая в Ашраме, попросила позволения Багавана навестить меня и затем поехать в Каши. Багаван сказал ей, чтобы, когда она будет окунаться в Гангу в Каши, она провела эту церемонию и за него. Побыв со мной несколько дней, она поехала в Каши и когда вечером совершала омовение, думая о Рамане, кто-то сказал, чтобы она посмотрела вверх. Она увидела большую яркую звезду, оставляющую за собой свет по всему небу. Это случилось точно во время *маханирваны* Багавана.

181. М.А. Абдул Вахаб был одноклассником Шри Раманы в 4, 5 и 6-м классах школы в Мадурае. Шри Рамана очень любил этого мусульманского мальчика и называл его Саб Джан.

Венкатараман очень хорошо знал тамильский язык и был первым в классе. Он был особенно сведущ в афоризмах тамильской грамматики. Наш учитель тамили Джон Балакришна обожал его. Ему не очень хорошо давался английский. По другим предметам он был выше среднего. В общем, его не очень-то интересовали школьные учебники. Он любил игры, особенно футбол.

Даже школьником он был очень религиозен и в пылком религиозном экстазе обходил вокруг храма Субраманьи Свами. Он несколько раз брал меня с собой и заставлял обходить вокруг храма, говоря: «Божье творение одинаково. Бог один; внешние различия богов созданы людьми»[1] Благодаря этому универсальному мировоззрению, привитому мне им в те дни, я смог стать пылким преданным Шри Варадараджи Перумала из Канчипурама. 12 лет я принимал активное участие в *Garuda seva*, подставляя плечо, чтобы поднять божество Перумала во время шествия процессии по улицам Канчипурама.

Когда Венкатараман исчез, для меня было шоком, что он не сказал мне о побеге из дома. Я попал в списки полицейского участка. В 1903г. в одном из магазинов Уттарамерура я с удивлением увидел портрет Венкатарамана, но с совершенно изменившейся внешностью. Я захотел узнать, как продавец получил эту фотографию. Мне сказали, что это «Брамана Свами», который живёт в Тируваннамалае, и что Свами в *мауне*. Мне не терпелось увидеть старого друга, и я отправился к нему. Он был рад принять меня, хотя и не разговаривал. Он лишь кивнул головой с сияющим лицом. Я был очень взволнован, встретив своего одноклассника, ещё более ослепительного и прекрасного от святости.

Снова я поехал туда, когда был инспектором полиции в Тирупатуре. В этот раз я был очень опечален смертью своего отца. Шри Рамана показал мне могилу своей матери, и это меня утешило. Я понял, что смерть неизбежна, когда дело касается тела. После этого я ездил повидать его много раз, и всегда он уделял мне особое внимание и представлял меня всем, кто оказывался рядом. Он сажал меня рядом с собой во время трапезы в столовой, что было, как я потом узнал, совсем на него не похоже.

Из друга я превратился в преданного Багавана. Эта внутренняя перемена, вызванная им – величайшая награда, которой он меня одарил. Он проявил своё величие однажды через сон, в котором указал мне знаками на скорую смерть моей жены, и таинственным образом

[1] Дж. Джаяраман из Раманашрама отметил, что Шри Рамана задолго до того, как пережил «смерть» и сочинил строфы 4 и 5 *Arunachala Ashtakam*, имел идею *sarva dharma samabhava* (все религии в основе своей одинаковы)

утешил меня и подготовил к этому шокирующему событию. Оно действительно произошло очень скоро, и моя жена скончалась, как было предсказано. Но милостью Шри Махарши это не очень сильно повлияло на меня.

182. Дирубен Патель из Бомбея, популярная писательница на языке гуджарати, получила руководство Шри Раманы в 1940г. Посетив Ашрам в 2007г., она согласилась на видеосъёмку и рассказала о своих переживаниях.

Моя мать испытала потрясение от трагического несчастного случая в 1944г, когда мой брат утонул на её глазах. Джаганлал Йоги (№55) предложил ей посетить Ашрам. Увидев Багавана, она получила такое глубокое впечатление, что вернулась, чтобы привезти в Ашрам всю нашу семью. В то время мне было 18 лет (теперь 81).

Я не интересовалась ни Багаваном, ни его *даршаном*. Я не могла ослушаться мать и поклонилась ему, сложив ладони и закрыв глаза. Но когда подняла голову, Багаван смотрел на меня, и в эту секунду я была совершенно уничтожена его взглядом. Я больше не существовала, и наступило чувство облегчения и покоя. Я ощутила вокруг себя мягкий лунный свет без границ и препятствий. Как будто затерялась в небе света и покоя. Не знаю, сколько минут или секунд я была в этом состоянии; казалось, целую жизнь. Когда я вернулась в своё материальное существование, то не смогла принять того, что произошло.

Мы оставались ещё пять дней, и я много раз получала *даршан* Багавана, но то переживание больше не повторилось. Однако оно заставило меня глубоко задуматься: Что это было? И как мне быть в этом состоянии постоянно?

Однажды мы вместе с другими преданными наблюдали, как Багаван идёт прогуляться на гору после обеда. Вдруг мой двухлетний племянник побежал к Багавану и схватил его посох. Все замерли от ужаса. Ребёнка звали назад и просили не беспокоить Багавана. Он просто не слушался и продолжал во все глаза смотреть на Багавана. Но как только Багаван положил руку ему на голову, он отпустил посох и начал тихо плакать, слёзы текли по его лицу, а он стоял и смотрел на Багавана.

Я снова увидела Багавана в 1950г. На руке у него была повязка, а люди проходили мимо по одному, в молчании. Подойдя к нему, я не удержалась и сказала: «Багаван, позови меня снова». С бесконечным состраданием и огромной любовью он смотрел на меня и сказал: «*Sari, sari*»(Хорошо). Теперь я приехала 57 лет спустя и уверена, что это он позвал меня. Очень странно, но я не ощущаю отсутствия Багавана. Возможно потому, что все эти годы я всегда чувствовала, что он рядом. На каком-то уровне я общаюсь с ним и получаю его милость. Когда сталкиваешься с большой проблемой и не знаешь, куда идти и что делать, тогда Багаван действительно даёт ответ в глубине твоего сердца. Я могу быть где угодно, Багаван всегда со мной, и всё это благодаря первому чудесному мгновению, когда он взглянул на меня.

Моя мать обычно снимала коттедж возле Ашрама, жила там два – три месяца и регулярно медитировала. Она мало рассказывала о своих переживаниях. Однажды дома у неё случился паралич, и она не смогла разговаривать. Через месяц или около того её речь восстановилась, но она стала заикаться. Все горевали по этому поводу. Однажды вечером я прочитала ей одну или две строчки из *Upadesa Saram*. Мать продолжила декламацию и прочитала все тридцать строф без единой запинки. После этого она смогла читать другие произведения Багавана и медленно пришла в норму. Во время последней болезни она заставила меня пообещать, что Багаван будет с ней, когда она уйдёт, а я ответственна за

выполнение этой просьбы. Милостью Бога и благословением Багавана так случилось, что в её последние мгновения мы держали перед её глазами большую фотографию Багавана в рамке. Она спокойно посмотрела на неё, слегка отвернула лицо и скончалась.

183. К. Витоба Камат (1924-), последователь Ганди, агроном. Он живёт с сыном в Брамаваре, штат Карнатака.

Я читал о Махарши в статье М.С.Камата, а позже прочитал его книгу о Махарши, и во мне возникла непреодолимая тяга увидеть его. Посетив Ашрам в 1946г, я увидел Махарши в холле. Я понял, что он ни в коей мере не связан ничем вокруг и ни к чему не привязан. **Он излучал духовное величие через возвышенное безмолвие.**

Я обычно сидел в холле в последнем ряду. Однажды мне захотелось увидеть Господа Кришну. Я пристально смотрел на Багавана и увидел, что его обволокло тёмное облако, из которого возник Бог. Я не знал что делать. Я решил, что это галлюцинация и проекция моего ума и захотел попробовать ещё раз. На этот раз я подумал о Гандиджи. Раманы нигде не было, а на его месте был Гандиджи. В замешательстве я взглянул на Багавана. И вот! Ласково улыбаясь, он смотрел прямо на меня. Я был на седьмом небе.

Перед отъездом я набрался храбрости и сел рядом с Шри Раманой. В этот утренний час посетителей было мало. Я действительно почувствовал исходящие от него вибрации, и это взволновало меня. Поколебавшись, я спросил Багавана, как удерживать ум от метания. Он просто посмотрел на меня, но ничего не ответил. Я решил, что мне, неопытному выпускнику не пристало спрашивать его. Тем временем пришёл Девараджа Мудальяр (№35) и сел рядом со мной. Багаван, хотя и знал английский язык, редко давал ответы на этом языке. Он спросил меня через Мудальяра, кто задаёт этот вопрос: «Ты или твой ум?» Я ответил: «Мой ум». Багаван сказал: «Ум – это связка мыслей. Узнай, кто ты есть, и тогда эти колебания ума перестанут существовать».

В столовой мне повезло сидеть напротив Багавана. Махарши осматривал листы перед каждым и указывал подающим (в основном женщинам) восполнять нехватку. Он принимал небольшое количество пищи, тщательно разминая её пальцами.

Я хорошо помню, как будто это случилось сегодня, силуэт Багавана Шри Раманы, возвращающегося с прогулки на гору, излучающий духовную ауру, глаза его сияли как звёзды, источая блаженство. Десять лет спустя, эта возвышенная сцена всё так же свежа и так же воодушевляет.

184. Т.В. Капали Шастри (1886-1953), учёный от рождения, жил в Ченнае. Члены его семьи были известными знатоками санскрита. Он владел четырьмя языками – санскритом, телугу, тамили и английским. Он получил вдохновение от Шри Ауробиндо, Шри Раманы и Ганапати Муни, который был его гуру. По настоянию Муни он впервые посетил Шри Раману в 1911-12гг.

Что это была за встреча! Самый первый день значительно изменил моё существо. Никакое количество *тапаса* или *джапы* не дали бы того бесспорного знания духовного сознания и правильной оценки истины духовной жизни, которые дал мне Махарши.

Личная притягательность Махарши была непреодолима. Но я нашёл его учение слишком прямолинейным, *непосредственным*, кажущимся простым, без промежутка между началом и целью; в любом случае, неосуществимым для людей, поставленных в определённые условия, как я.

Когда Махарши жил на горе, он обычно брал некоторых из нас на *гири-прадакшину*. Это длилось с 9 вечера до 4 утра. Однажды, когда я пошёл с ним, он кивнул в сторону неба и сказал: «Смотри, это, наверное, сиддхи. Люди думают, что это звёзды, и проходят мимо». Мы шли дальше, и он заметил, что даже звёзды находятся под его ногами. Во время одного из таких обходов в мае 1922г нам сообщили, что инспектор Рамасвами Айяр (№94) внезапно заболел и умирает. Махарши пошёл туда, где лежал на Горе Рамасвами с сильным сердцебиением. Махарши присел рядом с ним, положив ему руку на голову. Не прошло и пяти минут, как Рамасвами встал, чувствуя себя вполне нормально.

В 1930г. я приехал в Ашрам вместе с Сундером (С.П. Пандитом). Махарши попросил меня взглянуть на тамильское произведение Лакшмана Шармы (№63), переведённое на санскрит. Перевод был очень несовершенен, я бился над ним несколько часов и смог закончить только пару строф. Мне не давало покоя, как же я смогу исправить ещё 38 строф за столь короткое время. Вечером, как только Махарши занял своё место, он попросил меня взяться за работу. Удивительно, но за два или три часа я закончил почти все стихи. Позже Сундер сказал, что восхитительно и воодушевшяюще было наблюдать, как Махарши все это время смотрел на меня пылающим взглядом. Он добавил, что лицо Махарши и голова казались необыкновенно большими.

Дойдя до последнего отрывка, я взглянул вверх, и Махарши радостно воскликнул: «Итак, работа закончена?» Я ответил: «Да, но последняя строфа не укладывается в размер». «Не укладывается в размер?», - спросил Мудрец и погрузился в тишину. Через мгновение, начавшись ниже пупка, откуда-то из основания позвоночника хлынула вверх мощная волна, и непроизвольно у меня криком вырвался стих. Он был точно в нужном размере!

Махарши тщательно следил за тем, чтобы посетители Ашрама были сыты. В день *джаянти* он не принимал пищи до тех пор, пока все до одного не были накормлены. Когда я спросил его об этом, он с чувством сказал, что когда мальчиком отправился в Тируваннамалай, ему пришлось голодать несколько дней. И он внимательно следит, чтобы никто не страдал от приступов голода так, как пришлось страдать ему.

Когда один посетитель заметил, что преданные описывают его как аватара Господа Сканды, Махарши сказал: «Кто я такой, чтобы возражать или соглашаться с тем, что говорят люди?»

Однажды один охотник собрался убить павлина на горе. Когда Махарши запретил ему это, тот отмахнулся и сказал: «Уйди, Свами, кто тебя спрашивает?» На следующий день с этим человеком произошёл несчастный случай, и пришлось отрезать ему ту самую руку. «Мне было жаль его», - сказал Махарши, «но что делать? Людям приходится проходить через подобные вещи, чтобы они поняли».

185. Атмакури Говиндачариулу, известный борец за свободу из Андра Прадеш, впервые посетил Ашрам в 1944-45г.

Однажды, размышляя над именем Рама, я услышал «Рамана, Рамана». Звучание было приятным. Не знаю, почему оно вызвало во мне такую огромную радость. День за днём желание увидеть его возрастало. Наконец, однажды утром я прибыл в Ашрам и вошёл в холл. Я сложил ладони, простёрся, встал и начал размышлять: «Как случилось, что эта голова, которая ни перед кем не склонялась, кроме Махатмы Ганди, совершила простирание?» Ум, поклоняющийся лишь Раме, здесь становится подчинённым! Это необъяснимо!

Я сел на пол возле ног Мудреца и начал пристально смотреть ему в лицо. Прошло пять минут. Вдруг он посмотрел на меня, и я не смог выдержать. Волосы встали дыбом, и незнакомая сила стала подниматься во мне. Я взмолился: «Ты один – моё прибежище!» Позже, когда меня представили Мудрецу, из глубин этого безмятежного изваяния человека возникла улыбка, казалось, говорившая: «Разве я его не знаю?» Эта улыбка вместе с этим ласковым взглядом глубоко взволновали меня, и я задрожал, как будто прошёл сквозь пылающий костёр. Я не мог смотреть на это лицо, сияющее как солнце.

Махарши – это океан покоя. Кто бы ни взглянул на это море или ни сидел рядом с ним хотя бы мгновение, не может не отведать высшего покоя, мышление останавливается, пусть даже ненадолго. Такова милость этого запредельного йога, такова его немотивированная деятельность. Кто бы ни собрался у его ног, непременно получит хотя бы каплю его бездонного океана спокойствия. Он обязательно одарит их трансцендентными зёрнами, уничтожающими эго и дающими урожай покоя. Он орошает поля их души эликсиром преданности, незаметно льющимся из его сердца.

Его почерк похож на нитку жемчуга. В его стихах выдающийся стиль и демонстрация Истины. Что есть невозможного для совершенного мастера, овладевшего сущностью всех наук? Он знает всё. Я преподнёс ему свою книгу *Говинда Рамаяна*.

Я провёл там три дня, и лишь два или три раза в день слышал, как он разговаривает. Он правит в молчании. На третий день я подошёл поближе к морю любви и, совершив простирание, сказал: «Я уезжаю, благослови меня». Он посмотрел на меня и согласно кивнул. Я стоял как вкопанный, прикованный силой этого взгляда. Я вышел из холла Мудреца с миром в душе. Я сказал себе: «Я счастлив».

186. Гирай Патти – первая женщина, которая регулярно давала еду Шри Рамане.

О Гирай Патти[1] Шри Рамана говорит: «Ещё когда я жил в Храме Аруначалешвары она жила на горе (в помещении храма Гухай Намашивая) и время от времени приходила ко мне. Когда я переехал в пещеру Вирупакша (1899), она стала приходить ко мне часто».

«Она выходила до рассвета, ходила по горе и приносила листья, пригодные в пищу. Она готовила из них вкусную еду, приносила мне горсточку и заставляла съесть. Она ни разу не пропустила. Иногда я помогал ей, приходя к ней домой и нарезая овощи. Она очень в меня верила. Она каждый день ходила в город, получала в разных домах в качестве подаяния рис, муку, дал и тому подобное. Иногда она готовила кашу из муки с далом и приносила с овощным карри и говорила: «*Сами, Сами*, вчера одна добрая женщина дала мне немного муки. Я сварила немного каши, *Сами*».

«Когда ей не удавалось найти овощей, она обычно сидела печальная. В таких случаях я влезал на тамариндовое дерево и собирал для неё нежные листочки. Таким образом, она каждый день давала мне еду. У неё была огромная преданность. Даже в возрасте восьмидесяти лет она ходила по горе».

«Однажды в полночь к ней в дом пробрался вор и пытался украсть её вещи. Она проснулась и закричала изо всех сил: «О, Аннамалай, Вор, Вор». Её крики было слышно в Скандашраме, где я жил. Я крикнул в ответ: «Я здесь. Иду. Кто там?» И быстро побежал вниз. Услышав меня, вор сбежал».

Многие верили, что она родилась позже как корова Лакшми.

[1] На тамили *Keerai* означает зелень, а *Patti* – бабушка.

187. Падма и её муж Венкатараман доверительные собственники Траста Т.М.П. Махадевана (№25), преданные Шри Раманы.

Мы с мужем приехали к Багавану в 1947г. Мы простёрлись и стояли рядом с ним. Я сказала: «Багаван, я хочу *atmasakshatkaram* (Самореализации)». Багаван взглянул на меня и с улыбкой сказал: «Appadiah? (Вот как?)» От того, как он это спросил, у меня перехватило дыхание. Это было так чарующе. Затем мой муж сказал: «Она хочет остаться здесь навсегда». Багаван ничего не сказал, но пристально смотрел на меня, изливая свою милость.

Я часами просиживала в холле заворожённая; такова была его сила. Во время медитации поднимались старые воспоминания и нарушали ход медитации. Я хотела найти выход, чтобы покончить со всеми *васанами*. Однажды мне представилась возможность изложить свою проблему Багавану. Он ответил: «Будь субъектом, а не объектом, тогда *васаны* больше не будут тебя беспокоить». Это предложение и его милость помогли.

Однажды в 4 часа утра я одна пошла *гири прадакшину*. Когда я просила разрешения Багавана на этот поход, он сказал, чтобы я была осторожна. Мне совсем не было страшно, пока я не дошла до Адианнамалая. Тогда мне вспомнилось, что сказал Багаван, и вдруг я почувствовала страх. В это время я увидела, что впереди кто-то идёт. Мне показалось, что это Аммани Аммал, одна из знакомых преданных. Я громко позвала её по имени, но возможно, она не услышала и продолжала идти. Когда мы дошли до Исанья Лингама, было уже светло и, к моему удивлению, женщины нигде не было видно. Даже сейчас, когда я думаю о милости Багавана, который отправил кого-то, когда мне было нужно, и убрал попутчицу, когда она была больше не нужна, просто слёзы наворачиваются на глаза.

188. Д.С. Шастри был служащим Имперского Банка Индии. Именно по его воле его сестра Сури Нагамма (№39) написала ему 273 письма о событиях в Ашраме в 1945-50гг. Это целый клад для каждого преданного Шри Раманы.

Я получил первый *даршан* в 1941г, когда меня перевели из Кочина в Ахмедабад. Будучи обеспокоен, я решил поехать в Тируваннамалай, чтобы получить некое утешение от мудреца. Несколькими годами раньше один друг просил меня поехать с ним в Ашрам, но я отказался, так как мой опыт с так называемыми святыми был неудачным.

Мне нечего было делать, и я зашёл в книжную лавку. Возвращаясь из туалета, Багаван остановился с кем-то поговорить. Слуга показал ему на меня; дрожь пробежала по всему моему телу. Как он отличался от свами и святых, которых я видел раньше! Это сияющее тело, этот светящийся взгляд, эта прекрасная улыбка, эта мягкая речь и прихрамывающая походка – всё застало меня врасплох.

Позже, войдя в холл, эго не позволило мне простереться перед ним. Вместо этого я просто сложил ладони в *namaskar* и сел, критически наблюдая за происходящим. Преобладающая спокойная атмосфера была заразной. Я сидел без движения и утонул в изумлении и восхищении тишиной и покоем. Главной была мысль: «Если люди могут быть так счастливы, имея минимум еды и одежды, почему не могу я? Зачем горевать о служебных неурядицах и домашних катастрофах?»

Вечером, когда я сел перед Багаваном во время чтения Вед на открытом воздухе рядом с холлом, и декламация Вед происходила в этом идиллическом окружении, мне показалось, что я нахожусь в совершенно ином мире. Лишь когда чтение закончилось, и преданные начали расходиться, я осознал, что нахожусь в этом земном мире.

После ужина, вернувшись с короткой прогулки, Багаван сел на лёгкий стул между холлом и колодцем. Один из немногих присутствующих преданных спросил его об одном эпизоде из *Йога Васишта*. Вместо того чтобы просто объяснить, он начал рассказывать всю историю. Его приятная манера говорить, простой язык, которым он пользовался, и величественность, с которой он рассказывал историю, захватили нас, и мы все стояли зачарованные. Когда всё закончилось, преданные сказали, что мне необычайно повезло, так как Багаван редко говорит так долго. Я был крайне счастлив и благодарен.

В ту ночь мы с женой полностью согласились, что достигли рая и нашли нашего настоящего гуру. Так началась наша любовь к Багавану и Ашраму.

189. Шанкарананда из Андры был офицером полиции.

В результате длительной практики мантра *джапы* он достиг *манолайи*, т.е. спокойствия ума. Он потерял интерес ко всему мирскому и не мог исполнять свои обязанности ни в офисе, ни дома. Он часто приезжал увидеть Багавана. Однажды он приехал к Багавану в отпуск на шесть месяцев. Он сидел в холле и вскоре переставал осознавать окружающее. Однажды, даже после того, как зазвонили к обеду, он остался недвижим. Багаван, слегка толкнув ногой, вернул его в сознание и отвёл в столовую.

Поскольку *манолайя* не ведёт к окончательной Истине, Багаван попросил некоторых старших преданных-ашрамитов водить его утром в храм, а вечером на озеро Самудрам и занимать его чем-нибудь весь день и говорить с ним о пути самоисследования, таким образом, удерживая от впадения в *лайю*. Много дней продолжался этот процесс принуждения его бодрствовать в течение дня. Через некоторое время милостью Багавана он стал нормальным. В конце отпуска он вернулся домой и стал вести обычную жизнь. И даже заслужил повышение по службе.[1]

190. Сешадри Шастригал учился в школе Вед ашрама и служил в столовой.

Однажды, подавая Багавану молочный напиток, я обнаружил, что он закончился. Багаван попросил меня: «Принеси мне, пожалуйста, ещё напитка». Это было очень не похоже на Багавана, так как он никогда не просил добавки. Я пошёл в кухню, принёс добавку и подал ему. Попробовав, он сказал: «Кажется, этот напиток другого вкуса, чем тот, который ты подавал раньше». Я не знал, что сказать, и пошёл на кухню спросить поваров. Они сказали, что тот напиток, который подавали последним, был приготовлен для слуг. Багаван спросил: «А почему не одно и то же для всех?» Со следующего дня всегда подавали всем один и тот же молочный напиток.

В дни нормирования продуктов всем вместо варёного риса подавали варёную пшеницу. Однажды вечером вместо пшеницы Багавану на лист положили рис. Когда Багаван спросил *сарвадхикари*, почему ему дали рис, а остальным пшеницу, тот сказал: «Пшеница не полезна для здоровья Багавана». Багаван парировал: «Ого! Ты что, врач? Подай мне то же, что подал остальным. Не делай различий».

[1] Именно Шанкарананда позднее отвёз *сарвадхикари* в Бирму, чтобы раздобыть тиковое дерево для храма Матрубутешвары.

191. М.С. Нагараджан стойкий преданный был из района Полур округа Тируваннамалая. Юношей он сопровождал своих родителей в Ашрам.

Его друг, племянник преданной Багавана Эчаммы (№60), рассказал ему о величии Багавана. В 1930г, когда ему было 15 лет, он пришёл в Ашрам, и ему было поручено проводить *пуджу*, помогать на кухне, в книжной лавке и т.д. Но он больше всего ценил привилегию резать овощи и молоть бобы на кухне вместе с Багаваном.

Через шесть месяцев Нагараджан уехал домой, но вскоре вернулся и оставался в Ашраме четыре года. Он записал: «В 1932г я отвечал за ежедневную *пуджу* в Материнском храме. Один преданный по имени П.В.Д. Рамасвами Айяр заказал особое подношение пищи в виде *сладкого понгала* (вид рисовой каши) и *вада* (небольшое колечко из гороха, жареное в масле). Мне нужно было многое успеть, а помочь было некому. Поэтому я встал очень рано, принял омовение, убрал старые цветы из храма, подмёл и вычистил пол и развёл два костра, один для *понгала*, другой для *вада*. Затем я сел размалывать горох, замоченный с ночи. Раньше я никогда не готовил *вада*. Я пытался слепить из теста круглую *вада* на листе, но у меня никак не получалось. Я пробовал снова и снова, но безуспешно. Меня охватила досада и раздражение. В следующее мгновение я заметил Багавана, стоящего позади меня и наблюдающего мои попытки сделать *вада*. Он спокойно сказал: «Ничего. Ты добавил слишком много воды, размалывая горох. Теперь сделай шарики из теста и пожарь их. Это будет *бонда*»

Когда бонда подали, Рамасвами Айяр сердито сказал мне: «Послушай. Разве я не просил тебя сделать *вада*?» Я побоялся что-то говорить и просто смотрел на Багавана. Он тут же повернулся к Айяру и сказал: «Какая разница? Когда шарики плоские, это вада, когда круглые, это бонда. Содержимое одно и вкус один. Лишь имя и форма отличаются. Ешь *прасад* и не волнуйся попусту». Все удивились точному ответу Багавана. Позже в этот же день я встретил Рамасвами, который заметил, как мне повезло, что я получил поддержку от самого Багавана».

Однажды от матери Нагараджана пришло письмо, в котором она сообщила, что ему нашли работу. Это письмо вместе с почтой ашрама попало в руки Багавану. Прочитав его, Багаван сказал: «Послушай, тебе нашли работу. Поезжай и прими её немедленно». При мысли о разлуке с Багаваном на глазах у него показались слёзы, но Багаван снова сказал: «Ты можешь поехать в среду и приступить к работе в четверг». С большой неохотой он покинул Ашрам и приезжал потом так часто, как только мог.

192. К. Раджагопалачари, бывший генерал-губернатор Индии, был известным лидером Конгресса Индии.

Я впервые посетил Ашрам в 1936г. Помимо индийских преданных Багавана в холле также сидели несколько иностранцев. Меня поразила высоко духовная атмосфера этого места, погружённого в глубокое безмолвие; Багаван, излучавший любовь и простоту.

Я принадлежу к школе Висиштадвайты (философии адвайты Рамануджи). Будучи поражён Багаваном, я спросил его, как согласовать это с учением адвайты. После паузы Багаван сказал: «Ты должен как-нибудь выработать свою карму, и тогда ты спасён». С тех пор я размышляю над этой *упадешей* и ощущаю пользу.

Moolasthanam (святая святых) в храмах – это места, где жили святые и имели видения Его. Ашрам – тоже такое место, и я убеждён, что аура сохраняется там и по сей день.

193. Т.С. Наряянасвами из Мадраса приехал к Шри Рамане за два месяца до *маханирваны*.

Рамана Махарши был видящим, одним из тех, которые рождаются на этой земле раз в тысячелетие. Мы с двоюродной сестрой поехали посмотреть на него из чистого любопытства; у нас не было стремления к духовному продвижению. Мы слышали, что Махарши страдает саркомой руки и переносит боль без каких-либо признаков страдания. По мнению врачей, лечивших его, любой другой человек громко кричал бы от боли, характерной для этой болезни.

Мы вошли в холл с чувством удивления и любопытства, желая взглянуть на этого выдающегося Божественного человека. Мы заняли место среди других. В семь утра появилась высокая хрупкая фигура Мудреца. Одетый лишь в набедренную повязку с неописуемо светящимся лицом, он сел на возвышение. Когда он занял своё место, в небо понеслись возгласы *Annamalaikku Harohara* (Да здравствует Господь Аруначала Шива).

Затем он провёл взглядом по каждому присутствующему. Рядом со мной сидел премьер министр Майсора К.С.Редди, выдающийся преданный Махарши. Всё собрание спокойно сидело в безмолвии около пятнадцати минут. Затем внезапно что-то внутри меня заставило меня встать с места, подойти туда, где был Махарши и простереться во второй и в третий раз, прежде чем я вернулся на своё место в заднем ряду аудитории. Я всё ещё помню, как Махарши дважды кивнул и направил любящий и ласковый взгляд на моё лицо, проникнутое благоговением и почитанием. Для меня он был Самим Дакшинамурти, говорящим со мной через Его благожелательный взгляд в полной тишине, тишине поистине красноречивой. Я чувствовал дрожь, экстаз и спокойствие великого умиротворения, наполнившего душу!

Мы уехали из Ашрама и с болью в сердце вернулись в Мадрас, где нас ждала будничная жизнь, полная забот и волнений. С тоской оглядываясь назад, наш визит в Ашрам и *даршан* Махарши оказался самым счастливым случаем и самым важным событием в нашей жизни.

194. Ума Деви польская леди (Ванда Диновска) перешла в индуизм, написала книгу *Учение Шри Раманы Махарши*, которая привлекла искателей из Польши к Шри Рамане. Она перевела *Гиту* на польский язык. Она открыла издательский дом и опубликовала многие индийские тексты на польском языке. Часто посещала Ашрам.

Она рассказала Махарши о своём видении Шивы и спросила его, как сделать видение постоянным. Шри Рамана сказал, что видение зависит от субъекта. Оно будет появляться и исчезать. Значение видения таково, каково значение «видящего». Видение не может быть вечным. Поэтому исследуй «Кто Я?» Войди глубоко вовнутрь, и пребывай в Атмане.

Когда она спросила, как сделать это как можно скорее, он ответил: «Здесь нет вопроса времени. Сдайся Ему и живи по Его воле, появляется ли он или исчезает, ожидай Его желания. Если ты просишь Его сделать так, как хочется тебе, это не сдача, а приказ. Ты не можешь заставлять Его подчиняться тебе и думать, что ты сдалась. Он знает, как лучше, когда и как это сделать. Предоставь Ему абсолютно всё. Бремя принадлежит Ему, тебе не о чем больше волноваться. Все твои заботы – Его заботы. Такова сдача. Это *бакти*».

Или исследуй, для кого возникают эти вопросы. Нырни глубоко в Сердце и оставайся Атманом. Один из этих двух путей открыт искателю.

Подумай о человеке, который видит лишь ткань, и не видит хлопка, из которого она сделана. Или о человеке, который видит в кинотеатре картинки, бегущие по экрану, но не видит экрана, по которому они бегут; или о человеке, который видит письма, которые он читает, но не бумагу, на которой они написаны. Объекты – это сознание и формы. Обычный человек видит объекты во вселенной, а не сознание в этих формах.

Невозможно увидеть Бога и остаться индивидуальностью. Видящий и экран соединяются в одно Бытие. Нет ни познающего, ни познания, ни познаваемого. Всё сливается в Единого Высочайшего Шиву.

195. Профессор Гурумурти приехал увидеть Шри Раману в его последние дни.

В день нашего прибытия мы увидели, как Шри Рамана с большим трудом прошёл несколько шагов по веранде. Его тело выглядело крайне ослабленным, бледным и хромым. Он едва мог удерживать равновесие, пока шёл. Но в тот момент, когда он опустился на своё место и приступил к публичному часовому *даршану*, с ним произошла чудесная перемена. Как будто он призвал дух явно присутствовать в теле. Его лицо светилось покоем. Это была удивительная победа над телом.

Пока преданные подходили к Махарши и склонялись с верой и горячей преданностью, ощущались мощные вибрации. С каждым поклоном к мудрецу направлялась волна преданности, а от него к преданным, находящимся рядом, шёл мощный поток милости. Происходило поистине чудо. Пожилое тело, согбенное суровыми испытаниями, изнурённое и ослабленное смертельной болезнью, а бессмертный дух освобождённого мудреца торжествует над слабостью тела, в своём великолепии изливает божественную милость на преданных. Мало кому из всего человечества повезло участвовать в подобном духовном пиршестве.

Когда я сидел на вечернем *даршане*, у меня возник вопрос. Что произойдёт с сотнями людей, когда они лишатся этого духовного насыщения? Так как мысленно адресовал вопрос Шри Рамане, я почувствовал сияние. Его физический силуэт передо мной постепенно сморщился, становился всё меньше и меньше и исчез в сиянии. Когда сияние усилилось и стало глубже, я получил ответ на свой вопрос. Даже когда физическое тело исчезнет, концентрация духовной силы, сосредоточенная вокруг него, продолжит своё воздействие. И пока человек может настроиться на эту форму и это сияние, он будет получать духовную поддержку.

196. Гауриаммал ребёнком посещала Шри Раману в пещере Вирупакша со своим отцом, искренним преданным. Она жила в своём доме на Рамана нагар напротив Ашрама.

Когда я спросила Багавана, что мне нужно делать, чтобы быть на духовном пути, он сказал: «Делай, что хочешь, но не прекращай; не оставайся бездеятельной. Повторяй имя или глубоко размышляй, или ищи источник своего осознания «я», выполняй *атма вичару*, но продолжай работать над собой. Это очень важно».

Один несведущий преданный, желая добра, настаивал, чтобы Багаван выпил стакан апельсинового сока, который он принёс. Багаван сказал: «Если вы даёте что-то мне, но не даёте это другим, это будет для меня как отрава». Когда преданный сказал, что в следующий раз апельсиновый сок дадут всем, Багаван сказал: «Какая польза теперь, когда я сказал вам? Вы должны были знать: они все – это я и то, что вы даёте им, вы даёте мне».

Однажды пятилетнего сына моей сестры укусила змея, и в отчаянии она принесла ребёнка к Багавану. Врачи потеряли надежду. Мальчик обильно потел и страдал от сильной боли. Тело ребёнка было уже твёрдым, взгляд остекленел, и он тяжело дышал. Мать безутешно рыдала. Когда Багаван увидел её, он сказал: «Не плачь. Ничего страшного». Он провёл рукой по ребёнку, и в течение нескольких минут мальчик очнулся и сел. Когда мать уходила, она встретила перед холлом преданного мусульманина. Он был заклинателем змей и лечил от змеиных укусов. Он сказал: «Сейчас ребёнок в безопасности, но яд всё ещё в его теле, и мне лучше прочитать заклинания, чтобы он вышел». Он сделал это, и позволил ей уйти. Багаван спас ребёнка, но захотел, чтобы это была заслуга заклинателя.

197. Кришнасвами был из Шрирангама, Тамил Наду. Он приехал к Шри Рамане в 1936г. и был его слугой до *маханирваны*.

Один хромой щенок всегда вилял хвостом, когда Багаван шёл на гору. Его кормили идлями. Однажды наевшись идлей, щенок пошёл и облегчился возле офиса *сарвадхикари*. Тот рассвирепел и приказал больше не давать щенку идлей. Когда Багаван спросил, почему щенка больше не кормят, я рассказал ему о причине. Он рассердился и сказал мне: «Ранее многие приходили, правили и уходили, однажды тебе тоже придётся уйти». Таким образом, кормление щенка было восстановлено. Эта же дворняжка часто приходила к Багавану с полным ртом отбросов. Багаван обычно вытирал ей пасть своим полотенцем и говорил: «Некая великая душа пришла в этом одеянии». Он никогда не давал мне это полотенце для стирки.

Багаван обычно со смехом говорил: «Человек проделывает *намаскарам* для Свами и ожидает, что все его молитвы сбудутся и надежды оправдаются. Кому нужны эти *намаскарам*? Ещё до того, как они простёрлись передо мной физически, я простираюсь перед ними мысленно».

Однажды он сказал мне: «Можно заставить Бога появиться с помощью алхимии. Но даже если этот Бог скажет тебе что-то, не верь. Если я появлюсь перед тобой, не верь. Важнее всего Видящий. Ты. Это важнее всего. Сосредоточься на Видящем, не на видимом. Все, что ты видишь, фальшиво, и лишь Видящий есть истина. Всё знание, собранное тобой, бесполезно, пока ты не придерживаешься Атмана. *Ты есть Истина*, а не то, что тебе говорят и не то, что ты видишь».

198. Тельма Рапполд, американка, приехала в Индию и путешествовала в поисках гуру. Она прибыла в Ашрам Шри Ауробиндо в Пондичери, где узнала о Шри Рамане и жила с ним в 1947-50гг.

По пути в Шри Раманашрам, когда я была в мечтательном настроении, мне явился Шри Рамана как некий сон. Когда я действительно увидела его, это было то же лицо, которое я увидела в мечтах. Я была по-настоящему шокирована. Когда я сидела в его присутствии, казалось, что моё маленькое эго ускользнуло. Я открыла душу и позволила этим прекрасным волнам войти в меня. Казалось, что так называемые проблемы просто исчезли. Я прошла через очистительный процесс.

Меня всегда удивляло, как Шри Рамана сидел абсолютно спокойно и неподвижно, но при этом его взгляд был таким проницательным. Когда у меня бывали вопросы, я их не озвучивала, потому что в этом не было необходимости; на вопросы почти немедленно приходили ответы. Это было наше средство общения. Это была связь между умами.

Когда я впервые встретила Шри Раману, он сказал мне: Ты такая, какая есть – прими это. Когда придёт время отбросить всё, сделай это легко. Шли годы, я старалась «быть открытой» насколько это возможно. Я признала, что мы все выбираем наше страдание, потому что не открываемся и не принимаем то, что приносит жизнь; мы не находим «кто» тот, который переживает страдание. Я никогда прежде в своей жизни по-настоящему не отпускала и не пыталась просто «быть». Когда мы умеем это делать, любовь просто льётся наружу.

В Ашраме я нашла свой истинный дом и учителя. Как будто прожила несколько жизней за те несколько лет, которые провела с ним. Человек, пришедший к нему в начале, не был тем же самым человеком, который уходил. Я поняла, как открывать силу, заключённую во мне.

199. Апа Б.Пант был Верховным Комиссаром Индии в Великобритании. Он посетил Шри Раману в 1937г вместе с Морисом Фридманом (№36).

Хорошо помню, как мы с Морисом достигли Шри Раманашрама. Был какой-то праздник, и холл Махарши был переполнен. Мы нашли место в углу и погрузились в тишину. Через минуту или две я почувствовал, что холл наполняет яркое сияние. Было так тихо, так спокойно. Впечатление было незабываемо.

Я только что вернулся из Англии после курса обучения философии и, хотя знал ответы на вечные вопросы, всё же хотел задать их Багавану. Однако каким-то образом в его присутствии мне не захотелось открывать рот.

Ночью, так как было жарко, мы спали под открытым небом. Вокруг было столько шума и возни. Всю ночь было невозможно уснуть. Утром я сказал об этом Морису. Он спросил: «Какой шум? Не было никакого шума; было тихо». Я был поражён! Я был уверен, что не сомкнул глаз, а вот Морис, говорящий, что шума совсем не было. Тогда меня осенило, что Багаван передал мне послание. Он сказал, не сказав ни слова, что ум создаёт шум и болтает и обсуждает иллюзии, и пока человек не выйдет за пределы этого беспорядка, невозможно жить в Истине или Освобождении. Он вспышкой передал мне послание: «Осознавание – это всё».

В тот же вечер Морис сказал Багавану, что я делаю *сурья намаскар* (тип физических упражнений). Багаван посмотрел прямо на меня и сказал: «Давай-ка я посмотрю, как ты это делаешь». Итак, перед всеми я исполнил все 12 *сурья намаскар* с дыханием и мантрами, как научил меня отец. Багаван с улыбкой сказал: «Да, это хорошее упражнение, которое нужно делать после того, как просидишь часами в медитации, и колени и другие суставы немного затекут». Я никогда не занимался медитацией. Но теперь (30 лет спустя) я знаю, что именно эти слова заставили меня делать *сурья намаскар* и привели к ежедневной медитации.

200. Вайкунтавасар заработал право быть слугой Шри Раманы в 1940г. Позже он стал членом Совета Доверительных Собственников Шри Раманашрама.

До того, как стать слугой, я говорил с Ним лишь однажды, вскоре после своего приезда. После этого мне не о чем больше было думать. Багаван был для меня Богом. Всё, что я делал для Него, я делал с заботой и преданностью. Я обычно посвящал много времени стирке двух предметов одежды Багавана (набедренной повязки и маленького полотенца), так как хотел, чтобы они были безупречно чистыми. Массаж Его ступней был ещё одной любимой обязанностью. Ревматизм Багавана дал мне возможность массажировать Его ноги.

По особым случаям, таким как *джаянти* (день рождения) Багаван спрашивал меня: «Ты покормил «мальчиков» (обезьян)?» Я брал много еды и раскладывал её на камнях. Закончив есть, обезьяны успокаивались и ложились, довольные, а Багаван говорил: «Смотрите, какие они стали хорошие и не шалят теперь».

Однажды под моей подушкой оказалась змея. Когда я сказал об этом Багавану, Он со смехом заметил: «О, всё хорошо. Что может послужить тебе лучшей постелью?» Таково было Его чувство юмора. (Вайкунтавасар – это одно из имён Вишну, который возлежит на змее Адишеше).

Однажды около девяти вечера Багаван пошёл в сторону Горы. Я пошёл с Ним. Багаван прошёл немного дальше вперёд, чтобы справить нужду. Тогда я услышал звуки деревянных сандалий, приближающихся и проходящих мимо. Но никого не было видно. Я оцепенел от ужаса. Я слышал от Багаван о *сиддхах,* которые живут на Аруначале. Я покрылся потом. Когда Багаван подошёл ко мне, Он взглянул на меня и сказал: «Ага, ты тоже это слышал».

201. Семья Сароджи Кришнан имела тесные связи с Ашрамом. Её дядя Раджагопал Айяр был одним из слуг Шри Раманы. Он засвидетельствовал завещание, сделанное Шри Раманой в 1938г. в пользу Шри Раманашрама.

В молодости я часто сидела в холле, с интересом наблюдая за происходящим вокруг. Однажы Багаван направил свой взгляд на меня; я была не в силах отвести глаза. Как описать неописуемое? Тёмные и большие, прохладные и яркие, тающие от доброты и милости, те божественные очи, казалось, заполняют всё помещение и всё пространство, поглощая меня. Оглядываясь назад, я понимаю, что это была его *narayana diksha* (посвящение взглядом).

Когда мне было пятнадцать или шестнадцать лет, я переживала душевные муки. Моего мужа не было в городе. В отчаянии я пыталась покончить с собой, но безуспешно. Мой дядя Раджагопал Айяр отвёл всю семью в Ашрам. Даже там мои мучения продолжились. Настало время нам возвращаться домой. Один за другим, все члены семьи простирались и прощались с Багаваном. Когда я простёрлась и подняла голову, мой взгляд упал на стопы Багавана на маленьком табурете перед диваном. Как будто движимые какой-то мощной силой, мои руки рванулись вперёд, и я схватила эти стопы на короткое мгновение. Где-то глубоко внутри как будто забил источник радости. Волна за волной счастье накатывало на меня, и я плавала в нём, забыв обо всём. Мысли о Багаване и нахлынувшее счастье заполнили все углы и закоулки моего существа. По возвращении домой, хотя прежняя ситуация и продолжалась, меня ничто не затрагивало. За всю жизнь я не испытывала ничего даже отдалённо напоминающего это.

Вернувшись с матерью в Тируваннамалай перед родами, я не прекращала ежедневной практики обхода вокруг холла Багавана 108 раз, неся тяжёлую ношу беременности. Медицинское обслуживание в Тируваннамалае было довольно низкого качества. Поэтому моя мать волновалась и решила посоветоваться с Багаваном. С этими мыслями она входила в холл, когда услышала, как Багаван громко и твёрдо говорит кому-то: «Нет, нет, не здесь». Услышав это, моя мать тут же решила отвезти меня в Веллор. Совет Багавана был получен, хотя ничего и не было сказано!

Третий день продолжались родовые схватки. На третью ночь врачи решили делать кесарево сечение, которое в допенициллиновые времена было довольно рискованным. Моя мать и другие родственники очень огорчились, услышав это, и отправили телеграмму с

просьбой о помощи в Ашрам. Багаван прочитал телеграмму в Тируваннамалае, а в Веллоре естественным способом родился мой сын Рамана Кумар. Врачи были поражены тем, что в такой сложной ситуации произошли нормальные роды даже без применения хирургических щипцов!

Однажды Багаван спускался с горы после утренней прогулки. Внезапно к его ногам упал голубь. Багаван наклонился, поднял его и стал осторожно гладить, проводя рукой по его спинке. Затем он оглянулся по сторонам, чтобы посмотреть, почему птица упала. Невдалеке робко стоял юный охотник с рогаткой в руке. Тихим голосом Багаван заметил: «Это еда бедного мальчика, но двух ан (одна восьмая рупии) ему хватит, чтобы купить что-нибудь и утолить голод». Эту сумму тут же заплатил мальчику мой дядя.

Голубь тихо лежал на руках у Багавана. Он не пошевелился, когда Багаван вернулся в холл. «Несколько капель сока зелёного винограда вылечили бы его». Пока Багаван говорил это, в холл вошёл преданный из отдалённого места и принёс несколько гроздьев зелёного винограда в качестве подношения Багавану. «Эй, смотрите, мы только что поговорили о зелёном винограде, и вот он!», - воскликнул Багаван. Тут же на голову голубя выдавили несколько виноградин. Через короткое время птица встрепенулась, подняла голову и посмотрела по сторонам. Сделав несколько пробных шагов, она расправила крылья и упорхнула. Кто тот ветеринар, который научил Багавана этому лечению? – думала я.

202. Шанти (псевдоним) посетил Шри Раману в 1943г.

Ранее я послал письмо *сарвадхикари*, который привёл меня в столовую, куда Шри Рамана пришёл на завтрак. Он представил меня Багавану, который приветствовал меня мягким любящим взглядом. Я простёрся, а когда встал, он подал мне знак сесть рядом, что я и сделал. С того момента когда взгляд Багавана упал на меня, моя душа устремилась к нему в порыве спонтанной любви и благоговения. **То, как он принимал пищу, то, как он сидел, как ходил, как разговаривал, было удивительно спокойно и так сильно отличалось от манеры обычных людей. Лишь теперь я понял значение вопроса, который Арджуна задал Господу в *Гите* относительно *sthitaprajna*.**

Около 9 вечера Багаван пришёл в холл для медитаций, и мы тоже вошли и сели лицом к нему. Впервые в жизни я понял, какой динамичной может быть *шанти*. Покой, казалось, исходил от Багавана и заполнял сердце каждого. В его присутствии ум становился спокойным и тихим сам по себе, сомнений и вопросов становилось всё меньше, и наконец, они исчезали. Я был очень счастлив. Я чувствовал себя *krita kritya* (тем, кто завершил) и моя душа мягко шептала слова «*dhyanyoham, dhyanyoham*».

У меня было желание посвятить Багавану строфу на санскрите, но недостаточное знание языка не позволяло мне сочинять стихи с какой-либо степенью уверенности. В душе я молился о его милости, чтобы это моё желание исполнилось. В этот день, когда я встал после обычной сиесты, мне в голову пришла строфа. Очевидно, без какого-либо осознанного мыслительного процесса в моём уме сформировалось стихотворение, готовое для записи. Моя молитва была услышана. С огромной радостью я записал её на листке бумаги, отнёс к Багавану и положил е его стопам. Он прочёл строфу дважды и попросил меня заменить слова Рамана Махарши словами Sona Sailam. Я изменил четвёртую строчку: «Я медитирую на *Sona Sailam* (Аруначалу)». Так Багаван открыл мне, что он – не что иное, как Аруначала или Дакшинамурти, который в великом безмолвии передавал ученикам тайны Самопознания. Я был поражён, и глаза наполнились слезами восторга и благодарности.

В соответствии с *Вивека Чудамани* лестница, ведущая к *дживанмукти*, начинается с *сатсанги*, общества мудрецов и святых. Наш Багаван – такая душа. Я думаю, мы слишком близки ко времени Багавана, чтобы увидеть его в правильной исторической перспективе. С течением времени его духовное величие достигнет размеров Гималаев.

ПРИЛОЖЕНИЕ – I

ГОРА АРУНАЧАЛА И ХРАМ АРУНАЧАЛЕШВАРЫ В ТИРУВАННАМАЛАЕ

Великая гора Аруначала, на которой Шри Рамана жил более двух десятилетий, находится в городе Тируваннамалае в штате Тамил Наду, Индия. Сам город назван в честь горы Аннамалай с приставкой Тиру-, которая на тамили соответствует приставке Шри.

Слово «Аннамалай» на тамильском языке означает «недосягаемая гора». «Аннал» - особое имя Господа Шивы, который явился в этом месте в форме огненного столба; ни его основания, ни вершины невозможно было достичь, поэтому недосягаемого. Таким образом, гору стали называть Аннал Малай (малай – гора по-тамильски). Постепенно название превратилось в Аннамалай. Поль Брантон (№1) в своём *Послании с Аруначалы* пишет, что его друг – геолог из Америки считает, что Аруначала образовалась в результате вулканических выбросов в очень древние времена, ещё до формирования угленосных пластов.

Гора, по окружности около 10 км., возвышается примерно на 3000 футов над уровнем моря. (см. фото №1)

Аруначала также известна как Арунагири. Шри Рамана объяснил, что *аруна* означает красный, яркий как пламя. Это пламя – огонь мудрости (*джнянагни*). *Ачала* или *гири* – это гора. Итак, это означает Гора Мудрости. Ади Шанкара объявил, что это легендарная Гора Меру.

Как говорится в очерке жизни Шри Раманы в начале книги, само слово Аруначала каким-то образом притягивало Шри Раману с детства. Именно в поисках Аруначалы он покинул свой дом. В записке, которую оставил, он утверждал, что уходит в поисках своего Отца. Для него Аруначала была не просто горой; она была видимым символом Абсолютного Духа. Его поэма, любимая его преданными, *Аруначала Акшараманамалай* означает «свадебная гирлянда писем Аруначале». Это прекрасный образец свадебного мистицизма. (*Madhura bhakti*). Здесь Шри Рамана использует интимный язык любви в беседе с Господом. Он тоскует, упрашивает, бранит и ссорится с возлюбленным Аруначалой. Шри Рамана сочинил поэму в 1913г., во время 13 километрового обхода вокруг горы. Этот ритуал, известный как *гири-прадакшина*, совершается с благоговением почитателями Шивы.

Шри Рамана однажды сказал: «Кто-то за границей хочет получить камень со священной части горы. Он не знает, что гора вся целиком священна. Гора – это Сам Господь Шива. Как мы отождествляем себя с телом, так Шива выбрал отождествить Себя с горой».

ХРАМ АРУНАЧАЛЕШВАРЫ

Как следует из названия, это храм Ишвары (Бога) Аруначалы, то есть, Господа Шивы. Это один из крупнейших храмов Южной Индии и ему более тысячи лет. Храм поистине великолепен. Его восточная башня (гопурам) поднимается на 217 футов. Огромный храм имеет множество святынь, *мандапамов*, *гопурамов* и ограждений.

Первый биограф Шри Раманы Б.В. Нарасимха Свами пишет, что, сойдя с поезда на железнодорожной станции Тируваннамалая, Шри Рамана пошёл прямо в этот великий храм. Когда он прошёл в святая святых храма, рядом не было ни души. Он обратился к Аруначалешваре (в форме *лингама*): «О Боже, послушный Твоему зову, я пришёл, покинув всё». Он стоял в экстазе некоторое время, а затем покинул святилище. Первые несколько месяцев в Тируваннамалае Шри Рамана провёл в глубокой медитации в разных местах этого храма.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КАРТИКАЙ ДИПАМ ИЛИ ПРАЗДНИК ДИПАМ.

Этот грандиозный фестиваль, выпадающий на ноябрь-декабрь каждого года, посещают сотни тысяч людей. Фестиваль продолжается более десяти дней. На десятый день фестиваля на вершине горы зажигают огромный Дипам (факел) из ги (топлёного масла). Огонь, который с великой торжественностью зажигают в 6 вечера, виден на расстоянии до 30 км. по всем направлениям. В ранней тамильской литературе для обозначения широкой известности использовалось выражение «как факел на вершине горы». Это говорит о том, что этот обычай известен с незапамятных времён.

Истоки этой традиции восходят к легенде Аруначалешвары. По легенде Божественная Мать Парвати пришла в Тируваннамалай и совершала *manac*, чтобы соединиться с Господом. Господу Шиве это понравилось, и, появившись в виде столба пылающего света, Он вобрал Её в Себя. Это слияние Шакти с Шивой представлено в форме Ардханаришвары (полуженщины-полумужчины).[1]Это событие произошло в день полнолуния тамильского месяца Картикай, который обычно длится с середины ноября до середины декабря. С тех пор стало обычаем каждый год в этот день зажигать огонь на вершине горы Аруначалы и поклоняться Господу.

По другой легенде огромный факел зажигается в память о том, как Бог Шива успокоил самолюбие Брамы и Вишну, появившись перед ними в виде огненного столба, который затвердел и стал горой Аруначалой. История в Шивапуранам гласит, что однажды Брама и Вишну поспорили о том, кто из них более велик. Внезапно они увидели бесконечный огненный столб. Они решили найти, где заканчивается этот столб, и договорились, что в споре победит тот, кто первым найдёт конец столба. Вишну начал рыть землю, чтобы найти нижний конец, а Брама полетел ввысь, чтобы обнаружить верхушку.

[1] В этом проявлении левая половина представляет Шакти в форме Парвати, а правая половина – Шиву. Образ Ардханаришвары даёт ошибочное представление, что он представляет существо, которое наполовину женщина, наполовину мужчина. На самом деле такого существа нет. Символический образ Ардханаришвары следует рассматривать как метафору, представляющую сущность, которая целиком является Шивой и целиком является Шакти одновременно. Шива и Шакти – две сущности лишь по значению. На самом деле они означают одну сущность – Шиву. Лишь когда Шива соединяется с Шакти, Он приобретает способность быть Господом Вселенной.

Прошло время, и, потерпев неудачу, оба вернулись на землю. В то время как Вишну признал поражение, Брама солгал, что достиг вершины и показал цветок, который он якобы сорвал с головы Шивы. Тогда явился Господь Шива и уличил Браму во лжи. Огромный столб огня, форма Шивы, со временем остыл и стал горой.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ИСТОРИЯ ИЗ ПЕРИЯ ПУРАН О ВЕЛИКОМ ПРЕДАННОМ ШИВЫ – КАННАППЕ НАЯНАРЕ.

Перияпураны – ***первая религиозная книга, прочитанная Шри Раманой. В книге рассказаны трогательные истории глубокой любви, крайнего самопожертвования и высочайшего единения с Господом из жизни шестидесяти трёх тамильских святых. По мере чтения, говорит Б.В. Нарасимха Свами, первый биограф Шри Раманы, «удивление, восхищение, трепет, благоговение, сострадание и желание подражать по очереди охватывали его душу, таким образом, мгновенно оказывая почтение благородным идеалам и идеям, очаровывавшим души и наполнявшим умы его соотечественников в течение столетий». Ниже кратко излагается знаменитая история Каннаппана Наянара из этой книги***.

Племя, к которому принадлежал Каннаппан, занималось охотой и жестоко обращалось с животными. В племени был вождь по имени Нага. Он женился на женщине из другого горного племени. Их огромное желание иметь ребёнка исполнилось через поклонение в храме Господа Мурги – сына Господа Шивы. Ребёнка было тяжело носить на руках и его в шутку называли «смелый» (Thinnan), и это, в конце концов, стало его именем.

Он был бесстрашным и сильным юношей и однажды, схватив голыми руками пасть тигра, остался невредимым. Он стал непревзойдённым стрелком из лука. С годами вождь племени ослаб, и Тиннан – преданный Шивы – стал следующим вождём. Он и его племя стали энергично охотиться. Однажды они столкнулись с ревущим медведем с острыми клыками. Тиннан решил преследовать его. Медведь ушёл далеко и скрылся у подножия горы. Тиннан подошёл к горе и обнаружил там храм Шивы, за которым присматривал местный брамин.

Тиннан захотел предложить Господу Шиве пищу и воду, но единственной водой, которая у него была, была его слюна, а едой – мясо животного. На следующий день брамин был шокирован, когда обнаружил мясо, разложенное на Лингаме, и стал проклинать того, кто совершил осквернение. Он очистил Лингам, ушёл, чтобы принять омовение, и вернулся. Он совершил поклонение Богу, как обычно, и пошёл домой. После того, как брамин ушёл, Тиннан совершил поклонение Господу по-своему.

Священник спрятался, чтобы обнаружить «преступника». Он увидел, как Тиннан совершает поклонение с большим благоговением и преданностью. Чтобы показать священнику глубину преданности Тиннана, Господь заставил кровь сочиться из глаза Лингама. Поскольку Тиннан не мог вынести вида таких страданий возлюбленного Господа, он вынул свой глаз и вставил его в изображение Шивы. Тогда кровь пошла из другого глаза изображения Господа. Потеряв глаз, Тиннан мог видеть только одним глазом, поэтому он поднял левую ногу, чтобы обозначить место для второго глаза на изображении, и собрался вынуть свой второй глаз, чтобы вставить его вместо кровоточащего глаза Господа. Вдруг он услышал голос Господа, повелевший ему остановиться. А затем явился Сам Господь, и

священник, и Тиннан пали к Его стопам. Господь благословил их и восстановил зрение Тиннана.

Тиннан стал известен как Каннаппан – тот, кто отдал глаза Богу, а все Найянары испокон веков выдающиеся *бакты* Шивы.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

КОРОВА ЛАКШМИ.

Корову, которую подарили Ашраму в 1926г., сам Шри Рамана назвал Лакшми. Она умерла в 1948г. Она девять раз телилась, четыре раза из них – в день рождения Шри Раманы. Во время одного из этих отёлов слуга Шри Раманы Кунжу Свами (№52) заметил: «Благоприятно, что корова принесла телёнка в день рождения Шри Раманы». Шри Рамана перебил его: «Исправь свою ошибку, Кунжу, это празднование моего дня рождения проходит в день, когда Лакшми принесла телёнка».

Шри Рамана регулярно посещал коровник. Лакшми также сильно привязалась к Махарши и сама приходила из коровника в холл, даже когда холл был полон преданных. Однажды корова зашла в холл, положила голову на плечо Махарши и заплакала. Он мягко гладил её по голове и говорил: «Кто обидел тебя? Не плачь. Я здесь чтобы оберегать тебя». Лакшми перестала плакать, несколько раз лизнула Махарши и ушла успокоенная.

Лакшми обычно приходила в холл из коровника через несколько минут после того, как у неё рождался телёнок, и тихо стояла перед Махарши, который говорил, обращаясь к ней: «Лакшми, ты пришла сказать, что у тебя новый ребёнок. Я приду в коровник посмотреть на твоего ребёнка».

Лакшми в течение многих лет была одним из любимых учеников Шри Раманы. Когда бы она ни приходила к Шри Рамане, он всегда обращал на неё внимание, гладил её и кормил бананами, рисовым печеньем и т.д. Видя, как по-свойски она относилась к Шри Рамане и внимание, которое он ей уделял, многие преданные думали, что между ними была некая особая связь в предыдущем рождении. Иначе трудно объяснить огромную заботу и нежность, которые Шри Рамана всегда проявлял в отношениях с нею (см. фото №5).

Многие из тех, кто давно жил в Ашраме, верили, что Лакшми была реинкарнацией старушки по имени Гирайпатти, знавшей Шри Раману с первых дней в Тируваннамалае и часто готовившей для него еду вплоть до своей смерти в 1921г.

Несомненно, Лакшми принесла Ашраму большую удачу и процветание, этот факт упоминал сам Шри Рамана.

В день, когда умирала Лакшми, Махарши сел возле неё, взял её голову и нежно гладил по шее. Милостивым взглядом он пристально смотрел на неё. Она мирно скончалась и была захоронена с церемониями на территории Ашрама. На её могиле находится постамент с её статуей (хотя и меньшего размера), которой преданные поклоняются по сей день. Эпитафия, написанная Махарши на тамили, подтверждает её *нирвану*. Когда один преданный спросил Махарши, использовано ли слово *vimukti* в эпитафии условно, или оно действительно означает *нирвана*, Махарши ответил, что оно означает *нирвана*.

Самадхи, расположенные рядом с самадхи коровы Лакшми, принадлежат соответственно: оленю Валли (см.№33), собаке Джекки (см. №106) и вороне (см. № 130).

ПРИЛОЖЕНИЕ V
ДАКШИНАМУРТИ
(Великий Безмолвный Гуру, воплощение Господа Шивы)

Говорят, что Бог Шива проявился как Дакшинамурти, чтобы дать наставление и просветление четырём аскетам. Такова традиционная версия этой истории. Он появился в виде юноши, сидящего под баньяновым деревом. Четверо аскетов достигли просветления в результате безмолвной передачи Дакшинамурти. В стихотворении из *Sri Dakshinamurti Stotra* Ади Шанкары говорится: «Посмотрите на это чудо под баньяновым деревом! Тогда как ученики – старцы, убелённые сединами, учитель – цветущий юноша. И хотя речь Мастера – просто молчание, все сомнения учеников разрешены».

Дакшинамурти означает «бог с лицом, обращённым на юг», и на внешней стороне южной стены шиваитских храмов Южной Индии можно увидеть эту форму Шивы. Преданные Шри Раманы верят, что Махарши был проявлением Дакшинамурти. Он поселился на южном склоне горы Аруначалы, отождествлял себя с Аруначала Шивой и всегда предпочитал учить в безмолвии.

Махарши рассказал Муруганару (№53) следующую историю о Дакшинамурти:

Когда четыре пожилых *риши* Санакади (Санака, Санандана, Санаткумара и Санатсуджата) впервые увидели юного Дакшинамурти, сидящего под баньяновым деревом, они внезапно почувствовали притяжение к нему и поняли, что он настоящий *садгуру*.

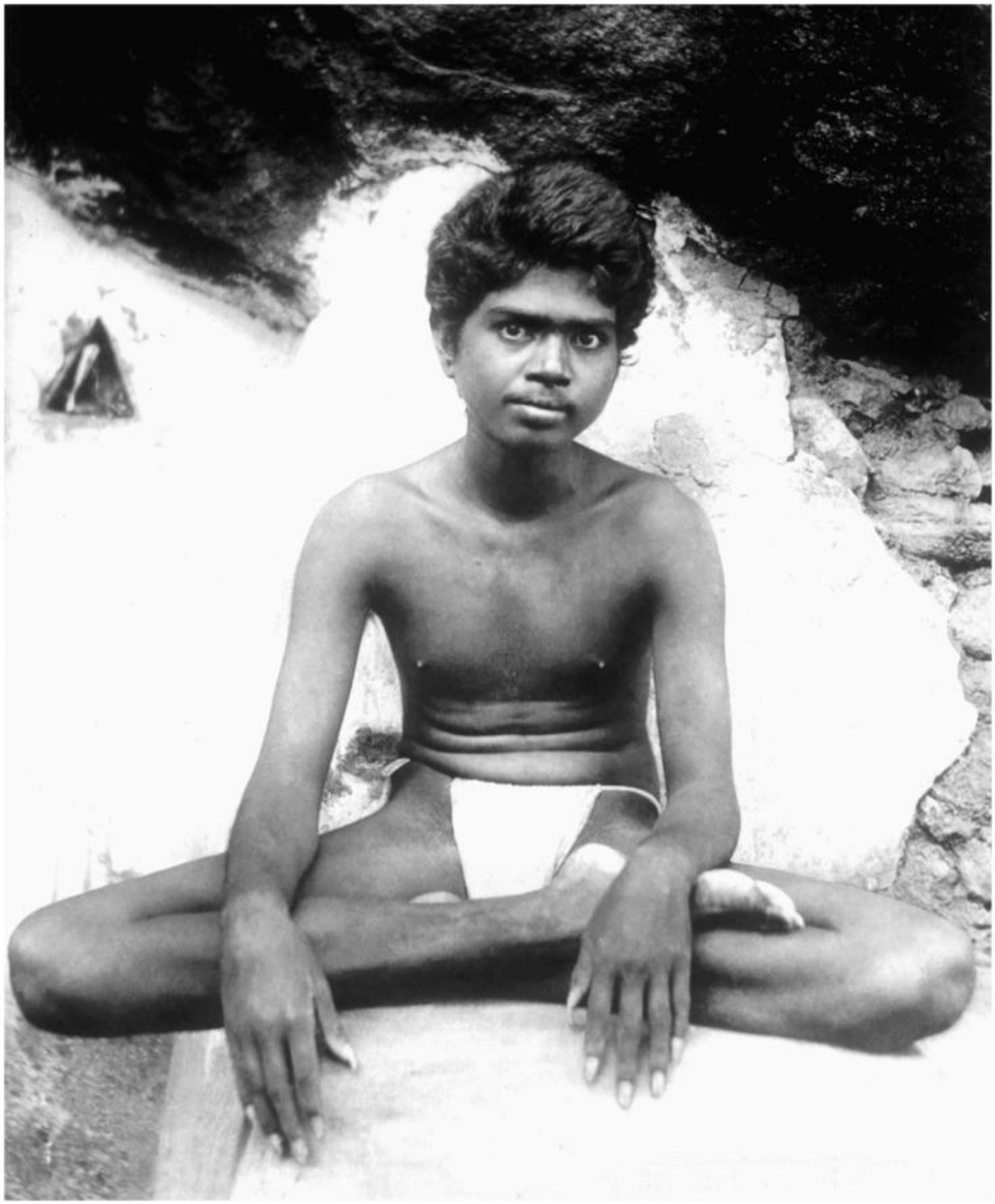
Они приблизились к нему, трижды обошли вокруг него, простёрлись перед ним, сели у его ног и стали задавать очень сложные вопросы о природе Реальности и способах её достижения. В силу безмерного сострадания и отеческой любви (*vatsalaya*), которые он испытывал к своим пожилым ученикам, молодой Дакшинамурти был счастлив видеть их искренность, мудрость и зрелость, и дал исчерпывающие ответы на каждый их вопрос.

С каждым его ответом новые сомнения возникали в их уме, и они задавали новые вопросы. Так они продолжали спрашивать Дакшинамурти целый год, а он с состраданием продолжал отвечать им, рассеивая их сомнения.

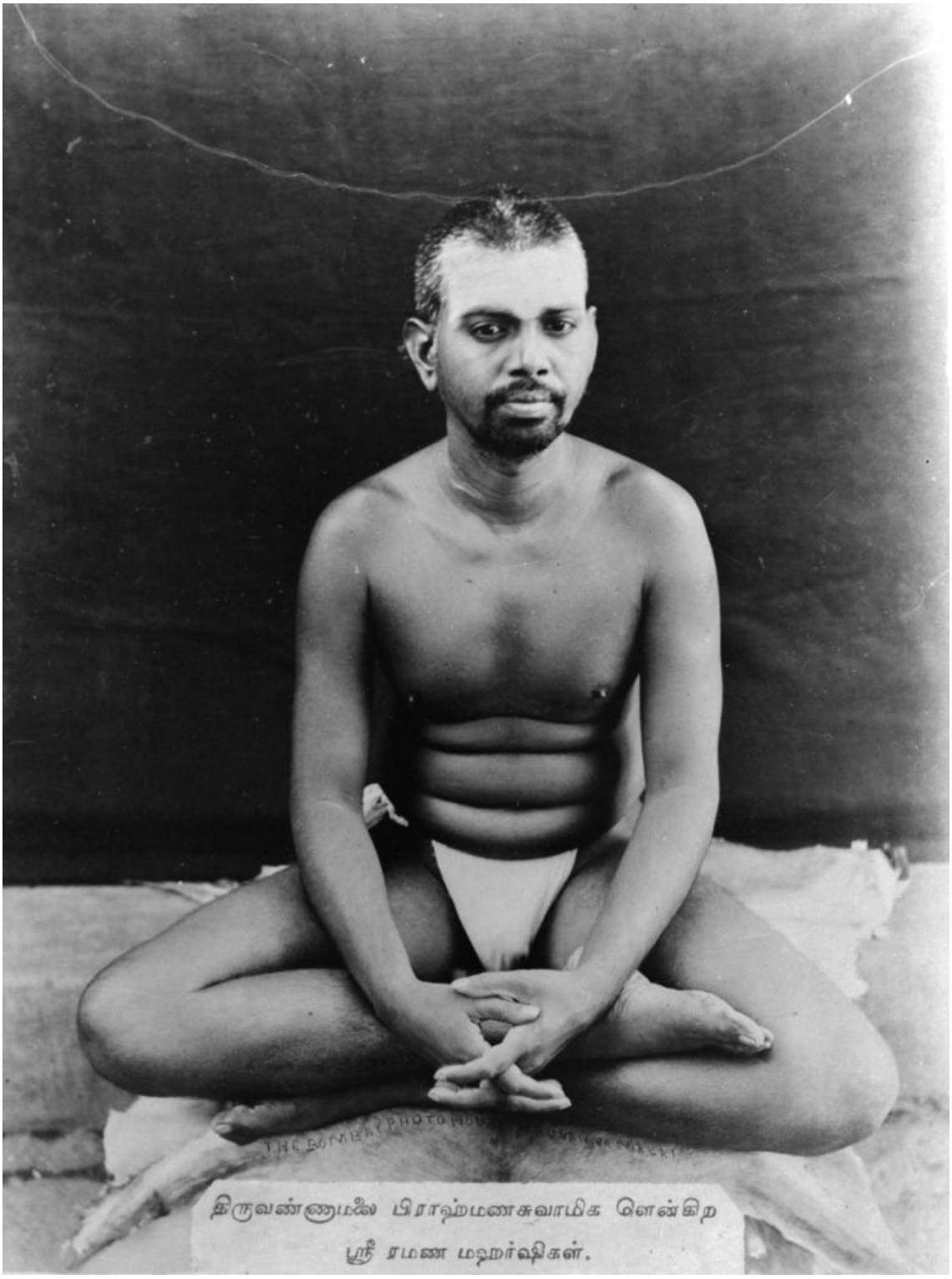
Наконец, Дакшинамурти понял, что если он будет продолжать отвечать на вопросы, в их умах будут продолжать появляться сомнения, и никогда не придёт конец их невежеству (*ajnana*). Поэтому, подавив чувства сострадания и отеческой любви, переполнявшие его, он погрузился в Высшее Безмолвие. В силу своей необычайной зрелости (которая окончательно оформилась за целый год общения с *садгуру*), как только Дакшинамурти замолчал, они тоже погрузились в Высшее Безмолвие, истинное состояние Атмана.

Когда Муруганар, выслушав эту историю, заметил, что ни в одной книге не упоминается о том, что Дакшинамурти когда-либо что-либо говорил, Шри Рамана лаконично ответил: «Но именно так в действительности и было». Из того, как авторитетно отреагировал Шри Рамана, Муруганар заключил, что Шри Рамана был не кто иной, как сам Дакшинамурти.

1. Гора Аруначала



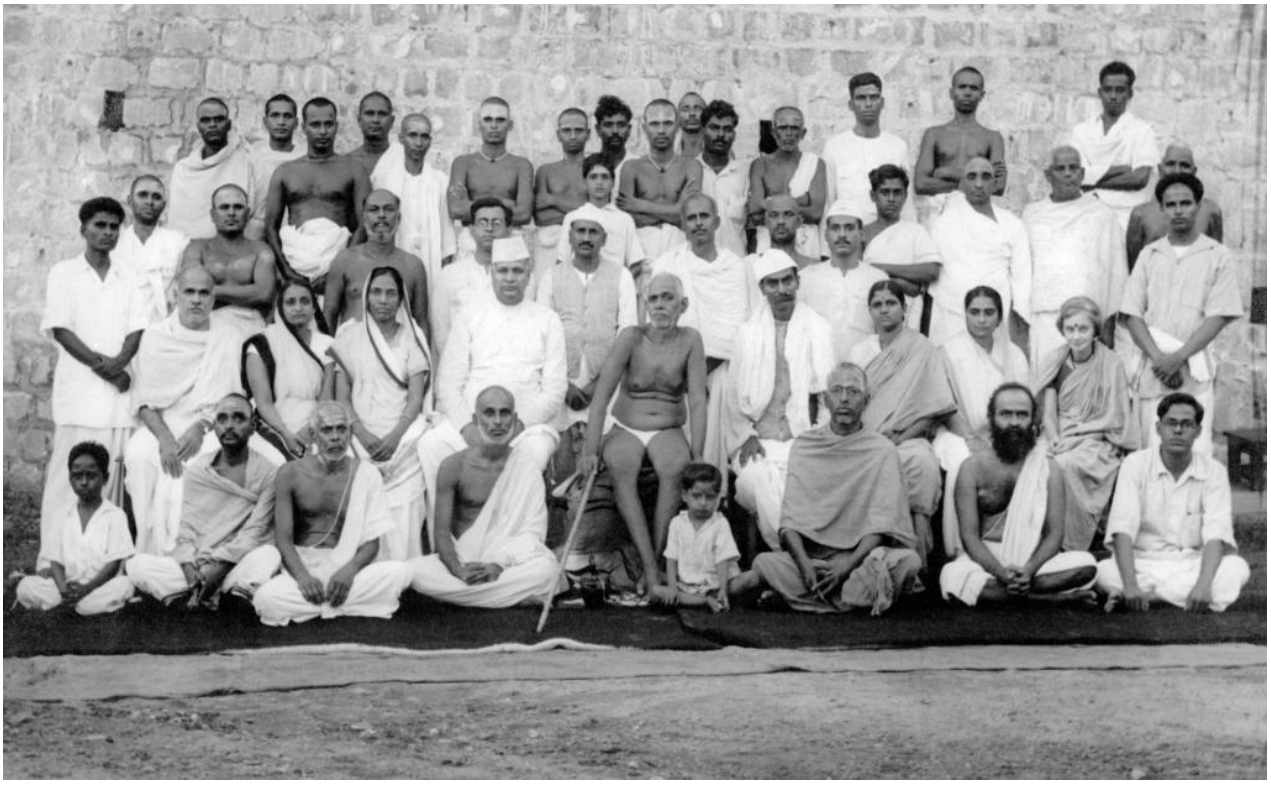
2. Шри Рамана. Первое известное фото – 1900 или 1901г.



3. Шри Рамана излучает покой и шакти.

4. Шри Рамана на диване в старом холле, где преданные более 20 лет наслаждались его присутствием. (фото 1947г.)

5. Шри Рамана проявляет любовь к корове Лакшми.



6. Раджендра Прасад, Джамана Лал Баджадж (с женой и дочерью) и преданные из Раманашрама с Шри Раманой Махарши (август 1938г.)

7. Шри Рамана Махарши на кушетке в Юбилейном холле. Этот навес был сооружён в 1946г. для празднования Золотого Юбилея прибытия Шри Раманы в Тируваннамалай в 1896г.